В.А.ЛИВЕНЦОВ

МОЕ ВРЕМЯ

Герой Социалистического Труда
Василий Андреевич ЛИВЕНЦОВ

Мое время

город Актобе
ОАО «Полиграфия»
1999

ОТ АВТОРА

Долго размышлял над проблемой — писать или воздержаться. Вдумываясь в прожитое убеждался в мысли, что позади большая, трудная и содержательная жизнь. Я человек своего времени. Пришлось пережить ряд сложных периодов в политическом и экономическом развитии страны и Казахстана. Отец мой погиб в начале первой мировой войны. Трудными были годы детства и студенчества. Затем агроном МТС, областного земельного отдела, переход в партийный аппарат.

Я очевидец и непосредственный участник многих значимых событий и дел. Трудился с полной отдачей сил. Мне посчастливилось работать под непосредственным руководством видных политических и государственных деятелей. С гордостью вспоминаю Л. И. Брежнева — нашего многолетнего Генсека ЦК КПСС. Особенно памятны дела целинные. Недолго, но плодотворно работал под началом П. К. Пономаренко. Прикипел к моему сердцу Д. А. Кунаев, возглавлявший долгие годы Центральный Комитет Компартии Казахстана. Период его деятельности наполнен большими сдвигами в расцвете экономики и культуры Республики. Приятно с ним работалось. Оперативно решались возникавшие проблемы. Прямо скажу — деловито, принципиально и честно. Работал и с другими известными политиками.Встречался с видными деятелями науки и культуры, литераторами. Особняком в моей памяти живут образы рядовых, богатых житейской мудростью и опытом тружеников. Очень ценил подвижнический труд чабанов, табунщиков, доярок, механизаторов. Они творили хлеб наш насущный. Часто встречался с ними, обсуждал житье - бытье. Они подпитывали меня мудрыми мыслями и пожеланиями.

В книге назвал много имен. Большинство из них знал не понаслышке, а лично. Словом, вспомнил тех, с которыми работал. Выразил свое видение их деятельности. Более подробно рассказал о борьбе за развитие сельского хозяйства и

переустройство сельского быта, подъем промышленности и капитального строительства, улучшение жизни людей. Освоение новых земель, развитие орошения, строительство новых предприятий на базе своих природных ресурсов является важнейшей составной моей жизни.

Старался показать в книге события и людей честно и объективно так, каким они были и есть в самом деле без реверансов на текущий момент.

Писал о главном, писал правдиво. О том, что глубоко запало мне в душу. Не претендую на строгую хронологичность событий, излишнюю их подробность. Важно, чтобы описанные факты и эпизоды не затерялись в потоке истории.

Я глубоко благодарен всем, кто помог мне в подготовке моей книги воспоминаний к публикации. Выражаю свою признательность М. П. Слинченко, Г. К. Ло́рии, И. М. Плотникову, М. К. Тажгулову, К. У. Мирмановой (сотруднице облархива) за помощь и советы.

Родословная. Детство и юность

Я родился, вырос в Казахстане, где и прошла вся моя трудовая деятельность.

Главные вехи жизненного пути: колхозник, студент, участковый агроном МТС, главный агроном области, заведующий сельхозотделом обкома, второй секретарь Талды-Курганского, Западно-Казахстанского, Акмолинского и Алматинского обкомов партии. Заведующий отделом ЦК КП Казахстана, председатель облисполкома, первый секретарь Чимкентского и Актюбинского областных комитетов партии. Коммунист, Почетный гражданин городов Актюбинска и Чимкента, удостоин звания «Почетный железнодорожник СССР». Депутат Верховного совета СССР пяти и Верховного Совета Казахской ССР четырех созывов. Членом и кандидатом в члены ЦК Компартии Казахстана избирался много раз. Всю свою жизнь посвятил процветанию родного Казахстана. Счастлив тем, что как Человек, как Гражданин, как Руководитель вырос и оформился среди славного казахского народа. Народа - трудолюбивого, доброжелательного, гостеприимного, интернационального. Великое душевное благодарение казахам за все доброе.

Мои предки по отцу происходят из крестьян. Прадедушка Петр и прабабушка Ефимия были крепостными в деревне Карчаковка Сумского уезда Харьковской губернии и принадлежали помещице Лопуховой. Все крестьяне Карчаковки принудительно работали на нее пять дней в неделю, и только суббота оставалась «для себя». Лопухова по своему усмотрению продавала крестьян, в обращении с крепостными была жестокой, устраивала порку розгами, всячески издевалась над подневольными людьми.

По выбору помещицы молодые мужчины рекрутировались в царскую армию, где они часто погибали или возвращались домой калеками. Срок службы доходил до 25 лет!

Помещица со священником каждую осень устраивала женитьбу своих молодых крепостных по «шапке». А делалось это так. По личному усмотрению госпожи староста села отбирал брачного возраста молодых парней и девушек. В присутствии местной знати, священника и жителей села их подводили к амбару. С женихов снимали шапки и бросали их в темное помещение. Затем девушки заходили в амбар, каждая брала шапку и надевала ее себе на голову. После этого их выводили на улицу и выстраивали в шеренгу лицом к церкви. Жених становился рядом с той девушкой, на чьей голове была одета его шапка. Далее пары во главе со священником шли в церковь, где совершался обряд венчания.

После этого молодых мужей отправляли домой, а их новоиспеченных жен помещица приглашала к себе на свадебный бал. Сюда же являлась местная знать, а также соседские помещики — мужчины, для исполнения права первой брачной ночи. Доведенные до отчаяния невыносимыми условиями жизни крепостные крестьяне тайно убегали от своей госпожи.

Мой прадедушка Петр Ливенцов в 1858 году тоже «дал деру» из Карчаковки и после долгих скитаний обосновался в казачьей станице Воровсколесской на Кубани, расположенной между черкесскими аулами. Здесь нередко укрывались беглецы от крепостной неволи, ссыльные и другие преследуемые властью.

В 1861 году, после отмены крепостного права, в эту станицу перебралась и прабабушка Ефимия с семьей. У них было четыре сына: Федор, Кузьма, Яков, Иван и дочь Наталья.

Прадед долгие годы проживал в казачьей станице на положении «иногороднего», не имея земельного надела. Землю он арендовал у зажиточных казаков. Сыновья прадеда выросли, завели семьи. Старший их них Федор Петрович (мой родной дедушка) женился на дочери казака Дроботова Харитине Михайловне (моя любимая бабушка). У них родились два сына: Василий и Андрей — мой отец (р. в 1894 году) и дочь Агриппина.

Все мои предки занимались сельским хозяйством на арендованных землях, собственных наделов у них не было. И только в 1906 году они купили в станице Невиномыской через крестьянский земельный банк 70 десятин — с рассрочкой ссуды на 55 лет. Но крестьянское счастье оказалось недолгим. Из-за большой задолженности бывшего хозяина этих земель, который проиграл их в карты, суд аннулировал купчую и участок продали с аукциона.

Мои деды Федор и Кузьма отправились на поиски лучшей доли в Туркестанский край, где получили земельные наделы и осели: Кузьма Петрович с семьей в селе Черноводском, Федор Петрович — в селе Белые Воды Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. Новое место нашим новоселам понравилось. Селения утопали в зелени фруктовых садов, по арыкам круглые сутки струилась чистая горная вода. А свои усадьбы (каждая по десятине) они обустраивали и засаживали сами.[1]

Местные жители радушно приняли моих родственников, наделили их пашней и сенокосами. Так сбылась мечта родителей иметь свою землю, крестьянствовать в благодатном краю с теплым и мягким климатом.

Хорошо помню наше подворье в Белых Водах. Размеры его с прибавкой составляли более десятины. Поливная вода постоянно текла в село по арыкам из горной реки Аксу. На отведенном наделе возвели дом с камышовой крышей, хозяйственные постройки: коровник, конюшню, курятник, свинарник, сарай для дров и сельхозинвентаря, подвал и кладовку. На подворье размещались огород, фруктовый сад, виноградник. В хозяйстве имелись лошадь, корова, свиньи, много кур и индюков. Семья жила в достатке, полностью обеспечивала себя всем необходимым.

---

1. Десятина — русская мера земельной площади, равная 2400 кв. сажень или 1,09 гектара, применявшаяся до метрической меры.

Все села в округе Чимкента уже тогда были многонациональными. Узбекское население занималось в основном земледелием и торговлей, казахи — животноводством и частично земледелием. Основным занятием украинцев и русских были выращивание зерновых, садоводство, виноградарство, разведение домашнего скота. Люди уважительно относились друг к другу. Каких-либо межнациональных трений не возникало.

В каждом селе имелись школы, церкви, фельдшерские пункты. Население между собой общалось на том языке, каким владело большинство местных жителей. А в Белых Водах, в частности, главным образом говорили на украинском.

Мой прадед по линии матери Семен Петрович Щербина и прабабушка Варвара жили на Украине в Луганской области. Они имели свой земельный надел, занимались сельским хозяйством. В 1887 году их семья решила переехать в Туркестанский край. Продав свой земельный надел, прадед купил лошадей, подводу (в то время железной дороги не было) и с женой Варей и сыновьями Тимофеем и Андреем «своим ходом» отправились в Среднюю Азию. В течение двух лет они кочевали по территории нынешнего Казахстана и в конце концов добрались до нынешнего Сайрамского района Чимкентской области, где и обосновались в селе Богословка. Вскоре, примерно в 1891 году, Тимофей Семенович, мой дедушка, получил земельный надел и начал строить свой дом в поселке названном Белые Воды, так как находился на берегу реки Аксу. Здесь он женился на Петрашовой Матрене Никитичне. Они создали большую и дружную семью, крепкое хозяйство. В нем имелись рабочие волы, лошади, две коровы, птица, сельхозинвентарь, ткацкий станок и др. В семье родились и выросли семь сыновей и две дочери. Одна из них, Елизавета, родившаяся в 1894 году, впоследствии стала моей матерью. Семья была трезвой, крепкой, трудолюбивой. Сеяли зерновые, лен, коноплю, имели огород, сад, бахчи. Из семян конопли, льна

и подсолнечника вырабатывали растительное масло — олию. Бабушка со своими дочерьми на самодельном станке ткала полотно.

Из шкур забиваемого скота выделывали кожу для изготовления обуви и сбруи. Семья полностью обеспечивала себя хлебом, овощами, фруктами, виноградом, мясом и другими продуктами. Лишь сатин, трикотаж, сукно, сахар, керосин, деготь и соль покупались на стороне. Излишки сельхозпродукции продавались на рынке в Чимкенте и сбывались заготовительным организациям.

Моя мама Елизавета Тимофеевна вышла замуж в 1912 году за Андрея Федоровича Ливенцова. Жили они в селе Белые Воды у дедушки Федора. В доме дедушки также обитал со своей семьей мой дядя В. Ф. Ливенцов. Дедушка вел хозяйство образцово. Он построил четырехкомнатный дом, в котором жили все три семьи Ливенцовых. Имелись надворные постройки, огород, плодовый сад с виноградником. Разумное ведение хозяйства позволяло полностью обеспечивать себя продуктами питания, а излишки продавать. В доме, что являлось редкостью по тем временам, имелись книги, журналы по плодоводству и виноградарству; часто обсуждались вопросы общественной и хозяйственной жизни.

Душой семьи была бабушка ХаритинаМихайловна — человек доброжелательный и заботливый. Она поддерживала в доме обстановку взаимного уважения, трудолюбия и высокой ответственности за честь семьи и фамилии. Бабушка больше всех любила меня, проявляя ко мне нежные чувства и внимание. Прошли десятилетия, а я и сейчас помню, испытываю бескорыстную ее доброту.

И вдруг размеренная благодатная жизнь нарушилась. В августе 1914 года грянула первая мировая война. Правительство объявило мобилизацию в армию. Вскоре моего отца Андрея Федоровича Ливенцова призвали в армию и зачислили солдатом во 2-й Ташкентский стрелковый полк. Не опомнившись толком

от горечи разлуки, как зимой 1915 года семью постигло страшное горе. В официальном сообщении семья уведомлялась о том, что в штыковом бою папа получил тяжелое ранение и вскоре скончался. Похоронен он в братской могиле на территории Польши около села Зеленбоки, в районе города Перемышля. Получалось так, что я не успел испытать на себе отцовского влияния. Отчим же оказался грубым человеком. За все последующие годы детства и юношества я не слышал от него просто ласкового слова. «Вознаграждал» он меня только пьяными матерными окриками. Поэтому я больше жил и воспитывался в семье дедушки Федора Ливенцова.

Мой дядя Василий Федорович, родной брат отца, в 1914 году также был призван в армию и служил в крепости Кушка. В армии после окончания курсов исполнял обязанности армейского фельдшера. Другой дядя Василий Кузьмич, как единственный сын в семье, пользовался льготой и числился ополченцем. Его призвали в армию в 1915 году. Служил он солдатом в Оренбурге в 104 пехотном запасном полку. Там же в 1916 году окончил полковую учебную команду, стал унтер-офицером и командовал взводом.

В мае 1917 года Василий Кузьмич в составе ударного батальона был отправлен на фронт, где российские солдаты побратались с немецкими. В наказание по приказу Главковерха батальон отправили в Финляндию. Здесь и застала его Октябрьская социалистическая революция. Весь личный состав батальона поддержал Советскую власть.

Когда встал вопрос о ликвидации ударных подразделений, организованных главой Временного правительства Керенским, то общее собрание батальона избрало Василия Кузьмича председателем солдатского комитета. Его направили в Совет народных комиссаров к Ленину с просьбой не расформировывать батальон. Дядя получил от Ленина поддержку и совет встать на сторону Советской власти.

В 1918 году после расформирования батальона он вернулся к

семье в село Черноводск. Вскоре на уездном съезде Советов его избрали комиссаром земледелия Чимкентского уезда и за одно возложили на него обязанности командира Красногвардейской боевой дружины, которая защищала Чимкент от белогвардейцев.

Примерно в начале 1921 года умер мой дедушка Ф. П. Ливенцов. После его смерти мы с бабушкой жили у дяди Василия Федоровича. Он имел хорошее крестьянское хозяйство, фруктовый сад, занимался фельдшерской практикой, лечил односельчан. Активно участвовал в общественной жизни, помогал сельскому Совету. В этой трудовой семье формировались мои социальные способности, моральные принципы, черты характера. В церковь не ходил, не молился, что очень возмущало дедушку по материнской линии Щербину. За непослушание он часто меня наказывал, ставил коленями на соль. Я убегал из их дома и подолгу у них не бывал.

Участие дяди в общественной жизни села не всем нравилось. Ему угрожали, на него писали «телеги», требовали покинуть Белые Воды. В 1924 году Василий Федорович со своей семьей выехал на родину жены в Бузулук Оренбургской области. Дядя настаивал на том, чтобы взять меня с собой. Но мама не согласилась. Мне к этому времени исполнилось 9 лет. До сих пор помню, как плакала и рыдала, расставаясь со мной моя бабушка Харитина Михайловна.

Через 10 лет они вернулись обратно в Среднюю Азию. Поселились и долгое время жили в городе Термезе. Дядя работал фельдшером, а его супруга медицинской сестрой на пристани. Затем переехали и трудились на пристани Учсай на Аральском море. Выйдя на пенсию, они перебрались в Ташкент. В эти годы наша постоянная связь нарушилась. Впоследствии, будучи студентом Алма-Атинского сельхозинститута, разыскал его адрес и написал ему письмо, в котором рассказал о нашей скудной студенческой жизни. А вскоре получил от него посылку: новые ботинки и брюки. Радость моя была

беспредельной, этот подарок запомнился на всю жизнь.

Значительно позже, когда я уже работал председателем Джамбулского облисполкома, мы свиделись с дядей Васей. В 1961 году, находясь в служебной командировке в Ташкенте, через адресный стол я отыскал его, и впервые за 38 лет встретился с ним, уже тяжело больным. Его первые слова: «...а я думав, що умру и нэ побачу тэбэ». Здесь же в Ташкенте жил в это время и мой второй дядя Василий Кузьмич. Судьбе было угодно свести нас, единственный раз в нашей жизни, трех Василиев Ливенцовых. Встреча с дядями была сердечной и незабываемой. К сожалению, она стала последней для нас с Василием Федоровичем, моим родным дядей. В апреле 1962 года он скончался. Я проводил его в последний путь. Похоронили его в Ташкенте.

В семье у отчима я жил мало, но мама всячески старалась держать меня около себя. Она была строгой, требовательной, часто меня «пробирала» как следует, старалась привить мне трудолюбие, заставляла выполнять многие домашние дела, работать в саду, чистить арыки, ухаживать за птицей, научила печь блины и оладьи.

В 1922 году мама повела меня в первый класс. Нас радушно встретила Елена Степановна — моя первая учительница. Учился я в школе старательно.

В 1923 году, после отъезда дяди Василия Федоровича, дом Ливенцовых с усадьбой по наследству перешел мне. Сюда переехали и мама с отчимом. Перемена места жительства изменила условия и уклад жизни в семье. Меня заставляли регулярно ходить в церковь, часто отвлекали от занятий в школе. Во время богослужения мальчиков всегда ставили в первый ряд и за нами строго следил кто-то из взрослых. Малейшая шалость,немедля каралась щелчком по затылку. Особой торжественностью и многолюдием отличались главные церковные праздники — Пасха, Рождество, Новый год, Крещение. В эти дни мы ходили по домам рождествовать,

колядовать, носили кутью и получали всяческие подарки. Очень нарядно и весело праздновались венчания и сельские свадьбы. Эмоционально отмечались престольные праздники, которые длились по несколько дней.

Зимой 1924 года, когда я учился в третьем классе, нам объявили, что тот, чьи родители не привезли дрова для отопления школы, не имеет права посещать занятия. Мой отчим не захотел привозить дрова и по этой причине у меня пропал целый учебный год. Случай, конечно, досадный. До сих пор не могу ему простить подобного скряжества. Ведь не так уж велика проблема. Можно было спилить в саду один тополь, тем более что их росло на усадьбе не один десяток.

В те годы село не имело радиовещания, и известие о болезни Ленина донесла народная молва. Большинство людей с надеждой ждали его выздоровления. Но 21 января 1924 года на железнодорожной станции Манкент раздались тревожные гудки. Собралась огромная толпа народа. Многие молча, а другие в каком-то оцепенении с плачем восприняли весть о смерти Ильича. Состоялся траурный митинг. Большинство людей переживали кончину Ленина, как великое горе. Мы, 10-12-летние ребята, тоже бегали на станцию. У меня до сих пор на слуху траурные гудки паровозов.

В 1925 году мне пришлось повторно учиться в 3 классе. В нашем селе имелась только начальная школа, в 1926 году, когда мы закончили четвертый класс, нам предложили в следующем году опять учиться в четвертом, пообещав с 1928 года организовать семилетку и продолжить учебу в ней.

В детстве я обладал хорошим здоровьем. Сочетал учебу с активным участием в общественной жизни, в проведении школьных собраний. Первое в моей жизни публичное выступление посвящалось Парижской Коммуне. До сих пор помню место, где я стоял в момент доклада, как волновался и переживал! В 6 и 7 классах избирался председателем учкома школы, помогал учителям в проведении вечеров отдыха

учащихся, субботников, спортивных соревнований.

К сожалению, в учебное время мне приходилось пропускать много уроков. В связи с участием в сельхозработах. Весной и летом обычно целыми днями не слезал с лошади, помогал пахать, боронить пашню, молотить хлеб.

А когда учился в 5 и 6 классах, то по настоянию отчима бывал в кузнице — отчим потомственный кузнец. Правда, молотобоец из меня еще не получался, не дорос до этой роли, хотя с кузнечным мехом управлялся неплохо. Ему вообще не нравилась моя учеба в 6 и 7 классах. Очень часто, приходя домой пьяным и видя, что я учу уроки, он безобразно ругался: «.. а, комысар, в кузни нэ робыш, тилько кныжкы читаишь, а хто тэбэ кормыть будэ?». В этих случаях мама уводила его в другую комнату и укладывала спать.

Наша сельская школа, ее прекрасные учителя — истинные подвижники народного просвещения до сих пор живы в моей памяти. Заведующий школой Иван Тихонович Полухин являлся одним из главных авторитетов на селе. Прекрасный педагог, хорошо знавший детскую психологию и жизнь крестьянства. К нему тянулись не только дети, но и взрослые со своими радостями и горестями. Впоследствии он работал преподавателем общественных дисциплин в Алма-Атинском мединституте. Наш классный руководитель, математик, Василий Иванович Калягин, бывший матрос, физически сильный человек и чуткий воспитатель. Меня он всегда ставил в пример за прилежность к учебе и активность в школьной жизни. Нашим уважением пользовались Петр Иванович Кипарисов — учитель литературы и русского языка, Зинаида Дмитриевна Мишина и другие. Они заложили основы наших первоначальных знаний и необходимых моральных качеств.

В 1928-1931 годах в Белых Водах, как и по всей стране, проходили серьезные политические события. Прежде всего, памятно появление в селе радиовещания. Плотники и кузнецы села изготовили две высокие мачты, затем их состыковали и

установили всем миром. Когда на мачте смонтировали аппаратуру, радио заговорило. Люди пришли в восторг, до конца все-таки не веря, что это вещает диктор «аж из самого Ташкента», за двести километров отсюда! А когда раздались слова: «Говорит Москва», это вообще было воспринято как сказка. Суеверные крестьяне перепугались, стали креститься.

В монтаже и подъеме мачт участвовал и мой отчим М. П. Кравцов. Мы с мамой тоже ходили к школе, где работали радиоприемники и слушали передачи. Радио стало для нас настоящей сенсацией и праздником.

Когда мы с мамой зашли к бабушке Щербинихе и рассказали ей о радиопередачах, она, не веря этому, заговорила: «Це Евсей Скрынька (председатель, сельского Совета) сив в другий хати и брэщэ що говорыть Ташкент, говорыть Москва, а Вы дуракы вирэтэ цому брыхуну».

Хорошо помню, как в селе появились кинопередвижки. Первый увиденный мною фильм назывался «Под властью Адата». Сидевшие на скамейках в первом ряду пожилые, самые почтенные люди, заслышав стрельбу и увидев на экране вооруженную схватку и мчащихся на полном скаку на публику всадников, упали на пол от испуга. Каждый новый фильм производил неизгладимое впечатление. Помню с каким восторгом мы, сельская ребятня, да и взрослые, впервые увидев грузовую автомашину, бежали за ней по пыльной дороге и смотрели на красивые отпечатки, оставленные на грунтовке протекторами автопокрышек.

В 1927 году в селе построили клуб, закупили музыкальные инструменты. Стала налаживаться культурно-массовая работа. Сельские активисты и школьники показывали спектакли, организовали хоровой кружок. Нас учили игре на музыкальных инструментах, проводились спортивные соревнования. Во всех этих делах я старался активно участвовать.

Наступил 1929 год. В стране развернулась массовая коллективизация сельского хозяйства. В деревне создавался

колхозный строй. Мелко-крестьянское хозяйство переходило к крупному, коллективному земледелию социалистического типа.

Осенью 1929 года в нашем селе начали создавать колхоз. Первоначально решили обобществить земельные наделы, рабочий скот, сельскохозяйственные орудия, хозпостройки. Село, конечно, забурлило, в сознание его жителей вселился страх! Одни восприняли колхоз как злонамеренную ломку вековых устоев крестьянского хозяйствования и образа жизни. Те, кто победнее, и многие середнячки отнеслись к идее коллективизации доброжелательно. Пошло раскулачивание со всеми перегибами и перехлестами. Самыми богатыми людьми в селе считались Золотаренко и Полумисков. Они имели большие сады и виноградники, которые были конфискованы и переданы колхозу. Часть фруктового сада Полумискова отошла Манкентскому дому отдыха.

Раскулачили также Гончаровых, Щербину Константина Тимофеевича (моего дядю по матери) и еще 2 -3 хозяев. При этом, если бы Щербина разделил рабочий скот на всех семь братьев, то имели бы по одной лошади или по одному волу на двор. Тогда обошлось бы без раскулачивания. А что касается наемных батраков, то у них никогда их не было.

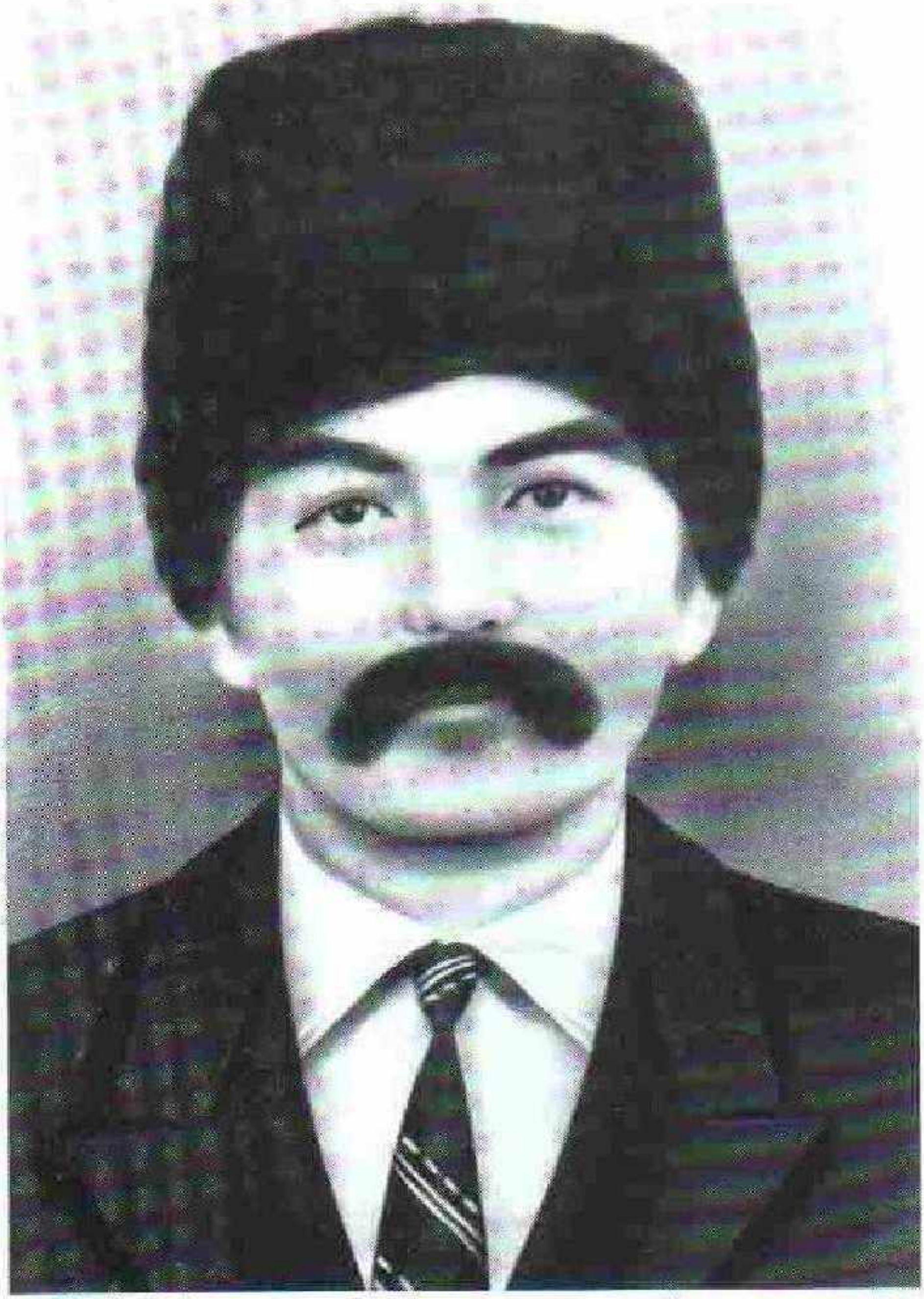
Хочу подчеркнуть, что многие раскулаченные люди стали зажиточными благодаря своему каждодневному, упорному труду. Сцены раскулачивания носили самый одиозный характер, страдали и взрослые и безвинные дети. Мне пришлось наблюдать выселение из дома семьи Гончаровых. Сначала отобрали весь скот. Затем семью куда-то увезли на подводах. Это происходило на глазах всего села. Рыдание, стоны людей оставили жуткое впечатление. Подобное надругательство пережили и другие семьи. Некоторых раскулаченных после конфискации насильно из села не выгоняли, но они сами уехали в города и устроились работать на промышленные предприятия.

В нашем доме снимал одну комнату и жил с семьей начальник

Мама Елизавета Тимофеевна и отчим М. П. Кравцов.

Отец А. Ф. Ливенцов (слева) и дядя В. Т. Щербина.

Сестра Нина и Вася. 1920 г.



Дядя В. Ф. Ливенцов, участник гражданской войны.
1924 г.

Колхозник В. Ливенцов. Первые сапоги.
Белые воды. 1930 г.

В. Ливенцов во 2-м ряду 2-й справа с одноклассниками и учителями Беловодской школы. 1930 г.

В. А. Ливенцов с друзьями-однюсельчанами. 1932 г.

В.Ливенцов завершил учебу в институте. 1935 г.

Выпускники Алма-Атинского сельхозинститута. Группа агрономов — свекловодов. В.Ливенцов во 2 ряду 2-й слева. 1935 г.

ГПУ (Главное политическое управление) района Георгий Одеошвили. Он лично рассказывал мне о раскулачивании и арестах, зверски искалеченных и убитых активистах колхозного движения. Сам Одеошвили в селе Высоком подвергся вооруженному нападению. Спасло чекиста лишь то, что в момент, когда раскулаченные свалили его на землю и начали пытать, вмешался сидевший в засаде работник ГПУ. Нападавших арестовали, двоих из них впоследствии приговорили к расстрелу.

В непростой обстановке проводились и хлебозаготовки. Мой дядя В. К. Ливенцов, будучи уполномоченным по хлебозаготовкам в селе Петропавловке Ленгерского района, стал свидетелем убийства председателя волостного комитета ВКП(б) Виктора Блинкова. С тех пор это село называется «Блинковкой».

Проведение коллективизации и переустройство сельской жизни не обходились без серьезных ошибок. Поэтому в нашем селе и в округе обстановка была весьма напряженной. Из числа коммунистов и комсомольцев, сельских активистов создали специальные отряды. В ночное время нам выдавались винтовки с патронами, и мы регулярно несли дежурство.

Баи и муллы, воспользовавшись перегибами и ростом недовольства среди сельчан, всеми способами саботировали политику ликвидации кулачества, терроризировали сельских активистов, организовывали антисоветские восстания. Одним из самых массовых и жестоких стало Сузакское восстание.

В Сузакском районе Чимкентской области, где почти все казахское население вело кочевой образ жизни и занималось только скотоводством, по указанию сверху подавляющее большинство жителей вовлекли в колхозы, а поголовье скота полностью обобществили. Это привело к голоду, так как казахи не занимались земледелием, а основной источник их жизни — скот — отняли. Гнев и возмущение охватили массы людей. На этой почве в Сузакском районе вспыхнул мятеж. Народная

молва твердила, что это не обошлось без участия английской разведки и зарубежных капиталистов.

А события развивались так. В Сузаке собралась многотысячная толпа мятежников. На этом сборище избрали хана и его помощника. Хан призвал распустить колхозы и ликвидировать Советскую власть, возвратить людям скот и средства производства, признать полную свободу мусульманства, изгнать из района всех неверных.

Губком партии и губисполком Совета, получив сообщение о мятеже, направили в Сузак через Туркестан отряд коммунистов. Путь коммунаров протяженностью в 180 км лежал через горный перевал Каратау. Стояла многоснежная, морозная зима. В одном из ущелий отряд поджидала засада мятежников. В вооруженной схватке несколько коммунаров погибло.

А в самом Сузаке восставшие обезоружили и перестреляли милиционеров. Затем некоторых подвергли изуверским истязаниям. Их веревками привязывали за ноги к лошадям и вскачь таскали до тех пор, пока люди не погибали. Подобной экзекуции подверглись секретарь райкома партии, председатель райисполкома, начальник милиции и другие руководители, — кстати, все они были казахи. В подавлении мятежа потом участвовали курсанты Ташкентского военного училища имени Ленина.

К таким печальным последствиям привели политические ошибки в проведении коллективизации. 22 февраля 1930 года при огромном стечении трудящихся Чимкента изуродованные тела семи погибших от рук мятежников коммунаров захоронили в городском парке и на том месте воздвигли памятник.

Обстановка в районе в 1929-м и весь 1930 год, пока шла коллективизация крестьянских хозяйств и ликвидация кулачества, оставалась тревожной и весьма напряженной. Крестьян будоражили всякие слухи и неясности. Одни требовали обобществить не только тягловую силу, но и домашний скот и птицу. Другие высказывались за объединение

лишь рабочего скота и сельхозинвентаря. Велись самые серьезные споры, возникала масса недоразумений.

Осенью 1929 года в нашем селе организовали колхоз «Белые Воды». После укрупнения и объединения с другими хозяйствами его переименовали и назвали колхозом «Победа». В него вошли большинство крестьянских хозяйств села, причем обобществили только рабочий скот и сельхозинвентарь. Помню, как отчим запряг нашу лошадь, положил в бричку семена зерновых и борону, затем зашел в дом, выпил водки, и вместе с мамой они тяжко заплакали. Через время выйдя во двор, перекрестились, и отчим со слезами на глазах поехал сдавать в колхоз лошадь, бричку и семена. Потом он каждый день ходил в общественную конюшню и смотрел: «...правильно ли содержится там наша бывшая лошадь». Кстати, точно так же поступали большинство других крестьян.

В 16 лет меня избрали членом ревизионной комиссии колхоза.

Наш колхоз «Победа» взял хороший старт. Все задания выполнялись. Сеяли, пахали на лошадях и волах: тракторов хозяйство в то время не имело.

Лишь весной 1930 года в село из совхоза «Пахта-Арал» для оказания помощи в проведении весеннего сева прибыло несколько колесных тракторов «Интер» и два гусеничных «Катерпиллара». Местные жители с изумлением и восхищением смотрели на невиданную доселе технику. Вот тогда-то в сознании многих колхозников действительно начался перелом в пользу коллективного хозяйства. Организованные в 1930—1934 годах машинно-тракторные станции (МТС) во многом преобразили весь комплекс сельскохозяйственных работ на селе.

В это время я активно участвовал в общественной работе: выступал с докладами в селах Белые Воды, Черноводске, Антоновке, помогал потребительской кооперации вербовать новых пайщиков. В ходе коллективизации меня как-то включили в группу проведения обыска по выявлению

спрятанного зерна у одного из жителей села. Он оказался дальним родственником моего отчима. Узнав об этом, отчим напился, матерно оскорбил меня. Он грубо упрекал, что я иду против его родственников. В конце концов, бросился на меня с ножом. В этот момент мама большой скалкой ударила его по голове, он упал, а я успел выскочить и невредимым уйти из дому.

Всю ночь бродил по улице, размышлял что делать, как поступить. Заявить в ГПУ или сельский Совет — отчима арестуют. Если же ничего не предпринять, он может опять напиться и повторить свои дикие выходки. Решил официально никому ни о чем не говорить, а маме рассказал о возможных последствиях. Она со слезами на глазах умоляла меня молчать. И все причитала: «этот изверг больше никогда не позволит себе ничего подобного, я отучу его».

В годы коллективизации мне приходилось стоять в карауле у камеры предварительного заключения задержанных односельчан. Тяжелое и непривычное дело. Но самым неприятным для меня моментом явилось содержание в «кутузке» моего родного дяди К. Щербинина. Он обращался ко мне с различными просьбами, давал поручения моей маме. Я, конечно, добросовестно все выполнял.

Между тем отчим по-прежнему выражал возмущение моей учебой в школе. Мама же, наоборот, всегда благожелательно, заботливо относилась ко мне и очень хотела, чтобы я учился. Она, кстати, никогда не давала мне денег, кроме как на покупку школьных принадлежностей.

В семьях Ливенцовых и особенно Щербининых из поколения в поколение действовали строгие житейские правила. Их «домострой» требовал уважения к старшим, ответственно относиться ко всякому полезному делу, осуждал безделие и расхлябанность. Такие моральные качества как совесть, скромность, доброжелательность, честь семьи, для нас всегда были на первом плане. Если садились кушать, то аккуратно

обращались с каждым кусочком хлеба: бережливость была для нас святым делом. Чаще всего мама варила борщ с мясом, суп-лапшу или с галушками; готовила вареники, пельмени, картошку в мундирах, рисовую кашу или рис с тыквой. Нередко пекла блины, ватрушки с творогом, жарила картошку и яичницу на свином сале. В обед и в ужин пили по стакану самодельного виноградного сока. Чай практически не употребляли. Всю зиму в доме имелись свежие и моченые яблоки, виноград (держался до января), арбузы. И ко всему этому — домашняя солонина. Из арбузов варили в котле мед.

В юности я был темпераментным и энергичным парнем, часто попадал в неприятные истории. В 7-8-летнем возрасте вместе с ребятами, убегая из соседского сада, зацепился за плетень и поранил глаз, да так сильно, что намного ухудшилось зрение. Отчим отвез меня в кишлак Карабулак, где меня оставил лечиться на квартире у сельского лекаря. Через 15-20 дней зрение в основном выправилось, родители расплатились за это парой мешков муки.

Однажды с ребятами прыгали с берега в пруд. Сиганувший за мной приятель в воде случайно ударил меня головой в ухо. Перепонка лопнула, и я наполовину потерял слух. Впоследствии именно по этой причине меня признали ограниченно годным для службы в армии.

Но это еще не все! На другое лето во время купания сильно разбил голову о камень. Прошло несколько десятков лет, а швы на голове, когда зачесываю волосы, нащупываю до сих пор. В школе на занятиях по физкультуре, прыгая через канат, вывихнул руку. Деревенская бабка-знахарка пошептала и вроде бы вправила вывих. К сожалению, рука так и осталась кривой до сих пор.

Иногда с ружьем уходил в сад, выстрелами отгонял птиц от ягодников и винограда. Однажды из заряженного патрона выпал пистон. Решил вставить его обратно. Патрон, естественно, разорвался и сильно поранил мою правую руку.

Живший в нашем доме начальник ГПУ района Одеошвили, промыл рану, сунул ее в чашку с йодом, затем сделал перевязку, и я до поздней ночи с сильными болями ходил по саду. Только вечером мама узнала о случившемся и устроила мне жестокий разнос и внушение.

Приходилось много раз падать с верховых лошадей, с деревьев. Помню случай, когда я свалился с высокой вишни на спину и не мог дохнуть. На крик сестры Нины прибежала мама. Видя мою немощь, она схватила лежавшую рядом лозину, сильно полосонула меня вдоль спины. С испугу я вскочил и убежал.

Спустя много лет, оперировавший меня хирург, академик Н. Н. Малиновский спросил как-то: «Куда девался ваш копчик?» К своему удивлению только тогда я узнал, что у меня его нет! Но как и куда он «исчез», понятия не имею.

В нашем селе в те годы построили и хорошо оборудовали спортивную площадку. Многие ученики местной школы занимались здесь физкультурой, выполняли упражнения на турнике, кольцах, брусьях, работали с гирями, играли в футбол. С этих юношеских лет привычка к спорту сохранилась у меня навсегда.

Годы студенческие

Наступил 1931 год. Мне исполнилось 17 лет. В марте вступил в комсомол, а в апреле директор школы И.Т. Полухин объявил, что педсовет рекомендует меня на учебу в рабфак при Алма-Атинском сельскохозяйственном институте. Мама не сразу согласилась с этим решением: ей не хотелось отпускать сына «так далеко», ходила просить директора школы об «отставке».

На станции Манкент меня тепло проводили школьные друзья. Ехали на сборном поезде «максимка» в товарном вагоне почти двое суток. Наконец прибыли в Алма-Ату. Железнодорожный вокзал здесь еще только строился и находился в 10 километрах от города. Мы наняли извозчика, который на своем осле довез нашу нехитрую поклажу до института. Сами мы шли пешком.

Приемная комиссия зачислила меня как колхозника для укрепления рабоче-крестьянской прослойки сразу на четвертый курс рабфака. Поселили нас в общежитии. В одной комнате уплотненно разместили 28 человек. Состав проживающих оказался разношерстным и по возрасту от 17 до 40 лет, и по уровню знаний. Тем не менее, это не стало помехой в учебе. Я быстро нашел друзей, с которыми впоследствии общался долгие годы.

С первых дней занятий понял: для продолжения учебы мне, сельскому парню, необходимо приложить немалые усилия и подтянуться до уровня знаний более подготовленных студентов. Основательно засел за учебники. Штудировал химию, физику, биологию, политэкономию. Упорство и настойчивость дали положительные результаты: по окончании рабфака меня зачислили студентом Алма-Атинского сельскохозяйственного института, созданного в октябре 1930 года на базе Верненской школы садоводов и сельхозтехникума.

Вначале здесь организовали только два факультета: один полеводческий и другой — технических культур, со сроком обучения 4 года. Главная трудность заключалась в

комплектовании преподавательского коллектива и состава студентов: в те годы недоставало юношей и девушек со средним образованием, особенно среди казахской молодежи. Поэтому при институте в 1930-1940 г. г. действовал рабфак, а потом — одногодичные курсы для абитуриентов. Вновь созданный вуз не имел необходимой учебно-материальной базы и общежитий для студентов.

Первый ректор Ураз Джандосов, высокообразованный и одаренный руководитель, с размахом и настоичивостью занимался становлением института. Он активно занимался подбором преподавательских кадров, развернул строительство учебных корпусов, общежития и клуба, создавал лаборатории. Студенты сами достраивали комнаты в общежитии, настилали полы, стеклили окна, красили рамы и двери. Уже в те годы наш ректор особо заботился об изучении студентами- казахами русского языка и казахского — русскими.

В 1932 году Джандосова выдвинули на партийную работу. Через некоторое время его назначили председателем Алма-Атинского облисполкома. К большому сожелению в 1937-м нашего ректора репрессировали. Впоследствии его посмертно реабилитировали. Отдавая ему должное за организаторский талант, я не согласен с утверждениями некоторых писателей о том, что Джандосов происходил из бедняцкой семьи. Это сомнительное утверждение. Институтский сторож Бытов и его жена, работавшая у нас техничкой, в разговорах с нами говорили: «Кто был почетен при царе, тот и сейчас начальник». Как рассказывал Бытов, он служил у отца Джандосова конюхом и возил его сына Ураза на пролетке в гимназию. Понятно, что бедняк не мог учить сына в гимназии и держать для него выезд с кучером. При этом я ничуть не умаляю достоинств и заслуг Джандосова. Он несомненно был талантливым и одаренным человеком.

В 1932—1937 годах сельхозинститут возглавлял Хамит Давлетович Чурин. На его долю выпали самые трудные годы

становления вуза и массовых репрессий. Уже тогда рабфаковцев посылали на сельхозработы в совхозы и колхозы. В июне 1931 года половину нашей группы направили на заготовку кормов в Тамдинскую машино-сенокосную станцию Актюбинской области. Задание по сенокошению и сдаче сена мы выполнили.

В тот приезд мне довелось наблюдать начало строительства Актюбинского химического завода в Алге — первенца социалистической индустриализации Казахстана. Спустя сорок лет, я часто бывал в этих местах, но уже в качестве первого секретаря обкома партии. И посещать приходилось уже свиносовхоз «Тамдинский», организованный на усадьбе бывшей МСС, оказывать помощь в строительстве крупного свинарника — автомата. Много занимался реконструкцией и обновлением производства Актюбхимзавода. На досуге приятно вспоминали со старожилами далекие годы студенческой молодости и рождение новой жизни.

После окончания сельхозработ в сентябре 1931 г. продолжили занятия на рабфаке. Поселили нас в новом общежитии, построенном при нашем непосредственном участии. Правда, здесь не было водопровода и канализации, отапливалось печами, грели они плохо. Не без труда ребята из нашей комнаты раздобыли где-то печку-буржуйку, и жить сразу стало веселей. Много хлопот доставлял поиск дров: собирали всякий хлам, который мог хоть как-то гореть.

Учеба давалась с большим трудом. Чтобы восполнить пробелы в знаниях, мы ночи просиживали над учебниками. Вскоре учебный ритм нарушили внешние события. Многих студентов института пригласили в Дом Красной Армии на собрание. Перед нами выступил первый секретарь крайкома партии Филипп Исаевич Голощекин. Он призывал горожан, студентов помочь селянам в проведении хлебозаготовок.

И опять судьба закинула меня в Актюбинскую область: направили в один из колхозов Акбулакского района с украинским населением, входившего в те времена в состав

Казахстана. Удачно вписался в трудовой ритм колхозников. Свободно общался с ними на их родном языке. Ознакомившись с ходом хлебосдачи, мы убедились в нормальной ее организации и честности учета.

Возвратившись в конце декабря в Алма-Ату, слушатели нашей группы обрадовались зачислению нас студентами первого курса сельскохозяйственного института. В рабфаке, да и на первом курсе вуза, у меня часто возникали языковые трудности. По-русски я говорил с акцентом. Так пошло с детства. У нас в семье, в школе и в селе все в основном общались на украинском языке. Произношение мною буквы «г», многих слов и фраз звучало для многих студентов непривычно. Надо мной часто смеялись. Разозлившись, взялся за овладение разговорным русским языком и неплохо преуспел в этом. Булку хлеба уже не называл «хлибыной» или «паляныцей», употребял слово «говорил», а не «казав», слово «вижу» вместо «бачу» и т. д. Тем не менее, украинский, язык моего детства, моих предков остался со мной навсегда. Люблю украинские песни, украинский юмор. Они вызывают во мне приятные ощущение, сердечную теплоту, что-то родное, идущее из далекого детства. Безумно люблю оперы «Наталка Полтавка», «Запорожец за Дунаем», песни «Рушнычок», «Черемшина», «Очи черные», «Чого ж я не сокил» и другие. И сейчас в свободное время часто проигрываю их дома.

На украинском языке со мной всегда разговаривал научный сотрудник Алма-Атинской сельскохозяйственной опытной станции Е. Е. Моргацкий, — крупный ученый и специалист по сахарной свекле, которую тогда только-только начинали внедрять в Казахстане и Киргизии. Его сослали в Казахстан как украинского националиста. Впоследствии Моргацкого реабилитировали, а в 60-х годах ему даже присвоили звание Героя Социалистического Труда за выведение одноростковых семян сахарной свеклы.

Учеба в сельхозинституте давалась нелегко. Тем не менее, подавляющее большинство студентов добросовестно и

сознательно относились к овладению будущей специальностью. Что такое хулиганство или «аморалка» мы не ведали. Обучались мы на факультете технических культур, а на старших курсах полностью специализировались на изучении всего комплекса агротехники свекловодства.

В Казахстане и Киргизии в те года создавалась сахарная промышленность. Велось строительство Меркенского, Джамбулского, Талды-Курганского, Карабалтинского сахарных заводов. При каждом из них организовывались специализированные совхозы по выращиванию свеклосемян. Для координации деятельности сахарных заводов, производства свеклосемян и возделывания сахарной свеклы создали «Сахартрест» и опытную станцию свекловодства. Здесь проводилась учебная практика, мы осваивали основы агротехники и механизации возделывания технических культур. Теория в сочетании с производственной практикой положительно сказались на качестве профессиональной подготовки. Я особенно почувствовал это, когда начал работать агрономом.

Студенческая жизнь со всеми её прелестями и невзгодами шла своим чередом. И вдруг судьба преподнесла мне неприятный сюрприз. Навалилась беда, да еще какая. Летом 1932 года решил поехать на каникулы домой в Белые Воды. Все мои школьные друзья уже разъехались кто куда. А один заклятый недруг Сергей Маслов все еще работал в селе. Слыл он активистом, хотя по сути своей оставался никчемным человеком, пьяницей и интриганом. Впоследствии его изгнали из исполкома сельского Совета и он, попросту говоря, бежал из села.

А случилось вот что. Этот преподобный Маслов «окрестил» моего отчима подкулачником, организовал его травлю. Отчим с семьей покинул село и выехал в Киргизию. Но на этом Маслов не успокоился. Он написал в институт ложный донос на меня. А там, не долго думая, без всяких объяснений исключили меня из числа студентов. Несколько месяцев пришлось потом

сознательно относились к овладению будущей специальностью. Что такое хулиганство или «аморалка» мы не ведали. Обучались мы на факультете технических культур, а на старших курсах полностью специализировались на изучении всего комплекса агротехники свекловодства.

В Казахстане и Киргизии в те года создавалась сахарная промышленность. Велось строительство Меркенского, Джамбулского, Талды-Курганского, Карабалтинского сахарных заводов. При каждом из них организовывались специализированные совхозы по выращиванию свеклосемян. Для координации деятельности сахарных заводов, производства свеклосемян и возделывания сахарной свеклы создали «Сахартрест» и опытную станцию свекловодства. Здесь проводилась учебная практика, мы осваивали основы агротехники и механизации возделывания технических культур. Теория в сочетании с производственной практикой положительно сказались на качестве профессиональной подготовки. Я особенно почувствовал это, когда начал работать агрономом.

Студенческая жизнь со всеми её прелестями и невзгодами шла своим чередом. И вдруг судьба преподнесла мне неприятный сюрприз. Навалилась беда, да еще какая. Летом 1932 года решил поехать на каникулы домой в Белые Воды. Все мои школьные друзья уже разъехались кто куда. А один заклятый недруг Сергей Маслов все еще работал в селе. Слыл он активистом, хотя по сути своей оставался никчемным человеком, пьяницей и интриганом. Впоследствии его изгнали из исполкома сельского Совета и он, попросту говоря, бежал из села.

А случилось вот что. Этот преподобный Маслов «окрестил» моего отчима подкулачником, организовал его травлю. Отчим с семьей покинул село и выехал в Киргизию. Но на этом Маслов не успокоился. Он написал в институт ложный донос на меня. А там, не долго думая, без всяких объяснений исключили меня из числа студентов. Несколько месяцев пришлось потом

доказывать на всех уровнях от исполкома сельского Совета до облисполкома и прокуратуры, что я, как говорится, не верблюд. Все соглашались с моей правотой, но отмыться от грязи оказалось делом нелегким. Начались гонения. Исполком сельсовета в лице Маслова стал угрожать мне, но я не чувствовал за собой никакой вины, мне нечего было бояться, а потому настойчиво требовал правды. Покидая родное село Белые Воды, зашел в контору и выговорил этому пьянице и подонку все, что он заслужил.

Районный прокурор снял все обвинения и дал предписание о восстановлении меня в институте. Поехал в Чимкент с жалобой, случайно встретил своего дядю В. К. Ливенцова и ему все рассказал. Он пошел со мной к руководству облисполкома, где я изложил историю своих мытарств. Незамедлительно последовал звонок в Беловодский райисполком с указанием полностью реабилитировать меня и обратиться в институт с просьбой о восстановлении на учебу. Так защитил мою честь Южно-Казахстанский облисполком. А через 29 лет меня избрали первым секретарем обкома партии и я проработал в этой должности десять лет.

Меня восстановили в институте и предложили заниматься в той же группе, с условием ликвидировать образовавшиеся за 4 месяца «хвосты». Воодушевленный торжеством справедливости, я взялся за учебу. Помогали товарищи и преподаватели. Шаг за шагом отставание ликвидировал.

Из этой неравной борьбы за личную честь и за правду я извлек уроки, определившие мое кредо на всю жизнь. Закон, правда и честь стали для меня главными принципами в труде, в семье, в общении с людьми.

В 30-е годы нам, студентам, приходилось нелегко. Хлеб выдавался по карточкам, столовское питание было скудным. Приходилось буквально бороться за выживание различными способами. Стояли в очередях у институтского хлебного ларька, где могли подрабатывали.

В лабораториях плодоводства и овощеводства мы, студенты, «умяли» все мало-мальски съедобные экспонаты: сухие корни свеклы, картофель, морковь. Мы всегда были голодны. Многим однокашникам оказалось не под силу вынести моральные и физические лишения. Немало ребят бросили учебу. Из 4-х групп нашего факультета к началу третьего курса остались лишь две.

Летом 1933 года после окончания второго курса я со своим другом Федей Гуляевым по приказу Алма-Атинской опытной сельхозстанции поехал в Киргизию, чтобы заработать хоть немного денег. На дорогу выдали по два килограмма хлеба. Пока собирались на вокзал мы его почти весь съели. В пути, особенно на станциях Чу и Луговая, воочию наблюдали страшные, трагические картины голода. Повидали много людей, главным образом казахов, худых, изможденных, умирающих женщин с плачущими детьми. Безвыходность и страдания корчившихся в предсмертных муках людей вызывали у нас тревогу и страх. До сих пор мне все еще видятся ужасы массового голода. Так пришлось расплачиваться простому народу за грубейшие ошибки в проведении политики оседлости и коллективизации сельского хозяйства. Ускотоводов обобществили весь скот, а другого у них ничего не было.

Много людей погибло с голоду, а еще больше откочевали в Китай и соседние с Казахстаном области и края. Изначально неверная стратегия и перегибы в преобразовании сельского уклада жизни людей в республике, игнорирование национальных особенностей культуры, быта и образа жизни казахов поставили на грань гибели целый народ. Это вечная кровоточащая рана, и забыть о тех днях просто невозможно.

Моего однокурсника Ф.Ф.Гуляева направили в Карабалтинский, а меня в Беловодский свеклосовхоз Киргизии, куда добрался, с трудом. Меня назначили заведующим гидромодульным участком на плантации сахарной свеклы. Я должен был строго выдерживать оптимальные режимы и нормы

полива для получения высокого урожая. Работа мне нравилась. Строго по инструкции поливал каждую делянку через водосливы системы «Томпсона» и «Чиполлетти». Моими результатами специалисты совхоза и опытной станции остались довльны. Наряду с этим довелось также исполнять обязанности агронома отделения совхоза, за что мне доплачивали.

В свеклосовхозе заболел малярией, которая меня потом мучила более года. Возвратившись в институт, обновил свой убогий гардероб. Правда, трудностей не убавилось. Стипендии в 36 рублей едва хватало на скудное питание в столовой. Большинство иногородних студентов жили в постоянной нужде и бедствовали. Но молодость, хорошее расположение духа, вера в будущее помогали нам выстоять и грызть «гранит науки». Занятия шли напряженно и плодотворно.

Правда, сумятицу в наше сознание вносили рекомендации академика Т. Д. Лысенко и приспособленцы от науки, которых впоследствии называли лысенковцами. По их прихоти менялись теоретические положения в биологии, генетике, физиологии растений, селекции и семеноводстве, да и в преподавании ряда специальных дисциплин. Все это привносило нервозность и неразбериху в изучение спецпредметов. Приходилось менять прежние научные теоретические установки, «выбрасывать» из головы ранее полученные, в принципе, верные знания. Возникали сомнения в истинности предлагавшихся «новых» выводов. Утешало только то, что среди ученых генетиков нашлись такие, кто не отступился от своих убеждений, сохранил чистоту мыслей и совести. И их было немало.

Большой след в моей памяти оставил академик А.Чаянов. Сосланный в Алма-Ату, он с разрешения соответствующих инстанций работал в нашем институте. Заведование кафедрой ему не доверялось, скорее всего по политическим соображениям. Читал он курс вариационной статистики, руководил научной работой студентов и дипломным проектированием. Академик завораживал своими

энциклопедическими знаниями и ораторским искусством, интеллектуальностью и интеллигентностью.

Однажды, как староста группы, я обратился к нему с просьбой помочь найти необходимую литературу для подготовки дипломных работ. Он позвал меня в свою комнату при общежитии. Обстановка в ней поразила: студенческий топчан, небольшой стол и огромное количество книг, лежавших на полу. Найдя несколько нужных брошюр, Чаянов отдал их мне, и я потом раздал студентам нашей группы.

За короткое время академик запомнил фамилии и имена многих студентов, всегда с нами здоровался. Как-то нам заранее объявили, что Чаянов выступит с установочной лекцией по подготовке дипломных работ. Мы собирались внимательно слушать ученого и засечь все его «антисоветские установки». Но не тут-то было! Академик зашел на кафедру с несколькими книгами в руках и, называя определенные положения из «Капитала» К. Маркса, «Диалектики природы» Ф. Энгельса, «Развития капитализма в России» В. И. Ленина, «Вопросов ленинизма» И. В. Сталина, давал аргументированные обоснования по практическому их преломлению к нашей действительности. Ни грана оппортунизма! Говорил он образно, понятно и увлекательно. Мы вознаградили его дружными аплодисментами.

В 1935 году буквально перед нашим выпуском в институте широко отмечалось 50-летие научной деятельности академика В. Р. Вильямса, основателя тровопольской системы земледелия. На торжественном собрании выступили многие наши преподаватели. Большинство речей носили обычный академический характер. И вот слово предоставили Чаянову, который когда-то работал вместе с Вильямсом в «Темирязевке». Его речь больше походила на всплеск мудрости. Глубокая по содержанию и образная по форме она произвела на нас неизгладимое впечатление. Всеобщим рукоплесканием отблагодарили его. А на другой день поползли тревожные слухи.

Газета «Казахстанская правда» вышла со статьей, в которой сообщалось, что «... врагу народа в сельхозинституте предоставили трибуну...» и далее в этом роде. В ту же ночь Чаянова в институте не стало. Его арестовали и через некоторое время расстреляли.

В июле 1987 года Верховный суд СССР отверг обвинение в преступной деятельности группы ученых-аграрников, в том числе и А. Чаянова. К большому сожалению, ни один из оправданных не дожил до этого времени.

Пошла волна гонений и на тех, с кем он близко общался. Особенно «нажимали» на участников кружка писателей, руководимого Чаяновым. Тяжелый осадок у руководителей и студентов оставило это трагическое событие.

Молодой агроном на полях... Облземотдел

В мае 1935 года в институте состоялся второй выпуск агрономов. Обучение закончили более 70-ти человек. На торжественном собрании присутствовали первый секретарь крайкома партии Л. И. Мирзоян, глава правительства У. Исаев, председатель КазЦИКа У. Кулумбетов, министр сельского хозяйства Сыргабеков. Участие руководства республики на выпускном собрании окрылило нас. По распределению меня направили агрономом Мукринской МТС Каратальского района Алма-Атинской области.

Запомнились на всю жизнь лекции многих преподавателей и их занятия. Особенно профессоров Н. И. Малова (курс общего земледелия), К. Ю. Чеховича (селекция и семеноводство), С. И. Азева (основы сельскохозяйственного производства), Простакова (агрохимия), доцентов А. В. Мухли (почвоведение), В. Ф. Золотова (механизация сельского хозяйства), И. В. Сахарова (сельхозмашины), В. И. Юдиной (основы животноводства), П. М. Энербурга (курс овощеводства), С. С. Фурина (по свекловодству) и другие.

Прибыв в МТС, столкнулся с непредвиденным казусом. Пока мы добирались сюда, туда уже приехал с направлением министерства на должность старшего агронома выпускник Воронежского сельхозинститута с женой, тоже агрономом! Мне предложили должность участкового агронома. Я согласился и немедленно включился в работу. МТС только создавалась, по сути заново. Большинство работников жили в соседнем колхозе. Школа ютилась в 3-х комнатушках. Ремонтные мастерские размещались в крытом сарае, где стояли два токарных станка. Сельхозмашины чинились прямо на улице. Клуб, медпункт, почта и другие социальные учреждения существовали лишь в проекте. Директором МТС работал замечательный коммунист интернационалист Раимберли Сыргабаев, прекрасный организатор производства и трудового

коллектива. На республиканской партийной конференции его избрали кандидатом в члены крайкома партии Казахстана.

За мной, как участковым агрономом, закрепили 14 колхозов из 27, обслуживавшихся МТС. Ездил верхом на лошади. В хозяйства обычно выезжал по понедельникам и возвращался вечером в субботу. Сдавал отчет о выполненных работах, докладывал директору о положении дел в хозяйствах и принятых мною мерах. Ночевал и столовался у председателей колхозов или бригадиров, иногда и у рядовых колхозников. Несказанно благодарен казахскому гостеприимству.

Трудность в работе с первых дней состояла в том, что практически во всех колхозах делопроизводство велось на казахском языке. А я практически не знал казахского. Большинство колхозников не владели русским языком. Языковый барьер, конечно, затруднял общение, особенно, когда дело доходило до объяснения агротехники возделывания свеклы и других культур. Поняв, что так больше продолжаться не может, взялся за изучение казахского языка. Каждый день осваивал по 10-15 слов. С первых дней работы столкнулся с таким фактом. Я как агроном МТС составлял документ о произведенных работах в колхозе, но председатель не подписывал его, потому что он не владел русским языком и просил составлять документ на казахском. Секретарь нашей МТС семиреченский казак Хмелов,в совершенстве знавший казахский, продиктовал мне типовой документ взаимоотношений между МТС и колхозами на казахском языке.

Я его выучил, как стихотворение Пушкина. И это помогло оформять документы. Это был первый документ, который я оформлял на казахском языке. Как бы трудно не было, постепенно обогащал свой словарный запас и дело пошло значительно лучше.

Объезжал каждое поле сахарной свеклы, посевы зерновых и овощных культур. Наблюдения убеждали меня в том, что большинство колхозников, бывших кочевников, не знали

технологии обработки почвы, не имели представления о том, как вести полив, как применять удобрения и т.п. Приходилось крепко спрашивать со звеньевых и бригадиров, не соблюдавших агротехнические рекомендации. Постепенно я обретал опыт и уверенность в собственных силах, обогащал свои знания местного языка, что помогало мне в работе.

Всеми делами по сельскому хозяйству в районе заправлял Каратальский райком партии, возглавляемый первым секретарем Кудамановым. В районе имелось 74 колхоза. И он знал болячки и успехи каждого хозяйства. Несмотря на отсутствие телефонной и радиосвязи, население каждодневно было осведомлено об установках и требованиях партийного комитета и его вожака. Срабатывал, как говорят казахи, «узун кулак - длинное ухо».

Старший агроном нашей МТС Аркадий Гаурлик был человеком городским, в колхозы наведывался редко, верховую езду переносил плохо, казахского языка не знал и не стремился познать его. Хотя человек он был порядочный, скромный. Осенью директор, отправляя его в отпуск, сказал, что старшим агрономом МТС теперь будет Вася Ливенцов, а ты сюда больше не возвращайся. Я не знал о таком решении директора МТС. Когда вернулся из поездки по колхозам, он меня пригласил в кабинет и вручил приказ о моем назначении старшим агрономом. Моего предшественника Наркомзем республики определил старшим агрономом Меркенской МТС. Здесь ему уже после войны присвоили звание Героя Социалистического Труда, а в 1954 году он возглавил целинный совхоз «Московский» в Акмолинской области.

В январе 1936 года на Совете МТС с участием председателей колхозов, бригадиров, механиков, агрономов руководство поручило мне подготовить и выступить с докладом об итогах 1935 года и плане на предстоящий. Причем сделать это требовалось на казахском языке. Информация в основном содержала цифровой материал по каждому колхозу.

Докладывал я не совсем уверенно, кое-что путал, но меня слушали, задавали вопросы, а потом похвалили за знание казахского. Первое официальное выступление на казахском языке меня окрылило.

Комсомольцы МТС избрали меня своим секретарем. Проводил занятия в политкружке. Постепенно приходил материальный достаток. Купил себе велосипед, первые часы, патефон с пластинками, немного приоделся. Стал подписываться на газеты и журналы. Огорчало отсутствие в МТС и колхозе телефона и радио, да и почта приходила редко.

В 1936 году состоялись первые выборы в Верховный Совет СССР. Председателем избиркома утвердили нашего директора Сыргабаева, а меня членом комиссии. Мы агитировали за выдвинутых кандидатов в депутаты секретаря обкома партии Артыкбаева и начальника управления КГБ республики Залина. Буквально на финише, за несколько дней до голосования, случилась неприятность, вызвавшая у нас едва ли не шок. Нам объявили, что наших кандидатов в депутаты арестовали как врагов народа! Членов избиркома и агитаторов охватило душевное смятение и тревога. Пришлось перестраивать все заново и вести агитацию за других. Работники МТС, колхозники кто в шутку, а иные на полном серьёзе, спрашивали: не окажутся ли и эти врагами? Конечно, состояние агитаторов оказалось неловким.

В деталях помню день выборов. Многие жители собрались задолго до начала голосования. Когда открыли избирательный участок, пришлось даже устанавливать очередь: все стремились скорее, в числе первых, проголосовать. Первым исполнил свой гражданский долг 66-летний аксакал звеньевой Каратабан. День выборов превратился для людей в настоящий праздник. Голосование завершили к 10 часам утра. Против кандидатов не было подано не единого голоса!

К 1936 году в МТС сложился дружный и дееспособный коллектив. Его ядро составляли молодые и образованные

агрономы: М. Рогуленко, Ф. Гуляев, М. Шебалин, К. Неустроева, агроном по защите растений Воишев. Большое положительное влияние на меня оказывал главный агроном Талды-Курганского свеклосовхоза Коновилов — человек знающий, специалист старой закваски, типичный сахарозаводчик. Он в совершенстве знал свеклосеяние и сахароварение и многое мне подсказывал при встречах, как отец сыну.

Да и председатели большинства колхозов проявляли себя умелыми организаторами производства и переустройства сельской жизни. Особенно выделялись М. Бабашев, Б. Токсамбаев, М. Кутумбетов, А. Байжуманов, А. Даиров, впоследствии мой близкий друг и будущий Герой Социалистического Труда, и многие другие.

В апреле 1936 года в МТС на практику приехали студенты нашего института Маруся Лившиц, Лида Светова и Бименде Садвокасов. Девушек закрепили за ближайшими колхозами, так как ездить верхом они не могли, а пешком далеко не уйдешь. Трудность состояла и в том, что они не знали казахского языка. А Бименде Садвокасова мы определили участковым агрономом в самые дальние колхозы, где он жил и хорошо потрудился. В институте Марию Лившиц я близко не знал, хотя она мне нравилась. А в МТС мы внимательней приглядeлись друг к другу, стали чаще встречаться, вместе проводили свободное время. Вскоре Мария всем сердцем потянулась ко мне. Я отвечал взаимностью. И мы с ней фактически поженились навсегда. После возвращения в институт через какое-то время она сообщила мне о своей беременности. Воспринял это известие с радостной серьезностью. Во мне пробудились какие-то новые чувства. Понял, что пришло время нам быть вместе. Наше бракосочетание свершилось без ЗАГСа, без торжеств, по любви и взаимному согласию. Мама Марии жила с нами до конца своих дней. Со своей любимой супругой мы прожили вместе счастливо 61 год, вырастили двух сыновей.

В ноябре 1936 года меня пригласили в институт для сдачи госэкзаменов. Предварительно нас решили «напичкать» теоретическими воззрениями Т. Д. Лысенко. Курс растениеводства я сдал на «отлично», но не смог объяснить «обновление сортов по Лысенко». В итоге общую оценку по предмету снизили на «удовлетворительно». Остальные предметы сдал хорошо. В январе 1937 года, после полуторагодичной работы в МТС, нам вручили дипломы об окончании сельхозинститута.

Возвратился на работу с чувством радости. Встретили меня в коллективе приятным сюрпризом. Директор Р. Сыргабаев выделил квартиру, купил и привез мебель, помог обустроится на новом месте. Весной привез жену с сыном, и жизнь стала интересной и целеустремленной. Работал с воодушевлением, и дело спорилось по утверлившейся цикличности. Посев - возделывание — уборка — заготовка сладких корней и сдача сахарному заводу на переработку. Урожай в 1937 году получили приличный.

Зимнее время использовали для обучения колхозников агротехнике свекловодства. Создавали звенья, закрепляли за ними посевные участки, вывозили на поля удобрения. А звеньевых учили.

Помню такой случай. В колхозе имени Калинина аксакал почетный звеньевой Каратабан взял обязательство получить высокую урожайность сахарной свеклы. Я решил ему помочь внести под посевы свеклы минеральные удобрения. Вечером привезли удобрения и договорились с ним, что я утром приеду и внесем их. Утром приехал, а удобрений уже нет. Спрашиваю где удобрения, а он говорит уже внес их под посев. Чуствую говорит неправду. И, наконец, признался, что ночью кетменем все их выбросил в арык, где текла вода. Зачем спрашиваю. И он повел меня на то место, где в прошлом году долго лежали удобрения, и стал показывать мне. Вот видите, где они лежали, там теперь даже трава не растет. А ты меня заставляешь вносить

этот яд под свеклу. Это же вредительство. Вот почему я выбросил их в арык. На мой вопрос ты соль в пищу кладешь, он ответил да. Я предложил пойти к нему домой и за один присест съест килограмм соли. Звеньевой внимательно посмотрел на меня: он понял свою ошибку. Я долго не говорил никому об этом, ибо могли человека наказать.

Большое внимание уделяли изучению передового опыта украинской звеньевой Марии Демченко и нашей землячки звеньевой колхоза «Екпенды» Талды-Курганского района Нурипы Доскажановой, получавших с каждого гектара более чем по 500 центнеров сахарной свеклы. Все эти меры дали хорошие результаты. В колхозах, обслуживаемых нашей МТС, с каждого гектара получили на круг около 300 центнеров свеклы, что значительно больше плана при сахаристости корней в 16-18 процентов.

К сожалению, радость трудовых успехов часто омрачалась жестокими актами политических репрессий. Без суда и следствия увозили в «черных воронах» толковых специалистов, прекрасных организаторов. Как врагов народа, посадили в тюрьму секретаря райкома партии Кудаманова, председателя райисполкома и некоторых других работников.

В 1937 году в Алма-Ате арестовали начальника областного земельного отдела (облЗО) Тиранова. На его место утвердили директора нашей МТС Сыргабаева, а к нам прислали Тузубаева, работника безвольного и нерасторопного. Он оказался рохлей, проще говоря, размазней и никудышним руководителем.

В нашем Каратальском районе в эти годы произошли серьезные демографические перемены. С Дальнего Востока в массовом порядке переселили сюда корейцев. На базе Уштобинского рисосовхоза создали несколько рисосеющих колхозов, работниками которых стали корейские переселенцы. Для технического облуживания колхозов организовали Уштобинскую МТС. Часть корейцев направили в свеклосеющие колхозы Каратальской МТС. В итоге удельный

вес корейского населения в районе поднялся примерно до 30-40 процентов. Корейцы народ скромный и трудолюбивый. Уже на другой год урожайность риса в районе увеличилась вдвое против того, что получали раньше.

По долгу службы, а также по линии комсомольской организации, мне часто приходилось бывать в райцентре городе Уштобе. Весной 1937 года меня избрали членом бюро Каратальского райкома комсомола. Вскоре на одном из пленумов секретарь обкома комсомола внес предложение: избрать Ливенцова первым секретарем райкома комсомола. Я категорически возразил и в пику внес предложение о другой кандидатуре. В счетную комиссию избрали моего друга Эдуарда Герина, работавшего главным агрономом рисосовхоза. Он пообещал мне обеспечить «порядок» при подсчете голосов. В итоге первым секретарем избрали И. Нартайлакова. Честно говоря, мне не хотелось уходить с агрономической работы. Очень хотелось побольше набраться опыта и стать хорошим специалистом сельскохозяйственного производства. К тому же я душой прикипел к своей родной МТС. На казахском языке объяснялся уже весьма сносно.

В нашем коллективе прижилась прекрасная национальная традиция регулярно проводить айтысы (состязания) акынов. Выступления всеми уважаемого Калка Джапсарбаева, нашего поэта— импровизатора, производили сильное впечатление. Играя на домбре, он в стихотворной форме под собственный аккомпанемент критиковал промахи в работе колхозов, бригад и звеньев, поведении отдельных работников, высмеивал лентяев и хапуг. Ярко подмечал интересные факты в труде и быту, воспевал и славил честных и добросовестных колхозников и рабочих.

За несколько дней до айтыса он верхом объезжал колхозы, общался со многими людьми. На них меня завораживало внимание людей к импровизаторскому искусству акына, к его остротам и метким фразам. Они непринужденно, с выкриками

одобрения, бурно реагировали на выступления, задорно смеялись и негодовали. А те, кого хвалил, становились героями дня. Доброжелательное обнажение упущений и неустроенности быта устами акынов помогало исцелять трудовые и житейские «болячки», лучше чем строгие приказы.

В мае 1938 года меня назначили старшим агрономом свеклохлопкового управления Алма-Атинского облЗО (областной земельный отдел). В июле 1938 года попрощался с коллективом МТС, объехал колхозы и отправился к новому месту работы. Расставание оказалось нелегким. Меня прошибла слеза. Сельхозмеханик в кругу специалистов прямо заявил: отъезд Сыргабаева и Ливенцова может привести к осложнениям в МТС.

Квартиру в городе получили в аварийном доме. В нем жили пять семей специалистов облЗО с большими мучениями. Ежегодно приходилось его утеплять, добывать дрова, чтобы топить печь-развалюху. Приходилось разгружать вагоны и тем зарабатывать тонну-другую саксаула или дров.

Обстановка в облЗО оказалась благоприятной. Моим непосредственным начальником стал Р. С. Селтовский, большевик старшего поколения. В гражданскую он служил комиссаром бронепоезда на Украине. Селтовский хорошо меня знал по работе в МТС и относился заботливо. Агроном по свекловодству И. П. Бабкин, в прошлом научный работник, грамотный и честный, очень скромный и осторожный в общении тоже много мне помогал. Уважительные товарищеские отношения сложились с агрономом по хлопководству Юнусом Рахметовичем Раджибаевым, уйгуром по национальности, энергичным и темпераментным человеком, прекрасным специалистом своего дела. Жили мы в одном доме, часто бывали в гостях друг у друга. Юнус прекрасно готовил сухую лапшу лагман, очень вкусную. Вскоре его выдвинули секретарем райкома партии, потом начальником Алма-Атинского облводхоза. Один из его сыновей стал начальником

ПВО города Ташкента, дослужился до генерала.

С первых дней я почувствовал неудовлетворенность тем, что приходилось много заниматься писаниной, нередко составлять ненужные бумаги. Хотелось сесть верхом на лошадь и ехать по полям. Но это так и осталось мечтой. Мария делала все, чтобы развеять мою «чиновничью» тоску.

Начальник облЗО Сыргабаев иногда приглашал нас с Марией в гости. Уважительно относились ко мне и он и его жена Жакыт. Старшая дочь Захан в то время закончила мединститут и стала прекрасным врачом. Заботливо лечила своего отца, периодически страдавшего от ранений, полученных на фронте.

После первых же своих поездок в хлопкосеющие районы Алма-Атинской области обратил внимание на низкую урожайность хлопчатника. Оказалось, что суммы температур и солнечных дней в области для его развития не хватало. А вот условия южного Казахстана, где я с детства участвовал в его возделывании и уборке, подходили в самый раз. После длительного изучения посевы хлопчатника в Алма-Атинской области прекратили, и мы стали возделывать кунжут, дававший самое ценное растительное масло для кондитерской промышленности.

Ко мне очень часто обращались работники радио с просьбой давать информации о ходе сельскохозяйственных работ в области. Просьбы их я выполнял и потом с удовольствием слушал свои сообщения в передачах республиканского радио.

В 1939 году в облЗО произошла реорганизация аппарата. Вместо мелких отделов создали два крупных управления. Южное — курировавшее районы, где кроме зерновых в основном возделывались сахарная свекла, табак, рис и другие технические культуры, развивались садоводство, овощеводство, виноградарство. Его возглавил Смитюк, а главным агрономом утвердили меня. Северное управление обслуживало районы зернового направления. Руководителем этого управления утвердили Савченко, а главным агрономом — Иконникова.

В один из дней на работе не появился наш начальник облЗО — Сыргабаев. Через час другой «узун кулак» принес печальную весть, — его ночью арестовали как врага народа. Меня дотошно расспрашивали коммунисты Селтовский, Смитюк и другие: не замечал ли я с его стороны вредительства во время работы в МТС и облЗО. Всем отвечал октрыто и честно, что за все годы совместной работы не видел абсолютно ничего такого, что можно было бы окрестить вредительством. К тому же МТС всегда считалась передовой. В искренности этих ответов сомневался мой однокашник Горшенко, — человек завистливый и постоянно брюзжавший, типичный «стукач». Сам он впоследствии сгинул неизвестно куда.

Арест Сыргабаева стал для меня большим потрясением. В душе возникло сомнение в правильности арестов. Особенно настораживало то, что жернова репрессивной машины перемалывали лучших руководителей, прекрасных специалистов, просто хороших людей. Меня терзал вопрос: как могло случиться такое? Почему передовая часть нашего общества, душой и средцем принявшая социалистические идеи, вдруг стала враждебной! Почему так? Кому это на руку?! Вопросы, на которые я не мог в те годы вразумительно ответить!

Через несколько дней арестовали начальника Северного управления облЗО Савченко. Примерно через месяц на глазах всего коллектива в своем кабинете взяли под стражу главного агронома области Андрея Банченко.

Помню как сейчас, возвращался я из Наркомзема. Решил сразу зайти к главному агроному и кое-что согласовать. Войдя в кабинет, поначалу крайне удивился тому, что хозяин сидит на месте посетителя, а за его рабочим столом — чужой человек копается в ящиках. Меня тут же выпроводили из комнаты. Тогда я зашел в большую комнату несколько похожую на зал, где обычно трудились несколько специалистов нашего управления. Вижу, человек в форме КГБ беспардонно наблюдает за тем, кто и что делает. В зале — гробовая напряженная тишина, каждый

— в шоке. Когда, примерно, через час «кэгебешники» уехали и увезли Банченко, многие сотрудники сильно взволновались, а иным попросту стало дурно.

В этот же день арестовали начальника «Облсельхозтранса» Калину, а до этого бухгалтера облЗО Черевичного. Мы знали, что его родной брат — знаменитый летчик полярной авиации. Он в то время пользовался большой популярностью и обратился к Сталину, рассказал о случившемся. Вскоре бухгалтер Черевичный возвратился из мест заключения.

Обстановка всеобщей слежки и доносительства порождала взаимное недоверие и подозрительность. Люди стали меньше общаться друг с другом, замыкались в себе. Тогда вошло в моду любой недостаток или ошибку считать вредительством. Многие хотели этим показать свою «бдительность», а иные использовали для наушничества и мести. Люди потеряли уверенность в завтрашнем дне. По ночам ждали стука в дверь и «черного ворона». Это тревожило каждого.

Причем, когда арестовывался работник, тут же собирали коллектив, и люди клеймили своего бывшего товарища, как «врага народа». Противно вспоминать тех, кто чернил арестованных: ведь еще недавно они работали вместе и вели себя как друзья.

Как-то я поехал в командировку в Каратальский район. На станции Уштобе случайно встретил своего знакомого Нартайлакова, первого секретаря райкома комсомола. Он с удивлением спрашивает меня: «А разве тебя выпустили? У нас говорят, что ты арестован».

В эти годы арестовали высшее руководство ЦК КП(б) Казахстана, Совета министров, КазЦИКа, наркоматов, КГБ, ЦК комсомола, многих других работников. Эпидемия репрессий коснулась и некоторых родственников. В частности, осудили моего дядю Василия Кузьмича Ливенцова, перенесшего муки ада в Карлаге в течение 13 лет, а потом реабилитированного.

Нашего бывшего директора МТС и начальника облЗО Сыргабаева осудили на 4 года тюремного заключения необоснованно. Его обвинили в том, что к весне не отремонтировали два трактора. Фактически же к ним просто не смогли найти запасные части. После освобождения из тюрьмы он участвовал в Великой Отечественной войне. Получил тяжелое ранение. После войны работал председателем Талды-Курганского райисполкома и умер из-за осложнений от ранения. Вскоре выпустили из тюрьмы бывшего главного агронома Банченко, секретаря райкома Кудаманова.

В общем, обстановка оставалась напряженной. Печать пестрела сообщениями о судах, расстрелах, митингах с требованием строгой кары «врагам народа». Неверие, страх, подозрительность, отчуждение поселились в душах людей. Тяжело было всем, особенно тем, кто попал в эту кровавую опалу.

В 1939 году начальником облЗО после ареста Сыргабаева назначили П. П. Волошко энергичного организатора и опытного специалиста. Человека строгого, с проницательным умом и добрым сердцем. Он сумел подобрать инициативных и квалифицированных сотрудников. К работникам относился требовательно и тактично, творчески решал деловые вопросы.

С большим напряжением трудились специалисты Южного управления. В его зоне возделивались наиболее трудоемкие культуры: табак, сахарная свекла, овощи и плоды. И я понемногу стал привыкать к аппаратной работе. Часто ездил в районы. Осваивал азы табаководства. Для производства натурального каучука в области начали внедрять посевы кок-сагыза.

Нас, главных специалистов, приглашали в Народный Комиссариат земледелия, облисполком, обком партии. Мне чаще всего приходилось бывать в сельхозотделе обкома партии на совещаниях или накануне сельскохозяйственных кампаний. Участвовал в разработке планов хлебной жатвы, уборки и

вывозки сахарной свеклы, проведения весеннего сева и других. Приходилось присутствовать и на совещаниях у первого секретаря обкома партии военных лет Д. Г. Кулитова, который часто давал различные поручения. Мне казалось, что он прислушивается к моему мнению, к моим оценкам и соображениям по вопросам сельского хозяйства. Это окрыляло и воодушевляло.

Многому я научился у заведующего сельхозотделом обкома Куканова, председателя облисполкома Заваритько, с которым объяснялся на «украинской мове». Именно у Заваритько в кабинете впервые встретился со знаменитым акыном Джамбулом, смог лично выразить ему свое безграничное уважение. До сих пор живет во мне доброе впечатление об этой встрече.

Много довелось трудиться с опытными специалистами. Общение с ними обогашало мой профессиональный багаж. Назову лишь некоторых. Прежде всего — главного агронома Михаила Ивановича Полумискова — многоопытного специалиста -аграрника, потомка садоводов - селекционеров, которые сотворили знаменитый алма-атинский сорт яблок «апорт». Тонкий знаток плодоводства Горин, возглавлявший Алма-Атинский райЗО, а затем пригородный колхоз «Горный гигант». В окрестностях казахстанской столицы известностью пользовался табаководческий совхоз «Алма-Атинский», где несколько десятков лет трудился главным агрономом, а затем директором до конца дней своих П. Ф. Томаровский. Заслуги его высоко оценены присвоением звания Героя Социалистического Труда. После его смерти совхозу присвоили имя Томаровского.

Ведущую роль в техническом обслуживании колхозного производства области играли машинно-тракторные станции. Их у нас действовало около 40. Задавали тон Мукринская, которой тогда руководил Р. Сыргабаев, Копальская, возглавляемая Кузьмой Силовичем Лесечко и Костекская МТС, где в те

тревожные годы директорствовал Незвигин. Станции по тем временем неплохо были оснащены технически. Они располагали достаточным парком тракторов, прицепного инвентаря, комбайнов, автомашин и другой техники и обеспечивали проведение всех сельхозработ. Механизация создавала прекрасный настрой у тружеников села. При каждой станции действовали курсы по подготовке трактористов, комбайнеров и механизаторов других профилей, из числа молодых колхозников. И это фактор немаловажный. Сельский труд обретал индустриальный характер.

В 1939 году в хозяйствах Алма-Атинской области хорошо уродились зерновые, сахарная свекла, рис, табак и овощные культуры. Область утвердили участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Как главного агронома Южного управления облЗО меня включили в делегацию. Летом 1940 года вместе с А. Бузицким, главным инженером облЗО, В. Г. Буренковым, заместителем заведующего сельхозотделом обкома партии и П. И. Мальцевым, заместителем директора Мукринской МТС приехали в Москву. Целую неделю мы до изнеможения знакомились с выставочными павильонами, которые просто поражали наше воображение. Каждый открывал для себя массу нового. Участие в выставке являлось для нас своего рода университетом.

Меня наградили Большой серебряной медалью Выставочного комитета. Очень дорога для меня эта первая награда, ценю и храню ее как бесценную реликвию.

Участие во Всесоюзной выставке — мое первое в жизни посещение столицы нашей Родины — Москвы. Мы объехали большинство станций метро, останавливались практически на каждой, любовались красотой подземных дворцов. Перед отъездом в Алма-Ату почти всю ночь простоял в очереди у магазина: Мария просила купить ей входившие в моду резиновые сапожки. Заказ выполнить удалось, — чему я и моя супруга очень обрадовались.

В аппарате облЗО мне довелось выполнять обязанности заместителя секретаря комсомольской организации. В мае 1942 года, когда уже шла Великая Отечественная война, меня приняли членом ВКП(б). Партийный билет вручал первый секретарь Фрунзенского райкома партии г. Алма-Аты К. Искаков. В 1964-1980 годах он работал председателем партийной комиссии Чимкентского обкома партии. Я же в 1962-1972 г.г.трудился здесь первым секретарем областного комитета.

В 1939 году всех молодых специалистов облЗО, не служивших в армии, вызвали в военкомат на медкомиссию. Еще в детстве я оглох на левое ухо и меня признали органиченно годным для службы в армии. Занимаемая мною должность давала право на бронирование и меня «забронировали», как и других главных специалистов.

В декабре 1940 года меня назначили главным агрономом Алма-Атинской области. Прямо скажу — ответственное выдвижение, тем более в столичной области. Оно ко многому обязывало. Область большая, сельское хозяйство — многоотраслевое, в ней тогда насчитывалось 27 районов. В командировках приходилось бывать по 10-12 дней в месяц. Часто ездил в приграничные с Китаем малонаселенные районы.

В 1941 году селькохозяйственные дела в области складывались нормально. Радовали озимые посевы. Организованно завершили весенний сев. Заготовка кормов для животноводства велась споро и деловито. Словом, дела развивались как нельзя лучше. И, тем не менее, большинство людей пребывало в состоянии душевного беспокойства и тревоги. Ведь международная обстановка с каждым днем накалялась. В Европе уже бушевала большая война. Заключение договора с Германией не вселяло уверенности в завтрашнем дне. Мир завис на волоске. Фашистская Германия раскручивала маховик мировой войны.

А у нас, в облЗО, между тем все шло мирно и деловито. В

воскресенье, 22 июня 1941 года, я пришел на работу. Накануне условились с начальником обсудить планы подготовки и проведения уборки на редкость богатого урожая. В служебном здании радио почему-то никто не включил. Во второй половине дня, закончив намеченные дела, с Волошко направились по домам. На улице нам встретился весьма озабоченный и встревоженный военком г. Алма-Аты. Остановив его, П. П. Волошко спросил, чем он так расстроен и куда спешит? А тот отвечает: «Вы что, радио не слушали! Германия вероломно напала на СССР!».

Сообщение военкома ввергло нас в какое-то оцепенение. Что будет со страной? Дальше шли молча. Расставаясь, Волошко махнул рукой и со злостью произнес: «Как же теперь проводить уборку, ведь все механизаторы и основная техника немедля уйдут на войну! Надо подумать и завтра же определиться». Дома встретила жена с сыном на руках. В ее взгляде виделись душевная боль и растерянность: чем обернется война? Ведь Правительство все время твердило, что войны не будет!

Горожане высыпали на улицы. Людей охватило душевное волнение. Все с тревогой говорили о войне, высказывали всевозможные прогнозы, спрашивали, почему не выступил Сталин. Пережив бессонную ночь, я рано утром появился в ОблЗО. Видел, как горожане спешили на работу. Все как-то преобразились. На лицах мучительная тревога за судьбу страны, родных и близких, волнение и решимость бороться.

Наш начальник, возвратившись утром из обкома партии, собрал коллектив и определил задачи в условиях военного положения так: каждый работает за двоих-троих, чтоб заменить уходящих на фронт. Никто не должен покидать с работы пока не выполнит все поручения. Вводился ненормированный рабочий день, ответработники и специалисты, как правило, трудились до глубокой ночи. Большинство механизаторов, особенно молодых, уходили на призывные пункты. Машинно-тракторным станциям, колхозам и совхозам доводились задания

по подготовке механизаторов из числа женщин, мужчин-пенсионеров, инвалидов и подростков.

Первые сообщения Совинформбюро о ходе боевых действий повергли нас в уныние. И как не тревожиться:— ежедневно в каждой сводке сообщалось о тяжелых боях, об отступлении частей Красной Армии, о захваченных врагом городах и селах.

Шла Война народная...

Врезался в память день 3 июля 1941 года. Радио оповестило нас о предстоящем важном правительственном сообщении. Через некоторое время мы, затаив дыхание, слушали выступление И. В. Сталина. Прильнув к «черной тарелке», почувствовали его волнение. Вот он наливает в стакан воду и тихо начинает речь. Говорил ясно, четко изложил задачи партии и народа, подчеркнув, что война Советского Союза справедливая и освободительная, Великая отечественная. В заключение произнес знаменитую и пророческую фразу: «Враг будет разбит, победа будет за нами! Все для фронта, все для победы!».

В годы военного лихолетья каждый из нас стремился внести весомый вклад в разгром врага. Все личное отошло на второй план. За все 1418 дней Великой Отечественной ни о каких выходных или отпусках, ни о каких благах никто и не помышлял. На фоне растерянности и тревожности первых месяцев войны во всем величии предстало радушие казахского народа, его гостеприимство и самопожертвование. Казахстан принял сотни вывезенных предприятий, многие тысячи эвакуированных людей и переселенцев. В большом сердце казахов нашлось место каждому страждущему. Сплочение людей, высокий патриотический настрой, интернационализм превращались в решающий фактор будущей победы. Низкий поклон казахскому народу за его человечность, открытое сердце и радушие!

За весь период войны, мы не сталкивались ни с какими, даже малейшими фактами, национальной вражды или неприязни. Дружба и всеобщее сплочение в борьбе с немецким фашизмом окрыляли весь многоязыкий, многоликий народ Казахстана стали изначальной основой великой Победы.

Тыл перестраивался на военный лад. Шла мобилизация людских и материальных ресурсов. Дыхание войны донесли до

нас обездоленные эвакуированные. Помню, в октябре 1941 года у председателя Талды-Курганского райисполкома с участием всех председателей колхозов и исполкомов сельских Советов рассматривали вопросы уборки и вывозки сахарной свеклы. Вдруг телефонный звонок прервал ход совещания. Военный комиссар сообщил, что на станцию Карабулак прибыло 10 вагонов с эвакуированными. Их необходимо вывезти районным транспортом и разместить в семьях колхозников. Быстро распределили по хозяйствам: кому вагон, кому полвагона, не ведая о точном количестве приехавших полураздетых, голодных людей с детьми.

Не прошло и получаса, как последовал новый звонок со станции Коксу: поступило 20 вагонов с эвакуированными, среди них есть больные, много детей. И этих людей тоже следует вывезти в колхозы и расселить. Председатель райисполкома начал было возражать, ссылаясь на то, что район переполнен — эвакуированные уже и так вселены почти в каждую колхозную семью. Но мы понимали: иного выхода просто нет. Стали ломать голову над тем, где разместить и как устроить людей, как накормить и одеть.

В первом потоке эвакуированных оказались в основном семьи военнослужащих из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии. За ними последовали гонимые войной жители Центральных областей России. Большинство из них потеряло свои семьи, дома, все нажитое.

Как-то ко мне в облЗО обратился эвакуированный главный агроном Министерства сельского хозяйства Украины Терентий Васильевич Деркач. Он и группа специалистов, оставив родных в селах под Полтавой, перегоняли скот в глубь страны, рассчитывая потом вернуться за своими семьями.

Случилось так, что фашисты заняли Полтаву раньше, чем ожидалось, и семьи оказались в оккупации. У нас Деркач работал старшим агрономом Талды-Курганского райЗО до 1944 года. Оказался он прекрасным специалистом и порядочным

человеком. При каждой встрече со слезами на глазах говорил о затерявшейся жене с детьми. Когда освободили Полтаву, он отыскал ее в одном из местных сел. После изгнания в рага из Украины он вновь стал главным агрономом Наркомзема. Впоследствии Т.В. Деркачу присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Эвакуированные предприятия быстро разворачивались на новом месте и налаживали выпуск продукции. Завод прессов-автоматов, перевезенный из Воронежа в Чимкент, разместили на пустыре. Оградили территорию, разделили ее на участки, поставили указатели с наименованиями цехов. Быстро сделали фундаменты под открытым небом, установили оборудование и станки, пустили силовые установки и завод начал давать продукцию. И, как говорят, пошло-поехало. Параллельно велось строительство зданий и корпусов соответствующих цехов и вспомогательных служб. По такой схеме вводились в строй и другие эвакуированные предприятия.

В 1942 году в Алма-Атинской области трудно шли сельскохозяйственные работы. Не хватало механизаторов, тракторный парк поизносился, новая техника не поступала, отсутствовали удобрения. Однако продукцию государству сдавали исправно, хотя сами сельчане подчас недоедали. Обеспечение продовольствием строго нормировалось карточной системой. В селах и городах гражданам выделялись земли для подсобных хозяйств. Все это здорово помогало людям. Так, коллектив нашего облЗО получил земли на сортоиспытательном участке в 20 километрах от Алма-Аты. Мы с женой на своей делянке посеяли кукурузу, все лето обрабатывали, поливали. И получили неплохой урожай. Потом весь год ели кукурузную мамалыгу, почти каждый день готовили вкусные кукурузные хлопья.

В Алма-Ате все газоны и скверы, парковые зоны заняли под огороды. Тысячи горожан садили за городом картофель и овощи.

Люди с болью в сердце переживали огромные трудности начального периода войны. Вести об отступлении Красной Армии, о потерях городов и сел угнетали нас. Угнетали, но не сломили. Единство трудящихся, дружба и высокий патриотизм творили чудеса. Невозможное становилось возможным.

Поднялась и нарастала всенародная волна оказания помощи фронту. Наши колхозники продавали скот и вносили полученные средства в фонд обороны на постройку танковых колонн, авиаэскадрилий. Председатель одного из колхозов Талды-Курганского района Ещан и его родственники внесли в фонд помощи фронту более ста тысяч рублей — на танковую колонну. Ответную благодарность Ещану прислал сам Сталин. Подобные проявления патриотизма и любви к Родине с каждым днем становились все более многочисленными. Во всех коллективах ежегодно все работники подписывались на заем в размере не менее месячного оклада. Трудящиеся отправляли фронтовикам теплые вещи, валенки, продовольствие. Движение помощи фронту сделалось всенародным.

Начиная с 1942 года, когда я стал коомунистом, меня часто приглашали в обком партии. Приходилось вместе с заведующим сельхозотделом обкома М. Бейсебаевым готовить проекты решений бюро, планы проведения сельскохозяйственных работ, хлебозаготовок. Вскоре его выдвинули председателем облисполкома, чему он вполне соответствовал. А потом он работал первым секретарем обкома, заместителем председателя и председателем Совета Министров Республики.

В конце 1942 года заведующим сельхозотделом обкома утвердили Куканова, работника аппарата ЦК КП Казахстана. Он готовил грамотные проекты решений, научил этому и меня. Но Куканов никогда не работал на производстве. Видимо, это и стало причиной возникавших между нами разногласий. Он несколько раз говорил, что хотел бы взять меня к себе замом, но мешают разные подходы в оценках положения дел в сельском хозяйстве. Я ему отвечал, что такой союз нереален.

Как-то в апреле 1943 года первый секретарь обкома партии Д.Г. Кулитов поручил мне выступить перед партийно-советским активом с инструктивным докладом о наших задачах по выполнению решений состоявшегося на днях пленума ЦК Компартии Казахстана по сельскому хозяйству. Задание очень серьезное. Я волновался, переживал. Кулитов остался доволен тем, как я справился с его поручением.

В мае 1943 года меня в особом секторе обкома ознакомили с постановлением бюро об утверждении заместителем заведующего сельхозотделом обкома партии. «Как же так, — подумал я, — без меня, - меня женили?». Никто предварительно со мной не беседовал. Работнику сектора я сказал о своем несогласии с этим решением. Сделал пометку, что постановление читал, но просил передать о нем свое отрицательное мнение. И ушел. Продолжал работать в облЗО, никому ничего не сказав о партийном решении. Кончилось тем, что секретарь обкома партии Сафонов крепко отругал меня и потребовал явиться на работу в обком. После нагоняя последовал приказ о моем освобождении от обязанностей главного агронома в связи с выдвижением на работу в обком партии.

Переход в партаппарат — поворот в судьбе

Итак, в мае 1943 года я приступил к работе заместителем заведующего сельхозотдела Алма-Атинского обкома партии, заменив на этой должности своего однокашника В. Г. Буренкова, выдвинутого в сельхозотдел ЦК КП (б) Казахстана. С первых дней пришлось менять свои стиль, привычки и характер взаимоотношений с людьми. По деловому направлял работу аппарата новый первый секретарь обкома партии Боголюбов, впоследствии избранный секретарем ЦК Компартии Киргизии.

В годы войны аппарат обкома работал с раннего утра до поздней ночи. Выходных дней и отпусков мы не знали. Понемногу постигал суть партийной работы, часто бывал в командировках. Летом 1943 года область посетил представитель Государственного Комитета Обороны Министр финансов СССР Арсений Григорьевич Зверев. Его сопровождал первый секретарь обкома, а я ездил в группе специалистов как консультант. Цель визита высокого гостя — изыскать для государства как можно больше хлеба, мяса и другой сельхозпродукции.

Огромные трудности военного времени не сломили патриотический настрой селян. Хозяйства области в основном справлялись с поставленными задачами. Партийные комитеты и советские органы строго контролировали выполнение планов и своих решений. В 1943 году я впервые побывал в сельхозотделе ЦК с отчетом о ходе уборки сахарной свеклы. В другой раз пришлось объясняться здесь по поводу задержки с проверкой одной из жалоб. За эту задержку мне крепко влетело от заведующего сельхозотделом ЦК Г. А. Мельника.

В конце февраля 1944 года среди работников обкома прошел слух о том, что Алма-Атинскую область намечено разукрупнить. Уже в марте он подтвердился. В мае 1944 года

состоялось решение о создании Талды-Курганской области. Первый секретарь Боголюбов предложил мне остаться в Алма-Атинском обкоме в качестве заведующего сельхозотделом. Я дал согласие. В моем присутствии он позвонил секретарю ЦК. Суколенову и договорился с ним об этом. Тем временем моего товарища К. Поставничева вызвали в ЦК и предупредили, что он утвержден заведующим организационно-партийным отделом вновь созданного Талды-Курганского обкома и должен отобрать в новую область лучшие кадры.

Будущий секретарь Талды-Курганского обкома А. А. Дубровский заручился поддержкой первого секретаря ЦК КП Казахстана по части подбора кадров в новую область с учетом его предложений. Мне и в голову не пришло, что эта договоренность может коснуться и меня. Вскоре в ЦК вызвали одновременно человек десять. Там и объявили об утверждении меня заведующим сельхозотделом Талды-Курганского обкома партии. Мои возражения начисто были отвергнуты. Присутствовавший на собеседовании Дубровский подошел ко мне и сказал: «Не следует отказываться — время военное, мы с тобой будем хорошо работать в Талды-Кургане. Завтра поезд отходит в 12 дня, билеты взяты, собирай чемодан. И встретимся на вокзале». Так свершился поворот в моей судьбе.

В состав Талды-Курганской области из Алма-Атинской перешло 12 районов, общей площадью 118.5 тыс. кв.км с населением около 700 тысяч человек. Из промышленных предприятий в ней имелись Текелийский свинцово - цинковый комбинат, сахарные заводы и мясокомбинат в Уштобе. Земледелие специализировалось на производстве зерна, сахарной свеклы, овощеводстве, плодоводстве. Область располагала значительными площадями орашаемых земель. Основу животноводства составляли разведение крупного рогатого скота, овцеводство и коневодство.

Областным центром определили село Талды-Курган, преобразованное в город с населением примерно 10-12 тысяч

человек. Основано оно было в середине XIX века и раньше именовалось Гавриловкой. В нем имелись 12 улиц, застроенных саманными двух-трех комнатными домами, крытых камышом и железом. У каждого дома имелся поливной земельный участок в 25-40 соток. В то время в городе располагались МТС и два колхоза — «Заря Востока» и «Новый быт».

Обком партии разместили в шести разных помещениях: в здании райкома, в квартире уехавшего в Карабулак первого секретаря райкома, конторе райпотребсоюза и трех небольших двухкомнатных домиках. Крайне стесненно устроились и другие областные организации. Многие из них, в том числе в обком и облисполком, не имели мебели и даже телефонов.

Вот в таких непростых условиях начали мы свою деятельность в новой области. Тем не менее, весенние полевые работы 1944 года провели в основном организованно. Озимые перезимовали нормально. 4 мая я по своей инициативе собрал первую сводку об итогах сева, ходе обработки сахарной свеклы и других культур: облстат еще не функционировал. В рукописном виде вручил ее первому секретарю обкома партии. Дело вроде бы небольшое, но сводка вызвала у него интерес и удовлетворение.

В начале мая мне позвонил второй секретарь нашего обкома Бернязов и сообщил, что со стороны сахарного завода к нам выехал «А в кубе» (так неофициально называли секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева по начальным буквам его имени, отчества и фамилии). Звонок несколько ошеломил работников обкома. Мы слышали, что Андреев находится в Алма-Ате, но никак не предполагали, что он посетит и нашу, еще не оперившуюся область. Все мы, обкомовцы, человек 12-15, вышли на крыльцо. И вот к обкому быстро подкатили две автомашины. Из передней вышел Андрей Андреевич. Его встретил наш первый, Дубровский.

После обмена приветствиями Андрей Андреевич спросил его: «Вы почему, товарищ Дубровский, оказались здесь?» Причем произнес он эту фразу с какой-то строгостью и неприязнью,

на что все обратили внимание. Осмотрев пустые кабинеты обкома, Андреев поинтересовался тем, как размещены и укомплектованы кадрами областные организации. Ему ответили, что многие из них еще не созданы, чем он возмутился: «Почему же руководство республики так безответственно относится к формированию областных организаций новой области?».

Затем Андреев вместе с Дубровским съездил в колхозы «Красный Восток» и «Коминтерн» Талды-Курганского района. Они осмотрели посевы зерновых и плантации сахарной свеклы, встретились с руководителями районных организаций, побеседовали с колхозниками. Возвратившись из поездки, Андрей Андреевич выступил перед работниками областных организаций. Задачу поставил четко: область должна нарастить производство сельскохозяйственной продукции, особенно зерна, сахарной свеклы и мяса. В заключение заявил, что окажет помощь кадрами и материально-техническими ресурсами.

Буквально через пару дней после его отъезда мы почувствовали реальность обещанного. В область начали завозить мебель, сейфы, пишущие машинки и даже легковые автомашины. Оперативно комплектовались кадрами областные организации. В течение месяца все они начали действовать. Сотрудники получили квартиры. Правда, дома были саманные, без минимума коммунальных удобств, к чему мы постепенно привыкли.

Мне досталась двухкомнатная квартира на четвертой улице (наименований улицы не имели). Во дворе располагался сарай, росло несколько плодовых деревьев, имелся участок для огорода. Квартиру пришлось капитально ремонтировать, сделать в ней подвал, на что ушло три месяца. И только в июле перевез из Алма-Аты супругу с сыном. Весной на приусадебном участке посадили картофель, кукурузу, овощи и клубнику.

Как заведующий сельхозотделом обкома главным делом считал подбор работников курируемых организаций: облЗО,

облводхоз, облзаготзерно, уполминзаг, заготскот, сельхозснаб и др. Начальником облЗО обком утвердил Салкена Дауленова. До 1937 года он работал вторым секретарем ЦК КП (б) Казахстана. Когда же арестовали первого секретаря ЦК Л. И.Мирзояна, его стали шантажировать и откровенно намекать, что и самому Дауленову ареста не миновать. Опасаясь за свою судьбу, он уехал в Башкирию, где семь лет проработал директором совхоза.

После избрания первым секретарем ЦК КП(б) Казахстана Жумабая Шаяхметова Дауленов вернулся в родные края и его направили к нам. Вместе с ним мы хорошо укомплектовали аппарат опытными специалистами. Первым заместителем начальника управления утвердили П. Б. Кузьминицкого, главным инженером А. Фатеева, заместителем начальника по земледелию И. Е. Кубенбаева, главным агрономом Снегерева, заместителем по животноводству С. Пономарева, инженерами А. Галимжанова, Е. Сечкина, А. Молчанова. Впоследствии Фатеева, Галимжанова и Сечкина выдвинули на работу в сельхозотдел ЦК и в республиканские ведомства.

В целом к середине 1944 г. мы завершили формирование руководящих органов, отраслевых отделов и управлений. Повсеместно люди трудились с полной отдачей, как того требовали условия военного времени. На полях и фермах тон задавали пенсионеры и инвалиды, женщины и подростки. И дела шли. На подъем трудового энтузиазма и морального духа людей положительно воздействовали боевые успехи нашей армии. Сводки Совинформбюро слушали все, затаив дыхание. Особую радость приносили сообщения об освобождении городов и салютах в честь воинских соединений и частей, громивших врага.

В один из летних дней 1944 года из области отозвали первого секретаря обкома партии Дубровского. Вожаком областной партийной организации избрали Андрея Павловича Кондратенко, до этого работавшего секретарем райкома и

обкома партии в Карагандинской области.

Видимо недоброжелательное замечание члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Андреева в адрес Дубровского не было случайным. До приезда в Талды-Курган он работал первым секретарем Оренбургского обкома партии. Мотивов его освобождения мы не знали. Но повседневно, общаясь с ним по работе, все больше убеждались в том, что он слабо знал сельскую экономику, крайне редко выезжал в районы и страдал, можно сказать, творческим бесплодием.

Полная противоположность ему — Кондратенко. Это опытный, волевой, энергичный и настойчивый человек. Он быстро взял под свое . интеллектуальное влияние деятельность областников, придал ускорение и активность районным и местным звеньям руководства. Чувствовалось, что новый секретарь хорошо разбирается в сельском хозяйстве и промышленности, знал интересы и настроения людей, внимательно реагировал на них.

Во время переезда в Талды-Курган у него умерла жена, на руках остались двое детей. Ради них он женился на родной сестре своей покойной супруги, хотя она была значительно моложе его.

1944 сельскохозяйственный год для новой Талды-Курганской области сложился в основном удачно. Зерновые убрали с некоторой затяжкой, но задания по сдаче хлеба государству выполнили. Неплохо обстояли дела в животноводстве. Текелийский свинцово-цинковый комбинат, сахарные заводы, мясокомбинат и другие предприятия тоже поработали ударно. Сахар, мясо и другая продукция своевременно отправлялись государству. «Все для фронта, все для Победы!» - таким был девиз каждого.

На фоне всеобщего трудового напряжения диссонансом выглядели нераспорядительность и слабоволие председателя облисполкома Ж. Сагинтаева. Он не сумел организовать работу Советов и, по сути, не оказывал должного влияния на

хозяйственную жизнь области. Совершенно иначе действовали заместители председателя Кадыржанов и Лапшин. Они то и тянули всю организационную работу, определяли рабочий «облик» исполнительного комитета. Сагинтаев недолго продержался в председательском кресле, его освободили. Председателем облисполкома утвердили Сейткали Джакипова, который и по складу ума, и по опыту работы, и умению общаться с людьми оказался намного сильнее своего предшественника. Он быстро сработался с Кондратенко, и в паре разумно направляли хозяйственно — политическую жизнь области.

Еще раз вернусь к личности начальника облЗО Дауленова. Его судьба в неровностях жизненных стежек-дорожек. Действительно, он неплохо преуспевал в налаживании нормального функционирования областного и районных земотделов, МТС колхозов. Но осенью 1944 года дали промашку. Область не выполнила план подъема зяби. В ноябре, когда у нас уже выпал глубокий снег и сильно подморозило, меня и Дауленова вызвали в ЦК для объясения причин срыва осенней подготовки земель! Из-за бездорожья и снежных заносов по пути заночевали в колхозе «АкшаТоган».

Председатель правления Акчалов, как принято по обычаю, подготовил обед и стал потчевать водкой. Я, как говорят, промочил горло, ограничившись парой глотков. Дауленов же выпил несколько стаканов и окончательно опьянел. Мы и раньше замечали его пристрастие к алкогольному зелью. Но беда состояла еще и в том, что в состоянии опьянения он терял контроль над собой и мог натворить немало аморальностей. К утру Дауленов, конечно, не проспался.

На дорогу опохмелился.В выходя из дома, мне пришлось поддерживать его, поскольку он основательно покачивался и плохо различал предметы. По дороге в радиаторе закипела вода. Пока шофер возился с машиной, я отправился к реке. Дауленов тоже вышел из машины и беспричинно начал стрелять из своего

служебного нагана, крича при этом: «Вася, где ты!». Шофер быстро сориентировался и отобрал у него оружие. Возвратившись, я спросил: «Зачем ты стрелял?» А он говорит: «Я боялся, что ты куда-то убежал».

Прибыв в Алма-Ату, мы явились в сельхозотдел ЦК. Его работники как раз готовили документы для рассмотрения на бюро. Вскоре Дауленов и говорит мне: «Пойду, мне надо поговорить с Шаяхметовым». Через некоторое время он возвращается и сообщает, что договорился с Первым — на бюро нас заслушивать не будут. И действительно, заведующий сельхозотделом ЦК получил указание снять вопрос с рассмотрения. Потом Дауленов рассказал мне, что они с Шаяхметовым старые друзья.

Через некоторое время Дауленова направили председателем облисполкома в другую область. А с середины 50-х годов и до 1962 года он возглавлял Совет Министров Казахстана и работал неплохо. Его пребывание в этой должности закончилось печально из-за алкогольных излишеств. Помнится такой случай. Зная склонность Дауленова к выпивке и его намерение посетить Чардару, начальник «Чардарастроя» со своими приближенными организовал групповой алкогольный компромат. Они крепко напоили председателя Кабинета министров, первого секретаря обкома и председателя облисполкома. Вслед сочинили анонимку в ЦК ВКП (б). Дауленова освободили от обязанностей главы правительства. Потом он долгие годы работал заведующим отделом Госплана Республики. Также сняли с работы первого секретаря Южно-Казахстанского обкома партии В.Н. Макарова и председателя облисполкома З.Ескендирова.

С приходом в область Кондратенко заметно возросла активность областных организаций, большинства райкомов партии и райисполкомов. Многие райкомы возглавляли опытные и способные партийцы. Незабываем Иван Петрович Гришагин: двадцатипятитысячник, он по доброй воле оставил

завод и связал свою судьбу с селом. Быстро поднял и вывел в передовые свой колхоз. Как опытного руководителя, его выдвинули первым секретарем Андреевского райкома партии. Он прекрасно знал производство, умело направлял деятельность первичных парторганизаций, правлений колхозов, коллективов МТС. Бывая с ним в хозяйствах, удивлялся простоте его общения и с рядовыми людьми. Многих он знал лично, помогал им в семейных делах, в устройстве быта. Его уважали за чистоту помыслов, трудолюбие и обязательность в обещаниях.

В порядке разукрупнения из Андреевского района выделили Дзержинский район. Большинство населения этих районов составляли русские и украинцы. Видимо, поэтому название населенных пунктов давались на славянский лад. К тому же в свое время настойчиво способствовал этому известный генерал Г.А. Колпаковский, который занимался размещением переселенцев, прибывавших в годы столыпинской реформы. Генерал не страдал особой скромностью. Села называл в честь своих близких; Герасимовка, Алексеевка, Константиновка, Надеждовка, Колпаковка, Андреевка, что совпадало с именами, отчествами и фамилией самого генерала и его жены.

Андреевский и Дзержинский районы, расположенные в лесных предгорьях, почти всегда имели хорошие урожаи и продавали много хлеба государству. По соседству с ними расположен Алакульский район. Здесь райком партии возглавлял Егеубай Алиев, а председателем райисполкома работал - Балапанов. Прекрасные руководители, они сумели задействовать потенциал колхозного устройства жизни селян, добивались хороших результатов, помогали устраивать быт каждой семье. Люди их уважали. Позднее Алиева выдвинули заведующим отделом обкома партии, а Балапанов стал ученым, доктором наук. Через территорию этого района в послевоенное время протянули железную дорогу, соединившую СССР и Китай, которая названа «Дорогой дружбы».

В 40-е годы авторитетом и уважением пользовался первый секретарь райкома партии Сейтым Каскеев. Ему много лет оказывали доверие коммунисты Каратальского района. Образования он особого не имел, но обладал прирожденным организаторским талантом. Свое рабочее время, как правило, проводил в колхозах, в гуще людей. Поименно знал сотни рядовых тружеников, их радости и огорчения, помогал им в силу своих возможностей. В большинстве колхозов и в целом в районе обстановка отличалась стабильностью, доброжелательным трудовым и патриотическим настроем.

В связи с массовой депортацией корейцев с Дальнего Востока размеренный ритм жизни в районе несколько нарушился. Требовалось оперативно расселить, трудоустроить и создать прибывшим минимум бытовых условий. Все не так просто.

На базе «Уштобинского» риссовхоза организовали 8 колхозов и одну МТС. В хозяйствах разместили корейцев. Из их среды подобрали председателей колхозов, секретарей парторганизаций. Отдельных взяли на работу в райком партии, райисполком и в некоторые районные организации. Прекрасными организаторами производственной деятельности проявили себя директор Уштобинской МТС Цой Зя Ир, заместитель председателя райисполкома А.Б. Ким, председатель колхоза «Дальний Восток» Шин Хен Мун. Ученый Каратальской опытной сельскохозяйственной станции Хван вывел новый сорт лука «Каратальский», который славится как один из лучших в стране. Корейцы в основной своей массе люди трудолюбивые, умелые земледельцы. Они быстро подняли хозяйства. Район резко увеличил производство зерновых, риса и овощей. Производство лука в районе достигло 60 тыс. тонн.

Крупным по размеру и экономическому значению в области считался Саркандский район. Большинство его населения в годы гражданской войны активно выступило на стороне Советской власти. В 1918 — 1919 годах, когда белогвардейцы атамана Анненкова заняли юго-восточную часть Казахстана, в

тылу у них коммунисты организовали восстание. В нем участвовало почти все население Лепсинского уезда. В селе Черкасском создали прочную оборону. Мне часто приходилось приезжать сюда и слушать воспоминания о героической Черкасской обороне. Одного из ее участников Ивана Федоровича Венедиктова потом избрали председателем колхоза «Коллективный труд». Он мне многое поведал о мужестве людей, показывал окопы и помещения, где действовали мастерские по ремонту оружия, выплавке свинца.

Запомнились рассказы о зверствах Анненкова. Заняв часть территории Лепсинского уезда, белогвардейцы принудительно забрали в свою армию многих местных молодых парней. Впоследствии под натиском Красной Армии они стали отступать через Джунгарские горы в Китай. Насильно призванные заявили, что на чужбину не пойдут и просили дать возможность вернуться домой. Анненков пообещав их отпустить, на другой день выстроил войска, и заставил «возвращенцев» сдать оружие и уходить строго по ущелью, ведущему в Лепсинск. А там пулеметами из засады перестреляли всю группу. Черкасской обороной руководили коммунисты Дьяченко, Собко, Давбня, Зенин, Зинченко и другие.

За участие в этой обороне Венедиктова наградили орденом Боевого Красного Знамени. В годы Великой Отечественной за боевые подвиги на фронте он также был награжден. Возвратившись с войны, продолжал председательствовать в том же колхозе. За многолетний самоотверженный труд и достижение высоких результатов в производстве ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Саркандский район давал государству много хлеба и мяса. Здесь трудилось немало замечательных людей. Руководили партийной организацией Жерехин и Песоцкий. Огромный вклад в развитие экономики Саркандского, а потом Аксуйского районов внес Аймухамет Копежанович Мансуров — сильный организатор, опытный специалист, энергичный и деятельный

человек, умело направлявший усилия селян на развитие земледелия и животноводства. В последующие годы он работал первым секретарем Панфиловского, Илийского и Джамбулского райкомов, участник Великой Отечественной войны.

В годы войны высоких показателей в производстве сельхозпродукции добивался Кугалинский район. Его партийную организацию возглавлял И.С. Бабенцев, а райисполком — Мурзабеков. В 1949 году за большие успехи в развитии экономики и культуры района они оба удостоились звания Героя Социалистического Труда. Потом район переименовали в Гвардейский, в честь 28 гвардейцев — панфиловцев, защищавших Москву. Многие из них уходили на фронт именно отсюда.

Из оставшихся в живых из числа 28 - Героев Советского Союза лично я встречался с двумя: Васильевым, рабочим совхоза «Коксуйский» Гвардейского района и Шадриным, рабочим Талды-Курганского сахарного завода. Раненного в бою Васильева успели увезти в госпиталь, а контуженного Шадрина подобрали немцы и отправили в Польшу, где он батрачил у помещика. С приходом советских войск в Польшу он снова участвовал в боях, до самого окончания войны. Возвратившись домой, узнал о присвоении ему звания Героя Советского Союза. После определенной проверки, мы отправили в Верховный Совет СССР соответствующее ходатайство. Его удовлетворили: герой Шадрин получил свою заслуженную награду.

В Гвардейском районе проживало немало замечательных людей. Среди них патриарх колхозного движения председатель колхоза имени Сталина Сероштан (он избирался депутатом Верховного Совета СССР) директора совхозов: - имени Ленина Сайлибеков и имени Кирова - Константинов; инвалид войны, секретарь парторганизации МТС, поэт и акын Базарбаев, который многое сделал для популяризации места захоронения знаменитого Чокана Валиханова.

Наиболее отдаленным районом области являлся Джаркентский, где проживали преимущественно уйгуры. Расположен он у границы с Китаем, в равниной местности. Въезд сюда разрешался только по особым пропускам. В 20-е и 30-е годы из этого и других соседних районов много казахского и уйгурского населения откочевало в Китай.

Потом его переименовали в Панфиловский. Обком партии и облисполком особо заботились о развитии его экономики и культуры, обустройстве жизни населения приграничного района. Здесь многие годы плодотворно работал первым секретарем райкома партии уйгур Зуйнун Гаитов.

В районе еще с предвоенных лет после демобилизации из погранвойск работал председателем колхоза «Красный Восток» Головаций Н.Н. А после войны его избрали председателем колхоза «40 лет Октября». Это — человек высокой степени одаренности, с выдающимися способностями, энергичный и расчетливый руководитель. Он обладал особым практическим складом ума. С самого начала Николай Никитович повел артельное хозяйство разумно, экономически грамотно. Настойчиво искал и применял в производстве все новое заботился об улучшении жизни колхозников. А начинал он практически с нуля, с пустой кассы и копеечной платы за трудодень. Убедил людей в необходимости расширить площади орошаемого земледелия, настойчиво внедрял передовые технологии. Выросла отдача земли. В итоге колхоз сполна рассчитался с государством по всем видам поставок сельхозпродукции.

На этом благоприятном фоне вдруг возникла, говоря по-современному, «оппозиция». Ее ядро составили бывшие председатели и другие руководители, отвергнутые самой жизнью. Пошел поток заявлений в высшие партийные инстанции. Сюда приплетался и национальный вопрос: «Почему поляка поставили председателем уйгурского колхоза? Требуем заменить Головацкого и выдвинуть местного». Мы

посчитали возможным дать Головацкому доработать год и на отчетном собрании обсудить вопрос о председателе. Выступая с отчетом, председатель доложил, что кроме выданных колхозникам на каждый трудодень двух рублей и двух килограммов зерна имеется возможность выдать еще столько же. После обсуждения отчета колхозники единодушно отвергли все тяжбы кляузников, отмели напрочь притязания «местных» на руководящее кресло и вновь избрали председателем Головацкого.

В последующие годы посевные площади в колхозе выросли в десятки раз за счет освоения новых земель и организации на них орошения. Хозяйство специализировалось на производстве семенной кукурузы. Ежегодно продавались десятки тысяч тонн элитных семян. Здесь наладили образцовый откорм крупного рогатого скота и овец, ежегодно выращивали сотни тысяч уток и поставляли государству несколько тысяч тонн мяса. Ежегодный доход составлял многие миллионы рублей. Жизнь колхозников стала краше, они имели материальный достаток, добротное жилье и достойный культурный досуг.

Головацкий избирался депутатом Верховного Совета СССР и Казахской ССР нескольких созывов. Возглавлял он колхоз более сорока лет. Ему дважды присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Талантливым организатором, умелым руководителем колхоза имени Калинина проявил себя уйгур Имир Марунович Белялов, работавший председателем более 30 лет. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР. Его уважали на селе, его имя славилось далеко за пределами родного колхоза, в районе, области и республике.

В 1945 году за трудовые подвиги в тылу большую группу рабочих, колхозников, специалистов народного хозяйства области наградили орденами и медалями. Меня удостоили ордена Отечественной войны 2-й степени.

Спустя десять месяцев после образования области, в марте

1945 года состоялась первая Талды-Курганская областная партийная конференция. На организационном пленуме избрали бюро и секретарей обкома. Первым секретарем стал А.И. Кондратенко, вторым — Бернязов и секретарем по идеологии Полюхов. Заведующих отделами, в том числе и меня, избрали членами обкома партии.

Великая Отечественная ... приближалась к победоносному завершению. И вот 9 мая 1945 года, подобно набату огромной силы, понеслось, полетело из уст в уста долгожданное выстраданное ценою огромных мук и лишений, радостное слово «Победа! Победа! Победа!»... Фашистская Германия повержена и капитулировала! «Победа!» на какой-то миг заполнила эфир, страницы газет, души людей.

В Талды-Кургане тот день выдался теплым и солнечным. После сообщения Совинформбюро о Великой Победе буквально все люди, и стар и млад, высыпали на улицы. Безмерная радость одних и невосполнимая печаль других выплеснулись наружу. Люди обнимались, целовались, плакали тихо и навзрыд, — вспоминая убиенных и безвестно пропавших в горниле войны. Тяжелейшая в истории человечества война с германским фашизмом, длившаяся 1418 мучительных, изнурительных дней завершилась Победой!

В первую мировую погиб мой отец Андрей Федорович Ливенцов, а в Великую Отечественную пали на полях сражений родные дяди по материнской линии — Федот, Михаил и Савелий Тимофеевичи Щербинины. Тяжелые ранения получили отчим и мой дядя Александр Щербинина. Погиб мой лучший друг политрук батальона Ф.Ф. Гуляев. Не вернулись с войны многие мои друзья и однокашники.

Началась демобилизация. Обком облисполком обязали хозяйственных руководителей и парторганизации подготовиться к встрече фронтовиков, решить все, что касается их трудоустройства обеспечения жильем, продуктами питания.

В конце июля поступило сообщение, что на станцию

Карабулак прибывает эшелон с демобилизованными. Мы с секретарем райкома партии С. Кустовым выехали для встречи. Задолго до прихода эшелона на станции начал собраться народ. И когда остановился поезд, из вагонов буквально высыпали фронтовики. Началось что-то невероятное! Многие сразу же попали в объятия родных и друзей. Плакали все — и матери, и жены, и дети. Слеза прошибла и самих фронтовиков. Но какие рыдания и причитания слышались от тех, кто пришел, надеялся и не встретил! Такое может быть только раз в жизни! Это — какая — то сумашедшая смесь радости и трагической печали! Немного успокоившись, люди двинулись в райцентр пешком, а с нашей машины пришлось снять тент и уложить в нее немудреные пожитки демобилизованных.

Вместе с другими вернулся и агроном Кировской МТС, наш старый знакомый Мирошниченко, которого никто из семьи не встречал. Жена не стала его дожидаться и сожительствовала с другим. О ее проделках он узнал от встретившего его друга директора МТС Серебрянского. По пути в райцентр нам попались два парня. Я заметил, что один из них плачет. Поравнявшись, они пошли вслед за нами. Проходя мимо своего дома, Мирошниченко сказал: «Лучшие пойду-ка я к своему другу Серебрянскому». И тут шедшие за нами парни бросились к нему со слезами. Оказывается, это были его сыновья, сильно выросшие за годы войны. Они обняли отца и стали уговаривать его идти домой, выгнать неверную мать и жить вместе с ними. Это был трагический момент.

Мирошниченко с сыновьями пришел в райком партии и там еще долго обсуждали: куда идти и что делать. Чуть позже он выдворил бывшую жену из дому и остался жить с сыновьями.

Через несколько дней возвратились мои старые друзья Абдыкадыр Даиров и Нурмолда Алдабергенов. Наша встреча была сердечной. Они попросили предоставить им прежнюю работу.

По поручению обкома Талды-Курганский райком партии

рассмотрел эти пожелания. Решили предложить Алдабергенова для избрания председателем правления колхоза имени Сталина, где он трудился до войны. Даирова же избрали председателем правления колхоза «Джаналык», которым в годы войны руководила неопытная женщина и основательно запустила хозяйственные дела. Возвращались домой механизаторы, животноводы, специалисты производства. Они пополняли бригады, фермы и другие подразделения хозяйств. Дела в области пошли в гору.

После переезда в Талды-Курган моя жена не работала, занималась воспитанием старшего сына Юры и вела домашние дела. 24 июля 1945 года у нас родился второй сын, Валерий. В связи с этим к нам на постоянное жительство переехала из Алма-Аты мама супруги. Теща исподволь по-родному вписалась в нашу семью, ненавязчиво и доброжелательно влияла на наши семейные дела и взаимоотношения.

Когда в семье стало 5 человек, из них двое детей, мы купили корову и завели кур. На своей усадьбе имели хороший огород и практически полностью обеспечивали себя картофелем, кукурузой, молоком, овощами.

Открою еще одну страницу нашей жизни. Талды-Курган в те годы гостиниц еще не имел. Приезжавшие в командировку устраивались или у знакомых или «по договоренности». Во время проведения конференций, пленумов и совещаний у нас ночевали работники из районов. Чаще всего гостили секретари Каратальского райкома партии Б. Каскеев, председатель райисполкома, председатели колхозов Даиров и Алдабергенов. Как-то у нас заночевал секретарь райкома. Он обратил внимание на то, что в доме нечего стелить гостям. Обстановка, действительно, была весьма скромной. Через некоторое время перед пленумом обкома партии они приехали к нам ночевать и привезли новую кошму, расшитую казахским национальным орнаментом. Впоследствии они всегда спали на этой кошме, а моя супруга Мария восторгалась их подарком и, когда не было

«ночевщиков», вешала ее на стенку вместо ковра.

Юра в школе учился хорошо, много читал художественной литературы. Подрастал и Валерий, готовился пойти в первый класс. Рос он физически здоровым.

В гостях в Талды-Кургане у нас бывали моя мама с отчимом. Город им нравился. Отчим часто ходил с Юрой на базар, где любил выпить чего-либо «горячительного». Иногда угощал и внука, о чем тот непременно рассказывал маме.

В те годы сложной проблемой являлось обеспечение населения Талды-Кургана качественной питьевой водой. Колодцы часто пересыхали, вода в них стояла мутная. Вся наша семья от нее заразилась лямблиями. У меня стали появляться боли в печени и потом многие годы приходилось лечиться. Я перешел на строгую диету, регулярно ездил на курорт в Ессентуки и Карловы Вары. В домашних условиях по рекомендации ученых — медиков и врачей с помощью Марии провел курс лечения желудка картофельным соком. Изжога и боли прекратились и вот уже около пятидесяти лет не беспокоят.

После окончания войны в Талды-Кургане построили Дом Советов. Это - первое трехэтажное здание в городе. В начале 1952 года сюда переехали обком партии и облисполком. Значительно улучшились условия работы многих областных организаций. Моим помощником утвердили Ш. Альбазарова. Он оказался толковым работником, оперативным и грамотным специалистом. Его жену Бижамал Рамазанову избрали первым секретарем горкома комсомола, через некоторые время выдвинули секретарем Алма-Атинского обкома партии, затем секретарем Президиума Верховного Совета республики. Трудилась она прилежно и ответственно. Правда, в Верховном Совете у Бижамал не сложились нормальные отношения с руководством и ее направили в Архивное управление республики.

К 1947 году аппарат Талды-Курганского обкома партии в

основном сложился и окреп. Большинство работников были специалистами народного хозяйства и имели опыт партийной работы. Во всех делах и начинаниях тон задавал первый секретарь Андрей Павлович Кондратенко, 2-м секретарем работал Чолак Артыгалиев, секретарем по идеологии - В. Ф. Полюхов. Активно и творчески трудились заведующие отделами: промышленным - И. В. Иванцов, организационным - Аубакиров, общим - Мальков, торговли и общественного питания Е. Алиев, заместителям и заведующих отделами: пропаганды и агитации — Ромашко, сельскохозяйственным - Султанов и Делимбетов и заместитель секретаря обкома по животноводству Т. Койчубаев.

Меня и заведующего орготделом избрали кандидатами в члены бюро обкома партии. Такая подвижка, конечно, была приятна и вместе с тем ответственна.

Штаб областной партийной организации работал слаженно и целеустремленно. Вся организаторская и политическая работа направлялась на достижение эффективной работы всех отраслей экономики, улучшение условий труда и жизни людей, особенно фронтовиков. В первые послевоенные годы труженики села взялись за улучшение культуры земледелия, повышение урожайности и валового сбора зерна, сахарной свеклы, овощей и других культур, перевыполнение планов поставки их государству.

Президиум Верховного Совета СССР в 1948 году 52 передовикам области присвоил звания Героя Социалистического Труда и свыше тысячи человек наградил орденами и медалями. Меня наградили орденом Трудового Красного Знамени.

В конце 1947 года с группой партийных работников попал в сложную ситуацию. В декабре нам предоставили отпуска. Получив отпускные и зарплату, выехали в Алма-Ату. Выйдя 17 декабря из вагона, услышали передававшееся по радио постановление Советского правительства о денежной реформе.

На другой день сдали свои деньги в кассу ЦК и получили новые купюры в соотношении 1:10. Кошельки наши сильно отощали. Пришлось взять в ЦК новые деньги в счет будущей зарплаты и уже потом ехать в санаторий в Есентуки.

Но закончить лечение не удалось. По телеграмме первого секретаря обкома на десятый день лечения вместо 28, пришлось срочно отправиться в Москву включиться в оформление наградных материалов на тружеников нашей области. Мне и еще нескольким нашим сотрудникам отвели рабочий кабинет в здании Министерства сельского хозяйства СССР. Целый месяц мы вели скрупулезную, донельзя дотошную работу по уточнению и переоформлению наградных документов. Ежедневно отправляли в Талды-Курган по 10-15 телеграмм с запросами и получали по телефону недостающие сведения. Вся эта процедура строго контролировалась первым секретарем обкома. Требовательность к оформлению наградных листов была исключительно высокой. Так, материалы на присвоение звания Героя Соцтруда и награждение орденом Ленина персонально рассматривал первый заместитель министра сельского хозяйства академик П. П. Лобанов.

Хорошо помню, как в наградных делах о присвоении звания Героя Соцтруда руководителям Гвардейского района Бабенцову и Мурзабекову не оказалось данных о выполнении плана сдачи семян подсолнечника. Кондратенко, получив мою телеграмму, ночью отправил председателя райисполкома в колхоз, где к утру полностью сдали зерно подсолнечника. Уполномоченный министерства заготовок телеграфно подтвердил выполнение плана. Материалы сразу же приняли к исполнению.

Впечатался в память и такой факт. Оказывается существовал своеобразный норматив для награждения. Если звеньевой с площади двух гектаров получал урожайность не менее 800 центнеров сахарной свеклы, а с остальной площади не менее 600 центнеров, то он представлялся к присвоению звания Героя Социалистического Труда. Для председателя колхоза

требовалось получить урожайность сахарной свеклы не менее 800 центнеров с площади 8 га. В наградных материалах по колхозу имени Сталина случился такой казус. Четыре звена перекрыли нормативные показатели, а на присвоение звания Героя шли только два звеньевых. При рассмотрении материалов академик Лобанов потребовал от меня объяснения. На мой запрос в область объяснила ответная телеграмма. Оказалось все простым и до боли душевной обидным: в колхозе честно трудилось много депортированных немцев, которые к наградам в то время не представлялись, хотя имели высокие показатели. Примерно то же самое случилось и в колхозе «Джаналык». Через сутки мы получили телеграфное подтверждение о том, что звеньевые из числа немцев к наградам не представлены по этим соображениям. Пришлось провести передвижку кандидатур.

В результате председателям колхозов Алдабергенову и Даирову, а также четырем звеньевым присвоили звания Героя Социалистического Труда, а четверо звеньевых этих колхозов из числа немцев к награде не были представлены.

После выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении на стадионе впервые после окончания войны собрались передовики сельского хозяйства и все награжденные. Каждый район поставил свою юрту. Состоялось торжественное вручение орденов и медалей и принятие новых трудовых обязательств.

Возвратившись из столичной командировки, я затем три месяца погашал долги, образовавшиеся в связи с денежной реформой и длительным пребыванием в Москве. Трудно пришлось моей семье, так как жена не работала: нянчила двух сыновей.

С окончанием войны трудовое напряжение в аппарате обкома не спадало. Мы работали с 8.30 утра до семи вечера, а затем, после часового перерыва, до двух ночи. Чтобы хоть как-то расслабиться я начал курить. Причем пачки «Беломора» не

хватало на сутки.

По работе постоянно контактировал с 1-м заместителем председателя облисполкома Лапшиным, бывшим заведующим сельхозотделом Карагандинского обкома партии, трудолюбивым и образованным работником, а также с заместителем председателя по промышленности Камалом Кадыржановым — сильным и принципиальным руководителем. Жили мы с ним по-соседски.

Однажды осенью 1944 года, выйдя утром из дома, направился в обком. В это время Кадыржанов тоже двигался на работу. Смотрю, рядом с ним какой-то сухощавый высокий человек. Камал нас познакомил. Незнакомец назвался Кунаевым, заместителем председателя Совета Министров республики. Кто же мог подумать, что впоследствии я долгие годы буду работать под руководством этого человека, и нас свяжут самые добрые отношения. Дело в том, что Кадыржанов был женат на сестре Кунаева, и он всегда ночевал у них, когда приезжал в Талды-Курган.

После войны по инициативе руководства области началось строительство железнодорожной ветки от станции Карабулак до Талды-Кургана протяженностью 18 км. Строительство велось собственными силами. Первый поезд прибыл в областной центр в 1947 году. Его встречало почти все население города. Многие талдыкурганцы впервые,как диковинку, осматривали тепловоз. С этого времени областной центр получил надежную транспортную артерию и вписался в железнодорожную сеть страны.

Талды-Куган неоднократно посещал Жумабай Шаяхметов — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. Интересовался в целом делами области, особенно вникал в работу Текелийского свинцово-цинкового комбината и в хлебозаготовки. Со мной он обычно говорил на казахском. В народе этот человек пользовался большой популярностью, своей простотой и доступностью покорял сердца людей.

Осенью 1948 года нашего первого секретаря Кондратенко направили на учебу в Москву в так называемую «Сороковку» при Высшей партийной школе. Руководящие работники обучались здесь в течение года без освобождения от занимаемой должности. После окончания учебы к нам он не возвратился: его избрали первым секретарем Сумского обкома партии Украины. Конечно, подобное перемещение без влиятельного покровительства не обошлось.

Оказалось, что первый секретарь ЦК КП Украины Л. Г. Мельников, возглавлявший в годы войны Карагандинский обком партии, лично знал и, должно быть, содействовал переводу Кондратенко на Украину. Работники нашего обкома с сожалением восприняли уход Андрея Павловича.

В начале декабря 1949 года меня пригласил к себя исполнявший обязанности первого секретаря Артыгалиев и сказал, что мы с ним должны выехать в ЦК Компартии Казахстана. Он намекнул на предстоящее перемещение нас обоих по работе, что явилось для меня полной неожиданностью. О чем только я не передумал перед этой поездкой! Всю ночь мучили сомнения: а хватит ли у меня знаний, опыта и способностей, чтобы занять важный пост? По дороге я поделился этими мыслями с Чолаком Артыгалиевичем. Он постарался рассеять мою неуверенность. В орготделе ЦК заполнили соответствующие документы и нас пригласили к первому секретарю Ж. Шаяхметову.

Встреча с ним оказалась теплой и благожелательной. Он сразу же сказал: « ЦК намерен рекомендовать Артыгалиева первым, а Ливенцова вторым секретарем обкома партии. Каково ваше мнение на этот счет?»

Поблагодарив за столь большое доверие, высказал опасение: а справлюсь ли я с такой большой и ответственной работой? Уловив мое волнение, он успокоил меня и попросил коротко рассказать об обстановке в сельском хозяйстве и моем видении перспектив развития области. Потом задал несколько других

вопросов, напомнил об упущениях. Беседа наша продолжалась минут сорок. В заключение он пожелал успехов и дружной работы в бюро обкома.

Состоявшийся в середине декабря 1949 года пленум обкома партии избрал первым секретарем обкома Ч. Артыгалиева, вторым — меня. Многие искренне поздравляли нас с новым выдвижением. Шесть лет работы заведующим сельхозотделом обкома партии меня многому научили. В работе всякое бывало - и успехи, и просчеты, похвалы и критика. Своим достоинством я всегда считал настойчивость, целеустремленность, глубокое знание дела. Старался творчески, обдуманно исполнять порученное дело как можно лучше и сполна. В этом мое жизненное кредо.

Когда первый секретарь обкома в сопровождении других секретарей ввел меня в мой новый кабинет и усадил в кресло то, честно говоря, как-то стало неловко. Ведь шесть лет я входил сюда для доклада и получения указаний. А теперь? Мне поручили курировать село и финхозсектор областного комитата.

Для развития сельского хозяйства в области имелись хорошие природно-климатические условия. Зимой в большинстве районов отары овец и табуны лошадей содержались в Прибалхашье, в поймах рек Каратал, Лепсы, Аксу, а также на степных пастбищах. С наступлением весны — овец медленно перегоняли в предгорья, а затем и в горы на альпийские луга, джайляу. Они двигались вверх до июля, а потом опять спускались вниз, чтобы вовремя придти на зимние пастбища. И так ежегодно. Отличные пастбища, грамотный уход и содержание обеспечивали высокую продуктивность поголовья.

В области имелись хорошие условия для земледелия, особенно в предгорьях, где выпадает 400-600 мм осадков. А в долинах обычно посевы размещали на орошаемых землях. Особенно высокие урожаи давала кукуруза. Передовые хозяйства получали до 100 и более центнеров зерна с гектара. Всегда

радовали хорошей отдачей колхозные нивы Панфиловского района — основного поставщика семенной кукурузы для всей республики. Каратальский район превратился в крупного поставщика риса и лука. А Саркандский, Аксуский и Алакульский районы в след за Талды-Курганским и Кировским возделывали сахарную свеклу и зерновые. Многие колхозы, сельские жители да и горожане, особенно в Гвардейском, Саркандском, Андреевском, Дзержинском и других предгорных районах, занимались пчеловодством. Мы ежегодно заготавливали значительное количество меда.

В послевоенные годы нас досаждала саранча и основательно вредила сельскому хозяйству. В июне 1946 года огромная саранчевая «туча» налетела на город Талды-Курган и нанесла ущерб зеленым насаждениям. Все сады и огороды оказались под нею, на землю невозможно было встать, не наступив на саранчу. Мы развернули против нее активные «боевые действия». Уничтожались гнездовья саранчи в зарослях камыша, устраивались ловчие канавы, применялась химобработка полей с использованием спецавиации. Со временем основные очаги саранчи мы смогли уничтожить.

После войны хозяйства заметно окрепли и пошли в гору. Набирала силу экономика колхозов и совхозов, прибывало житейское благополучие сельчан. За увеличение производства и сдачи государству сельхозпродукции область утверждалась участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки: многие талдыкурганцы отмечались ее наградами.

В 1951 году состоялись выборы в Верховный Совет Казахстана. Меня выдвинули кандидатом в депутаты по Сарыозекскому избирательному округу Гвардейского района. Выдвижение сильно взволновало и озадачило меня. Около полувека минуло с тех пор, а первые предвыборные встречи и сами выборы 50-х годов памятны до сих пор своей организованностью, массовостью и праздничностью. В декабре 1951 года на съезде Компартии Казахстана меня

избрали членом ЦК. Прямо скажу — события неординарные. Я понимал: избрание депутатом Верховного Совета и членом ЦК многократно повысили мою ответственность перед партией и народом, а потому делал все возможное и невозможное, чтобы своим трудом оправдать доверие. И исполнить их волю.

В 1952 году нашего первого секретаря Ч. Артыгалиева направили возглавлять Джамбулский обком партии. А первым секретарем обкома в Талды-Кургане был избран Шакир Карсыбаевич Карсыбаев. С первых дней он заявил о себе как человек уравновешенный, рассудительный и твердый в решениях. Его мысли и дела сродни известной пословице: говори по делу, живи по совести, действуй по закону. Наши отношения сложились как дружеские, но в то же время по-партийному принципиальные. Меня он поддерживал, я пользовался его доверием. Мое доброжелательное отношение к тому человеку осталось на всю жизнь.

На одном из съездов КПСС, когда он уже работал первым секретарем Актюбинского обкома партии, у него случился тяжелый приступ болезни. Оправившись от недуга, Шакир Карсыбаевич сам попросил освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья. Судьбе было угодно снова свести нас в Актюбинской области, где в 1972 году меня тоже избрали первым секретарем обкома партии. Встретившись, мы убедились, что наши добрые отношения не «заржавели», а окрепли, в духе неписанного «кодекса» дружбы. Он исправно выполнял обязанности секретаря облисполкома, заведовал областными курсами переподготовки руководящих кадров.

Думаю, что не должен умолчать еще об одном отголоске Великой Отечественной войны. Известно, что в военные годы «движущей силой» животноводства были женщины. Они несли всю тяжесть нелегкого труда на фермах и отгонных пастбищах. Мужчины — старики трудились в основном пастухами и сторожами.

Вспоминается такая история. Как-то в область приехал

секретарь ЦК по идеологии М. Сужиков. Мы с ним отправились в Капальский район, где расположен санаторий Капал-Арасан. Нас сопровождал секретарь райкома партии Кунанбаев. По пути следования Сужиков обратил внимание на несколько отстоящих внедалеке юрт и попросил завернуть к ним. Оказалось, что здесь в 12 юртах живут 12 доярок, обслуживающих молочный гурт. Подойдя к первой юрте, у которой стояла молодая женщина с грудным ребенком на руках, секретарь ЦК поинтересовался у нее о делах семейных, о работе. В ходе беседы выяснилось, что ее муж уже два года служит в армии. «У вас же грудной ребенок на руках», - недоуменно произнес Мухамбеткали Алинович. Немного смутившись, женщина дала понять, что дело это сугубо личное. Подошел ко второй юрте. Здесь такая же картина: доярка с грудным ребенком на руках. На вопрос «где же муж», она ответила, что его у нее нет, отвернулась и ушла. В следующей юрте находилась доярка с двумя детьми. Она сказала, что ее муж погиб в 1941 году, а о детях-малолетках объясняться отказалась — не ваше дело! Кош болыныз! (Прощайте!) И ушла.

Разгневанный секретарь ЦК стал резко возмущаться: « Это же дикость! Это — феодально-байские пережитки! Куда смотрят райком, обком партии! Как же так, - у всех доярок малолетние дети, а мужья в армии!?» С едва скрываемой иронией одна из доярок в ответ заявила: «Никакие это не пережитки! Это просто данная природой и востребованная ею жизнь! И все тут! У нас пока только одна доярка бездетна, но и она уже беременная».

На обратном пути Сужиков как только мог «чистил» секретаря райкома партии, обвиняя его во всех грехах: и в распущенности нравов, и в отсутствии продуманной системы нравственного воспитания, и в бездеятельности женсоветов и женотделов. В обкоме он собрал членов бюро, работников женотдела и потребовал объяснений по поводу увиденных

безобразий. Затем факты изучались работниками ЦК КП Казахстана. Выяснилась простая житейская истина. Два ночных сторожа и 12 доярок, занимаясь любовными потехами, дали жизнь 16 детям! Такова непреодолимая сила жизни, подчас ломающая нравственные устои общества.

Здравствуй, Яик-река! Приуралье

В 1952 году талдыкурганские хлеборобы вырастили хороший урожай зерновых и сахарной свеклы. Постарались и животноводы. Повсеместно в темпе шла косовица и обмолот хлебов. Давал почему-то сбой предгорный Саркандский район. В конце августа выехал туда, чтобы разобраться на месте с причинами отставания. Только зашел в здание райкома партии, как мне позвонил наш 1-й, Шакир Карсыбаевич, и сказал, что завтра к 12-ти дня следует явиться в ЦК. Всю ночь «через горы и долины» я добирался обратно домой. Успел позавтракать, и в самолет. Явившись в установленное время к секретарю ЦК И. Афонову, узнал, что меня рекомендуют для избрания вторым секретарем Западно-Казахстанского обкома партии. И что - вылетаем в Уральск завтра. Позвонил в Талды-Курган домой, чтобы прислали чемодан с вещами. Супруга и все домочадцы, конечно, возмутились такой скоропалительностью перевода на работу в другую область. Вместе со мной вылетали П.П. Волошко, Б.Алиманов, Н. Лунев. В тот же день в Уральске на пленуме меня избрали вторым секретарем обкома. Байдарбек Алиманов стал секретарем по идеологии, а Лунева утвердили заведующим орготделом. Волошко избрали председателем исполкома областного Совета депутатов трудящихся.

В сентябре 1952 года вступил, как тогда говорили, в должность. Состоявшаяся через несколько дней областная партийная конференция, по существу, подтвердила решение пленума. На конференции первым секретарем избрали М. Шахшина, вторым секретарем — меня и секретарем Б. Алиманова, утвердили заведующих отделами. Избрали также делегатов на предстоящий VI съезд Компартии Казахстана. В их число я не попал. Не избрали меня и в состав ЦК. Спустя некоторое время, в орготделе ЦК по секрету сказали, что мою кандидатуру «зарубили» по просьбе первого секретаря обкома Шахшина.

Не в отместку, а справедливости ради скажу: Шахшин с

самого начала воспринял мой приезд с каким-то опасливо-недоверчивым отношением. Будучи до этого заведующим сельхозотделом ЦК Компартии Казахстана, он перенес инсульт. По выздоровлении его рекомендовали в Уральск первым секретарем обкома. Работал Шахшин формально. Трудиться в полную силу не мог, поскольку окончательно от своей болезни так и не оправился, хотя и старался зто скрывать. Бывало чуть ли не по 2-3 раза в неделю говорил, что у него болит голова и уходил домой. Просил на звонки из Москвы или из Алма-Аты отвечать, будто он находится в районе. Хотя в действительности ездил в районы редко да и то лишь в ближайшие. Зато за преферансом проводил ночи напролет! Об этом я никогда и никому не говорил.

Я быстро освоился с обстановкой в области, изучил состояние экономики, положение дел в аграрном секторе, в промышленности и социально-бытовой сфере. Перевез в Уральск семью. Получили мы 2-х комнатную квартиру. Кроме того нам выделили дачный домик на берегу реки Чаган. Словом, начали новый виток жизни, в новом для нас месте. Уральск моим домочадцам понравился.

Ритм жизни и труда был напряженный. Летом - постоянные выезды в районы и хозяйства области, зимой — на фермы, в места зимовок скота. Сравнивал, что оставил там - на юге и что встретил здесь — на западе. Западно-Казахстанская и Талды-Курганская области схожи своей аграрной направленностью, однако они далеко не «родня» друг другу. Их отличают структура зкономики, рельеф местности, климат, почвы, растительный и животный мир.

В те годы в области проживало около 600 тысяч человек, из них в городских поселениях 40 процентов. Уральцы жили дружной многонациональной семьей. Мне не приходилось встречаться с фактами межнациональных трений или размолвок. Практически все казахи здесь хорошо владели русским языком, а многие русские вполне прилично

объяснялись на казахском. Мне было приятно в общении с людьми, так как свободно владел казахским языком.

Ведущую роль в производстве сельхозпродукции занимали колхозы. Действовали также крупный трест совхозов, несколько конезаводов. Равнинный ландшафт Приуралья способствовал развитию богарного земледелия. Засевались большие площади зерновых культур - главным образом пшеницей, ячменем и просом.

В Западном Казахстане разумно использовали весенний сток паводковых вод и разлив реки Урал для орошения крупных сенокосных массивов. Успешно развивалось мясное скотоводство, особенно разведение крупного рогатого скота и овец мясных пород.

В общей сложности кадры, занимавшиеся сельским хозяйством, прилично знали свое дело. Качемшева, работавшего в Уральске вторым секретарем, перевели в Талды-Курган вторым секретарем вместо меня. Заведующим сельхозотделом обкома партии работал Хизмат Фазулин. Он хорошо знал сельскую экономику: энергично, правда подчас шумливо, вел свой отдел. Пользовалась уважением его заместительница Хабира Салыкова — волевая, жесткая и требовательная работница. Как опытного партработника ее потом избрали секретарем Гурьевского обкома партии. С.Волошко, как и прежде, действовали в духе полного взаимопонимания. Мы одинаково оценили тот факт, что культура земледелия в этой области несколько ниже, чем в южных. К тому же колхозы, да и сами сельчане жили беднее, чем на юге республики. Они почти не имели своих садов, виноградников, да и огороды у них поменьше. Зато скота в личной собственности у населения Приуралья содержали намного больше.

Уральские животноводы прославились организацией интенсивного откорма скота. Рекорд в этом деле поставил совхоз «Анкатинский», возглавляемый Алексеем Черекаевым. Он со свойственной ему настырностью при помощи умельцев

— животноводов организовал на основе рекомендаций науки и своего личного опыта эффективный откорм крупного рогатого скота породы «казахская белоголовая». Результаты ошеломляли. Вес одной «головы» с откорма превышал 500 кг! Молодой директор дружил с наукой, умел использовать сильные стороны специалистов и опытных рядовых скотников. Его неординарный и новаторский труд увенчан высшей наградой Родины-званием Героя Социалистического Труда.

С интересом я ознакомился с крупным производителем зерна и мяса - совхозом «Правда». Более 40 лет его возглавлял Герой Социалистического Труда Шубин. Именитых и талантливых руководителей хозяйств на земле уральской трудилось немало. Занимались они своим делом творчески и профессионально грамотно, с любовью к земле, к хлебу насущному.

Большим авторитетом пользовался директор завода имени Ворошилова Атоян, толковый и дальновидный организатор производства, активный общественник, прекрасный воспитатель коллектива. Под его руководством эвакуированное в Уральск в годы войны оборонное предприятие окрепло, выросло и стало передовым. С Атояном мы многие годы поддерживали деловую и просто товарищескую связь.

На земле уральской я встретил прекрасных партийных вожаков, -людей пытливых, одержимых и бескомпромиссных. И теперь, спустя почти полвека, вспоминаю первых секретарей райкомов партии: Войнова - из Федоровского, Г. Загорулько - из Приурального, (с ним мы учились в сельхозинституте), Мендалеева — из Каратюбинского, Алексеенко — из Каменского, Сарсенова — из Урдинского, Финько — из Зеленовского районов.

Зима 1953 — 1954 г.г. выдалась многоснежной и буранной. Припоминается один из январских дней, когда в нескольких местах перемело железнодорожную магистраль Москва — Алма-Ата. Движение остановилось. В обком позвонил сам первый секретарь ЦК Ж.Шаяхметов и поручил мне принять

срочные и действенные меры, чтобы побыстрее открыть движение. Мы подняли воинскую часть, рабочих завода имени Ворошилова, студентов, железнодорожников. Они рпотрудились на славу и вскоре поезда пошли.

Драматичной оказалась и весна. После многоснежной зимы огромные пространства затопило вешними водами. Бурлил и бушевал в весеннем половодье Урал! Красивейшее, но вместе с тем таинственное и грозное зрелище! Даже Ханская роща в пригороде Уральска во время паводка оказалась залита водой.

В начале марта 1953 года Всесоюзное радио сообщило о болезни И.В.Сталина. Народ встревожился. Все с волнением ждали, чем это закончится. А рано утром 6 марта по радио зазвучала траурная музыка. Потом мелодия прервалась и последовало правительственное сообщение о смерти Сталина. Меня всего пронзила тревога. Супруга горестно вскрикнула: «Что теперь будет с нами?» Я тяжело переживал кончину этого великого человека.

В обкоме партии мы собрались у первого секретаря, созвонились с Москвой и Алма-Атой. Посовещались и определили перечень траурных мероприятий. Во всех коллективах, малых и больших»близких и отдаленных состоялись митинги скорби. Все — стар и млад, рабочие и колхозники, специалисты производства, учителя и врачи с болью в сердце выражали свои соболезнования.

Как-то в один из летних дней 1953 года я зашел в кабинет первого секретаря обкома. Мое внимание привлек находившийся здесь рыжеволосый, загорелый посетитель. Внешне выглядел неброско:, небрит, непричесан, одет в изрядно поношенную куртку. С первым секретарем они беседовали о сельскохозяйственных делах, и мне подумалось, что это, видимо, бригадир тракторной бригады или управляющий отделением какого-то совхоза. Но говорил этот человек на удивление складно, смачно и с юмором, красивым литературным языком. Первый секретарь познакомил меня со

своим гостем. Им оказался сам — Михаил Александрович Шолохов, выдающийся советский писатель, классик. Почти каждый год летом он вместе с женой приезжал к нам в Уральскую область на отдых. На озере Челкар, где водилось много рыбы и дичи, ему построили небольшой домик. Здесь он жил, рыбачил, охотился, а в минуты вдохновения садился за перо.

Михаил Александрович лично знал многих чабанов, механизаторов, руководителей и специалистов хозяйств. Незатейливый, идущий от предков быт животноводов, их радушие и доброжелательность умиляли писателя. Встречали его обязательно с накрытым дастарханом, предлагая отведать национальные блюда: бесбармак, казы, чужук, куырдак, чай, кумыс, баурсаки и многое другое. Такие встречи носили непринужденный характер, а само общение, думаю, помогало поддерживать творческий тонус писателя.

Выйдя от первого секретаря, Шолохов зашел в мой кабинет. И говорит: «о тебе в народе идут добрые вести. Люди довольны твоим вниманием и заботой. Надо так держать всегда!» Писатель рассказал, что приезжая к нам, он непременно привозит с собой несколько чемоданов расфасованного индийского чая и раздает животноводам.

Потом Михаил Александрович попросил пригласить заведующего общим отделом обкома. Вместе с ним они упаковали машинописные листы для отправки в Москву через фельдсвязь. Я полюбопытствовал: «Что вы посылаете в столицу?» Писатель говорит: «Это последняя глава моего романа «Поднятая целина». «А как скоро выйдет новая книга из печати?», - спросил я. Шолохов ответил: «От слова до дела немало препятствий. Москва еще будет «поправлять» ножницами, как говорится, кастрировать. Жаль, конечно. Ведь обычно вырезают самые веселые и интересные места. Еще придется немало поспорить с москвичами!»

После этого Михаил Александрович попросил соединить его

по телефону В.Ч с главным редактором газеты «Правда» Шепиловым. Беседуя с ним, он сообщил, что отправляет в Москву последнюю главу «Поднятой целины». Затем они советовались, где лучше печатать главы новой книги: в газете «Правда» или в журнале «Огонек». Под конец встречи я спросил его, когда он закончит писать роман «Они сражались за Родину». Михаил Александрович ответил: «Я и сам пока не знаю».

В последующем мы с Шолоховым встречались еще не единожды. Он интересовался местами обитания сайгаков. Я рассказывал ему где их видел и между прочим сказал, что охота на этих животных запрещена. Михаил Александрович ответил репликой: «Надеюсь, Шолохову уж один-то раз разрешат поохотиться!» Но затем что-то помешало намерениям нашего гостя. Он вдруг быстро засобирался домой. Договорились поохотиться в следующем году. К сожалению, в связи с моим переездом на работу в Алма-Ату нам больше так и не удалось с ним свидеться.

1953 год мне запомнился особенно. Колхозы и совхозы с успехом справились с планами поставки государству продукции земледелия и животноводства. Стабильно работала промышленность.

А главным событием года стал сентябрьский Пленум ЦК КПСС. На нем первым секретарем Центрального Комитета избрали Н.С. Хрущева. Решения пленума знаменовали новый поворот в политике партии по подъему сельского хозяйства. Пленум наметил курс на усиление материального стимулирования колхозов и совхозов как важнейшего принципа хозяйствования. Предусматривалось регулярное денежное авансирование колхозников. Намечалось повышение заготовительных и закупочных цен на важнейшие виды продукции сельского хозяйства. Заметно увеличивались капитальные вложения в сельскохозяйственное производство. Было решено усилить оснащение колхозов и совхозов новейшей

техникой, направить в село опытных руководителей, инженеров и техников, увеличить производство и использование минеральных удобрений.

В соответствии с этим пленум ЦК Компартии Казахстан определил свои мероприятия по республике. Мы в областях в свою очередь намечали меры по увеличению производства зерна и другой продукции сельского хозяйства. Честно говоря, на первых порах делалось это без должного понимания серьезности и масштабов поставленных задач.

Заря целинной эпопеи. П.К. Пономаренко и Л.И Брежнев

В ноябре-декабре 1953 года я отдыхал и лечился в Ессентуках. Во время моего отпуска семья перебралась в другую квартиру, предварительно ее отремонтировав. Семья намеревалась преподнести мне сюрприз, порадовать обновленной квартирой.

Но жизнь распорядилась по другому. В связи с предстоящей партийной конференцией мне пришлось досрочно покинуть санаторий. На обратной дороге, находясь уже в Москве, позвонил в орготдел ЦК КПСС, «доложился». А мне в ответ: «На ловца и зверь бежит!» Оказалось, что работники отдела «охотились» за мной уже второй день. Попросили завтра же утром подъехать к ним по важному делу.

Завсектором Н.Д. Новиков после взаимных приветствий ошарашил неожиданной новостью: «Тебя, мил человек утвердили заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК Компартии Казахстана. Ты уже не секретарь обкома». Признаюсь, новость ошеломила и встревожила меня. Да разве можно спокойно отнестись к такому сообщению! Ведь со мной никто предварительно о переводе не говорил, согласия не спрашивал. Замечу: в те годы приказная процедура при расстановке кадров, как отголосок военного времени, считалось нормой. Подобное случилось и при моем переводе из Талды-Курганского обкома партии в Западно-Казахстанский.

Весть о новом переезде семья восприняла болезненно. Жена со слезами выговаривала: «Столько сил и средств затрачено на ремонт квартиры и ее обустройство! И все коту под хвост!» Приуныл и старший сын. Он учился в 10 классе, и до окончания школы переезжать ему было нецелесообразно. На семейном совете решили временно оставить сына и бабушку в Уральске, переселив их в однокомнатную квартиру. А мы с супругой и младшим сыном выехали поездом в Алма-Ату. Перед Кзыл-

Ордой наш поезд остановили: железная дорога оказалась залита и повреждена паводком. Состав развернули и направили в Алма-Ату через Оренбург, Кустанай, Караганду. В общей сложности в пути мы находились семь дней. За это время в республике произошли важные события.

Первый секретарь ЦК Шаяхметов и второй секретарь Афонов в январе 1954 года держали отчет в ЦК КПСС о деятельности партийных и советских органов по выполнению решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Уровень руководства народным хозяйством Казахстана признали не соответствующим партийным требованиям и поставленным задачам. Шаяхметова и Афонова освободили от занимаемых должностей.

Явившись 4 февраля к Афонову, чтобы доложить о своем прибытии, в ответ услышал: «Теперь иди к Брежневу и решай свои дела с ним. Завтра - сказал он, состоится пленум ЦК, на котором будет избрано новое руководство республики».

И снова я оказался в пиковом положении. Попросу говоря, остался ни с чем. Вот в такой неопределенной ситуации мне пришлось присутствовать на пленуме Центрального Комитета, где решался важный организационный вопрос. Шаяхметова и Афонова освободили от руководства республиканской партийной организацией. Первым секретарем ЦК избрали Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, а вторым — Леонида Ильича Брежнева.

После пленума пришел к Брежневу и попросил его утвердить меня заместителем заведующего сельхозотделом ЦК. Он удивился: «Почему ты просишь понизить себя в должности?» Ответил ему: «Я не знаю ни вас, ни методов вашей работы, а вы не знаете меня». Брежнев сказал: «Подумайте еще раз и завтра выходите на работу». Я снова повторил свою просьбу. В результате ее все-таки удовлетворили. После этого официально я несколько месяцев работал заместителем, а фактически исполнял обязанности заведующего отделом. В сентябре 1954

года сельхозотдел разукрупнили на сельскохозяйственный (его возглавлял А. К. Морозов) и отдел совхозов - (заведующим утвердили меня).

Состоявшийся в феврале 1954 года VII-й съезд Компартии Казахстна признал работу бюро и секретатриата ЦК прежнего состава неудовлетворительной. Наряду с этим и обсудил задачи по увеличению производства зерна за счет освоения целинных и залежных земель. Намечалось расширить посевы зерновых более чем на 6 млн. гектаров. На организационном пленуме первым секретарем ЦК КП Казахстана избрали П.К. Пономаренко, вторым секретарем Л. И. Брежнева, секретарями Ф.К. Карибжанова и М. А.Сужикова. Я был избран кандидатом в члены Центрального Комитета.

Много лет прошло с той поры. Но память о Жумабае Шаяхметове все жива. Слишком круто обошлись с ним. Ведь его хорошо знали не только в партийной среде. Он снискал широкую популярность в народе за огромные усилия в преодолении экономической и культурной отсталости республики. Это свое мнение я затем открыто высказал Брежневу, когда ближе познакомился с ним. «А как по-твоему, следовало поступить?» - спросил он. «Для пользы дела, - ответил я, - можно было оставить его одним из секретарей ЦК».

Впоследствии Шаяхметова избрали первым секретарем Южно-Казахстанского обкома партии. Но на новом месте он не прижился. Видимо, основательно забарахлила нервная система. Его одолевали сильные головные боли из -за чего приходилось часто уходить с работы. Чтобы забыться от боли он увлекся волейболом. Второй секретарь обкома Тарасенко, живший по соседству, начал кляузничать в ЦК: Шаяхметов, мол, отлынивает от дела, в рабочее время уходит домой якобы из-за болезни, а сам гоняет над сеткой мяч.

Брежнев лично выезжал для проверки этих сигналов. Кончилось тем, что Шаяхметова освободили от должности и отправили на пенсию. Заодно «ушли» и Тарасенко. Через

некоторое время Шаяхметова прооперировали по поводу опухоли головного мозгла. После долгих мучений он умер.

Работники ЦК в разговоре между собой с возмущением и недоговании осуждали Тарасенко за его клевету.

Никогда не забуду случая, когда ко мне в кабинет в отдел совхозов ЦК вдруг пожаловал уважаемый аксакал Шаяхметов. Я встал, вышел ему навстречу и предложил сесть в мое кресло заведующего. Он рассмеялся, обнял меня и сказал: «За твою искренность рахмет тебе. Но уж лучше ты сам садись на свое место. Я зашел повидаться с тобой». Мы тепло и искренне поговорили, многое вспомнили, пошутили. Я сказал Шаяхметову о своих чувствах уважения и признательности. В конце разговора он пожелал мне успехов в работе. Эта встреча с дорогим мне Жумеке оказалась последней.

Уже позже, когда я работал первым секретарем в Чимкенте, в Келесском районе, примыкающем к территории Узбекистана, на новых землях мы создали новый виноградарский совхоз и присвоили ему имя Шаяхметова. Чтобы узаконить это название, требовалось согласие ЦК. Мне пришлось обратиться лично к Д.А. Кунаеву. Он ответил: «Подумаем». Прошло некоторое время, но ответа мы не получили. Пришлось снова обратиться к Динмухамеду Ахмедовичу. И опять услышали: «Мы пока думаем». Нам стало ясно, что положительного решения не будет. Тогда обком и облисполком приняли решение назвать хозяйство «Жузундык» — «Виноградарь». Оно называется так и поныне. Думаю, что ЦК напрасно поскромничал, не дав согласия присвоить новому совхозу имя Шаяхметова.

После VII съезда Компартии Казахстана областям довели задания по подъему целинных и залежных земель. Планы разрабатывали с учетом рекомендаций землеустроителей, почвоведов и агрономов союзного и республиканского Министерств сельского хозяйства, научно-исследовательских учреждений. Всю эту деятельность возглавлял начальник управления землеустройства Минсельхоза Василий

Александрович Шерементьев. Основные площади пахотно-пригодных целинных земель были выявлены в Кустанайской, Акмолинской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областях.

Февральско-мартовский (1954 г.) пленум ЦК КПСС наметил конкретные задачи по увеличению производства зерна в стране и по освоению целинных и залежных земель. Решением предусматривалось в 1954 и 1955 г.г. поднять не менее 13 млн. гектаров целины и залежей, из них без малого половину - в Казахстане. В республике решили еще до начала весенних полевых работ 1954 года по согласованию с областями создать 74 новых целинных совхоза. Нашему отделу поручалось подобрать для каждого целинного совхоза руководящие кадры: директора, главных специалистов — агронома, инженера, бухгалтера и секретаря партийной организации. Плюс еще инженера - строителя. По указанию Пономаренко отделу нам разрешили подбирать и отправлять на целину любых подходящих работников, кроме министров и их заместителей. Задача, тем не менее, оказалась весьма трудной. В областях также велся подбор руководящих кадров для целинных совхозов. И все же каждый день нам удавалось подобрать и сформировать руководящий состав для нескольких новых совхозов. Отобранных кандидатов отдел представлял Пономаренко для личной беседы. Те, кто получал «добро», оформлялись в министерстве и выезжали к месту назначения - туда, где должен быть организован новый совхоз.

Не все шло гладко. Помню, Пономаренко поручил мне в случаях затруднения подобрать кандидатуру постоянного директора, давать согласие на назначение временного. Я усомнился в целесообразности такой установки. Но Пантелеймон Кондратьевич настаивал на своем. Вскоре меня как-то пригласил Брежнев и поинтересовался: «Как идет комплектование директорского корпуса целинных совхозов?» Я проинформировал его, но пожаловался, что трудно идет это

дело и сказал о поручении Первого давать согласие на временных директоров, если не получается с постоянными. Леонид Ильич отнесся к этой затее неодобрительно. «Тогда как мне вести себя?» – спросил я. Брежнев пожал плечами: «Выполняйте указание Первого, хотя оно и неправильное».

В очередной раз, побеседовав с группой рекомендуемых руководителей новых целинных совхозов, Пономаренко выразил удовлетворение качеством подбора. После их ухода он вдруг спросил: «А временных директоров вы будете представлять?» Услышав мой отрицательный ответ, грубо выругался, кивнув головой в сторону кабинета Брежнева. Мнения Пономаренко и Брежнева иногда расходились, и мы получали противоречивые указания. Положение не из приятных. Наконец, Пантелеймон Кондратьевич вызвал нас вместе с заведующим сельхозотделом и сказал: «Вы к нам не приспосабливайтесь, действуйте принципиально, как вам велят ваша совесть и партийный долг!» Сразу все встало на свои места, мы воспрянули духом и получили уверенность в решении поставленных задач.

Преодолев все трудности, наш отдел совместно с партийными комитетами областей и министерствами в установленные сроки укомплектовали «штабы» первых 74-х целинных совхозов, и потом еще нескольких хозяйств. Часть руководителей и специалистов прибыли в Казахстан из-за пределов республики. Многих секретарей парторганизаций новых совхозов мы подбирали из числа демобилизованных офицеров. Все они активно включались в работу: определяли места для центральных усадеб, получали палатки и вагончики, технику и продовольствие; выполняли множество других организационных дел по обустройству людей.

По призыву партии подъем целины принимал всенародный характер. Особую активность в этом проявлял комсомол. Тысячи юношей и девушек из всех братских республик отправлялись в необжитые края. В 1954-1955 гг. в Казахстан

прибыли сотни тысяч доброовльцев. Большинство первоцелинников направлялось в новые совхозы. Часто эти хозяйства получали названия тех регионов откуда прибывали первоцелинники: «Московский», «Днепропетровский», «Ленинградский», «Ярославский», «Псковский», «Минский», «Самарский»...

Вспоминается такой случай. В марте 1954 года Брежнев и вместе с ним я прилетели на АН-2 в Акмолинск. Здесь к нам присоединился первый секретарь обкома партии Н. И. Журин и мы полетели в новые совхозы. Приземлились на площадке, отведенный под центральную усадьбу совхоза «Кургальджинский».

Подойдя к вагончикам, на одном из них мы с удивлением увидели надпись крупными буквами «Совхоз Днепропетровский», нанесенную приехавшими из Украины энтузиастами. Получилось, что один и тот же совхоз имел два названия. К Леониду Ильичу подошла группа целинников и попросила оставить название «Днепропетровский». Глядя на меня, он сказад: «Видишь результат нашего с тобой руководства?» Просьбу целинников, конечно, удовлетворили.

Во всех новых хозяйствах кипела напряженная работа. Новоселы благоустраивались на новом месте. Распределялась прибывающая на целину техника, начиналась застройка центральных усадеб, подвозились стройматериалы, горючее, продукты питания.

Наступила весна 1954 года. Она дала старт героической целинной эпопее. В Казахстане предстояло поднять за год 5 млн. гектаров! Но области по своей инициативе наметили распахать больше, где-то в пределах 7-8 миллионов!

В народе говорят: «Кто не бежит - тот и не споткнется». Нам тоже пришлось споткнуться - и не раз. Главная задача, стоявшая перед новыми совхозами, распашка целинных земель. В первый год хозяйствам не устанавливались задания по посеву зерновых. Потом мы убедились, что такая промашка может сыграть злую

шутку, ведь совхозам не выделялись семена и сеялки.

Первым обратил на это внимание управляющий объединением «Каззаготзерно» Иван Иванович Двинов, опытный и мудрый человек, много лет проработавший в республике. Мы с ним хорошо знакомы, знали друг друга, поэтому он и пришел ко мне. Из его расклада явствовало: если новые совхозы не обеспечат себя собственными семенами для следующего сезона, то республике в 1955 году не хватит всего валового урожая, чтобы засеять все вспаханные земли. Мы еще раз пересчитали баланс зерна в республике и убедились, что каждый целинный совхоз должен иметь и засеять свой собственный семенной участок площадью в 3-5 тысяч гектаров. То же самое должны сделать «старые» хозяйства - с учетом прироста посевных площадей за счет целины.

Республика располагала ресурсами зерна для посева семенных участков во всех целинных совхозах.

Наши расчеты я доложил Пономаренко. Выслушав меня, он спокойно сказал: «Семена можно взять на Украине». Я ему напомнил, что Украина сеет озимую пшеницу, а сибирские сорта яровой пшеницы для многих наших областей не районированы. Пантелеймон Кондратьевич изменился в лице. Крепко выругав меня, он закричал: «Почему ты до сих пор мне об этом ничего не говорил!? Почему молчал?» Я ответил, что сам только сегодня додумался до этого вывода. Он еще долго ходил по кабинету, нервничал. Потом опять вернулся к моим расчетам и убедился в их правильности. Сказал уже спокойнее: «Надо немедля попросить ЦК КПСС выделить Казахстану семенную ссуду. В республике имеется достаточное количество зерна пшеницы пригодного для семенных целей целинным совхозам, как явствует из ваших расчетов».

Пантелеймон Кондратьевич позвонил в Совмин СССР Г. М. Маленкову попросил отпустить целинным совхозам ссуду для закладки семенных участков. Георгий Максимильянович попросил немедля прислать шифровку. В тот же день требуемая

шифровка ушла в Москву. Пономаренко и Брежнев лично переговорили с первыми секретарями целинных обкомов партии, с министрами республики о посеве семенных участков в новых совхозах. Через день стало известно решение Правительства СССР о выделении целинным казахстанским совхозам семенной ссуды. Пономаренко немедля пригласил к себе министров, руководство Совмина республики и учинил с ними крутой разговор по посеву семенных участков в целинных хозяйствах.

Я обратил внимание, что Пономаренко всегда звонил в Москву только Маленкову. За полтора года плотной работы мне не приходилось слышать, чтобы он связывался по телефону с первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым.

Целинные совхозы благополучно посеяли семенные участки и получили хороший урожай. Все они обеспечили себя собственными семенами и в 1955 году успешно провели весенний сев, уже не обращаясь ни к кому за семенной ссудой.

Заметив однажды, что у Пантелеймона Кондратьевича хорошее настроение, напомнил ему о том, как он необоснованно обругал меня за семенные участки. Пономаренко ответил: «Я ругал тебя как отец сына. Вот если бы тебя ругал так, как однажды «отчистил» меня Сталин на Политбюро ЦК, тогда бы другое дело». Я попросил его рассказать об этом. И Пантелеймон Кондратьевич поведал мне одну историю. В то время он работал первым секретарем ЦК КП Белоруссии и являлся кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП (б). В начале 1941 года его пригласили на заседание политбюро. Там И.В. Сталин попросил его охарактеризовать бывшего командующего одного из двух военных округов, находившихся на территории Белоруссии. Пантелеймон Кондратьевич резко отозвался об этом человеке. Примерно такими словами: «Вояка он хороший, но пьяница и развратник, за красивую бабу отдаст все. Аполитичен, доверять ему важных дел нельзя. Кстати, мы с Ворошиловым направили в Политбюро

записку о крупных недостатках в руководстве войсками и личном поведении этого командующего». В результате генерала освободили от должности».

Выслушав отзыв, Сталин занервничал, стал ходить по кабинету и со злостью бросил в адрес Пономаренко: «Я тебя уничтожу!» Повторил он эту фразу несколько раз. Потом вызвал своего помощника Поскребышева и дал ему какое-то поручение. «Конечно, - рассказывал Пантелеймон Кондратьевич, - обстановка на заседании накалилась». Вновь вошел Поскребышев и о чем-то проинформировал Сталина. Тот опять обрушился с угрозами в адрес Пономаренко. После заседания члены политбюро недоуменно спрашивали у него: «Что, все-таки произошло?» А он и сам ничего не мог понять. Пономаренко высказал свое возмущение Ворошилову: «Мы же вместе с тобой подписали записку, почему ты промолчал?» Но Климент Ефремович ничего ему не ответил. Затем Пономаренко зашел к Маленкову и спросил: «Что мне теперь делать?». «Пока езжай домой, а там видно будет», - ответил тот. Пантелеймон Кондратьевич тяжело переживал случившееся, у него буквально все валилось из рук. Через несколько дней И.В. Сталин позвонил ему в Минск и высказал серьезные упреки за недостатки в хозяйственной деятельности. Разговор закончился требованием поправить дела. «Как ни странно, но после этого нелицеприятного разговора я воспрянул духом, - говорил Пантилеймон Кондратьевич. - Ведь мне стало ясно, что Сталин по-прежнему считает меня секретарем ЦК и уничтожать не собирается».

Позже Пономаренко узнал причину гнева «хозяина» на политбюро. Оказывается, бывшего командующего направили в Берлин с какой-то важной миссией. А тут вдруг - такая разгромная характеристика. Сталин поручил Поскребышеву вернуть самолет с командующим, если он еще не приземлился. Но выяснилось, что тот уже в Берлине.

В годы Великой Отечественной войны неназванный бывший

командующий возглавлял армию. Однажды Сталин позвонил Пономаренко и сказал: «Есть мнение выехать вам к своему другу в армию представителем ставки Верховного Главнокомандующего. Сколько потребуется времени на сборы?» Пономаренко ответил: «Столько, сколько необходимо для заправки автомашины». Мне, конечно, хотелось узнать фамилию бывшего командующего, но он ее так и не назвал.

Иногда мне приходилось сопровождать Пантелеймона Кондратьевича в его поездках по областям. Однажды летом 1954 года он мне говорит: «Ты хорошо знаешь Талды-Курганскую область, давай на машине прокатимся по ее территории, а потом по другим областям». По степным грунтовым дорогам мы быстро добрались до Талды-Кургана, преодолев более 200 км. Первый секретарь ЦК подробно интересовался каждым населенным пунктом. Заметив по пути куропаток, остановил машину, вышел и двумя выстрелами на лету убил пару птиц. По словам Пономаренко, он практически никогда не «мажет». У него было одно из лучших французских ружей, ПЭРДЭ № 300. Как сказал Пантелеймон Кондратьевич, сам Ворошилов, «попробовав» это ружье, умолял его обменять на любое из дюжины имевшихся у него охотничьих «стволов»: «Выбирай любое, а это уступи мне». Но Пономаренко не согласился.

По пути нас встретил первый секретарь обкома партии Ш.К. Карсыбаев. Пантелеймон Кондратьевич попросил его поехать на Текелийский свинцово-цинковый комбинат. В Текели он остановился у особняков, огороженных высокими заборами, где проживало начальство. Оказалось, что там сторож ранил мальчишку, рвавшего яблоки, о чем Пономаренко знал из жалобы, поступивший в ЦК. Он встретился с родителями ребенка, потребовал освободить от работы первого секретаря горкома партии, выселить из особняка виновных и отдать под суд.

В Талды-Кургане Пантелеймон Кондратьевич подробно ознакомился с состоянием экономики и культуры области.

Потом мы поездом отправились до станции Жангызтобе, откуда на машинах выехали в Усть-Каменогорск. Ознакомившись с состоянием промышленности и сельского хозяйства, мы на пароме по Иртышу отбыли в Семипалатинск. По пути останавливались в некоторых хозяйствах. Первый секретарь местного обкома партии Танаш Койчубаев доложил о ходе выполнения производственных планов.

Из Семипалатинска самолетом в Павлодар. Здесь побывали в ряде районов, ознакомились с ходом освоения целинных земель и уборки урожая. У первого секретаря обкома Сафонова (бывшего второго секретаря ЦК КП Казахстана) он дотошно выспрашивал: «Не приведет ли распашка песчанных земель к эрозии и опустыниванию?» В общем, в течение недели успели побывать в четырех областях! Пономаренко вообще много работал и мало отдыхал. Он старался хотя бы по минимуму изучить казахский язык, запомнить наиболее ходовые житейские фразы: «здравствуйте», «как дела?», «что у Вас хорошего?», «что плохого?» (амансызба, кал калай, не жаксылык, не жамандык бар?) Часто повторял мне эти фразы на казахском языке, чтобы уточнить правильность произношения. Главным учителем у него была Мария Полубабкина (в замужестве Шаумян), его второй помощник, в совершенстве владевшая казахским языком. Сам он, сын кузнеца, хорошо знал адыгейский, так как в детстве жил среди адыгейцев.

По его поручению все материалы, касавшиеся целины, я передавал ему в двух экземплярах. Один он сразу обрезал ножницами и вкладывал в специальную папку. В ответ на мое любопытство сказал: «Когда-то прочитаешь».

Мне от его помощников В. М. Николаева и М. Х. Шаумян известно, что он писал мемуары, но те почему-то не были изданы. По словам Шаумян, рукопись воспоминаний и документы о целине, вероятнее всего, сгорели во время в пожара на его даче. Пономаренко, имевший звание генерал-лейтенанта,

руководил партизанским движением в Белоруссии почти весь период Великой Отечественной. Он много сделал для преодоления послевоенной разрухи и восстановления народного хозяйства своей республики. Пономаренко иногда рассказывал мне об атмосфере на обедах у Сталина, о том как возрождались из руин Минск и другие города, о том как он заставил взорвать одно полуразрушенное здание в Минске, чтобы создать в столице просторную центральную площадь.

1954-й, — первый целинный год республика завершила достойно. Хозяйства освоили более 8 млн. гектаров целинных и залежных земель при задании 6,3 миллиона. Производство зерна возросло на 42%, государству сдано 245 млн. пудов хлеба или почти в два раза больше, чем в предыдущие годы. Все целинные совхозы засыпали достаточное количество собственных семян зерновых культур. На центральных усадьбах хозяйств полным ходом возводились жилые дома, школы, столовые, зерносклады, мастерские и другие объекты. Каждый целинник вынужденно стал еще и строителем. К зиме 1955 года в большинстве совхозов рабочие перебрались из палаток и вагончиков в общежития, жилые дома. Начались занятия в школах.

Правительство страны, рассмотрев итоги 1954 года по освоению целины, поставило новые, более масштабные задачи. В Казахстане намечалось осенью 1954 и в первой половине 1955 года дополнительно организовать еще 250 новых совхозов и освоить 7,5 млн. гектаров целины.

Отделу предстояло укомплектовать эти хозяйства кадрами, подобрать 250 директоров и столько же секретарей парткомов, главных инженеров, агрономов, бухгалтеров, строителей . А всего - 1500 руководителей! Для решения некоторых проблем хозяйственного обустройства и кадрового обеспечения Брежнев выезжал в Москву, посетил Украину, Белоруссию и Ленинград. Визит оказался удачным: в Казахстан приехало значительное количество специалистов. Многих из них назначали

директорами и главными специалистами новых совхозов.

Примерно в январе 1955 года Брежнев попросил меня охарактеризовать Д. А. Кунаева, тогдашнего президента Академии наук республики. Зная Динмухамеда Ахмедовича уже более 10 лет, обрисовал его как человека порядочного, умного, настойчивого и скромного. «Можно ли его выдвигать председателем Совмина республики?», - спросил Леонид Ильич. Я ответил ему без обиняков, что Кунаев по своим человеческим качествам, организаторским способностям и профессиональной подготовке вполне подходит для этой работы. Он вырос из народа, хорошо знает республику, кадровый потенциал и состояние экономики. А вот в аграрных делах Кунаев пока не очень осведомлен, но знания - дело наживное.

В марте 1955 года Динмухамеда Ахмедовича назначили председателем Совета Министров Республики. Н Д. Ундасынова освободили от этой должности и рекомендовали первым секретарем Гурьевского обкома партии.

В течение 1954-1955 годов определились места размещения будущих центральных усадеб новых совхозов. Из России, Украины, Белорусии и других республик начали прибывать эшелоны с целинниками. Из 16 областей Казахстана только Гурьевская не занималась освоением новых земель.

В повседневных хлопотах по организации 250 целинных совхозов мне позвонил первый заместитель министра совхозов СССР Степан Власович Кальченко и передал, что коллегия министерства отклонила предложение республики об организации 15 новых хозяйств в Актюбинской области. Главной причиной он назвал возражение академика Т.Д.Лысенко.

После длительных переговоров Кальченко взял на себя ответственность и согласился на организацию пяти новых совхозов в Актюбинской области, вместо 15. А для остальных десяти предстояло подобрать земли в других областях. Об этом

разговоре я проинформировал Брежнева. Возмутившись, он позвонил министру совхозов СССР И. А. Бенедиктову. Разговор велся на высокой ноте. Леонид Ильич сам слетал в Актюбинск. Там ему доказали, что создание новых совхозов - вещь вполне реальная. Ведь пахотно пригодных земель для зерновых здесь более чем достаточно, особенно на границе с Кустанайской и Оренбургской областями, где осваивается целина.

Но и после повторного звонка Брежнева Бенедиктов не согласился с ним. Это породило между ними неприязненные отношения. Тем не менее пять совхозов в Актюбинской области организовали. Причем им передали все земли, предназначавшиеся для пятнадцати хозяйств! Вот почему совхозы получились безразмерными: «Ярославский», к примеру, имел посевную площадь зерновых более 50 тысяч гектаров! Через некоторое время в области за счет разукрупнения уже созданных, организовали еще три целинных совхоза. Потом на базе этих восьми крупных зернохозяйств создали новый Комсомольский район. А планировавшиеся десять целинных совхозов мы организовали в южных и восточных областях. Получились весьма удачно.

Руководящий состав 250 новых совхозов укомплектовали в основном вовремя. В 1954 году из России, Украины, Белоруссии и других республиках в Казахстан прибыло более 8 тысяч агрономов, инженеров и других специалистов. За год в сельские районы направили свыше пяти с половиной тысяч коммунистов. Группа молодых энтузиастов Алма-Аты организовала в Акмолинской области совхоз «Алмаатинский». Новые хозяйства в Джамбулской, Чимкентской, Алма-Атинской, Талды-Курганской и Восточно-Казахстанской областях создавались в основном за счет своих кадров. По всей стране ширилось и крепло шефство предприятий над целинными совхозами. Всенародная поддержка помогала их быстрому становлению и организационному укреплению.

В 1955 году в общей сложности в республике распахали 9,4 млн. гектаров целины. К сожалению, этот год для сельского хозяйства республики оказался крайне неблагоприятным. Жаркое лето, отсутствие осадков подсушили посевы в большинстве областей. Урожай собрали мизерный. Республика сдала государству около 1700 тысяч тонн зерна. Среди некоторых руководящих работников союзных министерств и ведомств появились маловеры, засомневавшиеся в целесообразности подъема новых земель. Поползли слухи о провале целины, о ее нерентабельности, о том, что эту «эпопею» следует прекратить. Но впоследствии жизнь опровергла подобные панические настроения.

Как-то в конце 1955 года Л. И. Брежнев, взяв меня и заведующего сельхозотделом, отправился в Москву на пленум ЦК КПСС. Готовя материалы для его выступления, мы оказались в затруднительном положении. Дело в том, что республика не выполнила план хлебозаготовок, а производство зерна даже сократилось. При таких показателях мы долго ломали головы над тем, как дипломатичнее подать выступление Брежнева дабы не насыпать Хрущеву «соль на рану». Волнение оказалось напрасным. Пленум шел в спокойной обстановке: все знали о жесткой засухе, постигшей Казахстан, и понимали, что природе не прикажешь.

В один из августовских дней 1955 года мы с заведующим промотделом ЦК находились в кабинете Пономаренко. Вдруг беседу прервал телефонный звонок ВЧ. Он поднял трубку и сразу тихо сказал нам, что сейчас будет говорить Молотов. В ходе разговора на лице Пантелеймона Кондратьевича проступил румянец и он произнес фразу: «Я солдат партии, и как она решит, так и будет». Закончив разговор с Молотовым, он отпустил нас. Мы поняли, что беседа велась о его дальнейшей карьере. Вечером, когда я уже был дома, меня, несмотря на поздний час, опять вызвали в ЦК к Пономаренко.

В каком-то извинительном тоне он сказал: «Тебе больше всех

попадало от меня. Не поминай лихом. Ведь у тебя самый тяжелый и ответственный участок работы. Отсюда и очень строгие требования. Я тобой доволен». Крепко пожал мне руку и обнял. В ту же ночь он улетел в Москву. Вскоре газеты сообщили о назначении Пономаренко Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Польше. Впоследствии его помощник Николаев рассказал, что в самолете Пантелеймон Кондратьевич обмолвился любопытной фразой: «Все же Хрущ... меня съел».

В августе 1955 года пленум Центрального Комитета избрал Брежнева первым секретарем ЦК КП Казахстана, а Николая Ивановича Журина - вторым. Вскоре я услышал от Леонида Ильича откровение: «Видимо, это выдвижение оказалось неудачным». Сельское хозяйство курировали Ф. К. Карибжанов и сам Брежнев. Со вторым секретарем мне приходилось встречаться редко. Наш отдел совхозов работал напряженно. Мы занимались укомплектованием хозяйств кадрами, формированием трудовых коллективов, обустройством людей, налаживанием соцкультбыта. Только за первые три года освоения новых земель в Казахстан приехало свыше 640 тысяч целинников. Плюс к этому десятки тысяч своих казахстанских добровольцев.

Что и говорить: принять, трудоустроить и приютить на новом необжитом месте массу людей - дело не из легких! У меня, как у заведующего отделом, было два заместителя - Кахарман Серикбаев и Яков Иосифович Макиевский. А кроме них 4 инструктора: С. Шипулин, В. Синяков, А. Ермолаева, В. Смолин. Все они регулярно выезжали в целинные области и районы, бывали в совхозах, помогали райкомовцам и хозяйственным руководителям разумно устраивать жизнь и быт людей.

Как-то меня вызвал Брежнев и дал прочитать телеграмму из Северо-Казахстанской области. В ней сообщалось, что целинники растащили по своим бригадам, не заплатив, целую

машину с водкой. «Немедля слетай и разберись на месте, - сказал он. — Но постарайся обойтись без суда и следствия».

Что же оказалось в действительности? Продавщица к окончанию всеенного сева получила в райпотребсоюзе автомашину с водкой и везла ее в совхозный магазин. Механизаторы об этом знали. По пути следования грузовика располагались три совхозные бригады. Механизаторы останавливали машину и самочинно снимали одну треть ящиков с водкой, приговаривая, что «это в счет зарплаты». В итоге продавщица приехала на центральную усадьбу совхоза без водки, без денег и даже без расписок о гарантиях оплаты! Отчаявшись, она послала телеграмму самому Брежневу. Когда я приехал в совхоз, там как раз только-только отпраздновали окончание сева и выполнение плана подъема целины. Все бригадиры и механизаторы подтвердили, что водку действительно взяли без оплаты и пообещали возместить ее стоимость из очередной зарплаты.

Через день бухгалтерия проплатила продавщице всю причитающуюся сумму и инцидент был исчерпан. С участием представителей области, района и прокуратуры провели в бригадах собрания, на которых разъяснили недопустимость подобных противоправных действий. Все закончилось миром, без возбуждения уголовного дела. Брежнев согласился с таким исходом конфликта.

Патриотическое движение целинников не обходилось без мутной пены. Часть приезжавшей молодежи смотрела на это как на легкую прогулку. Многие не выдерживали трудностей и покидали целину. Тем не менее за 2-3 года в совхозах сложились стабильные трудовые коллективы.

Во время одной из поездок по Акмолинской области в Есильском районе мы случайно встретились с И. А. Бенедиктовым, тогдашним министром совхозов СССР. Иван Александрович - человек незаурядный, многоопытный, прекрасно знавший сельское хозяйство. Он пользовался

заслуженным признанием как в СССР, так и за рубежом. Это был настоящий министр сталинской эпохи - волевой, принципиальный. Целый день мы с ним ездили по совхозам, осмотрели массивы вспаханной целины и уже созревавшие посевы зерновых 1956 года. Чувствовалось,что он доволен увиденным. Кстати, в Алма-Ату Бенедиктов так и не поехал, видимо, из-за своих неприязненных отношений с Брежневым.

Чтобы повысить уровень партийного руководства целинными делами, в ряде обкомов организовали отделы совхозов. А в отдельных областях, где больше всего распахивалось земель, создали тресты совхозов. В Акмолинской области организовали даже два треста - Акмолинский (во главе с Лепехой) и Атбасарский, где управляющим работал Бай. В Кустайнаской области трест возглавлял Н. Ф. Алимпиев, впоследствии удостоенный звания Героя Социалистического Труда.

Целина подарила мне много интересных встреч. Среди целинников оказалось немало интереснейших натур, в их делах переплеталось героическое с будничным и наоборот. Как-то поздней ночью мы с секретарем Атбасарского райкома партии Макариным ехали через совхоз «Самарский». Вдруг услышали фортепьянную мелодию, доносившуюся из квартиры директора. Макарин и говорит мне: «Лихобаба не может жить без музыки». Решили заглянуть к директору на «огонек». Он несколько смутившись, сказал: «Музыка - моя страсть, мое любимое занятие для души, она помогает мне снимать напряжение, рождает вдохновение. Когда мне трудно, я даже поздно ночью, возвращаясь с полей, сажусь за инструмент».

Лихобаба оказался на редкость талантливым руководителем и организатором коллектива. Он вывел свой совхоз на уровень образцовых хозяйств. Его заслуги оценены высоко - званием Героя Соцтруда. Такой же чести удостоен и бригадир тракторной бригады соседнего совхоза, знаменитый первоцелинник Миша Довжик из Запорожской области. Его избирали депутатом Верховного Совета республики. На целине

он женился, вырастил детей, которые пошли по стопам отца.

Секретарь райкома Макарин любил охоту. Охотник он удачливый, но однажды ему не повезло. Поехали они с приятелями к Кургальджинским озерам «на дичь», не ведая о том, что именно на этот день запланировали запуск ракеты с Байконура. Обычно первые ступени ракет падают именно в этих местах. Точно так же произошло и на сей раз. Когда первая ступень ударилась о землю, от нее на большое расстояние полетели горящие осколки. Загорелась степь. Охотники здорово перепугались. К счастью, никого не задело, но они поспешили унести ноги с участка, объятого огнем.

«Кадры решают все!» Этот краткий по форме и емкий по содержанию партийный принцип составлял основу деятельности нашего отдела совхозов. Особенно мы заботились о качественном составе аппарата аграрных министерств и ведомств. Главное, чтобы ключевые посты занимали энергичные и деятельные работники.

Помню, Брежнев поручил отделу переместить на другую работу министра совхозов М. Д. Власенко и внести предложение о другой кандидатуре. Действительно, Власенко просто не справлялся с должностью руководителя большого министерства. Мы предложили несколько кандидатур на его место. Но Леонид Ильич отклонил. И тут же поручил внести на бюро ЦК кандидутуру М. Г. Рогинца. Мы внимательно изучили его личное дело. Оказалось, что он имеет только среднее педагогическое образование, но несколько лет работал первым секретарем Черниговского обкома партии. Наш отдел посчитал, что кандидатура Рогинца не подходит. Брежневу мнение отдела пришлось явно не по душе. Он в категоричной форме произнес: «Готовьте предложение на бюро ЦК об утверждении Михаила Георгиевича Рогинца министром совхозов Республики. Я лично его хорошо знаю, как опытного организатора сельского хозяйства». Так Рогинец стал министром. Надо признать правоту Леонида Ильича: его

«протеже» действительно стал прекрасным руководителем большого ведомоства.

В марте 1955 года состоялись выборы в Верховный Совет Казахстана. Меня снова выдвинули кандидатом в депутаты по Сарыозекскому избирательному округу. Несколько дней я встречался с избирателями на предвыборных собраниях. Многие меня помнили по прежней работе, ведь в этой области я трудился около 12 лет. Меня вторично избрали депутатом Верховного Совета республики. А на VIII съезде Компартии Казахстана в январе 1956 года избрали членом ЦК.

Свежую струю в жизнь партии и страны внес XX съезд КПСС. Брежнева на нем избрали секретарем ЦК КПСС, а первым секретарем ЦК Казахстана стал Иван Дмитриевич Яковлев, до этого возглавлявший Новосибирский обком партии.

В январе 1956 года мы с супругой находились на лечении в Карловых Варах. В санатории познакомились со знаменитым актером Марком Бернесом, с трижды Героем Советского Союза летчиком Н. И. Кожедубом, Героем Советского Союза Маресьевым. Узнав из сообщений средств массовой информации об избрании Брежнева секретарем ЦК КПСС, я вслух высказал Марку свое мнение: возможно, Леонид Ильич будет совмещать секретарство в Казахстане с работой в Москве. На это Бернес заметил:»Я так не думаю. Считай, что Брежнев от вас ушел». Прямо из Чехославакии я отправил Леониду Ильичу телеграмму, поздравив его с избранием.

Однажды в санатории мы смотрели советский фильм. Нам заранее объявили, что главную роль в картине играет советский актер Марк Бернес. И когда его пригласили сказать вступительное слово, он, сидевший рядом со мной, встал - только тогда до меня дошло, что мой знакомый не просто Марк, а знаменитый киноактер Марк Бернес. Мы с ним близко сошлись и потом встречались еще не единожды. Он рассказывал о своих болячках, о семейной трагедии - безвременной смерти жены, о горемычной тоске по ней, о неудавшемся втором браке.

После окончания XX съезда партии в Карловы Вары приехал председатель Акмолинского облисполкома Мажикен Бутин с супругой. Через несколько дней они пригласили нас с Марией к себе. Во время ужина Бутин сказал мне, что в связи с болезнью детей он и жена срочно уезжают домой. Но как выяснилось потом, истинная причина отъезда оказалась иной. Дело в том, что Бутин продал лифтеру санатория золотое кольцо с бриллиантом. Когда тот пришел сдавать кольцо в ювелирный магазин, его заподозрили в краже и отложили оплату на пару дней. После разбирательства лифтера взяли под стражу, а чету Бутиных выдворили из Чехословакии. Бюро ЦК освободило его от работы. Что и говорить, случай нелепый, а для работника такого высокого ранга - непростительный. Тем более, что считался он руководителем высокого класса. Мажикена очень ценил А. И. Микоян в бытность его министром легкой промышленности республики. В Бутине тесно переплетались дар организатора и черты властолюбца с авантюристскими замашками и пристрастием к преферансу и бильярду.

Возглавляя ЦК Компартии Казахстана, Пономаренко и Брежнев значительно обновили состав сотрудников аппарата. Активно работали заведующие отделами: промышленным - Ганкевич, строительным - Лайкин, административным - Ш. Кабылбаев, идеологическим - Джандосов, общим - Савинский, финансово-хозяйственным - Артамонов. Значительно изменился и состав заместителей заведующих, а также инструктурское звено. Сменилась часть работников Совета Министров, министерств и ведомств. В хозяйственные управленческие структуры влилось много подготовленных специалистов, способных действовать активно и грамотно.

Не обходилось, конечно, без ошибок и просчетов. Серьезный прокол произошел с первым заместителем председателя Совмина Николаевым, который оказался неспособным в деле и ретивым в махинациях, за что его впоследствии судили. Заведующего орготделом ЦК Н. Д. Новикова отстранили от

работы, даже не объяснив нам причин. Нечистоплотным и непорядочным оказался заведующий сельхозотделом ЦК А. К. Морозов. Человек способный на любую подлость, навредить кому угодно — ему доставляло удовольствие. Во время работы VIII съезда Компартии республики Морозов пытался склонить меня к некоей «фракционности». Подошел ко мне и предлагает: «Давай сагитируем группу делегатов и уговорим их проголосовать против Брежнева, Кунаева, Карибжанова, Мельника и других». «Зачем, — спрашиваю его, — эти детские игры?» Он нагло ответил: «Надо им навонять». «Ты просто подлец», — сказал я ему. И впоследствии его «раскусили» и изгнали из партийного аппарата.

С большой отдачей и заинтересованностью трудился секретарь ЦК КП Казахстана Ф. К. Карибжанов. Он всех нас привлекал своим трудолюбием, доброжелательным расположением к людям и честностью. В деле был строг и принципиален. Его выдвинули вторым секретарем ЦК, а затем председателем Президиума Верховного Совета Казахстана. На этом посту он горячо взялся за дело, обрел всенародное уважение и признание.

Неповторим и оригинален министр сельского хозяйства республики Григорий Андреевич Мельник. Наделенный умом и беспокойным острым характером, он полностью отдавал себя делу, развитию сельской экономики, обновлению жизни и быта деревни и аула. Много лет Мельник работал заведующим сельхозотделом ЦК. Его избирали первым секретарем Семипалатинского, Северо-Казахстанского и Акмолинского обкомов партии и затем секретарем ЦК Компартии Казахстана.

Прекрасный оратор, мастер на острое слово, к делу сказанную шутку. Он категорически отвергал бахвальство и показуху. Был чист и честен. Таким он остался в памяти партийцев и многих сельчан.

Умно и энергично вел дела Натан Хаимович Забежанский, заместитель заведующего, потом заведующий сельхозотделом

ЦК, а в годы освоения целины — управляющий республиканским объединением «Казсельхозтехника». С размахом и активно действовал заместитель заведующего сельхозотделом ЦК, затем первый секретарь Южно-Казахстанского обкома партии мой однокашник Мухамеджан Ерлепесов. К сожалению, он отличался склонностью к выпивкам, необузданным донжуанством.

Как-то на несколько суток Мухамеджан «запропал» с гастролировавшей в области артисткой из Алма-Аты. Подался с ней в Ташкент, где они инкогнито поселились в гостинице. Нашли их работники правоохранительных органов. После разбирательства Ерлепесова освободили от должности. И снова он возвратился на круги своя. Начал работать агрономом опытной станции в Пахтааральском совхозе. Обобщил полученные исследования и подготовил кандидатскую диссертацию. Правда, к защите его какое-то время не допускали. По его просьбе мне пришлось обращаться к Пономаренко. Тот дал «добро», и Мухамеджан быстро защитился.

Будучи вторым секретарем Алма-Атинского обкома партии, в 1959 году поддержал его ходатайство о выделении Казахскому институту земледелия под застройку большого массива на территории колхоза «Политотдел» Каскеленского района. Возглавив КИЗ, Ерлепесов в короткие сроки отстроил большой институтский комплекс. Защитил докторскую диссертацию и стал признанным ученым.

В течение нескольких лет мне довелось работать и повседневно общаться с такими видными деятелями государства, как Брежнев и Пономаренко.

С первого же дня приезда в республику Леонид Ильич много и продуктивно трудился. Ему шел тогда 49-й год. Он был в расцвете творческих сил, обладал глубиной знаний и организаторским талантом. Много общался с людьми, покорял их сердца простотой и вниманием. Часто выезжал в области,

что давало ему возможность полнее воспринимать и реагировать на пульс жизни республики, результативно направлять деятельность партийных комитетов и органов власти. Оперативно реагировал на всякую нескладицу в делах производства, культуры и быта.

Пономаренко и Брежнев — разные люди, мало похожие друг на друга. Пантелеймон Кондратьевич, на мой взгляд, стремился охватить более широкий диапазон деятельности. Он старался вникать во все отрасли народного хозяйства, заботился о развитии науки и культуры. Чутко относился к межнациональным взаимоотношениям, подготовке национальных кадров. Нами он воспринимался как сильный, умелый, стратегически мыслящий деятель. Правда, он отличался вспыльчивостью. В пылу раздражения дерзко ругался, но злопамятство в себе не держал и быстро отходил. Уверенность в себе, смелость в принятии решений, настойчивость в проведении их в жизнь, широта практического мышления — такова далеко не полная гамма черт его стиля и характера. В повседневной жизни вел себя скромно, не допускал излишеств. В людях ценил трудолюбие, порядочность и добросовестность, резко осуждал расхлябанность и разгильдяйство.

Брежнев по складу характера, размаху и стилю деятельности виделся несколько по иному. В руководстве народным хозяйсвом он больше всего концентрировался на развитии сельского хозяйства, подъеме целины, организационно-хозяйственном укреплении новых совхозов, укомплектование их кадрами. Он более демократично строил свои отношения с людьми, редко повышал голос. Был прост, доступен и доброжелателен. Правильно подметила одна газета в день его юбилея: мудрый от жизни и скромный от природы... Интернационалист по складу ума и действиям. Принципиален в оценках и искоренении негативных явлений.

Неверны утверждения, будто бы Брежнев механически

прочитывал на собраниях написанные сотрудниками аппарата доклады. Могу свидетельствовать: и доклады на пленумы, и проекты выступлений он готовил сам. Отделы лишь давали ему материалы по вопросам, указанным в его плане. Ознакомившись с ними, он сам надиктовывал стенограмму доклада, первый вариант которого давался отделам для уточнений и дополнений.

С учетом этих дополнений он вторично диктовал текст доклада стенографистке, снова раздавал отделам для сверки цифр и фактов или их замены. И наконец, в третий раз диктовал окончательный текст своего доклада.

Мне приходилось много раз участвовать в подготовке материалов к его выступлениям в Алма-Ате и Москве. Бывали случаи, когда, не подписав документ и не сделав конкретных замечаний, он просто говорил: «Мне это не нравится». На вопрос: «Что именно не нравится?», отвечал: «Подумай сам и напиши».

Вообще же Ленид Ильич оперативно и со знанием дела рассматривал возникавшие вопросы, а если требовалось решение центра, то звонил только Хрущеву.

На заседаниях Бюро ЦК за председательским столом всегда сидели двое: Пономаренко и Брежнев. В присутствии посторонних они никогда не противоречили друг другу, хотя их мнения иногда не совпадали. И Пономаренко, и Брежнев не гнушались заходить в кабинеты заведующих отделами, поинтересоваться работой.

Однажды Брежневу потребовались данные, которых не оказалось в статуправлении и министерстве. Я сам переговорил с обкомами партии и подготовил требуемую справку. Третий экземпляр передал министру совхозов Рогинцу, а первый экземпляр вручил Брежневу. Собранные данные ему не понравились. Он с упреком выговорил: «Почему вы пользуетесь случайными, непроверенными сведениями министерства?» Я попытался убедить его в том, что информация точна и ей можно

доверять.

Брежнев все-таки вызвал министра для уточнения данных. Когда тот появился, Леонид Ильич взял свой экземпляр, подошел к Рогинцу и увидел, что обе справки идентичны. «Кто тебе дал эти сведения?», — спросил Брежнев. Министр ответил: «Отдел ЦК». Разгорелась словесная перепалка. После спора я ушел к себе в кабинет, это было в третьем часу ночи. Вскоре ко мне в кабинет зашел сам Брежнев и сказал: «Твою справку я изучил и убедился, что она действительно верно отражает положение дел в республике. Извини меня за бестактность». Я оторопел от неожиданного появления Первого, но еще больше от принесенного мне извинения: просит прощения сам руководитель ЦК! Просит у подчиненного! Уже потом понял, что это норма человеческих взаимоотношений, утверждавшийся новый стиль партийного руководства. Видя мою растерянность, Леонид Ильич улыбнулся, сел в кресло и стал рассказывать о том, как его самого бестактно ругал Хрущев.

И он поведал, как в 1948 году перед началом хлебоуборки проходил пленум ЦК Компартии Украины. Присутствовавший на нем Хрущев в категоричной форме потребовал, чтобы не позднее первого сентября республика выполнила план хлебозаготовок. Первым на трибуну пригласили Брежнева, работавшего в те годы секретарем Днепропетровского обкома партии. Леонид Ильич решил с «запасом» назвать срок выполнения плана по сдаче хлеба. Он полагал, что ему это сойдет, так как область считалась передовой. И когда Брежнев заявил, что «с планом справимся 10 сентября», на него обрушился поток ругани. Хрущев подошел к трибуне, где стоял Леонид Ильич, и, повернувшись в сторону зала, стал выговаривать, показывая рукой на Брежнева: «Вы видите перед собой оппортуниста, который не хочет идти в ногу с партией! Можем ли мы доверять ему Днепропетровщину?» В ответ на возражение Брежнева Хрущев стал ходить вокруг трибуны,

стучать об нее кулаком и выкрикивать: «Вот наш оппортунист, вот наш хвостист, который ориентирует Украину на срыв хлебозаготовок!»

Сцена затянулась. «Я за это время основательно вспотел, — рассказывал Брежнев, — у меня закружилась голова и, чтобы не упасть, ухватился за трибуну». «Таких надо снимать с работы с позором!», — продолжал между тем Хрущев. Затем вызвали на трибуну секретаря Запорожского обкома партии Стахурского, друга Брежнева. С ним тоже обошлись грубо.

Потом Хрущев спросил участников пленума: «Будем ли дальше продолжать прения?» Из зала раздались голоса: «Хватит! Достаточно!» В заключение Хрущев подтвердил свое требование: «Хлебозаготовки закончить не позднее первого сентября!»

Из-за такой встряски в течение двух месяцев Брежнев страдал нервным расстройством. Чуть ли не каждое утро после завтрака его тошнило. Но в конце концов завершилось все благополучно: Днепропетровская область первой на Украине досрочно перевыполнила план хлебозаготовок и первой получила приветствие от Сталина.

После окончания хлебоуборки на пленуме ЦК КП Украины Хрущев в докладе высоко оценил успехи трудящихся Днепропетровщины. В конце заседания Никита Сергеевич пригласил Брежнева и сказал: «На предыдущем пленуме я вас со Стахурским сильно критиковал. Я бил по наиболее сильным секретарям обкомов, чтобы обострить обстановку. Когда убедился, что у всех присутствовавших «хвосты» дрожат как у зайцев, понял: значит дошло, надо кончать пленум, люди сделают все возможное. И, как видишь, сработало: задача успешно выполнена».

Беседа затянулась. Рассказывал он и о том, как в 1947 году, будучи секретарем обкома в Запорожье, в некоторых хозяйствах случилась нехватка семян. На просьбу одного из секретарей райкома я разрешил выдать из госресурсов зерно для посева.

Делал как лучше, не ведая о том, что таким правом не наделен. Зерно вывезли и высеяли. А вскоре заведующего хлебоприемным пунктом «Заготзерно» за это сняли с работы. Он обратился в Генпрокуратуру с просьбой восстановить в должности, так как он выполнял указание вышестоящего руководства.

Перед хлебоуборкой Л. М. Каганович, в то время первый секретарь ЦК Компартии Украины, пригласил меня к себе и дал прочитать представление Генпрокуратуры СССР, испрашивавшей санкцию на привлечение меня к ответственности за самовольное изъятие зерна из госресурсов.

После ознакомления у меня, говорил Леонид Ильич, мурашки пробежали по спине. Как на исповеди, сказал Кагановичу: «...факт такой имел место, но я руководствовался благими намерениями сельчан, как можно больше посеять зерновых. Правовой аспект факта неодоценил. Прошу простить за допущенную оплошность. Урожай в области зреет хороший и мы через месяц возместим взятое вдвойне».

Лазарь Моисеевич позвонил Генпрокурору и проинформировал его о том, что представление на Брежнева верно. Оно рассмотрено в ЦК, зерно будет возмещено государству в двойном размере. Управляющего «Заготзерно» восстановим в должности. На этом дело закрыли. А «зарубки» в душе остались навсегда.

По складу своего характера Леонид Ильич — гуманист, он не допускал бестактности или грубости к людям, но и не прощал недисциплинированности и распущенности. Как-то я случайно оказался в его кабинете, когда он рассматривал материалы на первого секретаря Джамбулского обкома партии Артыгалиева, с которым я работал в Талды-Кургане. Его супруга затеяла строительство личного особняка в Джамбуле. Проверка показала, что строительство велось с размахом и нарушениями. Артыгалиева освободили от обязанностей секретаря обкома партии. Правда, без взыскания.

По всем важным вопросам Брежнев обычно советовался с членами бюро ЦК. Вообще он в своей практике руководства опирался на коллективное мнение, умел в пестроте суждений найти верное решение. Как-то осенью 1955 года он возвратился из Кремля в гостиницу «Москва», где всегда останавливался в 419-м люксе. Пригласил к себе членов бюро ЦК, большинство их в тот момент находилось в Москве, и сообщил им о намерении Хрущева передать Узбекистану Бостандыкский район Казахстана, расположенный рядом с Ташкентом. Район прекрасный, с красивейшей южной природой, развитой экономикой, хорошо устроенным бытом казахского населения, составлявшего большинство. Члены бюро ЦК возразили. Леонид Ильич предупредил: «Если мы откажемся выполнять затею Хрущева то, как он выразился, за нас это сделают другие».

Грозное предупреждение сломило волю членов бюро ЦК. Им ничего не оставалось, как принять нежелательное решение о передаче Бостандыкского района и совхоза имени Тимирязева Узбекистану. Факт, конечно, из рук вон выходящий! По сути дела, тем самым грубо были попраны принципы коллегиальности и демократизма партийного руководства.

Освоение целины — подвиг всенародный

В 1954-1956 г.г. казахстанская степь преобразилась на огромном пространстве. И вширь, и вглубь шло освоение целины. С нуля строились около 330 новых целинных совхозов, укреплялись ранее существовавшие хозяйства. Возводились объекты энергетики, ремонтные заводы и мастерские сельхозтехники, элеваторы и хлебоприемнае пункты. Во всю строилось жилье, учреждения образования, культуры, здравоохранения и бытовово обслуживания. Прокладывалась узкоколейная железная дорога через всю Кокчетавскую область до Иртыша и вторая — на участке Атбасар-Краснознаменка. Впоследствии Кокчетавскую узкоколейку перестроили на широкую колею.

Особенно памятен 1956 год. На необъятных полях в 27 млн. гектаров, из них 22,5 млн. га зерновых, колосился и зрел богатый урожай. Для сравнения: в 1953-м было вчетверо меньше.

На хлебоуборку в Казахстан из братских республик и соседних областей приехало свыше полумиллиона рабочих, механизаторов, водителей. Целинную ниву бороздили более 60 тыс. комбайнов и 100 тыс. грузовых автомобилей. Подавляющее большинство участников хлебоуборки —комбайнеры, водители, трактористы — работали, прямо скажу, по-геройски. На жатве постоянно находились руководители партийных и советских органов, профсоюзных и комсомольских организаций, ответработники министерств и ведомств. Они встречались с хлеборобами в бригадах, на полевых станах, зернотоках, хлебоприемных пунктах, решали на месте насущные нужды и устраняли возникавшие заторы... Расхожая фраза тех лет: «битва за большой хлеб» наилучшим образом передавала поистине всенародный ее характер.

По поручению руководства я более 2-х месяцев находился в целинных хозяйствах Акмолинской области. В отделе оставался один из работников, все остальные выезжали по областям и

хозяйствам.

Но целина — это не только пафос, не только энтузиазм людей, движимых великой идеей. Большому подвигу противостояли не менее серьезные дефициты в материально-техническом обеспечении жатвы, просчеты и упущения. На токах не хватало механизмов для очистки и погрузки зерна. Имевшиеся элеваторы и хлебоприемные пункты не могли разгрузить большой поток зерна и «проглотить» его для хранения. Строительство элеваторов и хлебоприемных пунктов нетерпимо отставало.

Находясь в Боранкульском районе, мы с первым секретарем райкома партии А. Укубаевым открыли новый хлебоприемный пункт. Вот как это выглядело. Поставили три вагончика: в одном — лаборатория, в другом — контора и дирекция и в третьем — жилье для работников пункта. Установили передвижные автовесы, расчистили площадки для ссыпки зерна в бунты под открытым небом. Вкопали стойку со щитом и нанесенным на него названием: «Державинский хлебоприемный пункт». Теперь на том месте высится полностью механизированный элеваторный комплекс емкостью более ста тысяч тонн. На такой манер возводился и Жаксинский элеватор. Подобным образом хлебоприемные пункты создавались во всех целинных областях.

Острая нехватка складских емкостей вынуждала временно хранить зерно, сданное государству, на совхозных токах, а совхозных кладовщиков, ответственных за сохранность хлеба, зачислять в штат «Заготзерно».

Хранение зерна на открытых площадках, несвоевременная вывозка его приводили к массовой порче хлеба, особенно зимой. Безусловно, такой способ хранения являлся вынужденной мерой, но других вариантов не находилось.

Несмотря на огромные сложности, Казахстан при помощи братских республик добился выдающейся победы: впервые в своей истории республика сдала государству один миллиард

пудов хлеба или 16,4 млн. тонн. Это в 8-10 раз больше того, что в среднем сдавалось республикой до освоения целины. За этот трудовой подвиг Казахскую ССР наградили орденом Ленина. 139 передовиков были удостоены звания Героя Социалистического Труда, тысячи хлеборобов увенчаны орденами и медалями. Меня наградили орденом Трудового Красного Знамени. Целинные совхозы получили 825 млн. рублей чистой прибыли, тем самым возместили государству часть расходов на их организацию.

К 1957 году в хозяйствах в основном сформировались трудовые коллективы, значительно сократилась текучесть кадров, улучшалась обеспеченность специалистами и механизаторами. В совхозах работали школы, медпункты, магазины, предприятия торговли и быта. С самого начала целинники взяли курс на повышение культуры земледелия, введение севооборотов. Все делалось, чтобы отстроить совхозные поселки, обеспечить рабочих жильем, иметь полный набор соцкультбыта, свои ремонтные мастерские, обустроить дороги. Каждое хозяйство имело плановые задания по развитию животноводства, производству мяса и молока. Рост поголовья всех видов скота имел положительную тенденцию.

Экономика — живой организм. Важно знать взаимодействие ее составляющих и действовать по присущим ей внутренним законам. В противном случае, как говорили древние, увлечение одной идеей нарушает равновесие. Нечто похожее случилось при распашке целины. Многие хозяйства увлекшись количеством, потеряли качество. В Павлодарской области, к примеру, на песчаных землях грубо нарушили технологию пахоты, что привело к массовой эрозии почвы на больших площадях. Эрозия также поразила, хотя и в меньшей степени, распаханные земли в хозяйствах Кустанайской, Уральской и других областей. В некоторых совхозах и колхозах Актюбинской, Уральской, Карагандинской и Целиноградской областей распахали солончаки, непригодные под посевы

зерновых. Причины: поспешность, слабая изученность качества осваиваемых земель, а также просчеты и малоопытность специалистов и руководителей.

Приведу запомнившийся мне факт. В целинном совхозе «Илийский» Алма-Атинской области в первые два года освоения новых земель получили прекрасный урожай зерновых культур. Осенью вспахали поля и посеяли озимую пшеницу на 20 тыс. гектаров, а случившийся ураган унес весь пахотный слой. Но, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Руководство и специалисты хозяйства учли ошибки и перешли на новую технологию обработки пашни узкими полосами, оставляя меж ними стерню или полоски, засеянные многолетними травами. Внедрили безотвальную пахоту. Таким способом эрозию земель в совхозе приостановили, а не распаханные полосы хорошо задерживали снег. Примерно такую же агротехнику стали применять во многих хозяйствах республики, что уменьшило «порчу» пахотных земель. Солончаки обычно засевали многолетними травами и выводили их из сельхозоборота. В южных областях на целинных землях перешли на посев озимых, которые давали более высокую урожайность.

Активный поиск оптимальных методов улучшения агротехники, внедрения достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта в практику целинных хозяйств вели ученые Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства во главе с академиком ВАСХНИЛ А. И. Бараевым. Это мой давний и близкий друг, прекрасный человек и большой ученый. С ним мы познакомились в 1952 году в Уральске. Здесь Александр Иванович возглавлял областную сельскохозяйственную опытную станцию. Уже в те годы он заявил о себе как о перспективном ученом.

Но здесь у него случилась большая неприятность. В начале 1952 года отмечали юбилей станции. Нечистоплотный завхоз станции добился у Бараева согласия на забой крупного

откормленного бычка. На вырученные деньги он купил теленка для восстановления поголовья, а часть использовали на юбилей. На торжестве присутствовали и руководители области. Впоследствии завхоз проворовался и Бараев его уволил. У бывшего завхоза заговорило чувство мести. Он накатал «компромат» в Союзную прокуратуру. Поскольку факты подтвердились, последовало указание прокурору области: привлечь Бараева к уголовной ответственности.

Когда мне доложили о «бараевском деле», я попросил облпрокурора найти «зацепки» и не привлекать его к суду. Человек он честный и работник добросовестный. Бюро обкома наказало Бараева в партийном порядке и просило Генеральную прокуратуру ограничиться этим. С решением обкома прокуратура согласилась.

Дальнейшая судьба Бараева блистательно сложилась в науке. Вначале его назначили руководителем Казахстанского филиала ВАСХНИЛ. В 1958 году он возглавил вновь создаваемый на пустом месте институт зернового хозяйства в Шортандах Целиноградской области. И дальше пошло его восхождение в науку. Институт превратился в авторитетное научное учреждение. Его разработки широко использовались как в стране, так и за ее пределами.

Бараев несколько раз выезжал в Канаду, где изучал новинки науки и опыта возделывания зерновых и других культур. Здесь ему разрешили закупить один плоскорез, одну стерневую сеялку и по экземпляру других сельхозмашин.

Творчески осмысливая зарубежный опыт, ученые Шортандинского института обосновали применительно к нашим условиям преимущества безотвальной пахоты, стерневых сеялок и оптимального использования паров в системе целинной агротехники. Внедрение их на полях института и во многих целинных хозяйствах показали хорошие результаты: выросла урожайность зерновых, посевы лучше противостояли засухам и суховеям. Переход на «бараевскую»

систему земледелия в большинстве целинных совхозов наилучшим образом подтвердил эффективность рекомендаций института.

1957 год — один из самых неблагоприятных для сельского хозяйства республики. Совхозы и колхозы посеяли более 22,7 млн. га зерновых, в том числе свыше 19 млн. га яровой пшеницы. Начиналось все хорошо. Но губительная засуха поразила посевы на огромных площадях. Производство зерна упало до 10,5 млн. тонн, что на 13 млн. тонн меньше, чем в предыдущем году. Поставки государству зерна сократились в 3 с лишним раза против 1956 года.

Проанализировав эти плачевные показатели, в республике сделали резкий поворот на повышение культуры земледелия и организационно-техническое укрепление совхозов и колхозов. Продолжили создание новых совхозов. Параллельно шла организация совхозов на базе экономически слабых колхозов. Удельный вес совхозов заметно возрастал. Так, если в 1953 году в республике значился 291 совхоз всех направлений, то в 1978 году их стало 2035, соответственно число колхозов уменьшилось с 2966 до 402 в 1977 году. В республике, как и в целом по стране, шла распашка новых земель. В итоге получилось так. За 1954-1960 г.г., то есть за семь лет в стране было освоено около 42 млн. гектаров целины, из них в Казахстане 25,5 млн. гектаров. Вовлечение в хозяйственный оборот целинных земель позволило увеличить посевные площади зерновых культур в республике с 7 млн. га в 1953 году до 22,7 млн. га в 1957 году, более чем в 3 раза. Валовое производство зерна за эти годы возросло соответственно с 3942 тысяч тонн до 10553 тысячи тонн в 1957, крайне неблагоприятном засушливом году. Таким образом, Казахстан стал важнейшей житницей страны.

В период работы в ЦК Казахстана мне очень часто приходилось встречаться с Кунаевым, который возглавлял тогда Совет Министров республики. Он быстро освоился с делами, оперативно и грамотно решал все вопросы. У него

сложились хорошие контакты с руководством ЦК.

В июле 1957 года, когда массовое освоение целины прошло свой пик, а новые совхозы окрепли, я в разговоре с первым секретарем И. Д. Яковлевым высказал мысль о том, что отдел совхозов свою миссию уже исчерпал и настало время слить его с сельскохозяйственным — как и было раньше. Мое предложение приняли.

В.Ливенцов (второй слева) старший агроном Мукринской МТС. 1936 г.

В.Ливенцов, старший агроном следует на конюшню для выезда на поля. 1936 г.

В.Ливенцов, старший агроном Мукринской МТС. 1938 г.

В.Ливенцов со своими сестрами Раисой и Ниной. 1947 г.

В.Ливенцов, зав. сельхозотделом обкома. Талды-Курган. 1948 г.

А.П.Кондратенко и В.Ливенцов (4-й и 5-й справа, во 2-м ряду) среди политработников МТС. Талды-Курган. 1947 г.

В.Ливенцов среди участников семинара-совещания в колхозе «40 лет Казахстана». Во 2-ом ряду, шестой слева. 1949 г.

В.Ливенцов с супругой и сыновьями.
Талды-Курган. 1949 г.

Делегаты 5-го съезда Компартии Казахстана. В первом ряду сидят Ж.Шаяхметов - первый секретарь ЦК (пятый справа), Тайбеков - председатель Правительства (4-ый справа), В.Ливенцов - во втором ряду, 4-ый справа. В первом ряду 1-й слева Ш.Карсыбаев. 1951 г.

В.Ливенцов со слушателями областных курсов. Уральск. 1953 г.

В.Ливенцов — второй секретарь Западно-Казахстанского обкома партии. 1954 г.

Участники совещания свекловодов Талды-Курганской области. В первом ряду 3-й слева В.Ливенцов, 4-й слева — Ш.К.Карсыбаев — 1-й секретарь обкома партии. 1952 г.

Участники семинара партработников. В 3-м ряду в центре, 4-й справа В.Ливенцов, 5-й Шахшин — 1-й секретарь обкома, 6-й Волошко — предоблисполкома. Уральск. 1952 г.

В.Ливенцов, заведующий отделом совхозов ЦК Компартии Казахстана. 1955 г.

На отдыхе в Карловых Варах. В центре Д.А.Кунаев с супругой Зухрой Шариповной. Справа крайний - В.Ливенцов. 1958 г.

В столице целины - Акмолинске

В августе 1957 года мне предложили поработать первым секретарем Акмолинского обкома партии. Оказалось , что этот вопрос предварительно уже был согласован с ЦК КПСС. В ходе собеседования с первым секретарем ЦК И. Д. Яковлевым я сказал ему: «Возглаваить обком пока не готов, а вот поработать, вторым секретарем — да». О моем «особом» мнении проинформировали орготдел ЦК КПСС. Реакция не замедлила себя ждать. В тот же день мне позвонил инструктор орготдела Солощенко, мой товарищ, и крепко « по-свойски» отругал за отказ.

Через некоторое время первым секретарем обкома партии в Акмолинск рекомендовали Г. А. Мельника, который находился на учебе в Москве в так называемой «Сороковке». Меня прочили вторым секретарем.

1 августа 1957 г. пленум Акмолинского обкома партии избрал Григория Андреевича первым секретарем обкома, а меня — вторым.

Партийный актив области нас хорошо знал и принял благожелательно. Мы с Григорием Андреевичем были неплохо знакомы друг с другом еще с 1943 года. Меня покоряли его трудолюбие, деловая требовательность и принципиальность, порядочность и прекрасное чувство юмора.

Мне поручили курировать селькое хозяйство, финхозотдел обкома, железнодорожный и автомобильный транспорт, заготовки сельхозпродуктов. Секретарь обкома партии Р. О. Шаяхметов «опекал» животноводство, местную промышленность и торговлю; секретарь обкома партии А. В. Андреева ведала идеологической работой, культурой и народным образованием, секретарь обкома С. К. Галущак, Герой Социалистического Труда, занимался промышленностью и строительством. Председателем облисполкома здесь трудился мой старый знакомый Д. Джангозин. Ему помогали отличные

заместители: П. Наумецкий (впоследствии министр местной промышленности Казахстана), И. Т. Галочкин - прекрасный организатор и классный специалист по животноводству, ведавший сельским хозяйством (затем его назначили начальником «Птицепрома» республики), С. Н. Струков — начальник облуправления сельского хозяйства.

В области подобралась блестящая плеяда первых секретарей райкомов, настоящих партийных вожаков - умных, толковых профессионалов и просто замечательных руководителей, живших среди людей и для людей. В их числе Герои Социалистического Труда В. Ф. Макарин — секретарь Атбасарского, А. Р. Никулин — Есильского, А. И. Серов — Балкашинского, М. А. Клешня — Шортандинского райкомов партии.

Умелыми организаторами показали себя М. А. Ташенов — первый секретарь Новочеркасского, А. Укубаев — Баранкульского, А. И. Липитюк — Акмолинского райкомов партии.

После избрания я активно включился в практически дела области. Особенно волновали меня различные издержки в организации хлебоуборки и хлебосдачи. Выезжая в районы и отдельные хозяйства, я обязательно заглядывал на элеваторы, зернотока, полевые станы. Набирался впечатлений, анализировал увиденное, намечал тактику действий.

Мне понравилась забота многих руководителей о молодых семьях. В совхозах рождалось много детей. Если в 1953-м году в Акмолинской области имелось 35 детских садов и яслей, то в 1965-уже 348.

Осенью закончили строительство жилого дома для работников обкома партии, и я поехал в Алма-Ату за семьей. Мария уже подготовилась к отъезду, уволилась из Госплана республики. Кстати, и с этим и с предыдущими ее увольнениями при переездах выходили неувязки. Все это надо было оформлять как перевод. А она, не догадываясь о таком правовом

варианте, просила уволить «по собственному желанию». В итоге терялась непрервыность трудового стажа. Старший сын Юра, закончив в Уральске 10-й класс с серебряной медалью, поступил вначале на физфак Казахского университета, а затем перевелся в МГУ.

Акмолинская квартира понравилась и Марии, и теще. Здесь мы завели замечательную кошку, которую любила вся наша семья. Мы с Мельником поселилась рядом в одном подъезде и часто общались семьями.

В декабре 1957 года нас пригласили на Пленум ЦК КП Казахстана. На нем обсуждались задачи, вытекающие из постановления ЦК КПСС «О работе профсоюзов СССР» и организационный вопрос. Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана пленум избрал Н. И. Беляева, члена Политбюро ЦК КПСС, а втором секретарем - Ф. К. Карибжанова. Соответственно пленум освободил от обязанностей первого и второго секретаря Яковлева и Журнина. Их избрали первыми секретарями обкомов: Яковлева - Ульяновского, Журина — Северо-Казахстанского.

У многих участников пленума кандидатура Беляева вызвала неоднозначную оценку. Возникли сомнения в его способности достойно возглавлять крупную республиканскую парторганизацию. В кулуарах, в неофициальной обстановке участники пленума вспомнили нелестные отзывы о нем из Сибири, где он до этого работал. Да и в самом Центральном Комитете КПСС Беляева не особенно жаловали. Основная часть членов ЦК неодобрительно отнеслась к этой кандидатуре. Но проголосовали все «за». Так уж сложилось в практике партийной работы: рекомендации вышестоящих органов, особенно ЦК КПСС, сомнению не подвергались и, как правило, поддерживались. Принципы демократического централизма срабатывали здесь четко. А хорошо это или плохо — судить истории.

Наша совместная работа с Мельником в Акмолинске длилась

недолго. Уже в декабря 1957 г. его избрали секретарем ЦК Компартии Казахстана и поручили курировать сельское хозяйство. Все это произошло накануне созыва IX областной отчетно-выборной партконференции.

Поэтому бюро поручило выступить с отчетным докладом мне. Конференция, как тогда говорили, удалась. Ее отличали деловитость, обоюдоострая критика и сверху, и снизу, озабоченность делегатов целинными преобразованиями и обновлением жизни на селе. Высказывались постановочные предложения в адрес ЦК КПСС, Правительства страны, Госплана и ряда Министерств.

На организационном пленуме первым секретарем обкома избрали С. М. Новикова, вторым — меня, секретарями обкома: Р. О. Шаяхметова, А. В. Андрееву, С. К. Галущака.

Работа с новым первым секретарем с самого начала приняла деловой, доверительный и в тоже время принципиальный характер. Семен Михайлович в годы Великой Отечественной войны партизанил начальником контрразведки в знаменитом соединении дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова.

После войны его избрали первым секретарем обкома партии на Украине, затем направили в Казахстан. Он познакомил меня с Федоровым. Мы потом часто встречались с ним как депутаты на сессиях Верховного Совета СССР.

Новиков всегда внешне спокойный, выдержанный был человеком объективным и обладал твердым характером. Говорил он мало, но дельно. Работалось с ним приятно. Он не стремился опекать подчиненных по поводу и без, поддерживал дельные инициативы. Мы с ним определяли общую позицию по основным проблемам и действовали, а потом обменивались мнениями о сделанном.

После областной партийной конференции мы все с головой ушли в дела организационные, в первую очередь взяли под контроль ход зимовки скота и проведение агротехнических мероприятий, связанных подготовкой к весеннему севу.

Облсельхозуправление наладило селекторную связь почти со всеми хозяйствами. Еженедельные селекторные переклички с руководителями — эта живая связь, помогала знать и оценивать обстановку, оперативно реагировать на просьбы с мест, давать поручения областным ведомствам.

По рекомендации ученых Шортандинского института зернового хозяйства в 1958 году мы решили оставить под черные пары 15-18 процентов всех возделываемых старых земель и начинать сев зерновых не раньше 15 мая. Подвижка срока сева вызывалась необходимостью избавить старые пахотные земли от сорняков, дававших всходы ранней весной. На новые сроки сева яровых перешли во всех хозяйствах Акмолинской, Кустанайской, Кокчетавской, Северо-Казахстанской областей — по сути, на основной части целинной нивы. Дальнейшая практика подтвердила верность научных рекомендаций.

1958 год для целины выдался урожайным. Подготовку к уборке вели по всем направлениям. В область завозились комбайны, автомашины и другая техника. Прибывали механизаторы из России, Украины, Белоруссии, воинские автоподразделения, отряды молодежи. Со студентами МГУ имени Ломоносова приехал и наш старший сын Юрий. Он и его группа занималась погрузкой зерна на Акмолинском элеваторе.

Уборка урожая — дело сложное и ответственное. Она требует четкой слаженности всех звеньев. Но помех различного рода избежать не удавалось. То где-то не оказывалось в достатке транспорта, то случался простой комбайнов из-за нехватки запчастей, то элеваторы не успевали принимать и отгружать зерно и т. п. Много других нестыковок приходилось «латать» на ходу. В 1958 года даже пришлось часть принятого государством хлеба оставить на временное хранение на совхозных токах.

Сумятицу, нервозность в уборочный конвейер вносили республиканские радиопереклички, которые почти ежедневно

проводил первый секретарь ЦК Беляев. Многие из них зачастую превращались в оплошную ругань и разносы в адрес руководителей хозяйств за казавшуюся ему недооценку раздельной уборки хлебов. Попытки убедить первого секретаря в том, что низкорослые и созревшие хлеба во избежание потерь целесообразнее убирать прямым комбайнированием, ни к чему не приводили.

Требование валить весь хлеб раздельным способом без учета этих факторов вызывало у нас недоумение. Ведь неразумные установки мог давать только человек, совершенно не разбиравшийся в технологии жатвы. Нашу область он ежедневно буквально «мутузил» за первоочередную засыпку семян и, как он считал невнимание к хлебопоставкам государству. Хотя область выполняла плановые задания. Тем не менее Беляев дал прямое указание сдать уже засыпанные семена государству, а семенной фонд сформировать из намолотов в конце хлебоуборки. Не побоялся глава ЦК нарушить крестьянскую заповедь: в первую очередь засыпай семена. Исполнение последовало немедля. Находившийся в области уполномоченный ЦК Ж. А. Ташенев, бывший председатель Президиума Верховного Совета Республики, заставил ряд хояйств уже засыпанные семена и фураж переоформит в как зерно, сданное государству.

В том же году на всей территории области рано выпал глубокий снег. Под снегом остались неубранными около 175 тыс. га зерновых, скошенных на свал. Их пришлось убирать весной, а зерно использовать для производства спирта.

В 1958 году мы поставили государству более трех с половиной миллионов тонн зерна из 14,8 млн. тонн, сданных всей республикой. Это по существу, четвертая часть! С освоением целины в Казахстане резко возросли объемы хлебозаготовок. Если в 1940— 1953 г.г. республика сдавала государству ежегодно в среднем по 1818 тыс. тонн, то в 1954—1958 г.г. по 8280 тыс. тонн, или почти в пять раз больше. Крупными производителями

хлеба стали Акмолинская, Кустанайская, Кокчетавская и Северо-Казахстанская области. Целинные хозяйства поставляли стране самое дешевое и самое высококачественное зерно.

Однако развитие экономики целинных совхозов и в Акмолинской области, и в республике в целом все еще шло однобоко. Животноводство, как и прежде, значительно отставало. Пленум ЦК Компартии Казахстана в 1958 г. дал установку на подъем этой важной отрасли сельского хозяйства. Настойчиво укреплялась материально-техническое оснащение хозяйств области. Уже в те годы на одного сельского работника приходилось 32 лошадиные силы энергетических мощностей. С каждым годом прирастали объемы капитального строительства. Возводились жилые дома, завод силикатного кирпича, несколько ремонтных предприятий, элеваторы и зерносклады, железнодорожный вокзал и путевое хозяйство, комплекс гостиницы «Ишим».

В те годы область обслуживалась Карагандинским совнархозом. Руководил им опытный и известный в стране работник Д. Г. Оника. Мы хорошо понимали друг друга. Наши просьбы о выделении кирпича, железобетона, столярки он, как правило, решал положительно, что давало возможность вести строительство широким фронтом.

В январе 1959 года Новиков поручил мне принять участие в работе Жаксинской районной партийной конференции. По моему предложению обком рекомендовал первым секретарем здешнего райкома Евдокию Григорьевну Зайчукову, в прошлом партийного работника на Украине. Несколько лет она трудилась под руководством дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова. На целину приехала со своей дочерью. Более трех лет возглавляла новый совхоз «Двуреченский» и вывела его в передовые. Создали там прекрасный коллектив, обеспечили людям материальный достаток, наладили быт и культурный досуг.

Будучи первым секретарем, Зайчукова ежедневно в 6-7 часов выезжала в совхозы, не оповещая об этом руководителей. Бывала в бригадах, на фермах, мастерских, столовых и через три-четыре часа возвращалась в райком. Примерно к 12-ти дня она снова отправлялась в хозяйства. Ее принцип — «лучше один раз увидеть». Зайчукова была беспокойным, жестким и весьма требовательным руководителем. Беспощадная к себе, она терпеть не могла лодырей, пьяниц и морально распущенных людей. Человеческие пороки она осуждала настолько резко, что иной раз срывалась на дерзость, бестактность и оскорбления. Одни переносили вспышки ее гнева с болью, но воспринимали как должное, другие озлоблялись и, затаив обиду, повели против нее «компроматную борьбу». За короткое время на Зайчукову поступило много жалоб.

Учитывая такую обстановку, Новиков и поручил мне принять участие в районной партконференции. Я хорошо знал лично всех директоров и секретарей парторганизаций здешних совхозов. Прибыв загодя вместе с заворготделом обкома партии Ш. Рахимжановым, лично переговорил с каждым директором и секретарем парткома, со многими делегатами из числа рядовых коммунистов. Расклад мнений оказался таким: рядовые коммунисты оценивали работу Зайчуковой положительно и намеривались поддержать ее избрание на конференции. Некоторые же руководители давали Евдокие Григорьевне неоднозначеные оценки, не могли простить ей жесткую требовательность и бескомпромиссность.

Директор совхоза Таркиевский, работавший с Зайчуковой еще на Украине, положительно характеризовал ее как секретаря райкома. Секретарь же парторганизации занял совершенно противоположную позицию. Он пообещал «подбить» делегатов на отвод кандидатуры Зайчуковой. Причина обиды парторга на нее оказалась прозаической.

Как-то ранним утром в летний день Зайчукова приехала на молочную ферму и ужаснулась тому, что коровы не доились

целые сутки. А, значит, если их немедленно не подоить, коровы уйдут в запуск. По чьей-то халатности ферма, которую курировал парторг, оказалась без электроэнергии. Доярки заявили Зайчуковой, что «куратор» не появлялся у них на ферме уже целую неделю, что он днюет и ночует в другом отделении, куда приехали городские студентки.

Зайчукова попросила женщин подоить коров вручную, а сама поехала разыскивать парторга. И, действительно, нашла его среди студенток. Посадив парторга в свою машину, вывезла в поле и там с глазу на глаз выматерила. Он то и разглагольствовал, что будет выступать и голосовать против нее.

Другие же секретари парткомов и руководители хозяйств, в общем-то, положительно оценивали работу первого секретаря, но были недовольны ее невыдержанностью. Зайчуковой высказали немало претензий. Она принесла делегатам свои извинения. Недоволен остался только один оскорбленный секретарь парткома, несмотря на то, что Зайчуковой и так попало крепко.

Кстати, на этой конференции произошел курьезный случай. Урну для голосования, которой в райкоме почему-то не оказалось, должны были привезти из соседнего совхоза. Но... забыли это загодя сделать. Пришлось посылать за ней «гонца» прямо во время заседания конференции. Тот отправился на санной упряжке, поскольку на улице разыгрался сильный буран и проехать на машине невозможно. Пока везли урну, делегаты успели посмотреть фильм. Голосование прошло нормально. Зайчукову по моей рекомендации вновь избрали первым секретарем Жаксинского райкома партии. После завершения конференции у нас с ней состоялась обстоятельная беседа. Чувствовалось, что она и сама видит свой сварливый характер, но не всегда может сдерживать резкие эмоции. Но одно дело-видеть, другое — уметь исправить.

Как-то на собрании в совхозе «Двуреченский» выяснилось, что секретарь парторганизации, бывший офицер,

сожительствует с главным агрономом. Сам парторг факт признал. Зайчукова, в то время работавшая еще директором совхоза, добилась на собрании решения об освобождения «агрономши» от должности и тут же объявила, что ее увольняет. Между тем она зарекомендовала себя одним из лучших специалистов. После скандального собрания уехала в Кустанайскую область, где впоследствии сама стала директором совхоза. Через несколько лет газета «Правда» опубликовала на первой странице снимок, где запечатлен Хрущев, беседующий с этой директрисой.

Что касается Зайчуковой, то она впоследствии опять попросила перевести с партийной работы на хозяйственную. И ее утвердили директором новой птицефабрики. Вскоре возглавляемое ею предприятие стало одним из лучших в республике. Евдокию Григорьевичу хорошо знал и уважал Брежнев.

В начале 1959 года предстояли выборы в Верховный Совет Казахской ССР. Кандидатом в депутаты меня выдвинули коллективы Балкашинского района. На предвыборную встречу с избирателями в Балакшино из-за сильного бурана и бездорожья я добирался целые сутки. В начале поездом, потом на вездеходе. По дороге меня встретил секретарь райкома А. И. Серов — целинник, родом из Нижнего Новгорода, с типичным тамошним говорком. Его направили в Казахстан после окончания Высшей партийной школы. Арсений Иванович быстро освоился на новом месте. Впоследствии за достижения в развитии сельского хозяйства и в освоении целины его удостоили звания Героя Социалистического Труда.

В районе особо отличался Балкашинский племенной совхоз, специалисты которого являются соавторами выведения знаменитой мясной породы скота «Казахская белоголовая». Уже тогда хозяйство сдавало на мясо скот весом по 450-500 кг!

В одном из совхозы мы встретились с Васей Даньшиным. С ним учились в институте в одной группе. Он посетовал на не

сложившиеся отношения с директором хозяйства, который основательно выпивал и болезненно реагировал на его советы и замечания. Пришлось помочь своему однокашнику. основательно повоспитывать этого руководителя. Деловые отношения у них вскоре пошли на лад.

И снова Алма-Ата

В марте 1959 года меня в третий раз избрали депутатом Верховного Совета Казахской ССР. В апреле 1959 года на пленуме ЦК КП Казахстан обсуждались состояние и задачи воспитательной работы среди сельского населения. Довелось здесь выступить и мне.

В перерыве ко мне подошел М. Бейсебаев, в то время первый секретарь Алма-Атинского обкома партии. Он сообщил мне новость: Талды-Курганская область объединяется с Алма-Атинской. Зная о моей многолетней работе в этих краях, Масымхан Бейсебаевич предложил мне перейти в Алма-Атинский обком партии вторым секретарем. Честно говоря, я не думал о таком повороте дел. Попросил время на размышление. В перерыве позвонил в Акмолинск и посоветовался с семьей.Мария порекомендовала не отказываться от предложения. Другого ответа я и не ожидал: ведь в Алма-Ате жили ее сестры.

В июне 1959 года на пленуме Алма-Атинкого обкома партии меня избрали вторым секретарем и членом бюро областного комитета. Семья с удовольствием возвратилась в Алма-Ату. А мне уезжать из Акмолинска было жаль. Перед отъездом собрали сотрудников аппарата обкома. Первый секретарь Новиков поблагодарил за совместную работу. Чувствовалось, что многие с сожалением воспринимали мой отъезд. Искренность прощания даже заставила меня прослезиться.

Семен Михайлович сожалел о моем переводе в другую область. Ведь мы общались семьями, доверяли друг другу. На семейных встречах он обычно выпивал пару стаканов водки и рассказывал о партизанских делах, о своем друге, знаменитом партизане Алексее Федоровиче Федорове, дважды Герое Советского Союза, депутате Верховного Совета СССР с первого по одинадцатый совзывы. Семен Михайлович прекрасно пел, лелеял и обожал свою семью. Но подводила его страсть к

выпивке, по поводу чего я делал ему дружеские замечания. Как мог советовал и убеждал в необходимости расстаться с этим коварным недугом. После моего отъезда Новикова перевели в Кокчетавскую область, а позже освободили от партийной работы. Он вернулся в Киев и работал в Министерстве социального обеспечения Украины, которое возглавлял его командир и друг Федоров. Кстати, Алексей Федорович во время сессий рассказывал мне, что Новиков начал крепко пить еще в партизанском отряде, после гибели своего боевого товарища. Он крепко ругал Семена за пристрастие к алкоголю, а однажды даже поколотил «в воспитательных целях». В 1971 году Новиков приезжал ко мне в гости в Чимкент, где я работал первым секретарем обкома . В конце семидесятых он ушел из жизни.

Алма-Атинскую область, ее экономику, культуру, кадры я знал неплохо, по многу раз бывал в каждом из 23 ее районов. Общая территория укрупненной области составляла 226 тыс. кв. километров, население — около двух с половиной миллионов человек. Конечно, работать там, где размещены правительственные учреждения, все республиканские министерства и ведомоства, очень непросто. Многое зависело от того, как «притрутся» первые руководители. С Бейсебаевым мы неплохо знали друг друга. А вот председателю облисполкома А. К. Морозову, с которым мы вместе работали в аппарате ЦК, я совершенно не доверял. Его отличали нечистоплотность, интриганство и карьеризм. Ради своей выгоды он мог пойти на любое попрание норм морали и справедливости. Но Бейсебаева Морозов, видимо, чем-то покорил. Разные подходы в оценке личности предоблисполкома не способствовали моей доверительной работе с первым секретарем.

Область располагала хорошим кадровым потенциалом. Хочу сказать доброе слово о выдающихся организаторах сельскохозяйственного производства. Всеобщее уважение,

можно сказать, народное признание, снискали Дидковский, Манько, Абдыгулов, Томаровский, Алдабергенов, Даиров и другие.

Василий Дмитриевич Дидковский возглавлял в пригороде Алма-Аты колхоз «Луч Востока». Бухгалтер по специалисти, он хорошо знал экономику, разумно вел производство, подобрал хороших специалистов. Колхоз стал крупным производителем молоко и мяса. Здесь добились самой высокой урожайности зерновых, овощей, кукурузы. Жителям столицы это хозяйство поставляло большое количество овощей, особенно ранних. Часть их самолетами отправляли в Красноярск, Иркутск и другие города Сибири. В хозяйстве наладили переработку и консервирование овощей, производство крахмала из нетоварного картофеля. Действовали крупная птицеферма и ферма чернобурых лисиц. Наладили производство шипучего вина из своего винограда. Приятно, что популярность не вскружила головы руководству. Колхоз щедро и бескорыстно делился своим опытом. Многие наработки «Луча Востока» широко применялись в хозяйствах Чимкентской, Джамбулской и Алма-Атинской областей.

В этой связи вспоминается республиканское совещание работников сельского хозяйства, состоявшееся осенью 1959 года с участием Хрущева и руководителей республик Средней Азии. На присутствовавших большое впечатление произвело выступление Любы Ли, звеньевой колхоза «Политотдел» Ташкентской области. Она считалась чемпионом страны по урожайности зеленой массы кукурузы, получала более 1200 центнеров с гектара. Ошеломил всех показ снопа высотой три с лишним метра, шум одобрения и удивления пронесся по залу.

Никита Сергеевич призвал участников совещания улучшить руководство сельским хозяйством, добиться повышения урожайности полей и продуктивности животноводства. Как истинный поклонник кукурузы, он потребовал взять на вооружение замечательный опыт «политотдельцев».

После совщения Дидковский сказал мне: «Сделаю все, чтобы перекрыть рекорд Любы». В августе 1960 года он пригласил меня посмотреть выращенную в колхозе кукурузу. Я приехал. Действительно, поле выглядело как лес! Поставили около плантации передвижные весы и начали косить. Пригласили на уборку первого секретаря ЦК Кунаева.

Убрали силосным комбайном несколько гектаров кукурузы, взвесили каждую машину. Урожайность оказалось чуть выше восьмисот центнеров с гектара. После уборки всего массива, а это около ста гектаров, Дидковский прямо заявил о том, что не верит в показатели урожайности кукурузы у Любы Ли. Он оказался прав. Выяснилось, что в колхозе «Политотдел» подсчитывали на корню биологическую урожайность, а не фактическую — на весах.

В обкоме партии высоко ценили Капиза Абдыгулова, председателя колхоза имени Мичурина. Его избрали руководителем хозяйства в 1957 году. Мичуринцы с самого начала взяли хороший старт. Колхоз вышел в число передовых, стал образцовым по организации труда и производства. Колхозники получали высокие доходы. Абдыгулов успешно председательствовал более тридцати лет, получил высокое звание Героя Социалистического Труда, стал депутатом Верховного Совета Союза, членом ЦК и обкома Компартии Казахстана. И поныне селяне добрым словом вспоминают своего баскарму.

Нельзя забыть прекрасного, просто выдающегося алматинского руководителя Табаксовхоза Петра Федоровича Томаровского. Директорствовал он несколько десятков лет. Орео славы, почета и уважених не вскружили ему голову. В одно время ему даже предложили должность заместителя министра сельского хозяйства республики. Но он отказался наотрез. После кончины Петра Федоровича совхоз назвали его именем. Словом, воглаве многих хозяйств стояли талантливые руководители, прославившие республику своим беззаветным

После совщения Дидковский сказал мне: «Сделаю все, чтобы перекрыть рекорд Любы». В августе 1960 года он пригласил меня посмотреть выращенную в колхозе кукурузу. Я приехал. Действительно, поле выглядело как лес! Поставили около плантации передвижные весы и начали косить. Пригласили на уборку первого секретаря ЦК Кунаева.

Убрали силосным комбайном несколько гектаров кукурузы, взвесили каждую машину. Урожайность оказалось чуть выше восьмисот центнеров с гектара. После уборки всего массива, а это около ста гектаров, Дидковский прямо заявил о том, что не верит в показатели урожайности кукурузы у Любы Ли. Он оказался прав. Выяснилось, что в колхозе «Политотдел» подсчитывали на корню биологическую урожайность, а не фактическую — на весах.

В обкоме партии высоко ценили Капиза Абдыгулова, председателя колхоза имени Мичурина. Его избрали руководителем хозяйства в 1957 году. Мичуринцы с самого начала взяли хороший старт. Колхоз вышел в число передовых, стал образцовым по организации труда и производства. Колхозники получали высокие доходы. Абдыгулов успешно председательствовал более тридцати лет, получил высокое звание Героя Социалистического Труда, стал депутатом Верховного Совета Союза, членом ЦК и обкома Компартии Казахстана. И поныне селяне добрым словом вспоминают своего баскарму.

Нельзя забыть прекрасного, просто выдающегося алматинского руководителя Табаксовхоза Петра Федоровича Томаровского. Директорствовал он несколько десятков лет. Орео славы, почета и уважених не вскружили ему голову. В одно время ему даже предложили должность заместителя министра сельского хозяйства республики. Но он отказался наотрез. После кончины Петра Федоровича совхоз назвали его именем. Словом, воглаве многих хозяйств стояли талантливые руководители, прославившие республику своим беззаветным

Пришлось наедине растолковывать ему серьезность сложившейся ситуации. Кончилось тем, что дом действительно передали колхозу, а райком партии по нашему поручению объявил «виновнику» выговор и освободил его от работы.

Через некоторое время его избрали председателем колхоза имени Калинина в соседнем Кировском районе. Об этом настоятельно просили сами колхозники. Здесь во всю раскрылся его организаторский талант. За несколько лет экономика хозяйства преобразилась, значительно возросли доходы людей. Центральная усадьба обновилась. Ее всю застроили новыми добротными домами и общественными зданиями, хорошо благоустроили.

В 1964 году, когда я уже работал первым секретарем Чимкентского обкома партии, Нурмулда Алдабергенович пожаловал к нам в гости с женой и сыном. В течение нескольких дней он в сопровождении моего помощника Комекбаева побывал в передовых хозяйствах, посетил Ташкент и Самарканд. В Узбекистане ему очень понравилась культура земледелия, и особенно - высокое искусство организации поливов хлопчатника, обустройство летних бригадных станов. Лучшее из того, что увидел, он хотел внедрить в своем хозяйстве. Расставаясь, мы договорились, что в следующем году Алдабергенов приедет летом дней на 10, со своими специалистами. За ужином он пожаловался на плохое самочувствие, боли в животе. Рано утром мы проводили его домой. Эта встреча оказалась последней. Через несколько месяцев я с прискорбием узнал о кончине Нурмулды. В память о его делах село Чубар переименовали в Алдабергеново.

Работая в Алма-Атинском обкоме партии, я много занимался обеспечением столицы овощами, фруктами, молоком, а также строительством баз для хранения и переработки сельхозпродукции.

Хорошие деловые отношения у нас сложились с горкомом партии, исполкомом горсовета. Первый секретарь Ахмет

Адилов, опытный и способный организатор, хорошо знал городское хозяйство, оперативно решал возникавшие проблемы. Мы иногда весело вспоминали шутку с Машей Полубабкиной, инструктором идеологического отдела ЦК КП Казахстана. Как-то в бытность его секретарем Карагандинского горкома партии к нему в кабинет вошла Полубабкина. В этот момент Ахмет с кем-то говорил по телефону на казахском языке. Закачивая разговор, он шутливо сказал собеседнику: «Ко мне пришла красивая молодая русская баба. У нее элегантный вид, прекрасное лицо, а губы так и просят страстного поцелуя. Сейчас я как раз и займусь с ней этими приятными делами».

Когда он закончил разговор, Маша на чистом казахском языке сказала ему: «Спасибо вам за лестный отзыв о моей внешности, но я не собираюсь с вами заниматься любовными делами, потому что, как сотрудник ЦК, приехала проверять жалобу на работников горкома. Мне понятна ваша шутка, но советую впредь быть осторожнее с непристойными разговорами по телефону». Ахмет был потрясен. Ему в голову не могло прийти, что русская женщина в совершенстве владеет казахским языком! Он искренне извинился перед Машей.

Вспоминается и другой забавный случай с Полубабкиной. Когда она работала помощником у Пономаренко, ей потребовалось позвонить заместителю председателя Совета Министров Республики Н.Е.Бабкину. На звонок Николай Ефимович ответил: «Слушает Бабкин». Она ему представилась: «Вам звонит Полубабкина». Бабкин рассердился, посчитав, что его разыгрывают. И ответил ей: «Дура ты, какого хрена балуешь со мной?» и повесил трубку.

В то время ЦК и Совет Министров Республики размещались в одном здании. Маша пошла к Бабкину и, когда Николай Ефимович узнал, что у нее действительно фамилия Полубабкина и она звонила ему по делу, расхохотался и попросил извинения.

В 1959 году дела у алматинцев складывались нормально.

Промышленность досрочно выполнила план. Хозяйства вырастили неполохой урожай. Приличными показателями радовали животноводы. В целом же по республике дела в сельском хозяйстве выглядели худо: совхозы и колхозы не справились с планом хлебозаготовок, часть неубранного хлеба осталась под снегом. Не выполнялись также обязательства по увеличению производства животноводческой продукции и росту поголовья скота.

Серьезные провалы в сельком хозяйстве республики подверглись резкой критике на декабрьском (1959 г.) Пленуме ЦК КПСС. Состоявшийся в январе 1960 года Пленум ЦК Компартии Казахстана освободил Беляева от должности первого секретаря и члена бюро ЦК. Первым секретарем Центрального Комитета единодушно избрали Кунаева. Это решение вызывало у всех участников пленума большое удовлетворение. Кунаева хорошо знали по практическим делам и руководящие кадры, и простые люди.

В марте 1960 года состоялся X съезд Коммунистической партии Казахстана. С отчетным докладом на нем выступил Динмухамед Ахмедович. Съезд подвел итоги социально-экономического развития республики и уточнил ориентиры деятельности партийной организации на ближайшие годы. Высокую оценку съезд дал всенародному подвигу трудящихся по освоению целины. В Казахстане распахали 23 млн. гектаров новых земель. Республика превратилась в житницу страны, стала крупным производителем зерна и животноводческой продукции.

В 1960 году в Алма-Атинской области произошло знаменательное событие: завершилось строительство железнодорожной линии Актогай-Дружба, проложенной по территории Алакульского района. Но китайская сторона приостановила строительство из-за обострения политических и идеологических разногласий с СССР. Естественно, стыковка железнодорожных путей не состоялась. Лишь в 1981 году строительство магистрали возобновилось.

Мне часто приходилось посещать сельские районы бывшей Талды-Курганской области. Несколько раз бывал у своего старого друга Абдыкадыра Даирова, председателя колхоза имени Ленина, Героя Социалистического Труда. У него дела шли отлично. В Талды-Кургане встречался также со своим большим другом, однокашником по институту Мишей Рогуленко, который после возвращения с фронта построил хороший дом и вырастил прекрасный плодовый сад. На Талдыкурганском сахарном заводе с удовлетворением общался с его директором К.Молдабергеновым. Мы с ним подружились в годы моей работы в Мукринской МТС. В то время он трудился заместителем директора завода.

В Панфиловском приграничном районе, в основном с уйгурским населением, заезжал к своему старому другу Николаю Никитовичу Головацкому, дважды Герою Социалистического Труда. Став после 1945 года председателем колхоза «40 лет Октября», он прославил его на весь Казахстан, на всю необъятную многонациональную Родину - СССР.

Превратил его в крупное, многоотраслевое, с многомиллионными доходами хозяйство. Колхоз сдавал государству до 40 тыс. тонн семенной кукурузы, большое количество говядины, баранины и утятины.

Немало здешних руководителей районов, хозяйств, да и рядовых тружеников высказывали недовольство упразднением Талды-Курганской области. Все это выражалось в многочисленных заявлениях и жалобах в Союзное правительство. Действительность подтверждала правоту общественного мнения: экономика Талды-Кургана приходила в упадок. Население устремилось поближе к столице. Расстояние в 300-500 километров до областного центра — Алма-Аты создавало людям серьезные неудобства.

Возвращаясь из поездок в районы бывшей Талды-Курганской области, я рассказывал о настроениях местных жителей членам бюро обкома. Первый секретарь Бейсебаев, главный инициатор объединения областей, негативно отзывался о мнении

талдыкурганцев. И в дальнейшем, наедине, он нередко спрашивал меня: «Не меняется ли настроение людей в сторону объединения?» Если я отвечал, что талдыкурганцы по-прежнему недовольны, он упрекал меня «за отсутствие должной разъяснительной работы». Но дело в том, что я и сам не соглашался с ликвидацией этой области. Вообще наши отношения с Бейсебаевым как-то не складывались. Он больше общался с Морозовым, к которому я не благоволил и которому не доверял.

Когда обговаривался вопрос о кандидатуре заведующего сельхозотделом обкома партии, я посоветовал назначить на эту должность первого секретаря Каскеленского райкома Н.С.Канцеляристова. Бейсебаев не согласился с моим мнением и предложил другую кандидатуру — человека малоинициативного и не особенно дееспособного. Возражая моим доводам, он делал акцент на том, что заведующий сельхозотделом должен разговаривать с животноводами на родном языке. Тогда я порекомендовал утвердить Мансурова, который возглавлял Джамбулский райком партии. Уж у него - то с казахским проблем не было! Бейсебаев и с этим не согласился. Место завсельхозотделом оставалось вакантным. Лишь после моего отъезда в Джамбулскую область, Бейсебаев по-своему решил вопрос с заведующим отделом. Кстати сказать, его ставленник недолго продержался и его освободили, как не справившегося с работой. А Канцеляристова, которого я прочил на заведование, вскоре выдвинули первым секретарем Алма-Атинского обкома партии. В последующие годы он возглавлял органы народного контроля.

Бейсебаев, конечно, имел опыт работы, был одним из сильных руководителей, знал сельское хозяйство, но на практике иногда проявлял медлительность и нерешительность. После избрания Кунаева первым секретарем ЦК КП Казахстана, Масымхана Бейсебаевича назначили председателем Совета министров республики. Это было достойное выдвижение.

На родине великого акына

В июле 1961 года второй секретарь ЦК КП Казахстана Николай Николаевич Радионов предложил мне опять поехать на работу в Акмолинскую область председателем облисполкома. Я отказался, поскольку уехал оттуда только два года назад. Через несколько дней он вновь пригласил меня и предложил перейти на работу в ЦК, завсельхозотделом. Но я и здесь отказался. В августе Радионов предложил третий за короткое время вариант: поехать в Джамбул председателем облисполкома. По словам Радионова, руководствовался он тем, что меня пора выдвигать на самостоятельную работу. Но я-то чувствовал, что дело совсем в ином: просто Бейсебаев считает меня неудобным, несговорчивым вторым секретарем. И не без его забот меня так активно начали «выдвигать». А честно говоря, — спроваживать.

В сложившейся ситуации я согласился ехать в Джамбулскую область, которую хорошо знал.

В сентябре 1961 года на сессии областного Совета народных депутатов меня избрали исполняющим обязанности председателя Джамбулского облисполкома. Исполняющим потому, что в тот момент я не являлся депутатом областного Совета.

С лета 1961 года в Джамбулской области, как и во всей партийной организации республики, велась большая подготовительная работа к XXII съезду партии. XI-ю областную партийную конференцию провели 16 сентября. С отчетным докладом выступил первый секретарь обкома А.Аскаров. Мне показалось, что в докладе, и особенно в выступлениях делегатов, недоставало наступательности, принципиальной требовательности к кадрам, то есть того, к чему я привык в Акмолинске и Алма-Ате.

Первым секретарем обкома вновь избрали А.Аскарова, кстати, уроженца здешних мест. Вторым секретарем опять стал

Владимир Захарович Вашенко, многоопытный работник, курировавший сельское хозяйство. Меня избрали членом обкома и его бюро, а кроме того, делегатом XI съезда Компартии Казахстана и XXII съезда КПСС.

Джамбулская область занимала площадь более 145 тыс. квадратных километров. Образована в 1939 году из районов, ранее входивших в Чимкентскую и Алма-Атинскую области. Население в то время составляло около 600 тыс. человек, в большинстве — казахи и русские. Было также много украинцев, немцев, татар, дунган и других.

1961 — выдался неблагоприятным по климатическим условиям годом для сельского хозяйства южных областей республики. Урожай в области тоже не удался, план сдачи государству зерновых и других культур не выполнили. Но корма для животноводства все же заготовили и зимовку скота провели неплохо. К слову, зерновые и сахарную свеклу хозяйства убрали своими силами, не привлекая людей со стороны. А на перевозку свеклы (около миллиона тонн) на сахарные заводы попросили дополнительно прислать автотранспорт.

На XI съезде Компартии Казахстана у нас состоялась задушевная встреча с Семеном Михайловичем Новиковым. Он упрекал меня за то, что я отказался вернуться в Акмолинск. Конечно, общался я и с алматинцами, которых оставил всего месяц назад. Многие из них спрашивали, почему я так неожиданно уехал. Особенно интересовались (и упрекали за отъезд) Алдабергенов, Даиров, Томаровский, Дидковский, Манько, Абдыгулов, Головацкий. Конечно, многие догадывались, что виною всему наши прохладные отношения с Бейсебаевым, создававшие сложности в работе.

На съезде с отчетным докладом выступил Д.А.Кунаев. Он отметил, что за 8 лет с начала освоения целинных земель в Казахстане произошли огромные изменения. Вырос кадровый потенциал в народном хозяйстве, культуре и науке. Дальнейшее

развитие получили промышленность, строительство, сельское хозяйство, транспорт, наука, народное образование и культура. Было создано много новых целинных совхозов. Увеличили производство зерновых и большинство ранее существовавших хозяйств за счет освоения новых земель и повышения урожайности. Если в 1949-1953 г.г. в Казахстане заготавливалось в среднем за год 1819 тыс. тонн, то за 1959-1963 г.г. — 8500 тысяч тонн зерна.

Наряду с развитием зернового хозяйства начали поднимать и животноводство. Много вводилось жилья, школ, учреждений культуры, больниц.

На этом съезде меня избрали членом Центрального Комитета партии. В октябре мы с Марией и тещей переехали из Алма-Аты в Джамбул. Поселились в доме, который раньше занимал мой предшественник на посту председателя облисполкома. Это был небольшой особняк с плодовым садом. В канун переезда спросили у младшего сына, десятиклассника Валерия, что он предпочтет: «Жить с нами и поменять школу или остаться учиться в Алма-Ате?» Валерий категорически заявил: «Из-за ваших переездов я учусь уже в пятой по счету школе. Менять ее в шестой раз не хочу». Пришлось оставить его в Алма-Ате, где он успешно закончил 10-й класс и поступил на физический факультет Ленинградского госуниверситета.

Мария устроилась работать в Джамбулский научно-исследовательский институт мелиорации. Местные кадры произвели на меня в основном неплохое впечатление. Опытным и трудолюбивым человеком оказался Анатолий Чреновол — мой первый заместитель. Он глубоко знал сельское хозяйство. У нас с ним сложились нормальные деловые взаимоотношения. Быстро установил рабочий контакт с первым секретарем Джамбулского горкома партии С.И.Кондратьевым, — достойным партийцем и прекрасным организатором. Наша с ним дружба сохранилась на многие годы. По - деловому ладили, понимали друг друга с полуслова со вторым секретарем обкома

партии Владимиром Захаровичем Вашенко и секретарем обкома, курировавшим социальную и воспитательную сферу Екейбаем Кашагановым.

В первой декаде октября я объехал некоторые свеклосеющие районы, где шла массовая уборка урожая, сев озимых и подготовка к зимовке. Работа у сельских тружеников шла споро. Все свидетельствовало о том, что осенний агрокомплекс будет завершен своевременно.

Параллельно велась подготовка к отъезду делегации областной парторганизации в Москву на XXII съезд КПСС. Предстояло ехать поездом более трех суток. Мы с Марией решили, что в столицу отправимся вместе: супруга сильно скучала по старшему сыну Юрию, обучавшемуся в МГУ.

В течение жизни много времени провел в разъездах. Всегда предпочитал поезд. Каждый раз с интересом наблюдал за сменяющимися за окном пейзажами и картинами жизни. Просто отдыхал душой. Отправившись из Джамбула, мы проезжали места, знакомые мне с детства. Примерно через час доехали до станции Бурное: до 1924 года — конечная от Москвы. Здесь мой отчим работал стрелочником, здесь мы жили. Потом станция Манкент рядом с селом Белые Воды. Это моя Родина. Тут мне знакома каждая горка и тропинка, каждый населенный пункт. Эти места я по многу раз исходил пешком, они близки моему сердцу. С ними я был связан до 17-летнего возраста. Проезжая здесь, всякий раз волнуюсь, чувствую какую-то душевную теплоту. Накатывает масса воспоминаний. Вновь вижу мое трудное детство, маму , любимую бабушку и дядю Василия Федоровича Ливенцова, которые сделали все, чтобы я стал человеком. Тепло вспоминаю свою школу, учителей, верных друзей детства.

В Москву мы прибыли 14 октября . Нашу делегацию разместили в гостинице «Москва». А регистрация проводилась в отстроенном к открытию форума Кремлевском Дворце съездов. В гостиницу приехал старший сын Юра. Мама вкусно

его покормила, заодно приодели и приобули сына. Каждый день он проводил у нас часы, свободные от учебы.

... И вот — съезд (продолжался он две недели). В его президиуме заняли места выдающиеся деятели международного коммунистического движения: Чжоу Эн-лай (Китай), В. Гомулка (Польша), М.Торез (Франция), П.Тольятти (Италия), Г.Георгиу-Деж (Румыния), Я.Кадар (Венгрия), В.Ульбрихт (ГДР), Т.Живков (Болгария), Ким Ир Сен (Корея), Хо Ши Мин (Вьетнам) Долорес Ибаррури (Испания), А.Куньял (Португалия), Ю.Цеденбал (Монголия).

С отчетным докладом выступил Н.С.Хрущев. Он резко высказался по поводу культа личности Сталина. Еще до начала работы съезда мы чувствовали, что отношения между Советским Союзом и Китаем перестают быть нормальными. Вполне естественно, с большим интересом ожидали выступления Чжоу Эн-лая, который вел себя как-то несвободно, скованно. А Мао Цзе-дун так и не прибыл. Чувствовалось, что между ним и Хрущевым пробежала «черная кошка»: об этом делегаты говорили между собой в кулуарах. А в целом на съезде царила приподнятая, оптимистическая обстановка. Положение дел в стране, да и в республиках, казалось безоблачным.

30 октября на утреннем заседании И. В. Спиридонов от имени ленинградской делегации предложил перенести тело Сталина из Мавзолея в другое место. Московский представитель П.Н.Демичев его поддержал, - как и председатель Совмина Грузии, а также Н. В. Подгорный из делегации Украины и член партии с 1902 года Д. А. Лазуркина. После короткого обсуждения съезд принял решение о выносе тела Сталина из Мавзолея и захоронении его у Кремлевской стены. Решение было оперативно выполнено в дни работы съезда.

2 ноября Хрущев созвал совещание руководителей республик и областей (пригласили также ряд других работников), где подробно изложил установки ЦК по сельскому хозяйству.

Раскритиковал травопольную систему земледелия В.Р.Вильямса. Потребовал пересмотреть структуру посевов, расширить площади высокоурожайных культур: пшеницы, кукурузы, гороха, сои, сахарной свеклы, увеличить производство кормов для скота, сократить площади под травами. Считалось, что кукуруза на зерно может возделываться во всех зонах Союза. Вот почему Хрущев внедрял ее столь настойчиво.

У себя в области мы составили комплекс мер по выполнению решений съезда с учетом указаний Хрущева. Весенние полевые работы проводились у нас уже с учетом выработанных специалистами рекомендаций. Я побывал во всех районах области, во многих колхозах и совхозах, на предприятиях, познакомился с людьми. У меня сложилось впечатление, что большинство работников свое дело знают, но все-таки взыскательности, требовательности к их деятельности еще недоставало. Хромала культура земледелия, чувствовалось робость в расширении удельного веса посевов озимых, развитии орошения.

Со стороны первого секретаря обкома партии Аскарова я постоянно чувствовал поддержку. В начале марта 1962 года нас вместе с ним пригласили в Москву на Пленум ЦК. Здесь Хрущев потребовал резко увеличить производство мяса, молока и молочных продуктов, яиц и сахара на душу населения, а также выход продукции на каждые 100 гектаров сельхозугодий и пашни. Хрущев раскритиковал ученых — аграрников за крайне низкую эффективность их научных исследований, заявив, что они «превратили сельскохозяйственную академию в группу бесплодных евнухов». Он потребовал усилить шефскую помощь городов и промышленных предприятий селу, выдвинул идею о создании в Казахстане еще одного, четвертого по счету, края.

Старший сын Юра уже заканчивал университет. Он советовался с нами куда ехать на работу после получения диплома. Ему предоставлялась возможность остаться на работе

в Подмосковье. Но мы посоветовали ему просить направление в Алма-Ату, поскольку сами из Казахстана никуда уезжать не собирались. Юра так и поступил. Его распределили в Алма-Атинский институт ядерной физики.

В начале августа 1962 года меня неожиданно вызвали в Чимкент, в Южно-Казахстанский крайком партии. Секретарь крайкома И.Юсупов сообщил, что первый секретарь Чимкентского обкома освобождается от работы и на его место рекомендуют меня. Еще до нашей встречи он подробно ознакомился с моей биографией. Знал не только то, что я родом из этой области, но даже сказал, где находится дом моей мамы в Белых Водах! Знал Юсупов и то, что я в свое время отказался стать первым секретарем Акмолинского обкома. По его словам, вопрос о моем новом выдвижении согласован с Кунаевым. И в ближайшие дни мне надо быть в Москве.

Возвращаясь в Джамбул, я попутно заехал к маме, которая жила в селе Белые Воды с моей сестрой Ниной. Когда рассказал ей, что, возможно, в скором времени перееду на постоянную работу в Чимкент, она очень обрадовалась. Все время твердила: «Цэ ж будэ гарно, будэмо часто бачиться, бо я скучаю». По возвращении в Джамбул со мной по телефону долго беседовал Д. А. Кунаев. Давал напутственные советы, говорил, что мне пора идти на выдвижение.

Край хлопка, садов и винограда

В первой декаде сентября 1962 года меня вызвали в Москву. После беседы в орготделе состоялся долгий разговор с секретарем ЦК партии В. Н. Титовым. В конце встречи он сказал, что меня будут рекомендовать на работу в Чимкентскую область. Мария была довольна новым выдвижением. И не высказала никакого упрека за то, что это уже наш десятый переезд за 25 лет совместной жизни! Опять сборы, укладка вещей, «откочевка», обустройство новой квартиры, привыкание к незнакомым людям. Супруге в очередной раз приходилось из-за меня увольняться с работы. Как всегда, я поначалу отправлялся один. А на ее плечи ложилась вся тяжесть подготовки семьи к переезду. Эту хлопотливую и тяжелую работу она научилась делать мастерски.

После возвращения из Москвы меня вызвали в Чимкент на пленум областного комитета партии, где 12 сентября 1962 года рассмотрели организационный вопрос. С сообщением выступил первый секретарь Южно-Казахстанского крайкома И. Юсупов. Он должил участникам пленума о том, что В. И. Макаров в практической работе допускал серьезные ошибки. Часто пьянствовал вместе с председателем облисполкома З. Искандировым, за что тот уже освобожден от должности. В этих возлияниях иногда участвовали некоторые руководящие работники республиканского уровня. Под «некоторыми руководящими работниками» Юсупов подразумевал председателя Совмина Казахстана С. Д. Дауленова, хотя конкретную фамилию и не называл. Затем Юсупов предложил освободить Макарова от обязанностей первого секретаря. Пленум с ним согласился. Затем Юсупов от имени ЦК КП Казахстана предложил избрать первым секретарем Чимкентского обкома партии меня. Он подробно рассказал мою биографию, которую многие члены обкома и без того хорошо знали. Тем более, что здесь я родился, закончил семилетку, два

года работал колхозником, здесь вступил в комсомол. Вопросов мне не задавали и единогласно избрали первым секретарем. После организации Южно-Казахстанского края, область стала называться Чимкентской.

После пленума многие тепло поздравляли с избранием. Первыми подошли мой давний друг второй секретарь обкома партии Бименде Садвокасов, заведующий сельхозотделом обкома И. Горячковский — мой однокашник по институту, председатель облисполкома Айтпек Бердалин, которого я давно знал, заместитель предоблисполкома Жумабек Ташенев, бывший председатель Президиума Верховного Совета республики. После пленума у нас с Юсуповым состоялась обстоятельная беседа. Он высказал свои соображения относительно кадров и положения дел в области. Почему-то Макаров не сработался с Садвокасовым и ставил вопрос о его замене. Юсупов сказал мне, что крайком партии действительно намерен заменить Садвокасова и кое-кого еще. Но я попросил его не трогать, да и других пока оставить: хотел сам к ним приглядеться. Юсупов со мной согласился.

В тот же день он представил меня работникам аппарата обкома. Входя в здание, где мне предстояло работать, я невольно вспомнил тот тяжелый для меня период студенческих мытарств и гонений, из которого потом достойно выбрался и который пережил именно здесь. И вот впервые тут сам стал первым. Конечно, я знал, что это очень сложная и тяжелая в экономическом отношении область. Здесь развита промышленность, транспорт, стройиндустрия. В Чимкентской области многоотраслевой сельскохозяйственный комплекс: огромные площади орошаемых земель, хлопководство, овощеводство, садоводство и виноградарство, вкупе с запущенным зерновым хозяйством. При более чем трех миллионах овец и большом количестве другого скота очень слаба кормовая и материальная база. Многонациональный состав населения, его высокая плотность нередко вызывали

определенные трудности, создавали дополнительное напряжение в трудовых коллективах и властных структурах. Не случайно в области часто менялись первые секретари обкома. До меня дольше всех работал там Юсупов — около 5 лет.

В первый же день после пленума собрал для знакомства членов бюро и заведующих отделами обкома. После беседы ко мне подошли второй секретарь Садвокасов и секретарь, ведавший вопросами идеологии, Джаркимбеков. Они сообщили, что в городе сдается в эксплуатацию новый «обкомовский» жилой дом. Джаркимбеков подготовил в нем для своей семьи квартиру, и если она мне понравится, то он ее уступит. Осмотрев квартиру, я согласился сюда въехать. А Садвокасов поселился рядом, на третьем этаже. В конце дня я позвонил Марии и сказал, что можно переезжать. Поздно вечером поехал в Белые Воды к маме, где и заночевал. Мама и сестра Нина, конечно, были рады, что я перешел на работу в Чимкентскую область и очень гордились моим выдвижением. Оказывается, они по радио слушали сообщение о моем избрании. На другой день я обошел все кабинеты обкома, побеседовал отдельно с каждым сотрудником аппарата. О большинстве впечатление сложилось положительное. Услышал от них много полезных предложений, критических замечаний по внутрипартийным и хозяйственным делам.

В середине сентября в области завершили жатву зерновых . Развернули сев озимых, массовую уборку хлопка. А это — более чем на 100 тыс. гектаров. Хозяйствам предстояло собрать и сдать свыше двухсот тысяч тонн хлопка - сырца. С детства знаю, насколько сложна и трудна хлопковая страда. Вот почему решил с первых дней объехать все хлопкосеющие районы, познакомиться с людьми, состоянием дел на местах. В октябре предстояло выставить на ручной сбор хлопчатника более ста тысяч человек.

Расчеты показывали, что для сбора хлопка придется на месяц привлечь всех студентов вузов, учащихся техникумов и

профтехучилищ, а на некоторое время — даже старшеклассников. А кроме того и часть рабочих и служащих. Приехали помогать алмаатинские студенты. Привлекали из городов и районов большое количество пассажирского автотранспорта,сотрудников милиции.

В период уборки хлопкоробы спят очень мало, работают практически все. Считалось просто неприличным, если во время хлопкоуборки по сельской улице человек слоняется без дела.

В период уборки хлопка самое нежелательное явление — дождь. Ведь мокрый хлопок собирать нельзя. И если случался дождь, то на некоторое время, пока подсохнут раскрывшиеся коробочки все 120-150 тысяч хлопкосборщиков вынуждены сидеть без дела.

Хорошее впечатление на меня произвели дела в совхозе «Пахтаарал». Это — действительно гигант по выращиванию хлопка - сырца. Его урожайность в те годы составляла 35-40 центнеров с каждого из трех с лишним тысяч гектаров. Впечатлял и здешний опыт совмещенных посевов: когда, к примеру, кукурузу на силос сеют одновременно с кормовой свеклой. После косовицы кукурузы площади поливали, а в октябре убирали свеклу и получали приличную урожайность.

В конце сентября я отправился в Джамбул за семьей. Здесь тепло попрощался с товарищами в облисполкоме, обкоме партии. Марии и теще новая квартира в Чимкенте понравилась, тем более что она находилась рядом с городским парком. Ее обрадовало также и то, что в чимкентских магазинах и на богатом местном рынке всегда можно было недорого купить любые овощи, фрукты, мясо и молочную продукцию. Никаких закрытых «распределителей» здесь не существовало. Ко мне часто приезжала погостить мама. Но надолго не задерживалась. Обычно уже через 2-3 дня она уезжала обратно: ей не нравилась городская жизнь.

Однажды я обратил внимание на то, что мама, приехав в Чимкент, целых полдня к нам в дом не заглядывала. Появлялась

только вечером с родственницей, которая и проговорилась, что они иногда вместе бывают в церкви. Я спросил у мамы: «Почему ты это скрываешь?» Она призналась: «Чтобы не подвести тебя, сынок. Ведь ты коммунист и к тому же еще первый секретарь обкома».

Октябрь 1962 года выдался особенно сложным. Надо было ускорить сбор хлопка - сырца, завершить уборку овощей и винограда. К тому же у меня сложилось мнение, что в области не уделяется должного внимания увеличению производства зерна. Но я еще глубоко не изучил кадры, выводы агрономической науки и мнения опытных специалистов - аграрников.

Тем не менее, опираясь на собственный опыт, рекомендации специалистов республики, я порекомендовал расширить посевы озимых за счет яровых зерновых. В течение октября успел побывать в большинстве районов области, познакомиться со многими людьми. За это время посетил свинцовый завод, завод прессов-автоматов, часто бывал на строительстве фосфорного завода. Здесь возводился корпус и велся монтаж двух печей по производству 40 тыс. тонн желтого фосфора каждая. Одновременно строился цех по производству моющих средств.

В начале ноября пришло сообщение о созыве Пленума ЦК КПСС. Он начал работу 19 ноября 1962 года. Пленум обсудил вопрос о развитии экономики СССР и партийном руководстве народным хозяйством. С докладом выступил Н.С. Хрущев. Проанализировав ход развития народного хозяйства страны, Никита Сергеевич предложил перестроить партийные органы по производственному принципу. Предлагалось упразднить сельские райкомы партии и создать партийные комитеты территориальных колхозно-совхозных управлений. Организовать зональные парткомы для руководства предприятиями и стройками, расположенными на территории сельских производственных управлений. Имелось ввиду создать в областях самостоятельные промышленные и сельские обкомы

партии и, соответственно, облисполкомы. В ЦК КПСС намечалось иметь два бюро: одно — для руководства сельским хозяйством и другое — промышленностью. В союзных республиках — два бюро ЦК и над ними —президиум для координации их работы. Предусматривалось организовать Среднеазиатское бюро ЦК КПСС и единый Среднеазиатский совнархоз. Аналогичные изменения в систему руководства вносились по строительным министерствам и другим ведомствам. По образцу партийных органов должны были перестраиваться советские, и профсоюзные комсомольские органы. Хрущев потребовал немедленно приступить к осуществлению намеченных мер.

На этом же пленуме произвели массовую перестановку кадров. Избрали секретарями ЦК КПСС Рудакова, Полякова, Андропова. Создали три бюро ЦК КПСС: одно - по промышленности и строительству, другое -по химии и легкой промышленности, и третье - по сельскому хозяйству. Образовали комиссии: идеологическую; по партийному контролю и кадровой работе; партийно-государственного контроля.

Вслед за Центром соответствующая перетряска по вертикали пошла вниз. Решением ЦК КП Казахстана и Южно-Казахстанского крайкома партии руководство промышленностью и строительством передали крайкому и крайисполкому. И с декабря 1962 года наш обком стал Чимкентским сельским обкомом партии. Все областные организации превратились по сути в «квартирантов», поскольку город подчинили крайкому и крайисполкому. Осложнились взаимоотношения между всеми ведомствами области, края и районов. Создали многочисленные краевые отделы и управления, которые дублировали, а зачастую обезличивали работу областных организаций.

Вскоре обнажились теневые стороны новой структуры партийных органов. Пошли неразбериха и путаница,

порождавшие у работников неуверенность и безответственность. С первых дней необдуманной перестройки, (в народе ее называли «катастройкой»), - по аналогии со словом («катастрофа») стало ясно: это бесполезное и вредное для страны дело. Какая нелепость - разделить партию, Советы и все руководство экономикой и культурой по отраслевому принципу! Мы понимали: это очередная грубая ошибка, которая сродни таким нелепостям как ликвидация министерств и создание вместо них комитетов и совнархозов; как и другие печально провалившиеся управленческие эксперименты. Взаимоотношения между работниками края и области стали «натянутыми», нервозными.

В один из первых декабрьских дней 1962 года, только вернувшись из Москвы, поздно вечером вышел прогуляться. И встретил Юсупова, жившего поблизости. Он сказал мне, что надо передать три основных хлопкосеющих района — Пахтааральский, Джетысайский и Кировский —Узбекистану. На мой вопрос: «А какая в этом необходимость?», Юсупов вразумительно ответить не смог. В свою очередь, я ему сказал, что узбеков в этих районах практически нет, что Казахстан своими силами строил здесь каналы, осваивал Голодную степь, создавал совхозы и колхозы. С детских лет помню, как мой отчим несколько раз на длительный срок ездил в Голодную степь на строительство каналов. И поинтересовался, знает ли об этих намерениях Кунаев? Юсупов ответил, что знает. Как выяснилось позже, он меня просто обманул: Кунаеву об этом ничего известно не было.

В общем, разговор с Юсуповым получился натянутым, нервозным. Я не согласился с его предложением. На другой день Юсупов вызвал меня в крайком и там у нас снова завязался длительный разговор о передаче этих трех районов. Под конец беседы он в повышенном тоне бросил: «Это задание Хрущева». На том и расстались.

Сразу вспомнилось, как первый руководитель страны

диктаторским способом по существу принудил руководство республики передать Узбекистану Бостандыкский район. По его велению красивейший, с прекрасной природой район «втихаря» «отписали» соседней республике. Хотя, между прочим, большинство его населения составляли казахи.

О нашем разговоре с Юсуповым проинформировал второго секретаря обкома Б. Садвокасова и председателя облисполкома А.М. Бердалина. Моя главная ошибка состояла в том, что я не позвонил об этом Кунаеву, поверил на слово Юсупову, что он об этом знает. На другой день Юсупов вызвал меня, Садвокасова, Бердалина и дал нам подготовленное Морозовым письмо на имя Хрущева и Кунаева, где вносилось предложение о передаче трех хлопкосеющих районов Узбекистану. Он в категорической форме потребовал, чтобы мы подписали текст, под которым, кстати, уже стояли визы самого Юсупова и Морозова. Юсупов заявил, что он сейчас вылетает в Алма-Ату, где будет согласовывать вопрос с Кунаевым.

Мы, поверив ему, завизировали письмо и совершили тем самым большую ошибку. Оказывается Юсупов вылетел отнюдь не в Алма-Ату, а прямиком в Москву. И вручил письмо лично Хрущеву. Позже, когда поинтересовались мнением Кунаева о передаче трех районов Узбекистану, он категорически высказался против. За это, как мне рассказывали сведующие работники, Хрущев назвал Кунаева националистом, а Юсупова — зрелым руководителем и интернационалистом.

Выяснилось, что вопрос о передаче районов Узбекистану готовился заранее. Мне об этом рассказал в 1986 году Герман Александрович Тё, (тогда я уже находился на пенсии, а он работал в Минводхозе Союза). Летом 1962-го, когда Тё трудился главным инженером строительства Чардаринского водохранилища, а начальником строительства - Касымов, (близкое доверенное лицо Юсупова). Ш.Р. Рашидов — (первый секретарь ЦК КП Узбекистана) несколько раз подъезжал на стройку. Визиты носили конфиденциальный характер. К нему

выходил заранее предупрежденный Касымов (старались, чтобы поблизости не оказалось посторонних) и через него Рашидов видимо передавал свои рекомендации Юсупову. После таких«подпольных» встреч Касымов немедленно выезжал в Чимкент к Юсупову. Об этом сам Касымов рассказал под большим секретом Герману Александровичу, который и выдал мне «государственную тайну» - через 24 года! Приезды Рашидова на водохранилище ему приходилось наблюдать лично. Очевидно, в целях конспирации Рашидов и Юсупов избегали частых личных встреч.

В 1963 году, когда Брежнев был уже председателем Президиума Верховного Совета Союза и потом, когда его избрали Генеральным Секретарем ЦК КПСС, я неоднократно обращался к нему с просьбой вернуть Казахстану эти районы. Рассказывал, в какой обстановке готовились Юсуповым предложения. Однако, каждый раз Брежнев неизменно отвечал, что не желает ссорить между собой две республики. Пусть этот вопрос решают между собой Кунаев и Рашидов. Так и вышло. Благодаря настойчивым усилиям Д.А. Кунаева, в 1970 году районы возвратили Казахстану. Правда, несколько каракулеводческих совхозов и некоторые крупные пастбищные массивы, на которых содержалось около полумиллиона овец, остались в Узбекистане.

25 декабря 1962 года состоялся Пленум ЦК КП Казахстана. На нем Кунаева освободили от должности первого секретаря ЦК и утвердили председателем Совета Министров. Видимо, «аукнулось» его принципиальное возражение по вопросу о передаче трех районов Узбекистану. Первым секретарем ЦК по рекомендации свыше избрали И. Юсупова. Многие члены ЦК с этим в душе не согласились.

Возвратившись в Чимкент, и не успев толком разобраться с делами, 28 декабря отправился в Ташкент на первое заседание Средазбюро ЦК КПСС. В его состав входили: Ш.Р. Рашидов, первый секретарь ЦК КП Узбекистана; Д. Расулов, первый

секретарь ЦК КП Таджикистана, Т.У. Усубалиев, первый секретарь ЦК КП Киргизии; Овезов — первый секретарь ЦК КП Туркменистана, В.А. Ливенцов, первый секретарь Чимкентского обкома партии; Куликов — начальник управления «Средазхлопок»; Кадышев, председатель Средазсовнархоза; А.А. Саркисов, управляющий «Средазводстроя».

Первое заседание открыл секретарь ЦК КПСС Ф. Р. Козлов. Он представил Владимира Григорьевича Ломоносова как Председателя Средазбюро. На заседании Фрол Романович сказал, что уровень руководства в республиках Средней Азии Центральный Комитет КПСС будет оценивать в зависимости от объемов производства хлопка. Я хотя и входил в состав Средазбюро от Казахстана, но тем не менее деятельность Средазсовнархоза и других его ведомств ни нашей республики в целом, ни Чимкентской области, в частности, не касались.

Заседания Средазбюро проходили регулярно. На них я с большим интересом узнавал о положении дел в среднеазиатских республиках и все интересное положительное старался применить у себя в области. Мне часто приходилось встречаться с В. Г. Ломоносовым и его заместителями, В. К. Акулинцевым и С. М. Веселовым. Семен Михайлович — агроном по профессии, знаток хлопководства. До этого работал вторым секретарем Ташкентского обкома партии. С ним часто приходилось встречаться на хлопковых плантациях нашей и Ташкентской областей. Он помог мне освоить азы возделывания хлопчатника. Как опытный хлопкороб, он осмотрев осенью куст хлопчатника, точно определял насколько своевременно и доброкачественно проводился каждый агроприем его возделывания.

Чимкентская область соревновалась с Ташкентской. Нам удалось сделать это соперничество здоровым и полезным. Первым секретарем Ташкентского обкома партии в те годы работал Малик Абдразаков — умный, образованный, высокой

культуры человек, с большими организаторскими способностями. Но у него, к сожалению, не сложились доброжелательные отношения с Ш. Р. Рашидовым, на что он мне по-товарищески жаловался. Взаимопроверки хода выполнения обязательств проводились несколько раз за лето. При этом в наших хозяйствах заранее знали о предстоящих проверках узбекской стороной и усиленно готовились к встрече гостей. Все посевы, особенно хлопчатника, добросовестно обрабатывались, приводились в порядок; наводилась чистота на полевых станах, в тракторных бригадах, на усадьбах хозяйств. С аналогичными проверками в Ташкентскую область ездили и мы. Такое соревнование действительно давало огромную пользу.

12 января 1963 года состоялся пленум Южно-Казахстанского крайкома партии. Тенденциозно и безграмотно прозвучало на нем выступление председателя крайисполкома Морозова. Он обвинил руководство области в защите травопольной системы земледелия. Но ведь она, травопольная, вводилась еще в бытность его самого заведующим сельхозотделом и вторым секретарем Чимкентского обкома! Видимо, он не ведал, что учение академика Вильямса является выдающимся вкладом в мировую науку. Посевы люцерны и других трав мы действительно поддерживали.

После того, как Юсупов стал первым секретарем ЦК, Южно-Казахстанский крайком возглавил Сабир Билялович Ниязбеков: опытный, разумный, уравновешенный и порядочный человек. Он не терпел интриганства и нечестности, которые были свойственны иным руководителям края. У нас с ним сложились доверительные, тесные взаимоотношения. Ниязбеков давал простор инициативе, поддерживал наши начинания, помогал. Словом, сложились нормальные условия для плодотворной работы.

Неприятным осадок в душе оставляла передача Узбекистану Пахтааральского, Джетысайского и Кировского районов нашей

области. От нас отторгли хорошо обустроенные и богатые районы с населением более 200 тысяч человек. В оставшихся Келесском, Сарыагачском, Сайрамском, Бугунском и Туркестанском хлопкосеющих районах производилось лишь 90 тыс. тонн хлопка-сырца.

Начиная с 1963 года, глубоко проанализировав ситуацию, мы в обкоме пришли к выводу, что Чимкентская область может значительно увеличить производство зерна за счет расширения посевов озимых зерновых и дополнительного освоения новых земель. К удивлению, прежнее руководство намеревалось обратиться в Правительство республики с просьбой о снятии с области планов хлебозаготовок.

Анализ показал: за последние 15 лет озимые в области в среднем давали урожайность на 4—5 центнеров больше, чем яровые. И это несмотря на то, что в отдельные годы из-за плохих условий перезимовки озимые на многих площадях погибали. Посоветовавшись с учеными, специалистами и практиками мы пришли к выводу, что курс на увеличение посевов озимых надо настойчиво проводить в большинстве хозяйств области. В этом меня убеждал богатый опыт работы в Талды-Курганской и Алма-Атинской областях.

Затем в августе в обком пригласили, агрономов хозяйств, специалистов областного и районных управлений сельского хозяйства, научных работников Красноводопадской и Чимкентской опытных сельскохозяйственных станций. На совещании я сделал подробный анализ и привел убедительную аргументацию, подтверждавшую целесообразность расширения посевов озимых зерновых в области, начиная с осени 1963 года.

К сожалению, не все поддержали эту идею. Главный агроном облсельхозуправления Немкова резко выступила против. Правда, ее доводы оказались не убедительными. Да и сами руководители управления К. И. Шарамко и А. Ж. Джолдасов колебались или не хотели четко выразить свою позицию.

Тогда я обратился к ним с вопросом: «Данные, которые

приводились в докладе, подготовлены вами? Вы подтверждаете их правильность?» Они заявили: «Да, все правильно». Меня поддержали специалисты обеих опытных станций. В итоге острой дискуссии приняли решение: в каждом хозяйстве основательно изучить динамику урожайности, экономическую эффективность озимых и яровых и в недельный срок внести предложения о конкретном увеличении посевов озимых под урожай 1964 года.

Наряду с этим порекомендовали в каждом хозяйстве немедля засыпать потребное количество семян и приступить к подготовке земель и проведению сева озимых.

После совещания ко мне подошли видные ученые Чимкентского института каракулеводства Ф. Х. Маматказин и Г. Ширинский. Они выразили удовлетворение: «Мы много лет здесь работаем. И считаем, что сделанный вами анализ производства зерновых культур в области является научно обоснованным. Уверены в приемлемости ваших установок. А через год, когда урожай подтвердит правильность выводов, вы даже можете защитить кандидатскую диссертацию».

В результате, если в 1960 году в области зерновые размещались на площади 412 тыс. га, (из них озимых около 130 тыс. гектаров), то в 1965 году зерновых посеяли 509 тыс. га, в 1970-м — 554 тыс. га (из них озимых более 400 тыс. гектаров). Практика доказала правильность решения о расширении площадей под озимыми культурами. Кроме того, по нашей просьбе в область завезли семена высокоурожайной озимой пшеницы «Безостая». Мы начали вносить под озимые минеральные удобрения. В итоге резко поднялась урожайность и увеличились валовые сборы зерновых.

Если в 1960 и 1961 годах область сдала государству около 100 тыс. тонн хлеба, то уже в 1970 году — более 300 тыс. тонн! Одновременно принимались меры по расширению площадей и повышению урожайности кукурузы на зерно и силос. Правда, это сдерживалось тем, что кукурузоводство в области могло

развиваться только на орошаемых землях.

А их не хватало.

Жизнь требовала значительно увеличить производство фруктов и винограда столовых и технических сортов. Учитывая растущие запросы, мы в течение нескольких лет создали еще 5 новых виноградарских совхозов в дополнение к двум имевшимся. Активно занимались расширением площадей садов и виноградников в существовавших хозяйствах.

Мы часто проводили семинары по виноградарству. На одном из них пожелал присутствовать первый секретарь Южно-Казахстанского райкома Ниязбеков. Раньше он работал в северных областях республики, а с садоводством и виноградарством знаком не был. И, когда после основного доклада директора Капламбекского совхоза И. А. Тыщенко я стал говорить конкретно о недостатках в каждом хозяйстве по виноградарству и садоводству, Сабир Билялович удивился: «Откуда ты знаешь названия сортов винограда, яблок, способы их посадок и выращивания?».

Объяснил ему, что я по сути вырос в этих садах, восемь лет работал агрономом в Талды-Курганской и Алма-Атинской областях. Люблю это дело.

В каждом плодо-виноградарском совхозе и многих колхозах создали необходимую базу для хранения и переработки винограда и яблок. Самый крупный совхоз «Капламбек» за 4–5 лет построил винодельческий завод с большим виноподвалом, хранилища для яблок на 240 тонн и для винограда на 3 тысячи тонн. Построили типовые здания средней школы, дома культуры, много жилья, теплицу для выращивания овощей методом гидропоники. Весь строймонтаж выполняла своя бригада из 240 человек. Совхоз имел около 900 га. виноградников. С каждого гектара получали 20—25 тонн ягод технических сортов и 12—15 тонн — столовых. Около 800 га занимали плодовые сады. Совхозный винзавод производил много разных вин, получивших признание как в своей стране

так и за рубежом.

Совхоз-гигант возглавлял инвалид Великой Отечественной войны, Герой Социалистического Труда И.А. Тыщенко. В виноградарстве наиболее трудоемкие операции — закрытие землей осенью и открытие весной кустов винограда. Выполнялись они вручную, были трудоемкими и дорогостоящими. В феврале 1968 года, выехав на лечение в Крым, Иван Акимович посетил виноградарские совхозы и «подсмотрел» в одном из них механизированный способ открытия виноградников путем выдувания земли с кустов мощными вентиляторами, установленными на тракторах. Он немедленно вызвал в Крым группу своих специалистов.

Крымчане поделились опытом и изготовили в своих мастерских для казахстанцев аналогичный вентилятор. Тыщенко, так и не успев полечиться в санатории, радостный отправился домой: хотел поскорее доставить чудо-агрегат. Совхозные умельцы быстро смастерили еще несколько таких вентиляторов, смонтировали их на тракторах и уже в марте начали механизированным способом открывать виноградники.

Меня пригласили на первое испытание новой установки. Увидеть новинку собралось несколько сот совхозных виноградарей. Все воочию убедились, как быстро, не повреждая лозы, машина открывала куст за кустом, ряд за рядом. Многие виноградари забеспокоились: «А как же нам теперь зарабатывать с появлением такого агрегата? Мы что, останемся не у дел?» Следом, в «Капламбеке» собрали руководителей и специалистов других виноградарских хозяйств области — для заимствования ценного опыта.

В 1963 году председателя крайисполкома Морозова, близкого Юсупову человека, назначили министром мелиорации и водного хозяйства республики. Председателем крайисполкома утвердили нашего второго секретаря обкома Садвокасова. На его место после изучения нескольких кандидатур избрали А. С. Сасбукаева, ученого зоотехника, первого секретаря

Сузакского райкома партии.

1963-й в области складывался в основном удовлетворительно. Ритмично работала промышленность. Строительные организации наращивали темпы и объемы строймонтажа. Напряженно трудились сельчане.

Однако в сфере управления не все ладилось. Созданные в 1962 году краевые структуры власти своим дублированием сходной работы областных управлений и некомпетентностью показали нецелесообразность своего существования. Четко просматривалась размытость полномочий краевых и областных ведомств, никчемность разделения сельских и городских экономик, что свидетельствовало о нежизненности краевой надстройки управления.

Вертикаль партийного руководства выглядела многослойной и усложненной. В Казахстане имелось три крайкома, 14 сельских обкомов партии, три обкома по руководству промышленностью и строительством, 33 горкома, 18 зональных промышленных партийных комитетов, 120 парткомов производственных колхозно-совхозных управлений. Аналогичные структуры образовали в советских, профсоюзных и комсомольских органах. Обилие форм и многоступенчатость управления резко снижали оперативность и ответственность руководителей за принятие и исполнение решений. Преодоление всяких неувязок отнимало массу времени на согласование как серьезных, так и мелочных вопросов.

Чувствовалось, что создание крайкома и крайисполкома и иже с ними — оказалось надуманной и негодной затеей. Хорошо еще, что наш Южно-Казахстанский крайком партии возглавлял умный, опытный, волевой человек — С. Б. Ниязбеков. В одной упряжке с ним прекрасно действовал столь же деятельный председатель крайисполкома Б. Садвокасов.

Часто в беседах с Ниязбековым наедине мы сходились во мнении, что проведенная перестройка неразумна и ошибочна. Перестроечный синдром становился бичом экономической и

общественно-политической жизни страны. Общество, народ и партия попросту устали, низы роптали.

Да и как не роптать! Начиная с 1962 года велись непрерывные перестройки и реорганизации. В начале перекроили управление сельским хозяйством. Создали производственные колхозно-совхозные управления. Не завершив до конца их организационное становление, начали рушить структуру партийных органов, переделывая ее по так называемому производственному принципу. В областях появились промышленная и сельская партийные организации, каждая со своими руководящими органами. Упразднили сельские райкомы партии, заменив их парткомами производственных колхозно-совхозных управлений. А для руководства партийными организациями предприятий и строек, оказавшихся в сельской зоне, создали зональные (кустовые) промышленно-производственные парткомы.

Пошла путаница. Кто за что в ответе? Неясным оставался вопрос о том, кто старше по должности: начальник колхозно-совхозного производственного управления или секретарь парткома. Но вразумительных разъяснений не последовало.

Важное значение для нас имели решения пленума ЦК КПСС, состоявшегося в декабре 1963 года. Он наметил программу ускоренного развития химической промышленности. При этом акцент делался на усиление химизации сельскохозяйственного производства. Предусматривалось довести в 1970 году выпуск минеральных удобрений в стране до 70—80 млн. тонн. На этой основе ставилась задача увеличить производство зерновых в 1970 году — до 230 млн. тонн, мяса — до 25 млн. тонн, молока — до 135 млн. тонн, сахара — до 10 млн. тонн. Требовалось увеличить производство химических волокон, а также мебели, посуды, обуви, одежды из продуктов химии.

Серьезный импульс к немедленному освоению получило наше Каратауское месторождение фосфоритов, признанное лучшим в стране.

В середине декабря 1963 года, вернувшись из Москвы и согласовав наши действия с крайкомом партии, начали раскручивать организаторскую и политическую работу среди трудящихся по выполнению решений пленума. Завершали год в основном удовлетворительно, план по хлебосдаче перевыполнили, зимовка скота шла нормально. Только наметки по заготовкам хлопка не добрали.

После нового года мы с Марией дома готовились к моему юбилею. 16 января 1964 года мне исполнялось 50 лет. И надо же: как раз на эти дни назначили Пленум ЦК КП Казахстана и пришлось выехать в Алма-Ату.

В связи с «золотым» юбилеем меня наградили орденом Трудового Красного Знамени. А отметили его у свояка, Ивана Халтурина.

Об этом скромном и веселом застолье в семье сохранилась любительская фотография. На пленуме меня тепло поздравили с наградой все, кто знал, с кем трудился.

В феврале 1964 г. нас опять пригласили на пленум ЦК КПСС, причем вместе с председателями облисполкомов, некоторыми руководителями совхозов и колхозов. Обсуждались пути интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта. Хрущев в своем выступлении поставил задачу: в 1964 году в целом по стране продать государству 66 млн. тонн зерна и значительно увеличить производство и поставки других видов сельхозпродукции.

Участники пленума заслушали доклад секретаря ЦК М.А. Суслова о борьбе партии за сплоченность международного коммунистического движения. С каким-то внутренним беспокойством я воспринял выводы, обозначенные в докладе. В частности о том, что руководство Компартии Китая открыто выступило против коренных положений марксизма-ленинизма и стремится расколоть международное коммунистическое

движение. Мао Дзе -дун и его группа намеренно подталкивают СССР к конфликту с США, считая термоядерную войну неизбежной. «Пусть два тигра дерутся, обескровливают друг друга, а мы потом станем во главе мира», - считали они.

Для нас стало ясно, что оппортунистическая позиция китайского руководства отражала огромные трудности внутреннего порядка в экономике и политической жизни Китая, разлад и неустойчивость в настроениях народных масс. Не случайно в 1963 году из китайской провинции Синьцзян, граничащей с Казахстаном, проживавшие там со времен гражданской воины и коллективизации казахи, хлынули через границу в нашу страну. Жалкое зрелище представляли эти обездоленные репатрианты. Одежда на них ветхая, вся в заплатах, сами они выглядели убого. Безграмотны и голодны. По неофициальным данным в те годы вернулось в Казахстан около 300 тысяч человек.

Китайское руководство в конце концов закрыло границу и поток беженцев прекратился. Многие семьи оказались разъединенными. Прибывших из Китая расселили в Алма-Атинской, Талды- Курганской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областях, то есть там, где они жили раньше. Часть беженцев направили в Джамбулскую, Кзыл-Ординскую и другие области.

Чимкентцы приняли около 15 тыс. переселенцев. Их рассредоточили большей частью в животноводческих хозяйствах. Выделили жилье, оказали денежную помощь, обеспечили на первый случай одеждой и обувью, продуктами питания. Всем предоставили работу. Возвращенцы почувствовали себя дома, на родной земле и выражали сердечное благодарение - «үлкен рахмет».

25 марта 1964 года пленум ЦК КП Казахстана обсудил задачи КПСС по сплочению международного коммунистического движения. В докладе прибывшего на пленум секретаря ЦК КПСС Брежнева обнажалась предательская позиция

руководства Компартии Китая, нацеленная на отказ от урегулирования разногласий и сотрудничества между КПК и КПСС, на разжигание национализма и антисоветизма внутри страны, свертывание экономических связей со странами социализма. Мао Дзе-дун считал, войну за благо, даже если погибнет половина человечества.

Главное острие своей борьбы руководство КПК направляло против Хрущева. Подобные разглагольствования не были лишь игрой слов и «афористических выражений». За ними стояли определенные действия. Китайская сторона устраивала пограничные конфликты. Руководство КПК отвергло все наши предложения о переговорах. ЦК КПСС в этой обстановке вынужден был пойти на открытое разоблачение великодержавной, антисоветской политики и ревизионистской деятельности руководства КПК. Затем пленум критически рассмотрел вопросы сельского хозяйства. Суть этого разговора можно выразить так: Казахстан должен давать большой хлеб и всемерно увеличивать производство животноводческой продукции.

После пленума Брежнев и Кунаев пригласили первых секретарей обкомов партии, председателей облисполкомов, министров и некоторых других работников республики на доверительный разговор по ряду актуальных проблем. Когда Леонид Ильич спросил: «Есть ли у секретарей обкомов вопросы?», я высказал предложение о том, что «Главсредазводстрою», занимающемуся водохозяйственным строительством во всех республиках Средней Азии и в Казахстане не под силу нормально справляться с огромным объемом работ на столь обширной территории. И просил создать в Казахстане управление союзного ранга «Главриссовхозводстрой» с такими же полномочиями и задачами. Кунаев сразу поддержал мою идею. Брежнев же сказал: «Записываю этот важный вопрос, а мои помощники, присутствующие здесь, пусть подготовят предложения».

После детального изучения проблемы Правительство СССР в августе 1964 года приняло постановление об организации «Главриссовхозводстроя» в Казахстане. Разместили этот Главк союзного министерства в Чимкенте. Первоначально за ним закрепили Чимкентскую, Кзыл-Ординскую и Джамбулскую области. Ему сразу же передали строительство Чардаринского водохранилища и всего Кзылкумского массива. Орошения под рисосеяние.

Обком партии и областные ведомства помогли укомплектовать Главк кадрами. Когда встал вопрос о его начальнике, мы с секретарем Кызыл-Ординского обкома партии М.Б. Иксановым, посоветовавшись и сверив свои мнения, предложили от имени двух обкомов назначить Эрика Христофоровича Гукасова, работавшего управляющим треста «Кзылордаводстрой».

В Алма-Ате, а затем и в Москве его кандидатура получила поддержку. Одновременно с «Главриссовхозводстроем» создали проектный институт «Союзгипрорис». Директором назначили М.У. Унембаева. Выдвижение Гукасова и Унембаева оказалось удачным. Это - опытные гидротехники, строители и организаторы.

Организация «Главриссовхозстроя» и проектного института Гипрорис в Казахстане дала возможность республике определять какие культуры возделывать на новых орошаемых массивах. И мы решили сеять на новом Кзылкумском массиве рис, а «Средазводстрой» вел строительство только под хлопок.

Важнейшим объектом являлось строительство Чардаринского водохранилища. Мне приходилось заниматься этой стройкой буквально каждый день. Водохранилище на Сыр-Дарье строилось по решению Правительства с 1958 года. Ему предстояло сыграть преобразующую роль в дальнейшем освоении и орошении пустынных земель. Первые строители раскинули здесь свои палатки в августе 1958 года, на том месте, где впоследствии вырос город Чардара. Стройка стала

всенародной и многонациональной. Сюда ехали рабочие и специалисты со всех концов Советского Союза. Уже в 1960 году в объединении «Чардарастрой» трудилось около 5 тысяч человек. Огромный коллектив объединил в дружную семью казахов, русских, украинцев, белорусов, татаров, немцем, греков, корейцев: всего представителей 60 национальностей! Стройка велась с размахом. Для убедительности скажу, что длина плотины составляла 5,3 км., высота 26 метров, объем водохранилища около 6 млрд. кубометров. Сооружение велось земснарядами намывным способом более 3 лет. Откосы плотины покрывались толстым слоем железобетона. В ее теле смонтировали два водовыпуска: левобережный Кзылкумский, пропускной мощностью в 200 куб. метров в секунду и другой Арнасайский на— 2100 кубических метров в секунду, который в критические периоды должен выпускать воду на территорию Узбекистана. В плотине строилась и монтировалась гидроэлектростанция. Здесь в короткие сроки проложили автомобильную дорогу, железнодорожную ветку длиной 75 км. и линии связи.

За несколько дней до перекрытия реки стройку посетил председатель Госкомитета СССР по мелиорации и водному хозяйству Е.Е. Алексеевский: многоопытный и умный мелиоратор, крупный специалист и организатор. Он буквально исходил и изъездил всю стройку. По ходу высказал много дельных замечаний. Особо нажимал на скрупулезное проведение санитарной очистки ложа будущего водохранилища.

Приближался торжественный день перекрытия реки Сыр-Дарьи. К назначенному «часу икс» сюда на митинг потянулось население близлежащих районов. В общей сложности собралось несколько тысяч человек — в том числе из соседних областей: — эти люди приехали по собственной инициативе. Укрощение реки состоялось 8 октября 1964 года.

По обеим берегам заготовили расчетное количество

железобетонных блоков и щебня, выстроились груженые самосвалы, бульдозеры и другая техника. За штурвалами машин сидели знатные люди стройки. Восемь часов длилось героическое единоборство людей с неспокойной и своенравной рекой. Наконец Сыр-Дарья, пенясь и бушуя, покорилась воле человека и устремила свой поток по новому рукотворному руслу.

На митинге строители, отдавая должное сделанному, пообещали быстрее закончить возведение плотины и левобережного канала, ускорить темпы подготовки земель, оросительных каналов и гидросооружений для налаживания орошения.

В своем выступлении на митинге я тепло поздравил строителей с большой победой и предложил к весне 1966 года создать первый рисосовхоз и посеять чардаринский рис. Сердечно поблагодарил строителей и министр Алексеевский. Он обещал дополнительно выделить необходимую технику и материалы для освоения Кызылкуского рисового массива.

Началось заполнение чаши. Но еще много дней виднелись под водой затопленные дороги. Длина водохранилища составляла 80 км, ширина 10-12 км, а площадь водной поверхности около 900 кв. километров. Большую группу бульдозеристов, водителей самосвалов и рабочих других специальностей наградили орденами и медалями.

Рукотворное море прибавило нам не только радости, но и хлопот. В памяти весна 1969 года. После многоснежной и небывало морозной зимы наступило резкое потепление, вызвавшее бурное таяние снега. Приток воды в водохранилище доходил до 5200 куб. метров в секунду, водосбросные сооружения могли выпустить 4200 куб.метров. Вскоре заполнение чаши превысило проектную мощность и достигло более 6 млрд. куб.метров. Создавалась реальная угроза разрушения плотины.

В эти критические дни в Чардару по моей просьбе опять

прилетел Е.Е. Алексеевский Руководители области вместе с ним и специалистами, осмотрели плотину и водосбросы и наметили место, где в критический момент будет взорвана перемычка и начат дополнительный сброс воды в Арнасайскую впадину.

Через водосбросы плотины с жутким грохотом стекали огромные потоки воды. В течение двух бессонных суток пришлось немало пережить и передумать. Разрыв плотины грозил затоплением огромного пространства, разрушением многих населенных пунктов, районных центров, города Кзыл-Орды, железнодорожной магистрали Москва —Ташкент. К счастью, резкое потепление сменилось столь же резким похолоданием, и приток воды значительно сократился. Получив эту передышку, мы сбросили лишнюю воду и предотвратили катастрофу.

Через несколько дней подобное случилось на Бугунском водохранилище, где с осени набрали более 300 млн. куб.метров воды, что вплотную приблизилось к проектной мощности. Предвидя возможные осложнения из-за небывало глубоких снегов, посоветовавшись со специалистами и секретарем ЦК КП Казахстана Мельником, мы приступили к сбросу воды еще до таяния снега.

Кстати, таяние действительно оказалось бурным и буквально за 2-3 дня хранилище переполнилось. Быстро и умело работники «Главриссовхозстроя» прорыли его берег и выпустили воду в степь. Это спасло положение, но зато оказалась затопленной центральная усадьба совхоза «Дармино».

В первую очередь строительства Кзылкумского массива входили: прокладка магистрального канала протяженностью 79 км, подготовка полей под посевы риса на площади 48,4 тыс. га, возведение центральных усадеб новых риссовхозов с производственными зданиями, жильем и культурно-бытовыми объектами. Кроме планировалось создание орошаемых участков для трех, уже существовавших овцеводческих

хозяйств. Намечалось также построить межхозяйственные дороги, линии электропередач и линии связи, а также другие объекты.

По мере завершения сооружения Чардаринского водохранилища, освобождавшиеся строительные подразделения направлялись на освоение Кзылкумского массива. Люди работали с огромным подъемом, перекрывая задания и взятые обязательства. Как-то летом 1965 года мы с Гукасовым приехали на стройку. Увиденное впечатляло. Звено могучих экскаваторов прокладывало мощный магистральный канал пропускной способностью в 200 кубометров воды в секунду: целая река! Большое количество бульдозеров, скреперов, грейдеров и другой техники вели планировку земель и строительство чеков. Многим фронтовикам все это напоминало панораму военных сражений. Я посоветовал известному писателю Чирве побывать на стройке. Возвратился он оттуда в восторге от увиденного.

Центральная усадьба каждого нового рисосовхоза рассчитывалась на полторы-две тысячи человек. Из этого расчета возводились жилье, производственные объекты, учреждения соцкультбыта. Каждому новому хозяйству отводилось по 10 тысяч поливных гектаров под рисовый севооборот. На все выделялось по 40-45 млн. рублей.

Первый совхоз организовали, как я и предлагал, весной 1966 - го. В последующем ежегодно создавалось по одному- два хозяйства. Население внимательно следило за ходом строительства поселков и многие просили принять их сюда на работу.

В один из моих приездов на стройку вместе с секретарем Келесского райкома партии Т. Тумышевым я встретился с группой таких «добровольцев». Ими оказались дипломированные специалисты - казахи, проживавшие в близлежащих районах Узбекистана. Они заявили, что вместе с ними приедут в совхоз не менее сотни семей, где большинство

мужчины — механизаторы. В этот же день приказом их зачислили в штат. В последующие месяц-полтора вслед за ними сюда перебралось из Узбекистана более ста казахских семей. В летние месяцы поток переселенцев резко возрос Райкому партии и руководству «Чардарстроя» пришлось внести коррективы: с нужными специалистами и механизаторами, желающими переехать в Казахстан, переговоры велись заранее.

Рисосовхоз имени 50-летия Октября в 1967 году практически полностью укомплектовали «узбекскими» казахами. Рядом со строящейся усадьбой разместилось около 200 юрт с переселенцами. Люди вселялись в новое жилье по мере сдачи домов в эксплуатацию. «Главриссовхозстрой» без особого труда укомплектовывал все свои хозяйства добровольными переселенцами. А это ни мало ни много, более 10 тысяч семей.

Учитывая перспективы развития орошения и создание 12 новых совхозов, обком партии и облисполком внесли предложение о создании нового Чардаринского района. Д.А. Кунаев одобрил его.

Осенью 1968 года меня пригласили на Пленум ЦК КПСС. В дни его работы мы с А.М. Бородиным, тогдашним первым секретарем Кустанайского обкома, попросились на прием к Генеральному секретарю ЦК Брежневу. Леонид Ильич принял нас обоих у себя в кабинете. Он вышел нам навстречу, обнял, усадил и, окинув добрым взглядом, начал вспоминать годы работы в Казахстане, интересные эпизоды из целинной эпопеи. Много шутил, рассказал несколько модных анекдотов. По всему чувствовалось, что Генсек хочет расслабиться, сбросить с себя груз накопившихся тягот и просто «освежиться». Так оно и оказалось. «День выдался тяжелым, -вздохнул Брежнев. — Неплохо бы расслабиться, встряхнуться. С вами я могу себе это позволить, — потому что хорошо обоих знаю. А вот когда общаюсь с людьми малознакомыми, то постоянно нахожусь в напряжении, устаю».

Потом Леонид Ильич по-товарищески стал подшучивать над

массивным Бородиным: «Что-то ты, дорогой, совсем растолстел, распустил пузо, ну совсем как Черчиль! Не забывай: ты же наш партийный инвентарь, всегда должен быть в порядке. Да и вообще, дорогой, как ты при таком животе с женой спишь?».

Леонид Ильич расстегнул свой пиджак и говорит: «Я за последнее время двенадцать кило сбросил! Теперь только изредка позволяю себе дома съесть маленький кусочек сала и выпить стопку хорошего вина».

«Ну ладно, - говорит Брежнев. —Давайте приступим к деловой части беседы. Выкладывайте, с чем пришли».

Бородин предложил разукрупнить Кустанайскую и Целиноградскую области и за счет отсечения от них части районов создать новую область в Казахстане. Он выдвигал эту идею с согласия руководства республики уже третий год подряд. Но раньше не могли определиться с городом, который стал бы областным центром. А потому вопрос «зависал». Леонид Ильич сразу позвонил секретарю ЦК И.В. Капитонову и попросил подготовить к рассмотрению на Политбюро вопрос об организации в составе Казахстана новой, Тургайской области. К этому времени в будущем областном центре городе Аркалыке уже построили несколько жилых домах и зданий для размещения областных организаций.

Вслед за Бородиным - я рассказал о ходе освоения Кзылкумского массива орошения. Выяснилось, что Брежнев «в курсе» дела: ему докладывал министр Алексеевский. Я попросил Леонида Ильича поддержать наше предложение о создании в составе Чимкентской области Чардаринского района и вручил ему соответствующую записку, по поводу которой он сказал: «Узнаю твою привычку еще со времен освоения целины». Прочитав записку, Леонид Ильич порекомендовал: «Зайди — завтра в уставный сектор орготдела и подготовьте предложения». Когда на другой день я пришел в этот сектор, там уже отрабатывался соответствующий проект решения.

Через несколько дней, в декабре 1968 года, мы получили

постановление об организации в нашей области Чардаринского района. Исподволь мы готовились к его созданию с центром в Чардаре. Уже в начале 1969 года состоялись организационный пленум нового райкома партии и сессия районного Совета депутатов трудящихся. Первым секретарем по моему предложению избрали Кауспека Туриспекова, работавшего директором Састобинского завода цветного цемента, толкового руководителя и опытного инженера- строителя. Председателем райисполкома стал Аштар Жолдасов, до этого- заместитель начальника облуправления сельского хозяйства: человек известный своим трудолюбием, профессионализмом и порядочностью.

В конце 50-х и в первой половине 60-х годов нас замучили заседательской суетней, бумаготворчеством, нескончаемыми перестройками и перетрясками. Следовали частые вызовы вначале в Москву на пленумы и совещания, затем в Алма-Ату по тем же вопросам, потом в крайком. За ним следовали обком, райкомы и только потом, напоследок, непосредственная исполнительская структура — первичная парторганизация. И везде перемалывались одни и те же вопросы. Подобная же многоступенчатая вертикаль действовала по линии Советов народных депутатов, профсоюзов, комсомола и других общественных объединений. Причем на все эти пленумы, сессии, собрания, совещания отвлекалось большое количество работников. Для первого секретаря обкома — подобная практика оказывалась настоящим бедствием. Конечно, на этих совещаниях говорилось много полезного, но скажу прямо: количество совещаний не соответствовало количеству и качеству полученной на них информации и деловой отдачи.

Сколько драгоценного времени бездумно тратилось на командировки в Москву, Алма-Ату, краевой центр! Проще было бы после обсуждения какого-либо вопроса в Москве рассматривать его в тех инстанциях, которые должны непосредственно проводить решение в жизнь. То есть собрать

людей в области или даже в районе и пускать дело в ход. Тут тебе и оперативность, и экономичность, и эффективность. Не терялось бы напрасно много времени, экономился бы человеческий ресурс. К сожалению, такая укороченная, более разумная схема даже не рассматривалась. В ущерб существу дела насаждался ненужный формализм. Внешне казалось, что центр стремился усилить руководство, а по сути получались холостые обороты, суета сует.

Очень много мы получали разных записок Хрущева – в виде брошюрок в красном «облачении». Мы их называли «красная книжка»: Никита Сергеевич непрерывно излагал в них все новые и новые предложения, давал указания то о реорганизации партийных комитетов, то о перестроике советских органов, то об упразднении министерств и создании взамен комитетов и совнархозов, то о народном контроле и многие другие.

Хоть слова не идут с языка, но сердце не хочет молчать. Неопределенность, многоречивость, заседательство не давали возможности ясно определить правильное направление действий. Народ с юмором откликался на все это. Помнится такая байка. У «армянского радио» спросили: «Можно ли завернуть в газету слона?» «Да, - ответило оно, - можно, если в ней напечатана речь Хрущева». Аппараты союзных и республиканских министерств (и соответствующих ведомств в областях и районах) больше перестраивались, чем работали. Массовая пертрубация кадров вредила делу. Насаждался категоричный, не допускающий иных мнений диктат верхов над низами. Под видом утверждения новых форм руководства навязывались непродуманные массовые эксперименты во многих сферах жизни огромной страны. Все эти перетряски дорого обходились бюджету нашего государства. Выражая свое неприятие перестроечного хаоса, я отнюдь не хочу отрицать многое полезное из того, что сделано при Хрущеве. В его деятельности есть и свет, и тени, светлая и темная стороны. Затрудняюсь сказать, чего больше?

В августе 1964 года мы получили очередную «красную книжку», где партийным органам в категорической форме запрещалось вмешиваться в хозяйственную деятельность колхозов и совхозов. Свое отношение к записке я высказал в телефонном разговоре с секретарем крайкома партии Ниязбековым. Спросил его, что он сам думает об установках, изложенных в записке? Чувствовалось, что своим вопросом я поставил его в тупик. В конце концов мы договорились положить «красную книжку» в сейф и действовать так, как того требует жизнь!

Широкое возмущение населения вызвали решения, принятые по требованию Хрущева об урезании приусадебных участков в личной собственности населения и запрете на содержание домашнего скота. Миллионы сельчан имели приусадебные участки размером от 25-ти соток и более. Они выращивали значительное количество продукции для себя и для продажи. Отныне приусадебные участки сокращались более чем наполовину. Падало производство фруктов и овощей. Кому-то пришла в голову мысль, что людей прокормят колхозы и совхозы. Но практика показала: решить эту огромную задачу они еще не могли. Резко сокращалось поголовье скота у населения. Мясо и молоко попали в разряд дефицита, их пришлось импортировать. Недомыслие на государственном уровне дорого обошлось народу. Сельчане стали ездить за молочной и мясной продукцией в город! Это был просто какой-то идиотизм, бессмысленность и нелепость. Подобные трюки только озлобили народ. Виноватой во всем люди стали считать партию. От глупости рядового человека пострадает в худшем случае только его семья. А если ошибается руководитель огромной страны, то в проигрыше оказывается весь народ.

На волне общего недовольства октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС положил конец волюнтаризму Хрущева. В связи с этим в памяти всплывает такой факт. В начале октября 1964 года мне неожиданно позвонил из Кустаная заместитель

председателя Совмина республики Масымхан Бейсебаев. Он сообщил, что прилетел из Москвы и будет выступать здесь на собрании партийно-хозяйственного актива по итогам пленума. Потом добавил: «Пленум освободил Хрущева от должности первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР и отправил его на пенсию». Новость оказалась ошеломляющей. Я сразу подумал: «А кто же теперь возглавит партию и государство?»

На другой день мы встретились с первым секретарем крайкома Ниязбековым, прибывшим из Москвы. Он более подробно рассказал мне о ходе и решениях пленума, резко осудившего субъективизм и волюнтаризм в руководстве страной, а также увлечение административными методами управления. Пленум закрепил курс на развертывание внутрипартийной демократии и строгое соблюдение принципов коллективности руководства.

Пленум избрал первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Одновременно президиум Верховного Совета страны назначил Председателем правительства Алексея Николаевича Косыгина.

В декабре 1964 года на краевом собрании партийного актива в Чимкенте коммунисты одобрили решения октябрьского пленума ЦК. В ходе обсуждения многие ораторы откровенно осудили как надуманное и бессмысленное размежевание партийных и советских организаций на промышленные и сельские. Все в один голос требовали вернуться к прежней, оправдавшей себя на практике схеме построения партийных и советских органов. И действительно, за два года стало ясно: создание краевых организаций и разрыв района как единого целого на части себя не оправдали.

В ноябре в 1964 года пленум ЦК КПСС обсудил печальные результаты перестройки партийных организаций, проведенной в 1962 году, и признал ее неоправданной и ошибочной. Пленум решил вернуться к построению парторганизаций и их руководящих органов по территориально-производственному признаку. Восстанавливались единые областные

парторганизации, райкомы партии, а парткомы колхозно-совхозных управлений — упразднялись. Вслед за партийными перестраивались советские, профсоюзные и комсомольские органы.

Вскоре меня пригласил Ниязбеков и предложил вместе с ним наметить кандидатуры секретарей и заведующих отделами обкома, а также предварительно определить состав областного комитета партии и областного Совета депутатов трудящихся с включением в них части работников бывшего крайкома и крайисполкома. Он дал понять, что, видимо, скоро уедет из области. Людей мы знали и быстро пришли к единому мнению. Возникло только одно расхождение. Я категорически настаивал на том, чтобы не оставлять в области второго секретаря крайкома Зинкова и заворготделом крайкома. Они не занимались делом, предпочтя больше всего копаться в чужом грязном белье.

Наши предложения Сабир Билялович передал в ЦК КП Казахстана. В начале декабря 1964 года всех первых секретарей обкомов пригласили в Алма-Ату, где вместе с руководством ЦК и представителями ЦК КПСС (во главе с Пигалевым) рассмотрели представленные предложения. Со мной долго беседовали о составе обкома, который будет рекомендован для избрания. В ходе обсуждения меня несколько раз вызывал второй секретарь ЦК Соломенцев и настаивал, чтобы я согласился на утверждение Зинкова вторым секретарем Чимкентского обкома. Я вновь категорически отверг эту кандидатуру. Причем с моими доводами согласились работники аппарата ЦК КПСС.

В декабре 1964 года пленум ЦК КП Казахстана принял решение о восстановлении единых парторганизаций в областях. Тем самым объединили всех коммунистов, работавших как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Решили перейти к отраслевому принципу управления народным хозяйством: восстанавливались министерства, а совнархозы упразднялись.

Особо подчеркивалась необходимость укрепить районное звено, ближе всего стоящее к производству, к людям, и восстановить райкомы партии. Было решено ликвидировать все три края и их структуры. Ниязбекова избрали первым секретарем Алма-Атинского обкома. Я тепло поздравил Сабира Биляловича.

12 декабря 1964 года в Чимкенте состоялась областная партийная конференция. Отчетного доклада на ней не делалось, а в основном обсуждались оргвопросы в связи с упразднением краевой надстройки и реорганизацией партийных комитетов. На организационном пленуме меня избрали первым секретарем обкома партии, вторым секретарем — Б. Садвокасова и секретарем - С.И. Кондратьева. Укрепили персональный состав заведующих отделами обкома. Аналогичные организационные сессии и пленумы состоялись в областном Совете депутатов трудящихся, облсовпрофе и обкоме комсомола.

Начался новый этап в хозяйственной и партийно-политической работе. Обком разместился в здании крайкома, а свое прежнее помещение мы передали под областную больницу. Правда, за такую вольность я получил от руководства республики серьезный «нагоняй», хотя жизнь подтвердила верность нашего решения. Областная больница и поныне живет и неплохо себя чувствует в бывшем обкомовском здании.

Не могу обойти молчанием личность И. Юсупова. До приезда на работу в Чимкент я мало его знал. Хотя мне рассказывали многие местные активисты, с которыми Юсупов работал долгие годы, нелестные эпизоды из его деятельности. В частности, говорили о его склонности к интригам, к лжедоносительству на неугодных ему людей, о нетерпимости к критике. Зато Юсупов ценил подхалимов и угодников, которые всегда его окружали. Несомненно, что «юсуповская» идея о передаче Узбекистану трех районов нашей области (правда, не исключено, что он лишь поддержал чью-то небескорыстную инициативу) продиктована желанием выдвинуться — пусть даже

таким нечистоплотным способом. И это ведь сработало!

Выдвижение его первым секретарем ЦК КП Казахстана явилось грубой ошибкой, что подтвердила жизнь. Большинство населения, руководящий актив республики явно отрицательно восприняли освобождение Кунаева и выдвижение на его место Юсупова, не обладавшего для этого необходимыми данными. В партийной среде такая передвижка вызвала недоумение и антипатию к нему.

Припоминается как в ноябре 1964 года в Ташкент приехал Брежнев. В торжествах по случаю 40-летия Узбекской ССР участвовала и большая делегация Казахстана во главе с Юсуповым. Мне, как члену Средазбюро и первому секретарю обкома, тоже довелось присутствовать здесь. За все время пребывания Брежнева в Ташкенте Юсупов настойчиво стремился попасть к нему для разговора. Но не тут-то было! Только по окончании торжеств Леонид Ильич принял его. Разговор у них состоялся крутой. Брежнев посоветовал Юсупову подать заявление об отставке, что тот вскоре и сделал. 7 декабря 1964 года пленум вновь избрал Кунаева первым секретарем ЦК Компартии Казахстана и освободил от этой должности Юсупова. Это справедливое решение коммунисты и трудящиеся республики восприняли с большим удовлетворением. Председателем Совета министров республики утвердили М. Бейсебаева.

Покончив с перестроечной чехардой, партия и общество с облегчением вздохнули. Люди почувствовали уверенность в себе, стало лучше работать, восстанавливалась дисциплина, между ведомствами налаживались деловые взаимоотношения. В марте 1965 года пленум ЦК КПСС, обстоятельно проанализировав положение дел в сельском хозяйстве, одобрил основы аграрной политики партии. Осудив недостатки и ошибки в руководстве аграрным сектором экономики, пленум установил новые принципы закупок сельскохозяйственных продуктов у колхозов, счел необходимым перейти на твердые

планы их заготовки на ряд лет. Повышались закупочные цены на некоторые культуры. Устанавливались надбавки за сверхплановую продажу продукции. Гарантировалась твердая оплата труда колхозникам деньгами и сельхозпродуктами. Увеличивались капиталовложения в сельское хозяйство.

Выводы и предложения, высказанные в докладе Л.И.Брежнева, произвели на участников пленума большое впечатление. Обсуждение было и аналитическим и критическим. Мне помнится выступление министра финансов СССР В.Ф. Гарбузова. Он привел печальные цифры. Оказалось, что себестоимость сельхозпродукции превышала розничные цены в 1965 году на один миллиард рублей, а в 1966 году уже на три миллиарда. Разница должна покрываться из бюджета. А всего на пятилетку сельскому хозяйству на эти цели планировалось выделить дополнительно 22 миллиарда! Новый экономический механизм должен был резко поднять рентабельность сельскохозяйственного производства.

Выводы, высказанные докладчиком, пленум одобрил. Наступило размеренное, без встрясок, реанимирование сельскохозяйственного производства. Мы у себя взяли жесткий курс на освоение новых земель под зерновые культуры. Это — раз. Далее, начали менять структуру посевов. Отдали предпочтение озимым зерновым, как более урожайным в наших условиях. Это — два. Стали настойчиво повышать культуру земледелия и увеличивать применение минеральных удобрений. Это — три. Восстановили паровой клин. Это — четыре. И многое другое. И получилось неплохо, выстроилась четкая линия. Уже в 1965 году посевная площадь зерновых увеличилось почти на 100 тыс. гектаров против 1960 года а производство зерна возросло за это время почти в три раза. Естественно, заметно возросла продажа хлеба государству.

От ярового клина мы не отказались. Яровыми культурами, в основном в горах, где больше осадков и лучше условия, (там озимые в зимний период вымокали) засевали около 100 тыс. га

и получали неплохую урожайность. Результаты, как неопровержимые аргументы, опрокинули сомнения скептиков, выступавших против расширения посевов озимых. Разговоры о том, что области не следует уделять большого внимания производству зерновых, как-то сами собой прекратились.

Положительные сдвиги в земледелии способствовали развитию животноводства. В 1962-1964 г.г. выросло поголовье всех видов скота и сдача государству мяса и молока. Только овец насчитывалось более 3 миллионов 300 тысяч. Но дальнейший рост животноводства сдерживался необеспеченностью поголовья животноводческими помещениями: в большинстве районов овцы и лошади круглый год содержались на открытых пастбищах. Мои просьбы о выделении средств на строительство овчарен руководство республики оставляло без удовлетворения под предлогом того, что зима в области обычно теплая.

Производство картофеля, овощных и бахчевых культур, на орошаемых землях — дело трудоемкое. Нам помогала звеньевая форма организации труда (семейные звенья или звенья, из людей, близких друг другу). Ее суть: звену, исходя из плана совхоза или колхоза, устанавливалось задание по сдаче продукции, а сверхплановую оно использовало по своему усмотрению. Этим самым резко повышалась материальная заинтересованность работающих. Они стремились как можно больше произвести, чтобы увеличить остающуюся у них часть продукции.

В этой связи вспоминается случай, имевший место в специализированном овощеводческом совхозе в Сарыагачском районе, на границе с Узбекистаном. Хозяйство новое, только-только организовавшееся. В первый год оно перевыполнило план сдачи государству овощей. В следующем году результат оказался еще более внушительным. А летом 1957 года поступили анонимки о том, что руководство совхоза самовольно отдает сверхплановый урожай в распоряжение

звеньев, которые затем продают его на рынках Ташкента. По тем временам это квалифицировалось как криминальное деяние. Директор совхоза Гаджиев объяснил свои действия просто. Руководство хозяйства заключило договоры с каждым звеном. По условиям соглашения звенья сдают совхозу весь плановый урожай и заранее обозначенную часть сверхпланового. Остальная продукция остается в распоряжении самих звеньев, которые распоряжались ею по своему усмотрению.

Давая пояснения, директор сослался на практику хозяйств Узбекистана. Совхоз позаимствовал соседский опыт - как дело стоящее. Мы с директором объехали несколько узбекских овощеводческих совхозов и убедились, что у них система оплаты, разумно построенная на материальном интересе, практикуется уже несколько лет и вполне оправдывает себя: доходно совхозу и хорошо работнику. Мне стало ясно: в Узбекистане семейно-звеньевая система организации и оплаты труда практикуется явно не без молчаливого согласия высшего руководства республики. Тем не менее, несмотря на ее прогрессивность, она противоречила закону. Встал вопрос: Как поступить? Что делать?

Решил посоветоваться со вторым секретарем ЦК КП Казахстана В.Н. Титовым. Подробно информировал его о необычной для нас практике. Дело в том, что за такие дела, согласно существовавшим тогда положениям, директора совхоза надо освобождать от работы. Виталий Николаевич в ответ рассказал о подобных конфликтах в Каратальском районе Талды-Курганской области. Там запретили точно такую же практику возделывания лука. В те годы район производил до 60 тысяч тонн лука, которого с лихвой хватало для себя и для вывоза в северные районы страны. А всего через год, после запрещения подобной системы организации и оплаты труда производство лука упало в пять раз! Виталий Николаевич посоветовал не ломать сложившуюся в совхозе систему

возделывания овощей. Жизнь подтвердила его правоту: вскоре звеньевая форма успешно утвердилась по всей области.

В июне 1965 года на Пленуме ЦК Казахстана мы определи свою стратегию и тактику по реализации решений мартовского(1965 г.) Пленума ЦК КПСС, наметившего поворот в аграрной политике партии. Прямо скажу, мы воспрянули духом. Видимо, поэтому на нашем пленуме разговор велся открыто и принципиально. Особенно острой критике подвергались ошибочная практика планирования сверху, мелочное регламентирование производственной деятельности совхозов и колхозов. Что мне больше всего понравилось и укрепляло веру? Это прежде всего переход к твердому плану хлебозаготовок на всю пятилетку. Так, республике на 1966-1970 г.г. установили твердый план в объеме 590 млн. пудов зерна ежегодно. Радовал и переход к дифференцированным по зонам новым закупочным ценам на сдаваемые государству зерно и скот. В свою очередь в области и районах мы разработали и довели до каждого хозяйства планы производства и заготовок продукции на 1965-1970 г.г. Окрыляло также восстановление парового клина на богарных землях.

1965-й оказался на редкость засушливым и жарким. Жара погубила посевы зерновых на богаре и сенокосные угодья. Область не выполнила план хлебосдачи. Но на орошаемых землях овощей, плодов и винограда собрали вдосталь, задания по их поставке государству хозяйства перекрыли. С огромным трудом заготовили корма для зимовки скота. Успешно провели сев озимых и вспашку зяби. Часть овец, лошадей и верблюдов перевели на зимние пастбища. Зимовка оказалась нелегкой, но поголовье мы сохранили и благополучно провели расплодную компанию.

Впрочем, как говорят, одна беда — не беда. Положение на хлопковых плантациях внушало надежду. План сдачи государству хлопка область выполнила. Получались ножницы: прохладное и влажное лето «отоваривалось» урожаем зерновых

и печалило недобором хлопка. Сухое и жаркое лето, наоборот, радовало урожаем хлопка и ввергало в уныние недобором хлеборобской продукции.

Но не хлебом единым жив человек. Мы постоянно держали в поле зрения промышленность и капитальное строительство. В 1965 году намечалось ввести в эксплуатацию Чимкентский комбинат асбоцементных конструкций, а потом и завод силикатных строительных материалов. Для координации работы четырех строительно-монтажных трестов и многих ПМК организовали «Главюгстрой» на правах Главка министерства. Сельское строительство вели четыре специализированных строй треста, а также тресты облводстрой и дорожного строительства. «Главриссовхозстрой» с его многочисленными подразделениями сооружал Чарларинский и Туркестанский комбинаты строительных материалов. Готовились новые земельные массивы и оросительные системы. Умело, профессионально, грамотно «дирижировал» действиями многочисленной армии строителей наш секретарь обкома партии Сергей Иванович Кондратьев. Он хорошо владел обстановкой, знал строительное дело и людей, занимавшихся им; смело и оперативно решал возникавшие проблемы.

Наращивая производственные мощности, мы не упускали из вида заботу о здоровье и отдыхе трудящихся. В 60-х годах построили и прекрасно оборудовали 19 крупных санаториев-профилакториев на предприятиях, в колхозах и строительных организациях, профсоюзную гостиницу с плавательным бассейном и ряд объектов на курорте Сарыагач.

В одном ряду с мартовским Пленумом ЦК по значимости стоит сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС. С большим вниманием я выслушал доклад Алексея Николаевича Косыгина. Глава Правительства страны убедительно и обоснованно излагал радикальные меры по улучшению руководства промышленностью. Поражали откровенность в оценке состояния дел, и, конечно же, новизна предлагаемых

мер. Из доклада следовала неприглядная картина в промышленности: снижение темпов роста, низкие эффективность и качество продукции, техническая отсталость производства. Недооценивалась роль таких экономических рычагов воздействия на его развитие, как цена, рентабельность, прибыль, хозрасчет. И, наконец, нарушался отраслевой принцип управления промышленностью.

Вслушиваясь в доклад Алексея Николаевича, я думал, что он подобно садовнику, формирующему крону дерева, толково выстраивает основы хозяйственной реформы в промышленности. Больше всего впечатляли решительный поворот к экономическим методам хозяйствования. Это — расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, укрепление хозрасчета, повышение личной материальной заинтересованности рабочих и инженеров в результатах труда, демократизация управления производством, восстановление отраслевой формы управления промышленностью. Все это в совокупности позволяло полнее использовать преимущества социалистической системы хозяйствования. Доклад Косыгина участники пленума восприняли с большим удовлетворением и полной поддержкой его положений.

Прошло много лет. Иногда я мысленно возвращаюсь к тем дням, когда состоялся этот пленум. Не дает покоя вопрос: почему же то древо экономического обновления производства не пошло в рост? Жаль, конечно, что начинаниям не дали полностью состояться. Случись наоборот, может не потребовалось бы губительной горбачевской перестройки!

Будучи в октябре 1965 года в Алма-Ате на пленуме ЦК, я договорился с Кунаевым и Бейсебаевым о том, чтобы здания совнархоза в Чимкенте передать под вновь организуемый институт культуры. Получил согласие. Быстро подобрали ректора, преподавательский состав и в тот же год институт открыли. В Чимкенте создали Главснаб для обслуживания Чимкентской, Кзыл-Ординской и Джамбулской областей.

Сюда переместили наиболее подготовленных работников бывшего совнархоза.

В конце октября 1965 года на пленуме областного комитета партии мы договорились все усилия сосредоточить на экономических и качественных показателях работы наших заводов: свинцового, прессов — автоматов, цементных, масложирового; предприятий легкой и пищевой промышленности. Решили быстрее завершить строительство Чимкентского фосфорного и Кентауского экскаваторного заводов, увеличить темпы и объемы возведения жилья. Ориентировали кадры на овладение экономическими методами руководства и отказаться от администрирования.

Область имела развитое каракулеводство. В 1966 году у нас имелось более 3.7 млн. голов овец, из них около половины — каракульской породы. Мы должны были поставлять государству 600-650 тыс. штук каракульских смушек в год. Технология их получения весьма проста, но в то же время безумно жестока. Народившихся ягнят в 2-х или 3-х дневном возрасте забирают от овцематок, свозят на стан и там забивают. Забивают, как правило, всех вновь народившихся баранчиков и около 5 процентов самых слабых ярочек. Но изъяны в ценообразовании делали производство смушек невыгодным промыслом для каракулеводческих совхозов. Они работали себе в убыток. За каждую сданную каракульскую смушку совхоз получал примерно 14-17 рублей плюс 5 рублей за отделку ее на заводе. В магазине же за нее приходилось платить в несколько раз дороже. Из этого «навара» специализированным хозяйствам и, что обиднее всего, чабанам ничего не перепадало. В результате по вине планирующих органов совхозы оказывались нерентабельными.

Но человек устроен так, что каждый изъян стремится чем-то компенсировать. Руководители и специалисты хозяйств вынужденно шли на подлог, под всякими предлогами зачастую укрывали часть поголовья ягнят. Оставляли их в отарах, а

осенью сдавали государству на мясо - каждого ягненка весом по 30-35 килограммов. И это оказывалось делом выгодным. А руководителям областного уровня приходилось не замечать эти манипуляции. Многочисленные ходатайства об установлении справедливых цен не дали желаемых результатов. А ведь чабаны получали в месяц 130-150 рублей, работая при этом круглогодично и круглосуточно, находясь в отрыве от коллектива в условиях замкнутости, к тому же вне сферы культурного досуга.

Еще более суровый образ жизни и труда был у табунщиков. Это — люди мужественные, настоящие жертвенники. Они лишают себя многих радостей жизни ради дела. Вообще работа у чабанов и табунщиков трудна до крайности и проста до гениальности.

Чтобы хоть как-то скрасить их суровую жизнь, мы проводили районные и областные слеты чабанов и животноводов. Они приезжали на них вместе с семьями. Для них готовились концерты и — чего греха таить — дефицитный ширпотреб: ковры, одежда, обувь, посуда, радиоаппаратура, индийский чай, молочные сепараторы и даже легковые автомобили. Ежегодно для сельчан строилось более двух тысяч квартир.

Широкий размах получило молодежное движение по созданию в животноводстве комсомольско-молодежных коллективов. Их возглавляли опытные чабаны-наставники. За такими бригадами закреплялось по 3-4 отары. Молодые чабаны пасли их посменно. Причем график работы предусматривал выходные дни, что давало возможность молодежи побывать дома, отдохнуть, посетить клуб, пообщаться с друзьями. Это нечто сродни вахтовому методу организации труда. Жили бригады в специально построенных для них домах. Всех желающих старались устроить на заочное обучение в вузы и техникумы. А проработавшие не менее 2-х лет при поступлении на учебу получали льготы. Многие становились впоследствии опытными специалистами. Потом по аналогии стали создавать

молодежные бригады механизаторов и строителей.

Мы, всячески поддерживали инициативу комсомольцев по созданию молодежных производственных коллективов. Помогали им во всем: и в труде, и в учебе, и в досуге. Учили жить и трудиться в духе закона, чести и правды. Поддерживали оступившихся, помогали им встать на правильный путь.

Припоминается интересный житейский случай. В совхозе «Темирский» Кызылкумского района сын потомственного чабана Айтпек Мусаев пришел в комсомольско-молодежную чабанскую бригаду. Трудился честно. Его коллектив задавал тон в труде. Комсомольцы хорошо работали, учились заочно в техникумах и институтах. Сам А. Мусаев заочно закончил Алма-Атинский зооветинститут.

Как молодого специалиста, активного комсомольского вожака его направили в Монголию для передачи своего опыта тамошним животноводам. И там у него все получалось ладно. Правительство МНР за трудовую доблесть присвоило ему звание «Героя Монголии». Вернувшись домой, Айтпек стал главным зоотехником родного совхоза «Темирский» В первый же год его работы в хозяйстве срывался план сдачи государству каракульских смушек. Вновь назначенный директор «Темирского» поручил Мусаеву объехать все чабанские «точки» и попросить животноводов передать совхозу часть имевшихся у них смушек из своего поголовья. Поручение Айтпек выполнил, смушки собрали и сдали заготовителям. В итоге совхоз справился с планом.

К несчастью, заготовители, принявшие от Айтпека смушки, оказались мошенниками. Его фамилия замелькала среди дельцов по нашумевшему в республике «пушному делу», промышлявших в Карагандинской и Чимкентской областях.

Завели уголовное дело. Перед Мусаевым замаячила угроза тюремного заключения. Все попытки добиться объективного рассмотрения не нашли поддержки у областного руководства. Тогда отец посоветовал Айтпеку: «Езжай, сын, к Ливенцову в

Актюбинск. Он тебя выдвигал, он тебя ценил и поддерживал. Только у него ты найдешь правду и защиту».

В один из дней в г. Актюбинске, в приемной обкома партии, появился А. Мусаев. Войдя в мой кабинет, он со слезами на глазах произнес: «Вы отец мой, вы наставник мой, спасите меня от неправды и жуликов!» Выслушав его внимательно, я сразу же переговорил с прокурором Чимкентской области Мызниковым и подробно рассказал ему об этом прекрасном молодом человеке. В частности, кроме всех его достоинств назвал и то, что он удостоен звания «Герой Монголии».

Прокурор заверил меня, что объективно и персонально рассмотрит дело Мусаева. Вслед за этим я позвонил начальнику Карагандинского управления КГБ С. Газизову, который координировал расследование дел, связанных с «пушным криминалом» в республике. Сам Газизов, работал в свое время в Чимкенте, хорошо знал Айтпека. Все закончилось для него благополучно. Его оправдали, а истинных мошенников осудили.

В феврале 1966 года в Чимкенте состоялась очередная областная партийная конференция. На ней прозвучало немало интересных цифр. Объем валовой продукции в промышленности за семилетие увеличился на 70%, а производительность труда — в 1,2 раза. За это же время выросла продажа государству сельскохозяйственной продукции: скота — в 2,4 раза, молока —на 165%, яиц — в 2,7 раза, каракульских смушек в — 2,2 раза, хлопка-сырца почти в 2 раза, овощей — в 6,7 раза, винограда — в 2,8 раза.

Выступивший на конференции секретарь ЦК КП Казахстана Саттар Нурмашевич Имашев остро раскритиковал партийную организацию области за срыв плана сдачи хлеба, за серьезные упущения в животноводстве. Но основную часть своего выступления он посвятил критическому анализу идеологической работы среди населения.

На конференции меня вновь избрали первым секретарем обкома партии, делегатом XXIII съезда КПСС и XII съезда

Компартии Казахстана.

К XXIII съезду мы хотели приурочить пуск Чимкентского фосфорного завода. Свой рабочий день я или начинал или заканчивал на этой стройке. В первой очереди строительства монтировались две печи мощностью 40 тыс. тонн фосфора каждая и возводился крупный цех триполифосфат натрия. Сооружались сложные транспортные коммуникации, водопроводы, линии электропередач.

О значимости строящегося завода говорило хотя бы то, что на нем неоднократно бывали министры СССР: химической промышленности Л.А. Костандов, строительства - Н.А. Голдин, заведующий отделом химической промышленности ЦК КПСС В. Бушуев. Они на месте оперативно решали все возникавшие проблемы. О том, как здесь обстоят дела, меня регулярно расспрашивал Кунаев. Он и сам сюда нередко заезжал.

10 марта 1966 года начал работу XII съезд Компартии Казахстана. В своем выступлении на нем я остро критиковал министерство сельского и министерство водного хозяйства за слабое руководство водохозяйственным строительством, а также неправильное распределение Госпланом и министерствами республики средств на возведение животноводческих комплексов в Чимкентской области.

В те дни, как и по всей республике, мы активно готовились к выборам в Верховный Совет СССР, назначенных на 14 апреля 1966 года. Меня выдвинули кандидатом в депутаты по Ленгерскому избирательному округу. После возвращения со съезда я провел встречи с избирателями. В частности, с многотысячным коллективом «Чардарстроя», с ленгерскими шахтерами. Они задавали немало острых вопросов, на которые подчас было непросто найти ответ. Предвыборный тур завершил за пять дней, получив от избирателей массу наказов. 12 апреля 1966 года меня и еще двух представителей области впервые избрали депутатами Верховного Совета СССР. А утром 23 марта делегация нашей партийной организации выехала в Москву на

XXIII съезд КПСС.

В ходе съезда всем делегатам вручили красные гвоздики, присланные коммунистами Франции. На этом съезде в нашей делегации случился небольшой прокол. Двух наших делегаток — Мергембаевой и. Эшанходжаевой — не оказалось в зале заседаний перед началом голосования. Мы кинулись в гостиницу. Их там не оказалось, но вскоре они появились. Оказывается, ходили в ГУМ покупать ковры. Пришлось прочитать им нотацию. Но все обошлось: и та, и другая успели проголосовать.

С собой в Москву мы привезли образцы желтого фосфора, полученный на только что введенном в эксплуатацию Чимкентском фосфорном заводе. Их мы вручили главе Правительства СССР Косыгину, доложив, что проектная мощность первой очереди предприятия составляет 80 тыс. тонн в год. В ответ Алексей Николаевич с одобрением заметил: «Для страны это очень важно, так как сейчас у нас производится всего около 10 тыс. тонн фосфора. Надо ускорить строительство второй очереди завода».

В мае 1966 года мне снова пришлось побывать в Москве на пленуме ЦК КПСС. На нем обсуждались пути дальнейшего развития мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев. Пленум наметил увеличить в стране в ближайшее десятилетие площади орошаемых земель на 7-8 млн. гектаров, довести общее число мелиорированных земель к 1975 году до 37-39 миллионов гектаров.

Наметки, прямо скажем, грандиозные. Внушительной выглядела в этом и доля Казахстана. В республике имелось1276 тыс. га поливных земель, а на предстоящее десятилетие намечалось вновь освоить под орошение еще 750 тысяч. К имевшимся обводненным 95 млн. гектаров пастбищ в ближайшие десять лет следовало добавить еще 32 миллиона. Обо всем этом говорилось на пленуме ЦК Компартии Казахстана, состоявшемся в июне 1966 года. На нем мне первому

предоставили возможность выступить. У нас к этому времени имелось 245.5 тыс. гектаров орошаемых земель. На пятилетку устанавливался прирост мелиорированных площадей еще на 87 тысяч га. В связи с этим я высказал обоснованное предложение об ускорении освоения нового Келесского массива под виноградники. В частности, считал необходимым побыстрее проложить новый канал от Чарвакского (Узбекистан) водохранилища, что позволило бы увеличить площади орошаемых земель в Келесском и Сарыагачском районах на 112 тыс. гектаров и организовать здесь 25 новых виноградарских совхозов. С учетом имевшихся плантаций это давало возможность довести производство винограда в области до 500 тыс. тонн.

В 1966-м наши хозяйства начали выращивать рис на строящемся Кзылкумском массиве. Новый риссовхоз «Восток» в первый же год сдал государству около 4 тыс. тонн риса. А в августе началась первая сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва. По предложению президента Академии наук М.В. Келдыша ее открытие поручили писателю К.А. Федину. В общей сложности сессия прошла организованно, но мне не совсем нравился ее излишне «мирный» размеренный тон. Выступающие депутаты что-то одобряли, иногда что-то просили, а острых критических высказываний не прозвучало.

После возвращения из Москвы я «с головой» ушел в сельскохозяйственные дела. Подготовили земли под озимые — более 300 тысяч гектаров. Колхозы и совхозы поддержали инициативу обкома партии о резком расширении этих посевов, что дало возможность уже в 1966 году вдвое перевыполнить план сдачи хлеба государству.

У меня в душе всегда вызывала беспокойство нехватка помещений для зимовки овец. Не надеясь на выделение ресурсов и средств республиканскими ведомствами, мы стали изыскивать внутренние возможности и впряглись в строительство кошар. Уже в 1966-1967 г.г. своими силами

возвели их около двухсот. Но до нормативной, идеальной обеспеченности животноводческими помещениями было еще далеко.

В декабре, находясь в Москве на пленуме ЦК КПСС, я попросился на прием к Брежневу. Для разговора приготовил глобальные вопросы. Прежде всего попросил вернуть Казахстану ранее переданные Узбекистану Пахтааральский, Джетысайский и Кировский хлопководческие районы Чимкентской области. Повторюсь и скажу, что передача их, видимо, не без корысти, инициировалась бывшим секретарем Южно-Казахстанского райкома партии Юсуповым. Хрущев в свое время поддержал это неразумное предложение, обвинив Кунаева в несговорчивости. За что вскоре его освободили от должности первого секретаря ЦК КП Казахстана. Это — грубая ошибка.

В ходе беседы я напомнил Леониду Ильичу о том, как его самого во время работы первым секретарем ЦК КП Казахстана Хрущев заставил передать Узбекистану Бостандыкский район. Леонид Ильич, улыбнувшись, сказал, что хорошо помнит этот случай и угрозы руководителям республики в случае неповиновения. Он также согласился со мной, что в 1962 году три южных района неправильно передали Узбекистану. «Но сейчас, - сказал он, - я не хочу вновь поссорить между собой руководителей Казахстана и Узбекистана. Передай Кунаеву — пусть они с Рашидовым сами между собой договорятся о возврате этих районов. А мы в Политбюро поддержим их. Я не хочу вмешиваться в территориальные споры между двумя республиками».

В разговоре со мной Брежнев с удовольствием вспоминал годы целинной эпопеи в Казахстане, наши поездки по областям и новым совхозам, замечательных первоцелинников. Леонид Ильич хорошо помнил фамилии многих людей, директоров хозяйств, секретарей райкомов, обкомов партии.

Он не забыл, как мы отмечали его пятидесятилетие в

гостинице «Москва», в 419-номере. Леонид Ильич подробно расспрашивал меня о делах в области. Особый интерес он проявил к межнациональным отношениям. И остался доволен, когда я сказал ему, что люди живут дружно и каких-либо недоразумений между ними на национальной почве не возникает. А ведь у нас в области проживали представители более 80 национальностей. В их числе и высланные сюда корейцы, чеченцы, карачаевцы, крымские татары, греки, немцы и многие другие. А случавшиеся порой трения между представителями различных диаспор не имели межнационального характера и не давали повода для соответствующих «разборок».

В тот же день я подробно проинформировал Кунаева о содержании беседы с Леонидом Ильичем и его пожеланиях относительно переговоров с Рашидовым. Конечно, это был очень трудный, сложный и деликатный вопрос. Кунаев занимался им давно. Руководство Узбекистана после длительных отказов и колебаний все же вернуло районы Казахстану. Но - в урезанном виде. Надо было видеть, с каким воодушевлением восприняло население этих районов весть о возвращении в родной Казахстан!

Объезжая с председателем Президиума Верховного Совета Казахской ССР Ниязбековым хозяйства и райцентры (он возглавлял республиканскую комиссию по приему районов), мы воочию убеждались в искренней радости людей. Они собирались большими группами, тут же возникали летучие митинги, на которых выражалась благодарность руководству Казахстана, прежде всего Кунаеву, за торжество справедливого дела —воссоединение с родной республикой. К нам обращались группы ходоков-казахов из совхозов, по-прежнему остававшихся в Узбекистане, где казахи составляли большинство работающих - с настойчивыми требованиями о передаче и этих хозяйств. Но большего добиться так и не удалось. Многие рабочие совхозов и колхозники потом

самостоятельно перебрались оттуда в новые казахстанские риссовхозы.

В ходе приема возвращаемых районов наши руководители областных организаций и ведомств, каждый в своей отрасли, изучали обстановку на местах и принимали решения по возникавшим проблемам. Быстро спроектировали линию телепередач в эти районы и немедленно начали ее строительство. Через два месяца население Пахтааральского, Джетысайского и Кировского районов смогло увидеть первые телепередачи из Алма-Аты на родном языке. В целом возврат районов Казахстану прошел быстро и безболезненно.

Приближалось 50-летие Октябрьской социалистической революции. В январе 1967 года пленум ЦК КП Казахстана одобрил план мероприятий по встрече этого юбилея. В своем выступлении на пленуме я рассказал, что область за последние годы увеличила производство зерна более чем в два раза и вдвое перевыполнила план сдачи хлеба государству. Перекрыли также задания по поставкам хлопка-сырца, мяса, молока, шерсти, овощей и винограда. Предприятия промышленности справились с заданиями по выпуску продукции.

В Чимкенте, Кентау, Туркестане, Арыси, Чардаре и других местах велось строительство многих производственных и культурно-бытовых объектов. В 1964 году мы приступили к возведению здания областного драмтеатра. Менее чем через пару лет актеры справили новоселье.

Железная дорога появилась в Чимкенте в 1908 году. Двухкилометровая зона от станции до города застраивалась стихийно, в основном саманными домиками-саклями с глинобитными крышами. За полвека налепили их несколько сот: они располагались впритык друг к другу, без какой-либо продуманной планировки. По кривым улочкам могли передвигаться лишь пешеходы и одноконные упряжки. Всю эту застройку окрестили «Слободкой». Попасть в город с вокзала на современном транспорте, можно было, только сделав

солидный крюк в несколько километров. Все это создавало неудобства и вызывало большие нарекания.

Наши просьбы к правительству о помощи в реконструкции «Слободки», оставались без ответа. Между тем вопрос о создании устойчивых и удобных транспортных коммуникаций для сообщения города с железнодорожной станцией назрел остро. Особенно это проявилось в ходе строительства троллейбусных линий. Тогда бюро обкома и облисполком, взяв на себя всю ответственность, в течение короткого времени снесли около пятисот глинобитных домиков и построили современную городскую улицу «Юбилейная» от вокзала до города. Жителей снесенных «саманок» переселили в удобные городские квартиры.

За снос домиков на «Слободке» и строительство новой улицы мы получили впоследствии много упреков от Госплана республики. Но зато вдоль новой улицы нам удалось быстро протянуть троллейбусные линии и открыть движение электротранспорта от вокзала в город.

Имевшаяся в Чимкенте приличная футбольная команда, не располагала своей базой. Мы договорились с руководителями местных промышленных предприятий и стройтрестов об их долевом участии в возведении стадиона. Выполнили эту задачу за два года: новое спортсооружение вмещало 30 тысяч болельщиков. Первую игру в день открытия стадиона наши футболисты провели с московским «Спартаком». Болельщиков собралось столько, что и половину желающих стадион вместить не смог. Вскоре в Чимкенте реконструировали железнодорожный вокзал, начали строительство Дома культуры железнодорожников.

В 1967 году построили телевизионный ретранслятор, ввели в строй вместительный кинотеатр «Казахстан». Активно реконструировались и обустраивались лечебные корпуса курорта Сарыагач, были возведены два новых корпуса областной больницы, зимний спортивный комплекс.

На одном из Пленумов ЦК Кунаев раскритиковал меня за самовольное строительство в Чимкенте стадиона, железнодорожного вокзала, массовый снос саманных домов, прокладку новой улицы. Как и полагалось, в соответствии с нормами партийной дисциплины, я признал эту критику правильной.

В Чимкенте работал большой рынок, всегда многолюдный и многоликий. Не все тут было благопристойно и чисто. Кое-кто промышлял наркотиками, занимался перекупкой и спекуляцией, а иные просто воровали. Милиция старалась навести порядок, но это у нее не всегда получалось. Меры, предпринимаемые сотрудниками правоохранительных органов, порой создавали напряженную обстановку на рынке. К тому же ходили слухи, что и сами милиционеры не чисты на руку, занимаются поборами. Я поручил прокуратуре, облуправлению внутренних дел разобраться с ситуацией. Как раз в эти дни (первая половина июня 1967 года) произошел непредвиденный случай.

В Чимкентском медицинском вытрезвителе скончался доставленный туда шофер. Кто-то пустил по рынку и автобазам провокационный слух: дескать, водитель убит милицией. В тот же день в автобазах произошли стихийные сборища, где резко осуждались правоохранительные органы. Дальше — больше. Работники двух расположенных рядом с рынком автобаз вышли на улицу. Здесь к ним присоединились многие зеваки, а также рыночные спекулянты, наркоманы и жулье, которым милиция не давала спокойно жить. По пути озлобленная толпа останавливала работников органов и жестоко их избивала.

Как только мне сообщили о происшествии, я немедленно выехал на рынок. Вместе со мной в машине находился заведующий общим отделом обкома партии, инвалид Великой Отечественной войны Кобылков. Когда я появился на рынке, толпа остановилась. Я встал на крыло какой-то грузовой машины и начал говорить о том, что мы разберемся в причинах

смерти шофера и виновные будут наказаны. В этот момент усатый узбек начал кричать, что меня надо убить. Меня окружили несколько шоферов, один из которых сказал: «Василий Андреевич, уезжай отсюда немедленно! Иначе тебя действительно убьют». Некоторые порывались меня ударить. Но этот водитель, человек физически крепкий, растолкал их и проводил меня к машине. Когда мой шофер Николай Дорошенко тронул ее с места, то несколько человек перегородили дорогу. А стоявшие сзади пытались поднять автомобиль, намерев аясь, видимо, его перевернуть.

Но Николай, поняв их замысел, не стал останавливать машину: потихоньку двигаясь вперед он просто оттеснял впереди стоявших и не давал возможность приподнять ее сзади.

Руководство КГБ и УВД немедленно сообщило о событиях Алма-Атинскому и Московскому начальству. Как только возвратился в кабинет, мне позвонил Кунаев и спросил: «Что происходит в городе?» Я подробно рассказал обо всем. Но события еще только разворачивались.

К большому несчастью, городская тюрьма, где содержались некоторые родственники и сообщники рыночных спекулянтов и воров, находилась рядом с рынком. Неподалеку располагалось и областное управление внутренних дел. Многие участники беспорядков, основательно подвыпив, пошли к тюрьме и зданию УВД. По дороге толпа останавливала милицейские машины и мотоциклы, переворачивала их и поджигала, а работников органов избивала. Окружив здание областного управления, дебоширы потребовали выдать им милиционеров-взяточников.

В течение всей второй половины дня начальник УВД несколько раз требовал от меня разрешения открыть по нападавшим огонь. Но я категорически запретил это делать, иначе могло быть много человеческих жертв. Еще несколько раз я информировал Кунаева о развитии и осложнении обстановки в городе.

А к концу дня мне позвонил Брежнев. Ему я тоже подробно обо всем рассказал. Леонид Ильич сказал: «Сейчас к вам вылетает секретарь ЦК Кириленко». Поскольку наш аэропорт по техническим возможностям в то время больших самолетов не принимал, Андрей Павлович приземлился в Ташкенте. И уже оттуда утром следующего дня на машине прибыл в Чимкент. Практически одновременно с ним приехал и Кунаев.

А обстановка продолжала ухудшаться. Большая группа пьяных хулиганов окружила здание тюрьмы и требовала освобождения заключенных. Дебоширы стали бросать через забор режимного учреждения бутылки с бензином. Вспыхнул огонь. Прибывшие по вызову пожарные машины были захвачены участниками беспорядков: те пытались с их помощью разрушить стены тюрьмы.

В эти тревожные часы в обкоме партии мы собрали руководителей промышленных предприятий, строительных организаций, учебных заведений. Договорились, что они немедленно мобилизуют коллективы и помогут в наведении порядка. При этом каждому коллективу определили свой участок.

Сотрудники обкома партии и облисполкома тоже отбыли «в народ». Обстановка осложнялась еще и тем, что большинство милиционеров, опасаясь за свою жизнь, переоделись в гражданскую форму и не принимали абсолютно никакого участия в наведении порядка.

Примерно в 22 часа мне позвонил первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидов и сказал: «Из Ташкента к вам отправляется солидное подразделение военных бронированных машин с солдатами, во главе с генералом Салмановым — начальником штаба Среднеазиатского военного округа».

Секретари обкома партии, зампреды облисполкома, руководители горкома и горсовета регулярно информировали меня о ситуации. Большие усилия по нормализации обстановки в городе принимали рабочие коллективы заводов свинцового,

прессов-автоматов, цементного, гидролизного и других. Серьезное беспокойство вызывало происходящее в районе тюрьмы, сотрудники которой прилагали все усилия, чтобы не допустить проникновения участников беспорядков вовнутрь. Уголовники и хулиганы по-прежнему систематически забрасывали во двор тюрьмы бутылки с бензином, нападали на работников охраны, пытались разрушить стены ограждения или же попасть во двор через ворота. Руководство тюрьмы вынужденно применило оружие. Несколько человек, перелезавших через ворота, получили ранения. А около управления внутренних дел погиб молодой сотрудник милиции.

Со мной держал постоянную связь главный чекист области Сафа Газизов. Его подчиненные находились буквально во всех горячих точках и поэтому их информация была наиболее достоверной и помогала нам оперативно решать возникавшие проблемы. Весьма активно действовали горсовет, большинство парткомов и хозяйственных руководителей.

Именно в это критическое время в Чимкент прибыла воинская часть, о которой мне говорил Шараф Рашидов. У себя в кабинете я подробно описал генералу Салманову обстановку. Он собрал офицеров, определил каждому подразделению задачу. Затем в течение всего лишь полутора часов, примерно к трем ночи, хулиганствующая толпа была полностью рассеяна без единого выстрела, а ее главари разбежались.

Конечно, в эту ночь большинство горожан не спало, было очень тревожно. После того как разогнали хулиганов, мы немедленно собрали партийно-хозяйственный актив Чимкента. Сделать это было несложно, поскольку весь руководящий актив находился «на боевом посту».

Перед началом собрания актива мы с председателем облисполкома объехали многие городские улицы, ознакомились с обстановкой на месте. Увидели немало сожженных милицейских машин и мотоциклов.

В пять утра в переполненном зале обкома партии началось

собрание актива. В своем докладе «О положении в городе» я подробно осветил обстановку и каждый этап событий. Рассказал о большом вкладе трудовых коллективов города в преодоление беспорядков. Вдребезги раскритиковал милицию, которая практически бездействовала, а также руководителей автобаз, за их неспособность управлять своими коллективами в критический период.

Многие ведущие работники правоохранительных органов вообще скрывались этой ночью за пределами города. Особо отметил, бесчестие милиционеров, а также Г.А.Ишников, вымогавших мзду, которые незаконно придирались к приезжавшим в город сельским водителям. Да и чимкентских шоферов тоже изрядно терроризировали. Все это вызывало массовое недовольство милицией. Многие выступавшие на активе с возмущением осуждали беспредел на Чимкентском рынке, махровую спекуляцию дефицитом, бесстыдный цинизм уголовников, спекулянтов и воров, обманывавших сельчан, которые привозили свою продукцию в город для реализации.

Особо говорилось о кражах наркотиков с Чимкентского химфармзавода. Решили, что уже в ближайшие дни каждый коллектив проанализирует у себя обстановку и устранит все помехи, вызывавшие недовольство людей. Следственным органам поручили выявить зачинщиков беспорядков и привлечь виновных к ответственности.

Горком партии и горсовет обязали немедленно разобраться с положением дел в каждой автобазе, навести там дисциплину, очистить автохозяйства от хулиганов и проходимцев, укрепить руководящие кадры. Им также поручалось провести разбор действий и бездействия милиции.

Собрание партийно-хозяйственного актива закончилось к 7 утра. Уже к 9 часам утра кроме Кириленко и Кунаева в Чимкент прибыли министр внутренних дел Союза Н.А Щелоков, его первый заместитель и большая группа работников республиканских органов правопорядка. Кириленко и Кунаев

проехали по тем улицам города, где ночью отмечались беспорядки, дотошно выясняли подробности происшедшего. Сразу же они обо всем доложили Брежневу.

Кириленко и Кунаев одобрили наши действия по локализации и прекращению уличных бесчинств. Они также потребовали тщательно расследовать дело и привлечь виновных к ответу.

Через пару дней выяснилось, что шофера убили не в вытрезвителе, а на улице — группа пьяных хулиганов. Один из них, оказавшийся спортсменом — каратистом, ударил нетрезвого водителя, который, потеряв сознание, лежал на улице. Этот спортсмен — хулиган сам позвонил затем в милицию, сказав, будто на улице лежит пьяный. В этот момент пострадавший был еще жив, но у него случилось кровоизлияние в мозг. Приехавшие по вызову милиционеры подобрали шофера и отвезли в медвытрезвитель, где он и скончался от полученной травмы. Убийцу впоследствии осудили.

По предложению обкома партии после этого ЧП заменили начальника областного УВД и облпрокурора. Укрепили и другие участки правоохранительных органов. Большую помощь следствию оказала ученица одной из школ города, которая увлекалась фотосъемкой. Она целый день и ночь ходила по самым горячим местам событий и из любопытства незаметно фотографировала все происходящее, особенно поджоги машин, наиболее ретивых смутьянов, «метателей» бутылок с бензином во двор тюрьмы.

Потом девочка проявила пленки и показала их отцу. Поняв значение снимков, он передал их начальнику облуправления КГБ Газизову, что очень помогло следствию.

После этих двух июньских дней 1967 года у меня поседели виски. Считаю, то были критические минуты моей жизни. Пришлось собрать воедино весь свой физический и духовный потенциал, чтобы не сломиться и не наделать ошибок.

Звонки из Москвы, из Алма-Аты, из Ташкента, из районов нашей области, сообщения членов бюро обкома партии с

горячих точек и с предприятий города обескураживали и вместе с тем ободряли, вселяли уверенность. Большую помощь оказали военнослужащие САВО под командованием Георгия Ивановича Салманова, заместителя командующего военным округом. В последующие годы, уже в бытность его командующим Киевского и Забайкальского военных округов, мы часто встречались с ним на сессиях Верховного Совета СССР и Пленумах ЦК КПСС; нередко общались друг с другом по телефону. Это — умный и решительный генерал. Когда он командовал Забайкальским военным округом, а я работал первым секретарем Актюбинского обкома партии, Салманов присылал нам на помощь свои автобатальоны — для перевозки зерна во время хлебоуборки.

Случившийся в Чимкенте социальный взрыв высветил многие наши ошибки. Руководство области и города, наделив большой властью правоохранительные органы, многое им передоверило. Мы своевременно не заметили как службы правопорядка отчасти и сами «срослись» с нарушителями закона, оказались, как теперь говорят, коррумпированными. Действуя по принципу «отсекай все лишнее», мы укрепили партийное руководство в областном центре. Пошли на серьезную замену руководителей органов правопорядка, ужесточили борьбу с наркоманией, усилили охрану на Чимкентском химфармзаводе, навели порядок в работе рынков и торговле.

Июньские дни 1967 года врезались в мою память на всю жизнь. Двое тяжелейших суток без отдыха и сна провел я в обкоме, получая информацию с мест и «горячих точек» на улицах города. Особенно раздражали меня истерические звонки начальника УВД области, докладывавшего о бесчинствах толпы и настоятельно требовавшего разрешения на применение оружия. Мое решение было и оставалось категоричным: «Нет! Нет! И еще раз нет!»

Работа в национальных республиках имеет свою специфику. Здесь очень желательно (и полезно!) знать хотя бы на

минимальном уровне язык коренного населения, что улучшает взаимопонимание и доверие между людьми.

Сложнее обычного решались вопросы подбора и расстановки кадров, особенно в районах с многонациональным составом населения. Здесь мы придерживались партийной установки: руководящий состав районных и областных органов, предприятий и хозяйств должен в основном отражать национальный состав населения. Причем, предпочтение отдавалось местным кадрам, а не «варягам».В многонациональной Чимкентской области проживало около двух миллионов человек. Где-то большинство составляли казахи, где-то —русские или украинцы, где-то — узбеки, много немцев, татар. И при подборе кадров мы обязательно учитывали национальные особенности каждого региона. Например, в Сайрамском районе первым секретарем райкома партии работал русский Бабин, вторым — казах Альджанов, третьим —узбек Юлдашев, а председателем райисполкома еще один и узбек-Анаров.

Иногда возникали трудности с подбором руководителей в хозяйства, где преобладало немецкое население. Долго не могли найти подходящей кандидатуры из числа немцев на должность председателя колхоза имени Тельмана Сарыагачского района. Перебрав все и вся, мы рекомендовали сюда «теоретика» — научного работника Красноводопадской опытной сельскохозяйственной станции В.Л. Культе. К счастью, не ошиблись. Он хорошо повел хозяйство, а через несколько лет стал заведующим сельхозотделом обкома партии. Внимательная расстановка кадров с учетом деловых качеств работников и национального состава населения способствовали укреплению взаимного доверия и дружбы между людьми.

После проведения городских и районных конференций, в феврале 1968 г. нас пригласили на пленум ЦК Компартии Казахстана. На нем наметили меры по дальнейшему увеличению производства зерна в республике. В цифрах задачи

выглядели так: производство зерна довести в 1968 году до 19.8 млн. тонн, в 1970 году — до 21-22 млн. тонн.

Выступая на этом пленуме, я рассказал о том, что за 1966 и 1967 годы область выполнила планы сдачи хлеба государству на 185 %, хлопка-сырца на 119,9%, мяса — на 104%. Хозяйства значительно перевыполнили задания по поставкам овощей, картофеля, фруктов, винограда, молока, шерсти, яиц и каракуля. На пленуме попросил дополнительно выделить средства для строительства овчарен и других животноводческих помещений.Значительного роста производства зерна колхозы и совхозы добились главным образом за счет настойчивого освоения новых земель и резкого увеличения посевов озимых культур до 400 тыс. гектаров, что составляло около 80% всего зернового поля.

Выступавший перед нами Д.А.Кунаев сказал, что уже в 1968 году Казахстан должен довести производство зерна до 22 млн. тонн, сдать государству мяса 1 млн. тонн мяса, 1.780 млн. тонн молока, 100 тыс. тонн шерсти. Он потребовал больше заниматься капитальным строительством, выполнить планы ввода жилья, объектов соцкультбыта, улучшать застройку сельских населенных пунктов.

В феврале 1968 года состоялась во вновь построенном здании драмтеатра XIX областная партийная конференция. Наша партийная организация к этому времени насчитывала 35,7 тыс. коммунистов, объединенных в 1120 первичных парторганизаций. К этому времени почти все отрасли народного хозяйства успешно справились с плановыми заданиями по производству продукции, росту производительности труда. Колхозы и совхозы превысили планы сдачи государству всех видов продукции почти по всем показателям.

Но допустили отставание строительные организации. Медленно шло строительство на фосфорном и свинцовом заводах, с отставанием сооружались кирпичные заводы и предприятия стройиндустрии, что сдерживало строительный

конвейер.

В докладе острой критике подвергались факты срыва планов производства и сдачи государству сельхозпродукции. Специалисты не оказывали должного влияния на рост эффективности и рентабельности животноводства. Хотя ежегодно в целом по области каждая овца давала 10 рублей прибыли. А их у нас насчитывалось около 4-х миллионов голов!

На организационном пленуме меня вновь избрали первым секретарем. Секретарями и членами бюро стали также А.Сасбукаев, С.К. Задин, А.С. Попов, С.И. Кондратьев. Через некоторое время я убедился в ошибочности выдвижения Сасбукаева, Задина и Попова.

Сасбукаев, будучи вторым секретарем обкома, оказался морально нечистоплотным человеком. Он мало вникал в дела партийных организаций животноводческих совхозов, ферм и чабанских бригад, хотя по распределению обязанностей ему поручили курировать именно животноводство. Вместо этого занялся рассылкой в разные инстанции компромата, (в том числе и на меня). Без зазрения совести продвигал по службе своих близких.

Он нашел себе единомышленника в лице секретаря обкома Задина, курировавшего идеологическую работу. Многие руководители рассказывали мне о том, что Задин, бывая в районах, своим делом практически не занимался. Больше сплетничал, наушничал и науськивал одних работников на других. Попов, ведавший делами промышленности, просто оказался неподготовленным и безынициативным руководителем. Он не «тянул» возложенные на него обязанности.

Мне ничего не оставалось кроме как обратиться в ЦК с просьбой об освобождении их от работы. Случай, прямо скажу, исключительный. После разговора со мной Кунаев поручил орготделу разобраться и внести предложение. Изложенные мною факты подтвердились. Сасбукаева и Задина освободили

от секретарских должностей, а через некоторое время и Попова перевели на работу в органы госконтроля.

Вторым секретарем по рекомендации ЦК мы избрали Амануллу Габдулхаевича Рамазанова. Секретарем обкома по идеологической работе выдвинули главу Бугунского райкома В.К. Байжанова, бывшего воспитанника детдома, бывшего тракториста и комсомольского вожака. Выбор оказался удачным. В партийной среде его уважали за принципиальность, энергичность и организаторскую «жилку». Он не кривил душой, был человеком прямым и острым на язык. Владимир Кубушевич, случалось, и меня критиковал в республиканской печати! Поэтому он несказанно удивился тому, что вместо «проработки» за критику его рекомендуют для избрания секретарем обкома! К сожалению, через несколько лет он погиб в автомобильной катастрофе, оставив жену и двоих сыновей.

Рассказывая о XIX областной партконференции, хочу подчеркнуть, что она проходила вскоре после реорганизации органов управления народным хозяйством и упразднения краевых административных структур. Возвращаясь к этой теме, всегда пытался ответить на целый ряд вопросов. Почему «реорганизационный зуд» Хрущева, самоличная передача Крыма Украине из состава России не была остановлена на уровне Верховного Совета СССР? Ведь эти диктаторские затеи можно и нужно было предотвратить! Почему высшие партийные и государственные инстанции: политбюро, секретариат ЦК КПСС, Совет министров Союза, Верховный Совет СССР вовремя не пресекли волюнтаризм и администрирование одной личности?

Правильно, к сожалению, с опозданием Центральный Комитет партии освободил Хрущева от высших партийных и государственных должностей. В итоге длительных размышлений над этими фактами, у меня создалось мнение, что народ нашей огромной страны долгие годы жил в условиях самодержавного правления, а после революции оказался в

жестких оковах культа личности. Наше общество пребывало в условиях усеченной демократии: инакомыслие, оппозиция оставались вне закона. Вполне естественно, в сознании многих поколений утвердилась вера в «непогрешимого» вождя. Это порождало такое явление как «вождизм», преклонение перед личностью. Вождям большим и малым мы беспрекословно верили, считали их мысли и дела не подлежащими сомнению, а потому принимали их без возражений.

В этом, на мой взгляд, одна из главных первопричин волюнтаризма и администрирования, глубоко вросших в нашу жизнь, в наше сознание. Наиболее разумный выход — это широкая демократизация жизни общества, многопартийность и свобода инакомыслия, равный для всех партий доступ к средствам массовой информации. Люди от рождения по разному мыслят, по разному воспринимают окружающую действительность, а поэтому приводить их взгляды, их оценки к общему знаменателю негоже.

В 1968 году после пленума ЦК КПСС Кунаев прямо в Москве, в Представительстве Казахстана, собрал первых секретарей обкомов партий республики и повел большой разговор о хлебоуборке и хлебосдаче. В том году в республике ожидался весомый урожай зерновых. У нас в области виды на урожай внушали оптимизм. Особенно радовали озимые, площадь которых составляла более 400 тыс. гектаров. Хозяйства хорошо подготовились к страде. Мы полностью укомплектовались кадрами комбайнеров, получили достаточное количество новой уборочной техники.

В июле область посетил Кунаев. В том году стояла сильная жара, достигавшая 40 градусов в тени. Димаш Ахмедович тяжело переносил такой зной. Как только мы подъезжали к речкам или водохранилищам, он изъявлял желание искупаться. А еще просил нарезать ранних дынь «ангелек», которые к этому времени уже поспевали и которые он особенно любил.

Неплохо складывались наши дела и в хлопководстве,

виноградарстве, овощеводстве, животноводстве. Увеличилось поголовье скота. Своевременно поставлялась государству животноводческая продукция и каракуль. Заготовили в достатке сена. Но тревожила нехватка помещений для зимовки овец и лошадей. Области в очередной раз отказали в финансировании строительства кошар. Правда, мы не сидели сложа руки. В Сузакском и Кзылкумском районах построили несколько десятков овчарен. Привлекали к этому делу промышленные предприятия и строительные организации.

К зиме 1968-1969 года наши хозяйства в основном подготовились неплохо. Заготовили в достатке корма, направили на фермы, в чабанские бригады и на отгонные пастбища необходимое количество работников. Все предвещало успех.

В декабре 1968 и январе 1969 года я побывал на пастбищах многих совхозов. Чабаны, специалисты и руководители хозяйств были довольны ходом зимовки, торговым и бытовым обслуживанием. В Кызылкумских степях, где зимовало около миллиона голов овец, много лошадей и верблюдов, мы с секретарем райкома партии Т. Тайбековым и директорами совхозов посетили несколько десятков зимних стоянок, посмотрели как живут животноводы. Многие чабаны обращались к нам с просьбами, касавшимися в основном обеспечения их ковровыми изделиями и регулярным медобслуживанием. Как правило, эти просьбы вовремя удовлетворялись. Зимовка шла нормально.

Но когда казалось, что все сложности уже позади, случилась страшная беда, какой люди не помнили в последние лет сто. В конце января по всей области выпал дождь, а через день ударил мороз. Выпавшие осадки превратились в лед. А потом в течение пяти суток шел сильный снег. Глубина снежного покрова превысила 130-150 сантиметров. С конца января весь февраль и март стояли 30-40-градусные морозы. Пошли сильнейшие бураны. Связь с зимовками прервалась, сюда не

могла пробиться ни одна машина. Помню из Чимкента в Сузакский район отправилась колонна в составе 10 мощных гусеничных тракторов и бульдозеров для расчистки дорог к зимовьям. За неделю они прошли всего около 100 километров —половину пути — и остановились: не смогли преодолеть огромные сугробы. Долго их расчищали. И до места назначения добрались лишь на двенадцатые сутки вместо обычных двух-трех дней.

С председателем Верховного Совета Казахстана Ниязбековым нам удалось на вездеходах доехать до совхоза «Алгабас», где почти неделю работали наши бульдозеры, пробивавшиеся в Сузак. Въехав на центральную усадьбу, мы ужаснулись увиденному: только дымоходные трубы и вершины деревьев торчали из-под толщи снега! В домах круглосуточно горели лампочки — даже днем, поскольку солнечный свет в заваленные снегом дома не проникал. Животноводческие помещения, расположенные в низинах, занесло сугробами огромной толщины: их приходилось откапывать в условиях беспрерывных буранов и сильных морозов. Многие кошары просто рухнули под тяжестью снега. «Шалости» природы продолжались. Непрерывно дули сильные бураны и верховой снег сливался с поземкой, превращая окружающее пространство в сплошной воющий мрак.

Сложилась чрезвычайная обстановка с зимовкой скота. В эти дни с метеорологической горной станции Ленгерского района, что в двадцати километрах от Чимкента, передали сообщение: высота снежного покрова на станции выше двух метров, работать невозможно, а потому станция приостанавливает свою деятельность. Из штаба отгонного животноводства в Кзылкумах докладывали, что высота снежного покрова достигла более полутора метров, а под снегом -толстый ледяной панцирь! Температура опустилась ниже 40 градусов. Выпас и передвижение скота стали невозможными.

О сложившейся ситуации мы регулярно докладывали

руководству республики и в Москву. Мобилизовали все «движущееся»: — бульдозеры, мощные гусеничные тракторы, снегоочистители, вездеходы - на расчистку дорог и доставку животноводам продовольствия, теплой одежды, концентрированных кормов и сена для скота.

Особенно тяжелое положение сложилось в Кзылкумском, Сузакском, Алгабасском, Келесском районах. В совхозе «Тимурский», где зимовало 75 тысяч племенных каракульских овец положение оказалось просто критическим. Над хозяйством шефствовал Казахский институт животноводства, возглавляемый видным ученым — овцеводом Еламановым, (впоследствии он стал заместителем министра сельского хозяйства республики). В «Тимурском» на все поголовье овец имелись помещения на основной территории. Но животноводческие постройки имели здесь своеобразное устройство: в кошаре одна стена имела нормальную высоту, вторая стена была ниже, полуоткрытой, несколько выше роста овцы. Сверху покрывалась камышовым навесом.

Ученые считали, что такие помещения лучше проветриваются, и у овец улучшается шёрстный покров. Практика подтверждала этот вывод. Но вот защитить овец от снежного заноса такая кошара не могла. Через открытую часть все помещение вместе с животными заваливало снегом. Получилась плачевная картина: в течение нескольких дней в совхозе под снегом погибло более 40 тысяч овец.

Для спасения животных люди снимали с юрт кошмы, брали из дома одеяла и завешивали ими открытую часть второй стены. В ход пускались все имевшиеся у чабанов ковры и одеяла. Такие экстраординарные меры позволили уберечь от гибели свыше 35 тысяч овец.

Совпало так, что в буранную стихию отравляли на пенсию директора этого совхоза Ш. Ерманова. Передав дела своему преемнику, он решил совершить «прощальное турне» по чабанским бригадам и зимовкам. Шакен, кстати, заслуженно

считался одним из лучших руководителей хозяйств.

Уже в пути его прихватил очередной сильный буран. Машина, в которой находились Ерманов и его молодой водитель, знаменитый Айтпек, Герой Монголии, застряла в пути. Решили оставить ее и пешком добираться до ближайшей чабанской бригады. К сожалению, пожилой директор оказался бессильным идти по глубокому снегу в буран. Он остался один в степи, отправив водителя за помощью.

Чабаны, узнав о случившимся, сели на лошадей и через какое-то время разыскали в буранной круговерти замерзавшего экс-директора. Его благополучно доставили на зимовку. Но в центре совхоза об этом не знали и подняли тревогу. О судьбе директора несколько дней никто ничего не знал. А через неделю он поправился от сильной простуды и благополучно вернулся в совхоз.

Обстановка с зимовкой скота в области осложнялась. После того, как я лично обратился к Кунаеву, к нам прибыли председатель Верховного Совета республики Ниязбеков, министр сельского хозяйства Казахстана Рогинец, министр шоссейных дорог Гончаров, а также группа работников ЦК, Совмина и ряда министерств. Они непосредственно на месте убедились в чрезвычайности обстановки и одобрили предпринимаемые нами меры.

Воинские части выделили нам десять самолетов — бомбардировщиков, 8 из которых базировались в аэропорту Чимкента, а два в Ташкенте. В совхозах и колхозах, имевших излишки грубых кормов, организовали прессование сена и доставку его на аэродромы. Самолет принимал на борт 5 тонн прессованных тюков сена, которые затем сбрасывали в Кзылкумах вблизи отар, зимовавших на дальних отгонах. При нормальной видимости каждая машина совершала 3-4 вылета в день. В общей сложности ежедневно авиацией доставлялось около двухсот тонн сена. Такая, с позволения сказать, «бомбардировка» отгонных пастбищ продолжалась весь

февраль и март 1969 года. А всего самолетами вывезли на самые отдаленные участки зимовки около 12 тыс. тонн сена и концкормов.

В ходе этих челночных вылетов чуть не случилась катастрофа. Два парня решили покататься на самолете. Они при погрузке тюков незаметно влезли в бомбардировщик и уселись у смотрового окна. Только внимательность члена экипажа, готовившегося сбросить тюки, предотвратила страшную беду. Он, буквально перед тем как открыть люк вдруг заметил мальчишек. Малейшая оплошность и «путешественники» вместе с тюками сена вывалились бы из самолета. Бомбардировщику пришлось неразгрузившимся вернуться на аэродром.

А непогода не унималась. Сильные морозы и бураны продолжались весь март - тогда как обычно в это время хозяйства уже заканчивали сев ранних яровых культур. На отгонах начался массовый падеж скота. За сутки погибало несколько тысяч овец. Беспомощность в укрощении стихии, массовая гибель поголовья вызывала у некоторых руководителей тяжелые нервные потрясения. Моя голова за это время основательно побелела.

В конце марта - начале апреля внезапно началось активное таяние снега. Возникли новые не менее тяжелые осложнения. Теплый южный ветер при солнечной погоде «растопил» снега на огромной территории. Вся равнина от села Темирлановки до города Туркестана протяженностью около 100 км оказалась под слоем воды. Каналы и речки переполнились.

Во многих местах вешние воды размыли Арысьтуркестанский канал, а построенные в прилегающей к нему зоне 12 овчарен снесло потоком воды вместе 10-ю тысячами овец. Бурные потоки затопили новый хлопковый совхоз, райцентр, село Шаульдер, все жилые дома и животноводческие помещения откормочного совхоза; размыло шоссейную дорогу Темирлановка-Туркестан. В некоторых местах полые воды

В.Ливещов, второй секретарь Алма-Атинского обкома партии с семьей. 1959 г.

Делегация Джамбулской областной парторганизации на Южно-Казахстанской краевой партконференции. Чимкент. 1961 г.

В.Ливенцов, второй секретарь Алма-Атинского обкома партии с семьей. 1959 г.

Делегация Джамбулской областной парторганизации на Южно-Казахстанской краевой партконференции. Чимкент. 1961 г.

Ливенцов среди работников редакции газеты «Акмолинская правда». 1958 г.

Участники пленума Акмолинского обкома партии. В первом ряду сидят слева направо секретари обкома: 5-й - Г.А.Мельник, 6-й - В.Ливенцов, 7-й - Р.О.Шаяхметов. 1958 г.

Делегаты 10-го съезда Компартии Казахстана. В.Ливенцов в третьем ряду, 4-ый справа. Алма-Ата. 1960 г.

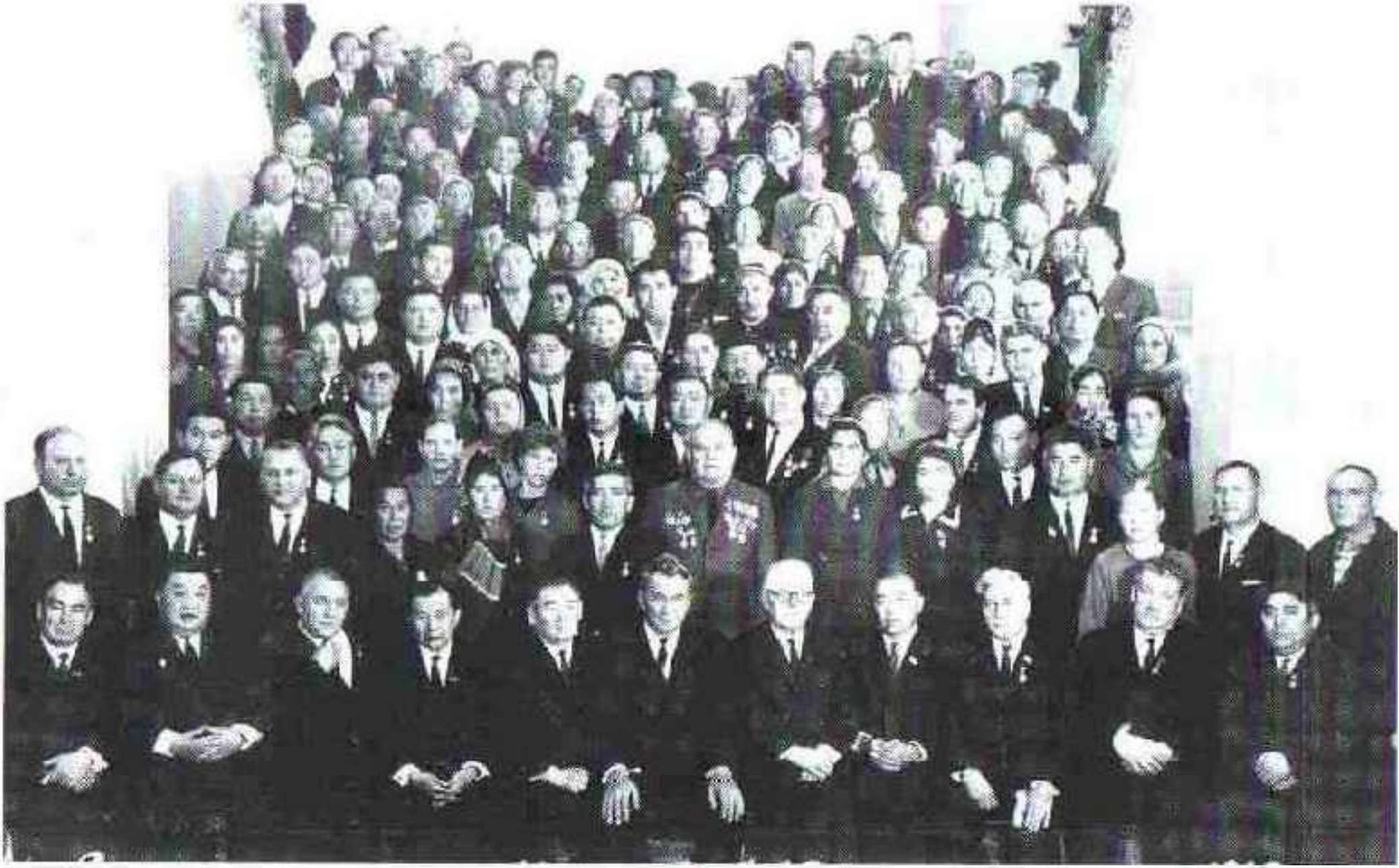
Делегаты Чимкентской парторганизации на 23 съезде КПСС. В первом ряду сидят слева направо: М.Мергембаева - чабан, Эженходжаева — хлопкороб, В.Г.Береза - министр цветной металлургии Казахстана, В.Ливенцов - первый секретарь обкома, Ж.Шаймерденов -председатель облисполкома, Вечеркова - рабочая. Москва, Кремль. 1966 г.

Делегаты 23 съезда партии в перерыве. Слева направо: Голиков - помощник Генсека ЦК, Хван - председатель колхоза «Политотдел» (Узбекистан), Герой Социалистического Труда, В.Ливенцов - первый секретарь обкома партии. Москва. 1966 г.

В.Ливенцов среди делегатов Чимкентской областной комсомольской конференции. 1966 г.

В.Ливенцов в кругу семьи. Чимкент. 1969 г.

Делегаты XII съезда Компартии Казахстана от Чимкентской парторганизации. Алма-Ата. 1966 г.



Съезд колхозников Казахстана. В первом ряду сидят, слева направо: 2-й - С.Н.Имашев - секретарь ЦК, 3-й - В.Ливенцов, 5-й -С.Б.Ниязбеков - председатель Президиума Верховного Совета, 6-й - Д.А.Кунаев - 1-й секретарь ЦК, 7-й - В.Н.Титов - 2-й секретарь ЦК Компартии Казахстана. Алма-Ата. 1969 г.

Митинг в честь красного обоза с первым хлопком Сарыагача. Выступает В.Ливенцов. Чимкент. 1970 г.

Ремонт ж.д.пути на станции Чимкент в день субботника. Второй слева В.Ливенцов. 1969 г.

разрушили железнодорожную главную магистраль Москва — Ташкент и Арысь —Алма-Ата. Остановилось железнодорожное сообщение.

Серьезную опасность представляли переполненные водохранилища. На Бугунском, емкостью 360 млн. кубометров, вынужденно открыли все имевшиеся водовыпуски и дополнительно к ним прокопали новые, чтобы не допустить разрыва плотины. Все это не обошлось без человеческих жертв. Погибло также много скота.

Для оказания помощи в область прибыл председатель Совета министров М. Бейсембаев. Опасения вызывало состояние нашего рукотворного моря — Чардаринского водохранилища емкостью более 6 млрд.

Исход тяжелейшей зимовки этого года оказался печальным. Из 4,5 млн. овец погибло почти 1 млн. 100 тыс. голов, что сильно ударило по экономике области. В ту черную пору у нас практически полностью погибло многочисленное поголовье сайгаков и диких свиней, обитавших в пойме реки Сыр-Дарьи, а также большое количество зимовавших тут птиц.

Среди суеверных животноводов пошли панические разговоры о конце света. Один председатель колхоза, коммунист рассказывал мне, что, когда пять дней подряд бушевали бураны, и толщина снега достигла полутора метров, чабаны стали молиться Аллаху. «В этот жуткий момент, - говорил он, - я тоже не выдержал, опустился на колени и стал просить Бога о спасении».

Для нормализации обстановки очень много и самоотверженно работали первые секретари райкомов партии: Кзылкумского — Т. Тайбеков, Сузакского — Б. Ахмедов, Келесского — Т. Тумашев, Бугунского — В. Байжанов, Алгабаского — Н. Исмаилов, Ленинского — К. Манасов; а также председатели райисполкомов, специалисты областного управления сельского хозяйства, работники здравоохранения, потребительской кооперации.

Руководители и специалисты совхозов вместе с чабанами круглосуточно находились на отгонах. Они бульдозерами, «угольниками» расчищали снег. Детей животноводов вывезли на центральные усадьбы хозяйств. Многие трудились, несмотря на обморожение.

Примерно такая же ситуация с зимовкой скота сложилась и в соседней Джамбулской области, где было потеряно овец даже несколько больше, чем у нас.

Бюро ЦК КП Казахстана рассмотрело итоги зимовки в Чимкенской области. Разговор состоялся острый и принципиальный: «за допущение большого падежа скота» мне объявили выговор, который сняли через год. Это, кстати, единственное взыскание, полученное мною за 50 лет трудовой деятельности. Как говорится, «против природы не попрешь...»

Весной 1969 года в области решили на 50% сократить забой каракульских ягнят на смушку, что позволяло уже к осени увеличить овцепоголовье на 250-300 тыс. голов и тем самым частично возместить потери скота.

В марте 1969 года рассмотрев на пленуме обкома партии итоги трагической зимовки, мы решили осуществить ряд мер, чтобы как можно быстрее восстановлить поголовье овец, увеличить численность крупного рогатого скота, свиней, лошадей и производство животноводческой продукции. Конкретно определили в ближайшие два-три года обеспечить все овцепоголовье и крупный рогатый скот крытыми помещениями, а животноводов — жильем. Причем на милость «верхов» уже не полагались, а решили делать все, в основном, силами самих хозяйств при содействии промышленных предприятий и строительных организаций области. Уже в 1969 году у нас появилось более 700 новых овчарен и свыше тысячи жилых домов для животноводов.

А 16 апреля состоялся пленум ЦК КП Казахстана. В своем докладе Кунаев положительно оценил показатели нашей области по увеличению производства и сдаче государству хлеба

и другой продукции земледелия. Но в то же время он резко критиковал нас за потерю в прошлую зимовку 27% поголовья овец.

В 1969 году хозяйства области опять вырастили хороший урожай зерновых: мы сдали государству 591 тысяч тонн хлеба или 144% к плану. Также значительно перевыполнили задания по сдаче хлопка-сырца, овощей, картофеля, фруктов, винограда и бахчевых культур.

Сегодня много говорят о том, что при Советской власти допускалось много серьезных ошибок. Да, нельзя отрицать. Например, мало еще уделялось внимания повышению материального благосостояния людей. Но зато социальное и культурное обслуживание в отличие от сегодняшнего дня, решалось исключительно в интересах народа: бесплатные образование, здравоохранение, мизерная плата за жилье и коммунальные услуги, отсутствие безработицы и многое другое. Разве это не достижения критикуемого сейчас строя?

Подавляющее большинство наших граждан в те годы могли отдыхать в санаториях, посылать детей в пионерские лагеря на отдых, иметь благоустроенные квартиры, день в день получать зарплату. Ежегодно крепла экономика. Люди могли беспрепятственно ездить по всей стране любым видом транспорта: цены были доступны для всех. А сейчас все наоборот!

Термин «кризис» мы знали по учебникам. А теперь нас ввергли в очень жестокий кризис. Мы потеряли веру выкарабкаться из него. Рост нищеты населения, рост безработицы, всеобщие неплатежи, развал экономики и многое другое. Вот что мы имеем сейчас.

В апреле-мае 1970 года в стране шла широкая подготовка к выборам депутатов Верховного Совета Союза, назначенным на 14 июня. Мою кандидатуру выдвинул коллектив совхоза «Первомайский» Ленгерского района. 15 июня 1970 года счетная комиссия сообщила о том, что я избран депутатом Верховного

и другой продукции земледелия. Но в то же время он резко критиковал нас за потерю в прошлую зимовку 27% поголовья овец.

В 1969 году хозяйства области опять вырастили хороший урожай зерновых: мы сдали государству 591 тысяч тонн хлеба или 144% к плану. Также значительно перевыполнили задания по сдаче хлопка-сырца, овощей, картофеля, фруктов, винограда и бахчевых культур.

Сегодня много говорят о том, что при Советской власти допускалось много серьезных ошибок. Да, нельзя отрицать. Например, мало еще уделялось внимания повышению материального благосостояния людей. Но зато социальное и культурное обслуживание в отличие от сегодняшнего дня, решалось исключительно в интересах народа: бесплатные образование, здравоохранение, мизерная плата за жилье и коммунальные услуги, отсутствие безработицы и многое другое. Разве это не достижения критикуемого сейчас строя?

Подавляющее большинство наших граждан в те годы могли отдыхать в санаториях, посылать детей в пионерские лагеря на отдых, иметь благоустроенные квартиры, день в день получать зарплату. Ежегодно крепла экономика. Люди могли беспрепятственно ездить по всей стране любым видом транспорта: цены были доступны для всех. А сейчас все наоборот!

Термин «кризис» мы знали по учебникам. А теперь нас ввергли в очень жестокий кризис. Мы потеряли веру выкарабкаться из него. Рост нищеты населения, рост безработицы, всеобщие неплатежи, развал экономики и многое другое. Вот что мы имеем сейчас.

В апреле-мае 1970 года в стране шла широкая подготовка к выборам депутатов Верховного Совета Союза, назначенным на 14 июня. Мою кандидатуру выдвинул коллектив совхоза «Первомайский» Ленгерского района. 15 июня 1970 года счетная комиссия сообщила о том, что я избран депутатом Верховного

марта. Но в 1971 году предстояло провести сев в новых условиях. Ведь летом 1970года Казахстану наконец возвратили Пахтааральский, Жетысайский и Кировский районы, где только хлопчатник занимал более 100 тыс. гектаров!

Об истории передачи и возврата этих районов я уже говорил. Приведу еще несколько подробностей. После отказа Брежнева выступить «третейским судьей», Кунаев, по его совету, начал вести переговоры с Рашидовым. Тот, в принципе, согласился. В один из дней меня и председателя нашего облисполкома Шаймерденова пригласили к Кунаеву — вместе с председателем президиума Верховного Совета Ниязбековым и зампредом Совмина Иксановым. Димаш Ахмедович сказал, что сейчас позвонит Рашидов и мы будем договариваться с ним о времени и порядке возврата районов. Но в тот раз ничего конкретно решить не удалось. Рашидов действительно позвонил в условленный час, однако сказал, что члены бюро ЦК Узбекистана его пока не поддержали, и для решения вопроса о возврате районов Казахстану требуется «еще какое-то время». «Все будет нормально», - пообещал Рашидов. Кунаев воспринял этот разговор с явным неодобрением «Как это так? - недоумевал он. — Неужели члены бюро узбекского ЦК настолько не уважают своего первого секретаря, что отвергли его предложение? Или здесь кроется какая-то хитрость?»

Насчет хитрости Кунаев оказался прав. За то время, пока руководство «думало», узбекские соседи успели «урезать» территорию намечавшихся к возврату районов. А два крупных каракулеводческих совхоза передали другим районам своей республики. Также оставили все отгонные пастбища за Узбекистаном, где находилосьоколо полумиллиона голов овец.

Наконец, летом 1970-го Рашидов сообщил Кунаеву о согласии возвратить районы. Решением ЦК Ниязбекова, Иксанова, меня и Шаймерденова назначили членами комиссии по «приему-передаче». Вместе с нами к работе подключились представители Госплана, а также всех министерств и ведомств. В процессе

обратной передачи районов из Узбекистана в Казахстан возникало много спорных вопросов по поводу раздела материальных ресурсов и финансовых взаимоотношений. Но наиболее сложной оказалась пограничная проблема.

Вообще, в этом плане Хрущев оставил не самое хорошее наследство. По его настоянию от России к Украине отошел Крым, от Ставропольского края Чечне передали некоторые районы. То же самое получилось между Казахстаном и Узбекистаном. Возвращая районы Казахстану, узбекская сторона так мудрено определила границы, что в передаваемые районы из Чимкентской области можно было проехать только через узбекскую территорию! Глава нашей делегации Ниязбеков поблагодарил руководство соседней республики за решение о возврате районов, но в то же время попросил «не оставлять камня на дороге», по — дружески разрешить пограничные вопросы. На этом заседании я также обратился к Шарафу Рашидовичу с просьбой передать Казахстану небольшой участок земли между Чарларинским водохранилищем и возвращаемыми районами. Чтобы нам не пришлось ездить в свои хозяйства через узбекскую территорию. «Не надо оставлять на дороге между нами камней», -повторил Ниязбеков. Рашидов был явно недоволен таким поворотом дел. «Хорошо, - заявил он, - мы рассмотрим вашу просьбу. Но имейте ввиду мы отдаем вам птицефермы, которых у вас не было — а там полмиллиона птицы». При этом Шараф Рашидович скромно умолчал о 600 тысячах овец, оставшихся в Узбекистане и принадлежавших раньше Казахстану.

В итоге территориальный спор так и остался до конца нерешенным. Впрочем, Рашидова нельзя упрекать в несговорчивости: ведь он, и это вполне естественно, отстаивал интересы своей республики.

Первым секретарем Чимкентского обкома я работал около 10 лет. Дольше меня здесь (пожалуй, в одной из самых сложных областей Казахстана) не продержался ни один руководитель!

Остальные работали тут не более пяти лет.

Здесь, я уже говорил, очень сложный национальный состав населения. Многоцветье национального состава создавало определенные трудности в подборе руководящих работников. Жило стремление протащить в руководство своего. Реакция на все отклонения в этом деле принимала подчас болезненные формы. Наиболее одиозной из них стали очернительство, сбор и рассылка компромата в высокие инстанции власти. Вокруг иных «обиженных», отверженных и снятых экс-начальников группировались недовольные. Отсюда, чуткое, постоянное и деликатное отношение к чувствам и сплочению людей разных национальностей, к воспитанию их в духе дружбы и интернационализма.

За все десять лет работы в Чимкентской области мне не приходилось сталкиваться с межнациональными трениями. Помощником у меня все эти годы работал казах Абдыманап Комекбаев, местный уроженец, отлично знавший, кроме родного, еще русский и узбекский языки. Это скромный, честный, трудолюбивый и грамотный человек. После своего отъезда в Актюбинск я постоянно поддерживал с ним связь. Моим шофером был Николай Дорошенко, порядочный и скромный парень. Когда я уезжал из Чимкента он пошутил: «Василий Андреевич, какой же вы первый секретарь, если за все годы работы мне не пришлось привозить вам хоть одного барана! А ведь вашим предшественникам возил их чуть ли не каждую неделю. У вас, гляжу и дома кроме книг ничего нет». Кстати, моя супруга Мария Семеновна сама никогда не пользовалась моей персональной автомашиной, не ездила на ней по магазинам и торговым базам.

Я очень благодарен моей единственной Марийке за то, что она ради благополучия нашей семьи беспрепятственно, не устраивая скандалов, переезжала вместе со мной с места на место. Из-за меня и ей приходилось постоянно менять работу! Она всегда заботилась о семье, о детях, о создании условий для

моей работы. Нисколько не сомневаюсь: ее скромность, строгость, аккуратность, честность не только способствовали нашему домашнему уюту, но и повышали мой служебный потенциал. Между прочим, свою зарплату всегда отдавал ей полностью: семейный бюджет вела она.

На съезды и сессии, большие совещания и торжества, которые проводились в Москве и Алма-Ате и длились по несколько дней, мы непременно ездили вместе. Вдвоем почти каждый год отправлялись на отдых в санатории своей страны или зарубежных государств. В семье у нас всегда царили взаимное доверие и уважение.

Опять на Запад... Актюбинск

В декабре 1971 года отправился в Алма-Ату на пленум ЦК. По пути простудился, заболел воспалением легких. Пришлось лечь в больницу. Через несколько дней ко мне прямо в палату приехал секретарь ЦК В.К. Севрюков и сказал, что нас ждет Кунаев. Приехали к нему. Поприветствовав и справившись о здоровье, Димаш Ахмедович предложил мне переехать в Актюбинск первым секретарем обкома партии. Я категорически отказался и изложил свои доводы: мне скоро 58, осталось всего два года до пенсии, ехать в новую область на пару лет считаю нецелесообразным. Ведь только для изучения обстановки в новой для меня области потребуется длительное время. К тому же супруга плохо переносит сильные морозы. А они в Актюбинске не редкость. Убеждал и тем, что все годы работал в основном в южных областях, знал их экономику, уклад жизни населения, демографические особенности. А Актюбинская область мне совершенно незнакома. Димаш Ахмедович сказал: «Ну ты еще подумай». На том мы и расстались. А через несколько дней меня снова из больницы пригласили к Кунаеву.

Димаш Ахмедович чуть ли не сходу выговорил мне: «Мы выяснили, что за последние 17 лет, кроме этого случая ты ни разу не лежал в больнице. Так что еще 8-10 лет ты сможешь плодотворно поработать в Актюбинске. А чтобы твоя жена зимой не страдала от тамошних морозов, мы выделим вам квартиру в Алма-Ате». Тут же вызвал в кабинет Управделами ЦК Статенина и поручил ему подобрать для нас жилье в столице. В заключение Кунаев сказал: «Твой перевод на новое место уже согласован с ЦК КПСС и лично с Брежневым. После выписки из больницы отправляйся в Актюбинскую область, там надо укрепить руководство. Прошу тебя снять свои возражения относительно перевода».

Все время, пока находился в больнице, Марийка оставалась в

Алма-Ате и почти каждый день навещала меня. Она очень не хотела переезжать в Актюбинск, где в детстве несколько лет жила с родственниками. Но что поделать...

К Новому году мы с супругой вернулись из больницы домой и начали, в который уже раз, готовиться к переезду. Какая же это каторжная процедура! 14 января 1972 года мне в Чимкент позвонил второй секретарь ЦК Компартии Казахстана Валентин Карпович Месяц и предложил 16 января вылететь с ним в Актюбинск. Переезд — в день моего рождения! Думаю: «Нет, так не пойдет!» Нашел какой-то предлог и попросил перенести выезд на 18 января. Он согласился.

17-го пригласил членов бюро, заведующих отделами обкома партии, руководство облисполкома и официально сообщил о том, что ЦК направляет меня в Актюбинск. Высказал товарищам некоторые свои соображения и пожелания о дальнейшем развитии народного хозяйства и культуры Чимкентской области. Потом собрал рядовых работников аппарата обкома попрощался с ними.

Утром 18 января 1972 года с Месяцем вылетели в Актюбинск. Здесь нас встретила сильная поземка с морозом. При выходе из самолета меня обдало таким холодом, что пришлось быстро сменить южное одеяние и на ходу «утепляться». Из аэропорта направились прямо в обком.

На пленуме областного комитета рассматривался единственный вопрос, организационный. Валентин Карпович сообщил, что Николая Ивановича Журина Центральный Комитет предлагает освободить от должности первого секретаря в связи с уходом на пенсию. Затем от имени ЦК он внес предположение об избрании меня первым секретарем Актюбинского обкома партии. Коротко рассказал мою биографию.

Оба предложения члены обкома поддержали, единогласно проголосовав «за». Все решилось менее чем за час. Так начался мой 13-летний период работы на новом месте, в Актюбинской

области.

С первых дней углубился в изучение здешнего положения дел. Прежде всего основательно ознакомился с сельским хозяйством, где дела оказались сложными как в земледелии, так и в животноводстве. Зима выдалась суровая, морозы часто доходили до минус сорока градусов, теплых помещений для скота не хватало, допускался большой «отход» поголовья, особенно овец. Выезжал на заводы и фабрики, предварительно просмотрев все цифровые показатели. Побывал на стройках, в трестах и на предприятиях стройиндустрии. Убедился, что их производственная база и мощности отстают в своем развитии, и в этом причина невыполнения планов и заданий капстроительства.

Каждый день приглашал двух-трех руководителей областных ведомств и знакомился с работой возглавляемых ими отраслей, разбирался в текущих делах и перспективах.

Напутствуя меня, Кунаев заметил: «Там, в Актюбинске, многие руководящие работники, начиная с первого секретаря обкома партии и председателя облисполкома, мало занимаются служебными делами, а больше подготовкой своих кандидатских диссертаций». Так оно и оказалось. Детально изучив состояние экономики, пришел к выводу, что в области сложилась обстановка самодовольства и самоуспокоения. Некоторые руководители пассивны, у них притупилась ответственность за порученное дело, за высокую эффективность и качество работы.

В середине февраля в область приехал С.Б. Ниязбеков, председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Зимой в здешних районах очень холодно, а ни у него, ни у меня не было достаточно теплой одежды. Пришлось заказать для нас обоих шубы, валенки, теплые шапки. Вместе с председателем облисполкома С. Кубашевым втроем отправились в Хобдинский и Уилский районы. Поездка показала: зимовка скота ведется здесь напряженно, неудовлетворительно.

Животные имеют низкую упитанность, допускается большой падеж. Сено к местам зимовок с осени не подвезено, оно лежит в степи в больших копнах, засыпанных снегом. Чабаны и скотники вынуждены ездить за ним на волах и лошадях. Но в сильные бураны добраться до копен практически невозможно, а потому скот часто оставался некормленным. Значительная часть овцепоголовья, размещалась в так называемых «катонах», т.е. в круглых островерхих с отдушиной помещениях.

Помнится, к нам в Чимкентскую область пару лет назад приезжала группа актюбинских специалистов во главе с секретарем обкома партии К. Нокиным и знакомилась с опытом строительства кошар и других животноводческих помещений. Жаль, конечно, но опыт остался невостребованным: кошары практически не строились.

Поездка оставила тяжелое впечатление. Сабир Билялович резко «обрушился« на руководителей и специалистов хозяйств за просчеты и халатность в проведении зимовки. Мы с ним договорились, что он на бюро ЦК лично Кунаеву доложит о трудностях и упущениях зимовки, выпятив низкую обеспеченность общественного поголовья скотопомещениями с тем, чтобы убедить руководство республики в необходимости ускорения строительства овчарен и, в целом, укрепления материальной базы животноводства в совхозах и колхозах области.

В начале марта пригласил секретарей и заведующих отделами обкома и сообща рассмотрели их предложения по подготовке пленума, который по моей инициативе намеривались провести в расширенном составе и обсудить на нем актуальные проблемы развития сельского хозяйства. Многие предложения мне не понравились: в них не чувствовалось озабоченности, я бы сказал, радикализма и в оценках, и в предлагаемых мерах. Все в общих чертах. Отсутствовал глубокий анализ, а кое-кто даже умудрился представить дела в розовом свете. Затем мне еще дважды пришлось рассматривать предложения отделов. И

только после этого начал готовить доклад на пленум. Состоялся он 15 марта с участием всех руководителей районов, совхозов, колхозов, областных организаций. В президиум пригласили и бывшего первого секретаря Журина. Выступая с докладом, волновался: ведь это мое первое ответственное выступление в новой для меня области, перед ее руководителями и членами обкома.

В докладе особо акцентировал внимание на том, что хозяйства области не справляются с планами роста поголовья крупного рогатого скота, овец и свиней, что хронически не выполняются задания по производству и сдаче государству животноводческой продукции. Имелось также отставание в поставках проса, картофеля, овощей и бахчевых культур. Низки продуктивность скота и деловой выход молодняка, высоким остается падеж животных. Договорились, что каждый совхоз и колхоз, каждый район сделают реальные расчеты по увеличению поголовья скота и сдачи государству молока и мяса, а также определят объемы и меры по развитию кормовой базы с учетом роста поголовья.

В земледелии предстояло взяться за распашку целинных земель. Их имелось около одного миллиона гектаров и уже в 1972 году наметили освоить не менее 250 тысяч га., а посевную площадь зерновых расширить на 200 тыс. гектаров. Порешили, что каждый совхоз и колхоз увеличит площадь зерновых не менее чем на 2-3 тыс. га., чтобы за счет этого поднять производство зерна в области на 200 тыс. тонн.

Большинство руководителей районов правильно восприняли критический анализ сельскохозяйственного производства, вносили предложения по устранению недоработок. Однако, первый секретарь Мугоджарского райкома партии Ж. Амиров резко отверг критику в свой адрес и пытался доказать, что указанные в докладе сведения о сокращении поголовья в этом районе не соответствуют действительности и, что первый секретарь обкома механически прочитал написанное

работниками аппарата. Немедля попросил от облстатуправления официальную справку. И она подтвердила мою правоту. Подтвердила и то, что Мугоджарский район резко сократил поголовье скота за годы работы Амирова. Пришлось выразить сомнения в целесообразности доверять ему и дальше партийное руководство районом. Николай Иванович Журин остался доволен ходом пленума. Он мне потом сам об этом говорил.

Области установили высокий пятилетний план сдачи хлеба государству. В процессе изучения всех возможностей пришел к выводу, что при существующем положении актюбинцам не под силу справиться с такими повышенными заданиями. А потому предложил без колебаний взяться за освоение новых земель и расширение посевных площадей. В то же время договорился с Кунаевым о том, что правительство не будет увеличивать план сдачи государству хлеба на вновь приращенные площади посевов.

Управление сельского хозяйства, местные научные организации разработали конкретные рекомендации по распашке новых земель для каждого района. В марте 1973 года обком и облисполком довели задания районам. Для обсуждения новых задач созвали специальный семинар - совещание.

Первый секретарь Новороссийского райкома И. М. Мишин заявил, что указанного в заданиях количества новых земель, подлежащих освоению, на подведомственной ему территории нет. И это заявил один из наиболее влиятельных и авторитетных первых секретарей! В ответ я пообещал ему лично побывать в Новороссийском районе со специалистами, и на месте во всем разобраться. И действительно, вместе с Мишиным и специалистами мы в течение нескольких дней объехали все площади, которые предполагалось распахать и засеять. В итоге в районе нашлись возможные для освоения земли, причем с избытком! Кстати, в дальнейшем новороссийцы освоили даже несколько больше новых земель, чем предполагалось

изначально.

Актюбинская область расположена в зоне рискованного земледелия. Осадков здесь крайне мало. При этом ячмень, как правило, дает урожайность на 2 центнера выше, чем пшеница. Учитывая биологические и природно-климатические факторы, решили засевать новые земли ячменем, не сокращая площади под пшеницей. Больше стали сеять и проса.

Как-то после многочисленных поездок по районам захворал. Подумал, видимо застаревший бронхит начинает тревожить. В декабре 1972 года, под самый Новый год, пришлось слечь дома . Как обычно, начали один за другим смотреть врачи. Мне показалось, что подход поверхностный. Попросил пригласить хорошего терапевта. И вот, приходит молодой энергичный человек, и сразу за дело. Почувствовал профессиональную хватку. Дотошно прослушал и после всего говорит: «простуда, требуется интенсивное лечение». Рассказал о характере заболевания. О методике лечения рассуждал четко и вслух. Подбодрил, утешил и даже пошутил. Сразу как-то проникся к нему доверием. Что ж, говорю, будем лечиться. Другого врача знать не хочу.

Им оказался Михаил Павлович Тараненко. Он одессит. Закончив там медицинский техникум, по комсомольской путевке приехал на целину в Актюбинскую область. Здесь его определили в один из самых дальних —Уилский район с казахским населением. Заведовал фельдшерско-акушерским пунктом в совхозе. Отлично поставил дело. Хорошо вписался в местную жизнь. Овладел казахским языком, ценил традиции и обычаи казахского народа. В 60-х годах закончил вечернее отделение лечфака Актюбинского мединститута с отличием. Направили в областную клиническую больницу, где он стал ведущим терапевтом — клиницистом. Все годы он наблюдал и поддерживал на уровне наше с Марией здоровье. А уилцы и поныне считают его своим сыном. Это читающий врач, идет в ногу с наукой и передовой практикой.

Объезжая поля, заметил, что зачастую межклеточные полевые дороги неоправданно широки, до 40-50 метров, а в придорожных полосах, на обочинах полей и среди посевов растут и обсеменяются сорняки. Руководители хозяйств свыклись с этим безобразием, с нерациональным использованием пашни, с засорением полей. Пришлось круто с ними поговорить.

На одном из совещаний, где присутствовали все руководители и главные специалисты хозяйств, пришлось даже продемонстрировать снопы из сорняков, собственноручно собранные мною на полях нерадивых хозяйственников. И не просто ограничивался показом снопов. А вызывал к трибуне директоров и главных агрономов и прилюдно вручал им эти «букеты»! И они стыдясь и краснея, в присутствии нескольких сотен человек добирались до своих мест с доморощенными сорняками в руках. Наглядная «критика» оказалась более действенной: поля, в конце концов, стали более чистыми . А полевые межклеточные дороги с 50 метров, как и полагается, сузили до 3-4.

Еще за несколько лет до моего приезда в области начали строительство Каргалинского водохранилища проектной мощностью 180 млн. куб. метров. В процессе разбирательства выяснилась неприглядная картина. Оказалось, что финансовые средства уже израсходовали полностью, а реальный строймонтаж выполнен только наполовину . Министр мелиорации республики просил меня помочь в завершении строительства . Побывав на месте, убедился, что емкость водохранилища можно увеличить и под предлогом этого попросить дополнительное финансирование. Специалисты облводхоза подсчитали: можно «нарастить» еще 104 миллиона кубов!

Посоветовался с министром мелиорации СССР Е.Е. Алексеевским, которого хорошо знал. Он ответил, что на днях с группой специалистов отправляется в Туркмению. Поезд пройдет через Актюбинск, и во время стоянки мы сможем

переговорить. Но попросил подготовить необходимые документы. От железнодорожников узнал, что на станции Кандагач (90 километров южнее Актюбинска) «министерский» спецвагон простоит примерно 5 часов, ожидая пока его переприцепят к поезду Москва-Ашхабад. И тогда я решился на ловкий и эффектный маневр. По моей просьбе железнодорожники отцепили вагон не в Кандагаче, а в Актюбинске! Министр, конечно, подобной каверзы не ожидал. Но я его заверил: «Евгений Евгеньевич, все будет нормально. К нужному часу мы доставим Вас в Кандагач. А пока приглашаю посетить водохранилище, о котором мы говорили». Министр согласился. Вместе с ним поехала большая группа сопровождавших его специалистов. Посмотрев все своими глазами, Алексеевский поддержал мои предложения. Он поручил директору своего проектного института все подсчитать и выделить необходимые средства.

В свой вагон министр попал во время: здесь уже подготовили прекрасный дастархан. Вскоре мы получили финансирование и в 1975 году завершили строительство водохранилища. Его объем на 100 млн. кубометров превысил первоначальный проект. Кстати, лето 1975 года выдалось катастрофически сухим. И только благодаря новому водохранилищу нам удалось спасти от гибели посадки картофеля и овощей в Актюбинском и Мартукском районах. За счет увеличения емкости водохранилища мы получили реальную возможность расширить орошаемую площадь на 17 тыс. гектаров, а также построить пруды для разведения товарной рыбы.

Готовить массивы для орошения — задача непростая. А специалистов соответствующего профиля область не имела. По моей просьбе минводхоз Республики прислал к нам на работу опытного инженера — мелиоратора Егора Дмитриевича Хищенко. Орошение полей в области проводилось в основном машинным способом. Уже в 1973 году хозяйствам выделили 20 поливалок - «фрегатов» и десятка два «Волжанок». Обслугу для

них подготовили из числа механизаторов. На 1975 год наметили в каждом хозяйстве изыскать возможность для строительства орошаемых участков как минимум на 50-60 гектаров. Задача весьма сложная для нашей засушливой зоны.

Мы исходили из своей стратегической задачи: обеспечить в достатке население области картофелем и овощами и создать зеленый конвейер для молочного стада за счет собственного производства. Достойные намерения. Их поддержали в большинстве совхозов и колхозов. От них стали поступать просьбы и предложения о строительстве водохранилищ на местном стоке. Каждое из этих предложений изучалось специалистами на месте, где и принимались окончательные решения, и заказывался проект. Затем только начиналось строительство. И далее шаг за шагом пошло повсеместное строительство водохранилищ и прудов.

Большую помощь селу оказывали промышленные предприятия. Особенно активно взялись за орошение в Ленинском, Хобдинском и Новороссийском районах. Довольно приличные водохранилища построили колхозы «Передовик», имени Ленина, «Красное поле», совхоз имени 18 партсъезда Ленинского района. На полях этих хозяйств работали по несколько фрегатов.

В Актюбинском и Мартукском районах прокладывались магистральные каналы, оборудовались насосные станции для подачи воды на поля к «фрегатам». Уже в 1978 году площади орошаемых земель в области превысили 28 тыс. га, а в 1983 году поливное поле приблизилось к 36 тыс. га. Заметно увеличился валовой сбор картофеля, овощей и бахчевых культур. Если в 1976-м картофель высаживался на площади 1260 га, то в 1984 году его плантации занимали 5176 га. В 1971 году картофеля собрали более 4.8 тыс.тонн, а в 1984 году получили в 6 раз больше. Овощные культуры в 1971 году посадили на 790 гектарах, а в 1984 г. их довели до 2060 га. Валовой сбор соответственно составил 8 тыс. тонн и свыше 20 тыс. тонн,

бахчевых культур 682 тонны и 5980 тонн.

Особо замечу: многие руководители и специалисты считали невозможным иметь в области 40-50 тыс. га поливных земель. Но настойчивость и практика посрамили маловеров. Начиная, примерно, с 1978 года спрос на картофель, овощи и бахчевые уже, в основном, удовлетворялся за счет своего производства. До этого их много завозилось в область из других регионов страны. Появилась необходимость в строительстве овощехранилищ. Начали заниматься и этим делом.

Немало препятствий пришлось преодолеть, чтобы начать строительство большого Актюбинского водохранилища на реке Илек. Областной центр постоянно испытывал дефицит в водообеспечении. Проект водохранилища уже был разработан, но местное руководство почему-то несколько лет медлило с его строительством. Кстати, проект мне понравился.

Мы основательно подготовили необходимые материалы и выехали в Москву. Вместе со мной отправились заместитель председателя облисполкома Ф.П. Авилов и начальник облуправления мелиорации Е.Д. Хищенко. Министр мелиорации Союза Алексеевский посоветовал мне «пробить» вначале этот вопрос в ЦК КПСС. Руководство сельхозотдела ЦК, куда я обратился по совету Евгения Евгеньевича, поручило заняться нашей проблемой своему заведующему сектором ирригации Зарудному. Но дело забуксовало и грозило провалом. Тогда я попросился на прием к М.С. Горбачеву — секретарю ЦК КПСС, курировавшему сельское хозяйство. Он выслушал мою просьбу, согласился с доводами и поручил Зарудному побыстрее (и главное положительно!) решить вопрос. Теперь дело действительно сдвинулось с мертвой точки. За неделю мы согласовали все вопросы с союзными министерствами. На строительство водохранилища от них получили 12 млн. рублей, а остальные средства, примерно 20 млн., предстояло изыскать в республике.

Мое сообщение об этом председатель Совета Министров

Казахстана Б.А. Ашимов воспринял с удовлетворением. Он поблагодарил за то, что из союзного бюджета удалось «выбить» почти половину необходимых средств.

Актюбинское водохранилище емкостью 245 млн. куб. метров строилось в течение 4 лет. Но на завершающем этапе дело едва не застопорилось из-за отсутствия подъемного крана для водовыпуска. Изготовлялись они на предприятиях Запорожья. Туда срочно выехал Е.Д.Хищенко. На заводе ему пообещали изготовить кран через год. Такой большой срок нас, понятное дело, не устраивал. Мне пришлось переговорить лично с первым секретарем Запорожского обкома партии Н.М. Всеволожским. Убедительно попросил его о помощи. И вскоре завод изготовил для нашего водохранилища требуемый кран. Весной 1985 года его смонтировали и через некоторое время плотину сдали в эксплуатацию.

Мало кто верил, что в Актюбинской области можно довести площади орошаемых земель до 40-50 тыс. га. Но маловеры ошиблись.

Выйдя на пенсию в январе 1985 года, я переехал на жительство в Москву. Здесь мы и с Всеволожским, и с Зарудным оказались соседями по дому!

В экономике области значительный удельный вес занимает животноводство. Повседневно сталкиваясь с проблемами этой отрасли, убедился, что без достаточного обеспечения поголовья капитальными помещениями прогресса здесь не жди.

Многократно в беседах с Д.А. Кунаевым, Б.А. Ашимовым, министром сельского хозяйства М.Г. Моторико рассказывал им о бедственном положении с обеспеченностью поголовья помещениями. Настойчиво убеждал их и просил капвложения. В конце концов они согласились и поддержали нас.

Прикинув наши возможности и опираясь на имевшийся опыт строительства хозспособом, решили, что за счет внутренних резервов сумеем построить не менее 700 кошар, 76 коровников и 11 свинарников. Причем около каждой кошары наметили

возвести по два жилых трехкомнатных дома для семей чабанов. К строительству подключили и городские предприятия. Правда, не все промышленники согласились с такой постановкой вопроса.

Помню, директор завода ферросплавов Ростислав Николаевич Сорокин в сердцах бросил фразу: «Вы хотите сделать всех нас соучастниками незаконно рожденного кошарстроя»! Но потом, страсти поулеглись. Часть средств обещали выделить из республиканского бюджета. Но были сложности со стройматериалами, в особенности с обеспечением лесом и кровлей. Хозяйствам выдали проектную документацию. В совхозах и колхозах сформировали строительные бригады, как из своих людей, так и из числа «шабашников». Уже в 1972 году хозяйства области построили 516 овчарен и свыше семидесяти других производственных помещений. Около каждой кошары поставили по два жилых дома.

В целом же за время работы первым секретарем Актюбинского обкома в области возвели около 2000 кошар, 600 коровников, свинарников и других скотопомещений, а так же более двадцати тысяч жилых домов.

Никогда не зацикливался на хозяйственных делах. Всегда особо заботился о подборе и расстановке руководящих кадров. Изучал работников придирчиво, примерял их качества к требованиям дня. Во избежание просчетов и ошибок на новом месте чаще всего пользовался неформальными собеседованиями, не упускал из виду мнения рядовых коммунистов и беспартийных о том или ином выдвиженце. Выяснял позицию опытных, заслуживающих доверия руководителей. Обращался и к мнению ветеранов партии и труда. Ценил мнения и суждения Н. Урунбасарова, М.Е. Милова, М.К. Гизатулина, И.М. Мишина, К.Д. Копжасарова и других, обычно высказывавшихся обоснованно и объективно.

В поиске нужных работников все больше раздвигал рамки

гласности, знакомился с высказываниями на собраниях трудящихся, в печати. По предложениям о выдвижении работников, обычно в течение нескольких дней не принимал решения. Прислушивался к «узун кулаку», т.е. к слухам. Ставку делал на тех, у кого за плечами больше практических результатов, кого отличают чувство ответственности и принципиальность, кто доброжелателен к людям и лично скромен. Стремился не допускать застоя, с одной стороны, и текучести кадров - с другой. Впрочем, бывали и поспешность, и просто ошибки в подборе работников, скрывать тут нечего.

До моего приезда в область случалось так, что руководителями отдельных хозяйств и даже районов назначались люди, не готовые к руководству. Например, учителя или работники культуры. Именно они, как показывала практика, чаще всего и заваливали работу, а в итоге не выполнялись государственные планы и допускались убытки. Со многими из них пришлось поговорить откровенно, и эти люди переходили на работу по специальности. И это правильно: ни к чему хорошему учителю становиться плохим председателем райисполкома. Ну, а кандидатов для выдвижения на их место в области хватало.

Решили, не превращая в кампанию, поправить дело, укрепить руководящий эшелон некоторых районов опытными специалистами. Так директора совхоза — техникума, зоотехника по образованию А. Туребаева выдвинули первым секретарем Челкарского райкома партии. Работника аппарата облсельхозуправления зоотехника А.К. Бекмухамбетова рекомендовали первым секретарем Уилского райкома. Председателя колхоза имени Калинина, затем начальника Хобдинского райсельхозуправления Ф.Е. Чемоданова избрали председателем Карабутакского райисполкома, а затем - первым секретарем Комсомольского райкома партии. Агронома Е. Ажибаева, работавшего в аппарате Новороссийского райкома партии рекомендовали председателем колхоза, затем

директором совхоза, и потом он стал первым секретарем Хобдинского райкома партии. Зоотехник, кандидат сельскохозяйственных наук К. З. Алишев плодотворно работал директором совхоза «Пролетарский», а потом по рекомендации обкома его избрали первым секретарем Мугоджарского райкома партии. Агронома—экономиста совхоза В.С. Мыслину выдвинули председателем райисполкома, после избрали первым секретарем Актюбинского райкома партии. Агронома, директора совхоза М. К. Тажгулова избрали в начале председателем райисполкома, а затем первым секретарем Байганинского райкома партии. Жизнь подтвердила целесообразность такого движения кадров. Названные руководители честно исполняли свой долг, трудились с полной отдачей своих сил, опыта и знаний.

Кстати, на одном из заседаний бюро обкома партии рассказал присутствовавшим об озабоченности Кунаева увлечением многих руководящих работников области подготовкой материалов для кандидатских диссертаций в ущерб основной деятельности. Свою позицию выразил так: «Если кто-то хочет получить ученую степень, это ваше сугубо личное дело. Но только сначала подайте заявление об освобождении от работы и поступайте в аспирантуру. Потому как у нас с вами и без того хватает забот».

Новые требования к руководству сельским хозяйством, кадровые перемещения, повышение требовательности за порученное дело вызвали настороженность у некоторых руководителей. Пошли слухи и пересуды о том, что новый секретарь обкома «взялся за метлу». Правда, со временем все улеглось. Освобождавшихся работников, если они себя не скомпрометировали, мы старались трудоустроить как можно лучше. Словом, продуманная система в подборе и замене руководящих кадров давала ощутимые результаты, особенно в совхозах и колхозах. И дальше эта работа велась в ключе высокой требовательности, открытости и принципиальности.

В первый год своей работы в Актюбинской области чуть ли не половину служебного времени приходилось проводить в поездках по районам. Решил в течение года побывать во всех районах, во многих совхозах и колхозах, на всех крупных предприятиях и в строительных организациях. Выполнить такую задачу было непросто: ведь территория области составляет более 298 тыс. кв. километров. На каждый квадратный километр приходилось чуть больше 2-х человек, около половины населения составляли казахи. Область располагала 26 млн. гектаров сельскохозяйственных угодий. В среднем на каждое хозяйство приходилось 173 тыс. гектаров.

Со своей задачей справился и остался этим доволен. Ведь поездки дали мне более полное представление об области, о ее кадрах, особенностях районов и хозяйств. И - навели на кое-какие размышления. В Октябрьском районе, к примеру, увидел металлические блоки высокой и ажурной телевизионной башни. Подумалось, как же так в областном центре всего лишь любительская 14- метровая мачта, которая не обеспечивает устойчивого вещания даже в самом Актюбинске, не говоря уже о селе, а здесь «высокая высота и такая красота!»

Возвратившись из командировки договорился с министерством монтажных работ Казахстана и блоки башни перевезли в Актюбинск. А в Кандагаче решили соорудить мачту. Башню в Актюбинске смонтировали за короткий срок. Это - моя первая здешняя стройка! Вещание улучшилось не только в городе: сигналы начали принимать и ближайшие районы. Вскоре установили мачту и в Октябрьском районе.

Или другой случай. Как-то ночью, возвращаясь в Актюбинск из командировки, попал в длительную автомобильную пробку на железнодорожном переезде в центре города. Простояли порядочное время. Водители, заметив машину первого секретаря обкома, усердно митинговали, не стесняясь в выражениях.

На другой день решил разобраться в ситуации. Оказалось, что

проект строительства путепровода изготовили еще два года назад. Но руководство города никак не могло решить проблемы обеспечения стройки необходимыми материалами. Кроме того, с железнодорожниками не согласовали «окно» на период строительства. Мне стало ясно: никто по-настоящему не брался за это дело. Пришлось действовать самому. И в течение буквально трех месяцев в Актюбинске появился капитальный путепровод через железную дорогу, а «пробки» в движении автотранспорта, как говорится,канули в лету.

21 декабря 1973 года мне довелось участвовать на состоявшемся в Кремле торжественном заседании Центрального Комитета КПСС и Верховного Совета СССР, посвященном пятидесятилетию образования Союза ССР. На юбилей прибыли представители более 100 государств. С докладом, продолжавшимся три с половиной часа, выступил Брежнев, Генеральный секретарь ЦК партии. После окончания собрания в Кремле состоялся большой прием с участием всех делегаций компартий мира, а также дипломатического корпуса. Леонид Ильич выглядел еще вполне здоровым и бодрым. На приеме он тепло и энергично поздоровался со мной, поинтересовался тем, как в области идут дела, расспросил о моем самочувствии.

50-летие СССР наша область встретила неплохими результатами. Промышленность выполнила план на 101,7 процента, строительные организации — на 105%. Несмотря на сильную засуху, хозяйства области намолотили более одного миллиона тонн зерна и выполнили план по сдаче его государству на 115 %.

Разное случалось в моей практике. Приезжаю как-то в Байганинский район. Захожу на рынок, который в райцентре был прилично оборудован. И удивился: на рынке ни продавцов, ни покупателей. Спрашиваю сопровождавших меня секретаря райкома партии С.М. Беркимбаева и председателя райисполкома М.К. Тажгулова: «В чем дело? Почему нет

торговли?» А мне отвечают: «Беда в том, что уже несколько дней к нам не приезжают узбеки или корейцы. А казахи торговлей не занимаются. Они только покупают. Поэтому у нас рынок пуст. Мы очень ждем узбеков и корейцев». И такая картина оказалась характерной и для других здешних райцентров.

Вообще в Актюбинской области население выглядило беднее, чем на юге республики. Но зато здесь чище моральная обстановка, во взаимоотношениях между людьми больше открытости, взаимного доверия, благожелательности и типичного для казахов гостеприимства. А вот с кадрами в Актюбинске потруднее. Если в Чимкентской области на каждое руководящее кресло приходилось несколько подготовленных кандидатов, и имелась возможность выбора, то в Актюбинске кадровые дела решались внатяжку. Зато здесь крепче правопорядок, значительно реже встречались случаи воровства, спекуляции всяких экономических махинаций и обмана. Правильно говорят: «Хороший человек — еще не профессия». Интересы дела — превыше всего.

В первый год мне удалось увидеть в действии большинство руководителей областного и районного уровней. Многие из них произвели положительное впечатление. Встречались и малокомпетентные работники. Одним помогли подтянуться до уровня требований, а некоторых пришлось заменить. Инертным и малоинициативным оказался секретарь обкома партии, курировавший промышленность и строительство, К.П. Бородин. Он по существу не справлялся с порученным участком работы.

Второй секретарь обкома, отвечавший за идеологическую работу, И.К. Дженалаев также не обладал необходимой деловитостью. В собеседованиях многие партийные и советские работники области отрицательно отозвались об этих секретарях. Пришлось обращаться в ЦК и лично к Кунаеву с просьбой об их замене.

Вторым секретарем избрали Темиргали Бекенова, в свое время окончившего Московское высшее техническое училище имени Баумана, а секретарем — М.П. Слинченко, работавшего заведующим отделом пропаганды и агитации обкома. Обстановка в бюро областного комитета после этой замены значительно улучшилась.

В ЦК КП Казахстана кое-кто советовал мне заменить еще одного секретаря обкома К. Нокина, ведавшего сельским хозяйством. Решил внимательнее присмотреться к нему. Поговорил о нем с некоторыми директорами совхозов, начальниками райсельхозуправлений, даже с чабанами и не услышал ничего порочащего. Сложилось мнение: он хорошо знает кадры и особенности области, работает честно, человек порядочный. Я пришел к выводу, что Нокина следует оставить секретарем обкома. И не ошибся.

Председателем облисполкома работал С.К. Кубашев — человек инициативный и трудолюбивый, глубоко владевший методами экономического анализа сельскохозяйственного производства. Начал он свою карьеру с должности председателя колхоза в Гурьевской области. Его «подпирала» деятельная команда профессионалов в лице замов: Н.В. Лаврова, Ф.П. Авилова, М.Е. Милова, Г.И. Ибатова. Они прекрасно дополняли своего энергичного шефа. Люди опытные, толковые, инициативные. Николай Владимирович —профессионал и опытный аграрник. Глубокий след оставил он на земле актюбинской, отдав ей свою крестьянскую суть и душу. Кое в чем наши взгляды не совпадали. Но это не стало помехой для общего дела. В стратегии нас объединяли интересы дела.

Феофан Павлович, хороший организатор и знаток строительного производства. Его вклад в развитие капстроительства и индустрии в области весьма значителен. Михаил Емельянович добросовестно занимался торговым и бытовым обслуживанием населения. Вел сложнейший участок жизни людей. Любая несообразность в этой сфере на прямую

влияла на настроения населения. Он предвидел и исправлял. Гиззат Ибатович, человек творческий, оригинальный. Твердо, со знанием дела держал руку на пульсе жизни народного образования, культуры и здравоохранения.

Первый секретарь Актюбинского горкома партии, член бюро обкома М.К. Гизатуллин толково направлял партийно-политическую работу и производственную деятельность трудовых коллективов областного центра. Облсовпрофом руководил Н.П. Петров — больной человек и слабый работник. Но его решили не менять, поскольку он собирался выйти на пенсию.

В бюро обкома партии сложилась обстановка, способствовавшая нормальной работе. Деловитость утверждалась и в облисполкоме.

Провели передвижку и некоторую замену заведующих отделами обкома партии и облисполкома. Обновили руководство некоторых районов, совхозов и колхозов. Кадровые перемещения осуществлялись обоснованно и гласно, без особых нареканий. Выдвигались, в основном, местные работники. А слухи о массовом разгоне кадров быстро развеялись. Как-то Кунаев в разговоре по телефону вновь спросил меня: «У тебя сейчас есть работники областного аппарата, занимающиеся написанием диссертаций?» «Диссертантов, кажется, не стало, - ответил я. — Сотрудники занимаются исключительно партийными и государственными делами».

В феврале 1973 года провели пленум обкома партии. На нем принципиальный разговор вели о делах в аграрном секторе экономики. Договорились, что все совхозы и колхозы восполнят допущенное отставание за первые два года пятилетки (1971 — 1972 г.г.). Нам очень хотелось, чтобы недоимки не волочились шлейфом за хозяйствами. Конкретно записали: весной 1973 года дополнительно вспахать 156 тыс. гектаров новых земель.

Я уже говорил, что мне приходилось много ездить по районам, бывать на предприятиях и стройках. Видел много хорошего, не упускал возможности «прокомментироваты» встречавшиеся «язвы» жизни. В колхозе «30 лет Казахстана» Хобдинского района его председатель В.П. Вивтоненко показал мне новую, удобно спланированную и технически хорошо оснащенную мастерскую для ремонта комбайнов и сельхозинвентаря. Мне она очень понравилась. Вскоре направили сюда специалистов облсельхозуправления и облобъединения «Казсельхозтехника». Они тоже положительно оценили новшество.

Это очень важно, если учесть высокую техническую оснащенность совхозов и колхозов. Они имели по несколько десятков тракторов, комбайнов, автомобилей и много прицепного сельхозинвентаря. Ремонтировать технику зимой приходилось на улице. В лучшем случае в ветхих неотапливаемых помещениях. Условия — не позавидуешь! Механизаторы нередко возмущались, а иные покидали свое дело.

Согласовав проект с министерством сельского хозяйства, мы поддержали этот опыт и придали ему ускорение. Такие мастерские стали называть у нас «боксами по ремонту комбайнов». Каждый год вводилось по 15-20 «боксов». Через несколько лет они уже имелись в большинстве хозяйств области. В результате механизаторы получили возможность в зимнее время в приличных условиях, в «тепле» вести ремонт техники. Выиграло качество ремонта и качество труда. После окончания работы ремонтники здесь же принимали душ.

В Актюбинске мы установили такое правило. Аппарат обкома партии, сельхозуправления, облстат регулярно готовили мне аналитический материал о положении дел на селе. Приводились подробные данные в разрезе районов с указанием отдельных хозяйств и фамилий их руководителей. Давались сведения по земледелию, животноводству, рабочим кадрам, экономике, сохранности поголовья и техники, сельскому строительству, а

также о работе организаций торговли, учреждений культуры и здравоохранения. Мои выступления и анализ по этим материалам помогали руководителям районов и хозяйств видеть свои успехи и просчеты в сравнении. Затем они докладывали отделам обкома о принятых мерах.

Летом 1973 года в Алма-Ату приехал Брежнев по случаю вручения Казахстану ордена «Дружбы народов». В аэропорту его встречали члены бюро ЦК КП Казахстана, руководители правительства республики и первые секретари обкомов партии. Подойдя ко мне, Леонид Ильич прикоснулся рукой к моей голове. «Да ты ведь начал седеть, а когда работал в ЦК заведующим отделом, то выглядел молодцом, без седины», - проговорил он. Потом спросил, как мои дела, сказал, что доволен моей . работой, обнял меня и расцеловал. Этот момент запечатлен на фотоснимке, который я бережно храню.

В 1973 году совхозы и колхозы посеяли более 1800 тыс. гектаров зерновых. Как и намечали, увеличили посадки картофеля, овощных и кормовых культур. Значительно расширили площади орошаемых земель за счет установки «фрегатов» и «Волжанок». Мы практиковали обязательное проведение перед весенним севом и летом перед уборкой областных семинаров — практикумов для агрономов и инженеров хозяйств.

31 января 1974 года состоялась XXI областная партийная конференция. В отчетном докладе я рассказал об основных итогах отчетного периода. Промышленные предприятия уже 13 декабря завершили выполнение плана трех лет пятилетки. Производство продукции за это время возросло на 28%. За 1971-1973 годы в развитие народного хозяйства области было вложено 478 млн. рублей, значительно больше чем за предыдущих три года. Ввели в строй действующих ряд новых предприятий. В их числе: кондитерская фабрика и завод бытовых осветительных приборов в г. Актюбинске, обогатительная фабрика Донского хромитового

рудоуправления, Мугоджарский щебеночный завод. Активно велось строительство большого комплекса по производству серной кислоты на Актюбхимзаводе в Алге. Общими усилиями резко увеличили мощности Актюбинской птицефабрики и Алгинского птицесовхоза.

Совхозы и колхозы за эти годы построили 229 коровников, 1063 овчарни и 4155 квартир. Нам удалось заметно увеличить и строительство социально-бытовых объектов. За отчетный период сдали около 600 тыс.кв. метров жилых домов, школ на 10 тыс. ученических мест, больниц на 420 коек, детских учреждений на 4.5 тыс. мест.

Меня радовали многие подвижки в аграрном секторе экономики. Укреплялась производственная база хозяйств, улучшалась культура земледелия и обеспеченность механизаторами. У сельчан появился «вкус» к орошению. Площадь орошаемых земель увеличилась на 2.6 тыс. гектаров. Посевы зерновых за отчетный период выросли на 500 тыс. гектаров. Несмотря на тяжелые погодные условия, в 1973 году мы собрали 1 млн. 300 тыс. тонн зерна и продали государству 662 тыс. тонн или почти 110 процентов к плану. Впервые удалось перевыполнить планы сдачи государству картофеля и овощей, а также всех видов животноводческой продукции.

По итогам 1973 года Актюбинская область была признана победителем во Всесоюзном соревновании и награждена Переходящим Красным Знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК Комсомола.

В то же время не давала покоя задолженность перед государством: по сдаче зерна — 106 тыс. тонн, по картофелю — 1440 тонн и овощам — 4440 тонн.

Делегаты объективно и критически оценивали плюсы и минусы в социально-экономическом развитии области. Крепко нас критиковал председатель Президиума Верховного Совета Казахстана С.Б. Ниязбеков. И правильно «поддавал жару». Ведь мы еще отставали по производству и поставкам государству

некоторых видов сельхозпродукции. Не справлялись с заданиями отдельные предприятия и стройки. Весьма озабоченно и резко говорил он о неустроенности жизни, труда и быта населения отдаленных (как правило, животноводческих) районов. И это была сущая правда! Облагораживание жизни сельчан, особенно животноводов, по всем ее измерениям, определялось как важнейшая задача.

Состоявшийся после конференции организационный пленум обкома партии избрал меня первым секретарем, вторым секретарем — Т. Бекенова, секретарями — В.Д. Горшенина, К. Нокина, М.П. Слинченко.

С первых дней работы в Актюбинске я, естественно, заходил в местные магазины. Хотя и нечасто, но тем не менее. Продмаги выглядели здесь гораздо беднее чимкентских. Специализированные овощные магазины вообще отсутствовали. Люди уже свыклись со скудностью прилавков. Помню, на мой вопрос: «Когда привезут овощи?» продавщица ответила: «Видимо, вы человек приезжий и не знаете, что овощи к нам зимой не привозят, их не будет до лета». В соседнем магазине такая же картина. В Актюбинске не существовало даже базы для хранения овощей и картофеля!

Раздосадованный увиденным поручил руководству города подготовить расчеты потребности в картофеле, овощах, фруктах и бахчевых. Поинтересовался также возможностью производства их в пригородной зоне. Нескольких человек отправили в Чимкент за опытом и проектно — сметной документацией.

Через некоторое время по нашему поручению горисполком, облторг и облпотребсоюз занялись строительством в Актюбинске складов для хранения картофеля, овощей и фруктов. Они с успехом справились с поставленной задачей и с 1974 года в областном центре стали и летом, и зимой продавать собственные овощи и фрукты. Горторг и облпотребсоюз потом построили хорошие холодильники и овощебазы с подъездными

железнодорожными путями.

Знакомясь с областью, я случайно попал в профтехучилище, размещавшееся в помещениях ликвидированной МТС в Новороссийском районе. Оно влачило жалкое существование. Большинство зданий были пусты и полуразрушены.

Возвратившись, попросил справку о размещении всех профтехучилищ области. Оказалось, что большинство из них находятся в отдаленных населенных пунктах, плохо обустроены и слабо укомплектованы преподавателями. Набор учащихся велся с трудом: молодежь в такую глухомань просто не желала ехать. Обсудив проблему с секретарями райкомов партии, работниками облисполкома и облуправления профтехобразования, мы решили перебазировать все ПТУ в районные центры. На «перекочевку» ушло три года. Сразу стало полегче и с набором учащихся, и с комплектованием преподавателями; значительно улучшились условия и качество занятий, а также быт учащихся.

Столкнувшись с нищенским прозабянием Новороссийского ПТУ, решил в комплексе рассмотреть состояние профтехобразования в области. Положение оказалось удручающим. Договорились прежде всего подналечь на строительство, развитие учебно-материальной базы и улучшение жилищных условий.

В 1971-1985 г.г. основательно поработали и в 6 райцентрах построили типовые комплексы сельских ПТУ, в г. Хромтау — полный набор учебных зданий училища горняков, в Актюбинске — три комплекса училищ строительного профиля. За каждым учебным заведением закрепили базовые предприятия.

В 1974-1981 годах дела нашей профтехшколы вел заслуженный работник сельского хозяйства республики Есполай Мусин. В нем рационально сочетались опыт учителя и многолетние навыки хозяйственного руководителя. В молодости он учительствовал. Затем возглавлял партком и правление колхоза.

Свыше 13 лет руководил совхозом имени М. Горького Алгинского района. Хозяйство стало при нем крупным и передовым.

Бывая в совхозе, наблюдал его в деле: энергичен, деловит и внимателен к рабочим и специалистам. В облуправлении, первым делом взялся за ликвидацию «долгостроя», реконструкцию имевшися учебных зданий. Мусин искренне переживал за низведение профтехучилищ в пасынки в системе образования. Он с досадой рассказывал, что школы «списывали» в профтехучилища весь свой «балласт»: неуспевающих, нарушителей, детей из неблагополучных семей. Словом, очищали свое «учебное поле», отдавая брак коллегам в профтехшколу.

Я поддерживал устремления Есполая Мусиновича на обновление, омоложение и инженеризацию преподавательских коллективов. Он рьяно заботился о повышении репутации профтехучилищ, как одного из важных каналов получения молодежью среднего образования с рабочей профессией. Настойчиво очищал педколлективы от всякого рода «недомастеров» и «околоспецов», которые делали все как-нибудь и наносили ущерб качеству подготовки рабочих кадров.

Е. Мусин не замыкался в рамках должностных обязанностей. Он избирался членом и председателем ревизионной комиссии областной партийный организации, депутатом областного и Актюбинского городского Советов депутатов трудящихся. Его плодотворный труд отмечен высокими правительственными наградами.

После ухода на пенсию его сменил Виктор Григорьевич Сельский: тоже учитель, работал в вузе, заведовал отделом науки и учебных заведений обкома. Человек с хорошими знаниями, опытом и завидной работоспособностью. Захотелось ему конкретики, утвердили начальником управления. Совершенствуя систему, сосредоточился на облагораживании профтехучилищ, повышении качества преподавания

технических дисциплин и подготовки рабочих, улучшении оснащенности учебного процесса. Он поднял роль учебных подсобных хозяйств: в них и руки «учили», и «растили» базу общепита.

Еще два момента. При нем управление настойчиво переводило училища на подготовку рабочих по совмещенным и укрупненным профессиям. И что еще важно, занялись внедрением планирования свободного времени учащихся, разумным его заполнением, особенно в общежитиях после занятий. У Каргалинского водохранилища создали оздоровительный центр. Все учебные заведения преобразовали в средные профтехучилища.

В X-й пятилетке (1976-1980 г.г.) профтехучилища подготовили 42.5 тыс. рабочих и в XI-й пятилетке (1981-1985 г.г.) — 45.4 тыс. рабочих.

Многие руководители и работники составляют гордость профтехобразования. Своего рода патриархом этой системы я считаюМукаша Кенбаева, инвалида Великой Отечественной войны, заслуженного учителя Казахской ССР. Он более 20 лет посвятил обучению и подготовке рабочих строителей в ПТУ № 5. Практически пожизненно трудится в профтехобразовании Юрий Константинович Агибалов. Он то же заслуженный работник образования Казахстана. Его питомцы работают на нефтепромыслах, стройках, в геологических партиях. Большой вклад в подготовку рабочих кадров внесли директора профтехучилищ: А.С. Тупик, В.Т. Маркевич, А.И. Казачков, К.А. Испаев, А.А. Рудык, Ф.Х. Фаткулин, Г.З. Займолдин, Р.А. Дубовцева, А.А. Кудайбергенов, Н.И. Тополова, И.Н. Городниченко, В.М. Гавриш, А.К. Сарсенов.

15 марта в Алма-Ате во Дворце имени Ленина отмечалось двадцатилетие освоения целинных земель. На торжества приехали Л.И. Брежнев, более двух с половиной тысяч целинников, делегации от всех союзных республик СССР и многих областей России. У всех на лицах светились радость и

праздничное настроение. Обстановка приподнятости воодушевляла. Состоялось много приятных встреч с покорителями целины, которых лично многих знал: едва успевал откликаться на приветствия и пожелания.

Обратно в Актюбинск мы с Марией ехали в вагоне вместе с первым секретарем Оренбургского обкома партии А.В. Коваленко и первым секретарем Челябинского обкома М.Г. Воропаевым. Долгая дорога в вагоне пролетела за разговорами незаметно. Александр Власович подарил Марии прекрасный оренбургский пуховый платок. Чимкенцы и актюбинцы, зная о нашем возвращении с целинных торжеств, на станциях встречали нас хорошим казахским дастарханом. Кстати, сейчас в Москве мы с Воропаевым живем в одном доме. До сих пор он вспоминает, как нас тепло встречали, как угощали беспармаком и шубатом на каждой крупной железнодорожной станции.

25 марта мы в Актюбинске тоже провели торжественное собрание, посвященное 20-летию целины. До начала ее освоения в области имелось 205 колхозов, 18 совхозов и 32 МТС. Зерновыми культурами было занято 363 тыс. гектаров, урожайность – 3,8 центнера. Среднегодовой сбор зерновых составлял 140 тыс. тонн, из них поставляли государству 58 тыс. тонн. Ученые обследовали в области 19 миллионов гектаров земель и установили, что 1 миллион 700 тысяч из них пригодны для распашки.

Усилия оказались ненапрасными. В 1954 и 1955 годах распахали 1 млн. 141 тыс. га. Общая посевная площадь зерновых в 1955 году возросла до 900 тыс. га. или в 3 раза. На пустовавших землях Иргизского и Карабутакского районов создали пять крупных целинных зерносовхозов с сельхозугодиями в 250 тыс. гектаров каждый. В 1966 году на базе восьми целинных совхозов организовали новый Комсомольский район. Всего же в области освоили более двух миллионов гектаров целины. Посевную площадь всех культур довели до 2600 тыс. гектаров, из них

зерновых — почти 2 млн. гектаров.

16 июня 1974 года меня избрали депутатом Верховного Совета СССР девятого созыва от Актюбинской области (до этого избирался депутатом Верховного Совета седьмого и восьмого созывов от Чимкентской области). Взял за правило кроме обязанностей, касавшихся моей обкомовской деятельности, честно и оперативно исполнять свой депутатский долг.

В 1974 году земледельцы области посеяли 2 млн. 130 тыс. гектаров зерновых. Выпали осадки, урожай зрел приличный. Совхозы и колхозы приняли обязательства — продать государству не менее 50 млн. пудов хлеба.

Хлебоуборка проводилась с напряжением, люди работали самоотверженно. Много помогали сёлянам горожане. Прибыла помощь из южных областей республики. В начале хлебоуборки в область приехал Д.А. Кунаев. Он осмотрел состояние хлебов, ход уборки урожая и сдачи зерна в Актюбинском, Мартукском и Алгинском районах. На собрании партийно-хозяйственного актива я доложил, что область намерена сдать не менее 50 млн. пудов хлеба. Димаш Ахмедович искренне обрадовался. Но попросил: «Прикиньте еще раз свои возможности. Поищите резервы. И если сумеете -увеличьте хлебосдачу».

Похвалив мою работу как первого секретаря, он в то же время раскритиковал нас за отставание в капитальном строительстве, животноводстве и неритмичную работу ряда промышленных предприятий. Как раз к приезду Димаша Ахмедовича в Актюбинске закончилось строительство нового городского автовокзала. Мы попросили нашего гостя разрезать красную ленту, и он охотно согласился.

За обедом Кунаев сказал мне, что обстановка в республике, в целом, складывается неплохо. И если в целинных областях не случится какое-либо ЧП, то Казахстан сдаст миллиард пудов хлеба. «Правда, - добавил Димаш Ахмедович, - официально об этом Брежневу пока не говорил». В конце разговора он еще раз сказал, что доволен моей работой, поддерживает наши

начинания и поможет полностью профинансировать сверх государственного плана ведущееся в области сельское строительство. При этом Кунаев с улыбкой заметил: «А ты еще не хотел ехать сюда работать!» В последующие годы он еще не раз вспоминал о том моем отказе.

Хлебоуборку закончили в основном организованно. Валовой сбор зерна составил 1474 тыс. тонн. Государству сдали 862 тыс. тонн, или 52 млн. пудов. В ходе хлебоуборки дважды звонил Брежнев, — интересовался ходом выполнения обязательств по хлебосдаче. Результатами он остался доволен. Под конец разговора доложил ему, что на днях ЦК партии получит наш официальный рапорт о выполнении обязательств. Брежнев, когда-то и сам работавший в Казахстане, хорошо знал, как нелегко для Актюбинской области взять такую высокую планку — 50 млн. пудов!...

В начале октября 1974 года область рапортовала ЦК партии и Совету Министров СССР о перевыполнении плана и принятых обязательств. Хозяйства сдали государству 52 миллиона пудов хлеба, что на 214 тыс. тонн больше плана! 9 октября область получила приветственную телеграмму от Л.И. Брежнева. В ней говорилось: «...горячо поздравляю...всех кто своим самоотверженным трудом в сложных погодных условиях этого года обеспечил организованное проведение уборки урожая и выполнение социалистических обязательств по продаже зерна государству. От души желаю труженикам села закрепить и приумножить достигнутые результаты, организованно провести зимовку скота, хорошо подготовится к весеннему севу и успешно выполнить задание пятилетки по производству и продаже государству всех сельскохозяйственных продуктов».

Кроме зерна, область сдала 10.2 тыс. тонн картофеля, 16.4 тыс. тонн овощей, 1.75 тыс. тонн бахчевых. Это соответственно в 5, в 3 и в 16 раз больше того, что сдавалось всего лишь три года назад, т.е. до освоения новых земель. Важно еще и то, что нам

удалось ликвидировать задолженность, образовавшуюся за истекшие четыре года пятилетки по продаже государству зерна, картофеля и овоще-бахчевых культур. Значимость этого успеха еще и в том, что резкое увеличение производства картофеля, овощей и бахчевых позволило области полностью перейти на самообеспечение и отказаться от завоза их извне.

С самого начала работы в области решил взять своеобразный «партийный патронаж» над капитальным строительством, которое, как уже говорил, не получило здесь достаточного развития. Моим сподвижником в этом большом деле стал секретарь обкома Вячеслав Дмитриевич Горшенин. Знаток строительного дела, грамотный инженер, большой практик. Навык руководства приобрел в Уральской и Кзыл-Ординской областях. К нам его направили с должности заместителя министра. Используя свои знания и опыт, он с головой погрузился в проблемы специализации и технического переоснащения трестов, создание предприятий промстройматериалов. В 1977 году его выдвинули председателем Мангышлакского облисполкома.

К концу 70-х годов в области уже действовали 13 крупных трестов. Четыре из них вели промышленное строительство. «Актюбжилстрой» с размахом возводил жилье и объекты соцкультбыта. И опять же четыре концентрировались на сельском строительстве. Это - весь комплекс производственного и социально-культурного назначения. Два крупных трансстроя - «Дорстройтрест - 2» и «Актюбтрансстрой» - обслуживали Западно-Казахстанскую железную дорогу. Обустраивал нефтепромыслы трест «Актюбнефтегазстрой».

Их трудом украсился и обрел современный облик Актобинск. Приезжие к нам гости, как свои, так и зарубежные, всегда подмечали множество стройкранов - отличительную особенность нашего городского пейзажа. Похорошели и выросли наши малые города: Хромтау, Алга, Октябрьск, Эмба, Челкар и рабочие поселки Шубаркудук, Батамшинский.

Я строго и щепетильно подходил к проектам планировки и застройки Актюбинска. Советуясь со специалистами, стремился найти наиболее разумные варианты размещения важных зданий, группы зданий, определить их архитектурный облик. Думаю, что комплексная застройка новых жилых микрорайонов и центра города в основном получилась: приятно смотрятся Ленинский проспект, Октябрьский бульвар, проспект имени Алии Молдагуловой с памятником Боевой славы, стадионом, университетом, высшим летным училищем.

Притчей во языцах был «жилищный кризис». Получалось, чем больше строили, тем круче возрастал спрос. Тысячи граждан значились в списках очередников. Одни вселялись в новые квартиры и столько же, если не больше, «вселялось» опять же в списки. Наш трест «Актюбжилстрой» и его субподрядчики работали весьма напряженно. Более 12-ти лет руководил им Петр Григорьевич Бондаренко. Человек он - скромный, инженер - знающий и опытный, организатор коллектива - толковый; всегда человечен, требователен и доступен. Не боялся строительной канители, верно исполнял свой долг: «Строить, строить и строить...»

В жилстроймонтаже огромную роль играл домостроительный комбинат. В начале 70-х он начал свое восхождение от цеха, выдававшего «хрущебки», к самостоятельному, с замкнутым циклом производства, современному предприятию крупнопанельного домостроения. Давалось все нелегко и непросто. Здесь основную скрипку вел главный инженер, а потом директор ДСК Юрий Иванович Троицкий. Со своими специалистами он сумел преодолеть все гримасы жизни и осуществить реконструкцию. Ведь старое и новое в этом процессе буквально переплетались. И действуя по известной поговорке, используй во благо все трудности, они победили: и горечь неудач, и сладость успеха. Мощность комбината удвоили и подняли ее до 120 тысяч кв. метров в год. На счету коллектива более 2 млн.200 тыс.кв. метров жилья. Вполне хватило бы на

город средней величины!

После ухода Горшенина строительные дела активно повел вновь избранный секретарь обкома В.Я.Клейнгольд. Его направил к нам ЦК Компартии Казахстана из Кустаная. Он хорошо зарекомендовал себя. Человек компетентный в своей отрасли, большого практического опыта.

В нашей строительной летописи почитаем Николай Иванович Курбацкий. Начинал он в наших краях начальником управления строительства Западно-Казахстанского совнархоза в 1962 году. Затем более полутора десятков лет до 1979 года /уход на пенсию/ руководил «Главзападстроем» в качестве главного инженера и начальника Главка, впоследствии республианского объединения «Актюбтяжстрой». Его личные качества я бы обозначил так: завидная работоспособность; владение системным подходом в организации дела; умение «вычислять» и подбирать кадры по принципу - результат. И поныне многие руководители считают его своим учителем.

После начальником строительного объединения «Актюбтяжстрой» минтяжстроя республики к нам направили опытнейшего организатора капстроительства Льва Юкелевича Новака. За время своей работы у нас он сделал много полезного. Нарастили мощности заводов: силикатных стеновых материалов, железобетонных изделий, щебёночного. Для ирригации создали несколько передвижных механизированных колонн /ПМК/. Укрепили дорожно-строительные организации. В связи с организацией Западно-Казахстанской железной дороги и размещением в Актюбинске ее Управления создали «Дорстройтрест № 2», трест «Актюбинсктранесстрой», начали возведение домостроительного предприятия и завода железобетоных шпал.

В числе многих славных строителей ярко выделяется Н.Н.Жиленков, управляющий трестами «Актюбстрой», «Актюбжилстрой». Его вклад в развитие отрасли значителен и неоспорим. Трудился Николай Николаевич напряженно,

честно и, можно сказать,талантливо. Он - признанный патриарх актюбинских строителей. Его мысли и дела материализованы в многочисленных возведенных объектах.

В руководящем корпусе строителей выпестовано немало замечательных авторитетов. Созидание-суть их жизни. Назову наиболее ярких: А.А.Мешков - много лет руководивший трестом «Актюбстрой». Н.И.Санталов - управляющий трестом «Чилисайтяжстрой», И.В.Похил -«Актюбинсксельстрой», Ф.В.Нифонтов - «Актюбжилстрой», А.А.Исайкин - «Актюбэлеваторсельстрой», А.Алданазаров - «Актюбводстрой», Т.О.Ауесбаев - «Дорстройтрест - 2» /Зап.Каз.ж.д./, М.О.Тулепов -«Актюбнефтегазстрой», Н.Т.Бегишев — «Актюбстрой». Трудились они самоотвержено. Хвала и честь им!

Вглядываясь в наше время и осмысливая его, хочу особо сказать, что нам удалось подтянуть капитальное строительство, обновить его основной капитал, придать ускорение в темпах и объемах. К началу 80-х годов на стройках и предприятиях промстройматериалов было занято свыше 32 тысяч человек. Много прекрасных дел они сотворили. Так, только за девятую и десятую пятилетки /1971 - 1980 г.г./ освоено около 3 млрд.рублей капитальных вложений.Введено в действие более чем на 2,5млрд. рублей основных фондов. За этот период сдано 2,4 млн. кв. метров жилых домов.

Вопросами стройиндустрии, как и многими другими, я занимался каждодневно. Зачастую приходилось убеждать работников союзных и республиканских министерств в необходимости оказания нам помощи техникой, финансированием, стройматериалами.

Хорошо мне помогал Ф. П. Авилов, заместитель председателя облисполкома, как я уже говорил, знающий и опытный строитель. В свое время он возглавлял ряд крупных строительных организаций в Рязани, избирался там членом бюро обкома партии. К сожалению, он рано ушел из жизни. Память о нем у меня не меркнет.

Заместил его второй секретарь горкома партии И.Х.Дрожжин. Он пришел в облисполком уже на новом витке роста строительного производства. Замена оказалось достойной. Иван Харитонович прочно «оседлал» зыбкость его развития. Свою цепкость, трудолюбие и оперативность сполна отдавал делу. Хотя не обходилось без излишней шумливости и суеты.

Основательно действовал и строительный отдел обкома и во главе с И.И. Беляковым. В это время полным ходом велось строительство обогатительной фабрики и шахты на Донском горно-обогатительном комбинате. Наряду с ними возводились Чилисайский фосфоритный рудник, вторая очередь рентгензавода, объекты фабрики первичной обработки шерсти.

В июле 1975 года на пленуме обкома мы обсудили проблемы и перспективы развития капитального строительства. Отрасль сложная и трудная. Ее подъем давался нелегко. Тем не менее, мы добились перелома: за четыре года (1971-1974 г.г.) объемы возросли на 34 процента, строители освоили 806 млн. рублей капиталовложений. Ввели в эксплуатацию 27 предприятий и объектов химической, черной, пищевой, легкой и мясомолочной промышленности. На селе за это время возвели 277 коровников и свинарников, 1328 овчарен, 10 ремонтных мастерских, 6390 квартир, порядочно школ и клубов.

Мне пришлось неоднократно говорить с Кунаевым и просить «добро» на увеличение капвложений на сельское строительство. Он обещал помогать и крепко держал свое слово. Во время собеседования, когда меня направляли в Актюбинск, Димаш Ахмедович сказал: «Денег на сельское строительство мы дадим столько, сколько вы освоите. Используйте разумно, без излишеств».

Есть выражение: «Вокзал — ворота города». В Актюбинске имелся небольшой железнодорожный вокзал. Его построили в конце прошлого века, когда прокладывалась железная дорога из Оренбурга в Ташкент. С тех пор население города выросло в десять раз, значительно увеличился грузооборот и перевозки

пассажиров. И маленький вокзал сдерживал развитие, создавал много неудобств в обслуживании пассажиров.

Как-то в Москве я зашел к заместителю министра путей сообщения СССР Подпалому. Завел с ним разговор о целесообразности строительства в Актюбинске нового вокзала. А он в ответ: «Я лично решить этот вопрос не могу. На меня должны «надавить» или сам министр Бешев, или его первый заместитель Гундобин. А еще лучше — из ЦК КПСС».

Что ж, пошел в ЦК — к заведующему отделом транспорта К.С. Симонову. Мы друг друга хорошо знали. Он выслушал меня, позвонил Подпалому и поинтересовался: «Каковы перспективы строительства нового вокзала в Актюбинске?» Тот ответил, что пока есть только одно указание от самого Брежнева: возвести вокзал в Ростове. «Тогда включите в план строительства и Актюбинск», - порекомендовал Симонов. После разговора тут же отправился опять к Подпалому. И мы условились, что он через пару дней пришлет в Актюбинск проектировщиков. Расставаясь, он предупредил: «Скоро будет официально объявлено о начале сооружения Байкало — Амурской магистрали, и если вы задержитесь со строительством своего вокзала, то у вас вообще ничего не выйдет». В ответ я пообещал лично взять шефство над строительством этого объекта.

Через месяц проект был готов. Запросили разрешение на снос старого вокзала. Начальник Казахской железной дороги Виноградов, дав согласие на подготовку стройплощадки, умолчал при этом о сносе старого здания вокзала. Как быть в такой ситуации? Я взял всю ответственность на себя. Поручил начальнику Актюбинского отделения железной дороги К.С. Бикулову, первому секретарю горкома партии П.Т. Турмагамбетову и председателю горисполкома В.И. Финютину: снести старое здание вокзала и немедля развернуть строительство нового. Работы начались во второй половине 1973 года. Регулярно бывая на этой стройке, обратил внимание на

то, что сама привокзальная площадь и примыкавшие к ней убогие домишки имеют неприглядный вид и в дальнейшем будут резко контрастировать с современным зданием вокзала. Пригласили проектировщиков, посоветовались и решили снести ветхие строения, поставить многоэтажные кирпичные дома и благоустроить площадь.

И вдруг через полтора месяца после начала строительства вокзала из Москвы от Подпалого поступает указание: «Старый вокзал не сносить, строительство нового отменить». А старого-то уже и в помине не было! Больше того: строители успели закончить к этому времени возведение цокольного этажа и начали кладку первого! Я проинформировал Подпалого о ситуации, отправил ему фотоснимки со стройки. И сработало, запрет отменили, хотя и «со скрипом». В августе 1975 года вокзал сдали в эксплуатацию, одновременно обустроив прилегающую к нему площадь. А рядом уже возводились кирпичные девятиэтажные дома.

На открытие вокзала приехал заведующий транспортным отделом ЦК Леонид Георгиевич Жуков — авторитетный в республике специалист. Он по поручению Кунаева курировал важные стройки. В их числе знаменитый каток Медео и Дворец имени Ленина в Алма-Ате. Много лет возглавлял министерство автотранспорта республики.

В 1973 году мне стало известно от работников нашего летного училища о том, что Министерство гражданской авиации СССР активно занимается поиском подходящего города для создания первого в стране высшего летного училища. Я быстро позвонил министру Б.П. Бугаеву и предложил ему Актюбинск, подходивший по всем параметрам. Ведь у нас в году 260-270 солнечных дней! Борис Павлович обещал подумать. А через несколько дней сам прилетел к нам. Оказывается, Актюбинск — город для него не чужой.

Здесь в годы Великой Отечественной войны находились в эвакуации его родители; здесь он получил первую путевку в

небо. Мы с ним впоследствии даже разыскали дом, в котором когда-то жила их семья. К этому моменту в городе завершалось строительство нового здания для имевшегося здесь летного училища.

Борис Павлович осмотрел его и озадачился тем, что оно не удовлетворяет требованиям высшего летного учебного заведения. Бугаев спросил: «Если министерство выделит необходимые средства, то окажет ли область помощь в быстром завершении строительства нового корпуса?» Я его твердо заверил: «Да. Буду главным прорабом на стройке». Борис Павлович показал фотоснимок здания Ленинградского высшего авиационного училища. Наши строители заверили, что справятся с таким сооружением. И тогда министр заявил: «Считайте, что вопрос о дислокации высшего летного училища гражданской авиации в Актюбинске принципиально решен».

Уже в 1975 году наш летный ВУЗ провел первый отбор курсантов. Конкурс был огромный. Поначалу занятия шли в старых корпусах. Но в 1976-м ввели в эксплуатацию новое большое здание — главный учебный корпус. Кстати, прибывшему к нам министру он понравился, и он пообещал быстро поставить необходимое оборудование и смонтировать его. Профессорско-преподавательский состав комплектовался в основном из специалистов учебных заведений Ленинграда и Киева. Руководство города выделило для них некоторое количество квартир. Так в Актюбинске появилось третье высшее учебное заведение — первое в СССР высшее летное училище гражданской авиации.

Его первым начальником стал Михаил Ильич Митяшин, первоклассный инженер-пилот, опытный и талантливый авиатор. Начинал летчиком, а потом с 1965 года в течение десяти лет командовал такими крупными предприятиями как Красноярское и Якутское управления гражданской авиации. С мая 1975 года Михаил Ильич более восьми лет (до ухода на пенсию) возглавлял наше высшее летное училище (АВЛУГА).

Мне он нравился своей деловитостью, волевыми качествами и требовательностью. Человек он смелый и в то же время скромный, вдумчивый и хладнокровный в противоречивых ситуациях. В училище он, как говорится, «разрядился», отдав свой богатый, наработанный годами опыт пилота, командира и организатора молодой поросли авиаторов. Создал учебно-лабораторную базу, тренажерный центр и учебно-летный комплекс «Хлебодаровский», грунтовые учебные аэродромы. Не без трудностей сформировали научно-педагогический, командно-летный и летно-инструкторский составы. Михаил Ильич — автор методического пособия по учебно-летной работе, занимался исследованиями по проблемам научной организации учебно-летного процесса. Их результаты использовались в летных училищах страны.

В один из приездов в Актюбинск узнал, что училище к своему 20-летию (1995 г.) подготовило свыше 3500 специалистов с высшим авиационным образованием (инженеров-пилотов). За это время повысили квалификацию более 5 тыс. авиационных специалистов. В их числе граждане Венгрии, Вьетнама, Лаоса, Гвинеи, Монголии, Афганистана. Закончил его и национальный герой Республики Казахстан, «Герой России» летчик-космонавт Талгат Амангельдиевич Мусабаев. Словом, в те годы Актюбинское АВЛУГА играло ведущую роль среди учебных заведений Аэрофлота.

За высокие производственные достижения, проявленную при этом трудовую доблесть М.И. Митяшину в феврале 1983 года присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Удачно вписались в руководящее ядро нового ВУЗа активные и толковые организаторы, заместители начальника училища: Борис Яковлевич Кудряшов — по научной и учебной работе; Леонид Федорович Чатковский — по летной подготовке; Бакатай Жидеханович Нарышев — по инженерно-авиационной службе; Владлен Иванович Михальченко — по воспитательной работе; Эдуард Оскарович Брудный — декан факультета;

А.М. Мурзак, В.В. Сырвачев, А.В. Попов — командиры летных отрядов.

В 70-е годы в области было построено немало важных объектов. В их числе большой мост через реку Каргалу. О том, что он нужен, актюбинцы говорили много и долго. Старый, маленький и ненадежный мост уже ни на что не годился — особенно в паводок, и даже несколько раз был причиной гибели людей. Осенью 1974 года на пленуме ЦК я встретился со своим давнишним добрым другом, начальником Главного управления шоссейных дорог республики Леонидом Борисовичем Гончаровым. Прямо спросил его: «Ты же обещал помочь со строительством моста. Так чего же тянешь?» В ответ он посетовал на нехватку автотранспорта. «С техникой, - говорю, - поможем. Пора уже за дело браться, а то оно больше года не сдвигается с мертвой точки». Сооружение моста стоимостью в несколько миллионов рублей началось в 1975 году. По моему поручению его строительство курировал первый секретарь горкома партии П.Т. Турмагамбетов. Верил, что он квалифицированно справится с этим заданием. При содействии минавтодора республики и активном участии городских предприятий в 1977 году закончили сооружение прекрасного моста при слиянии рек Илек и Каргала. Мы с председателем облисполкома О.А. Козыбаевым разрезали красную ленту и открыли «окно» к сельчанам.

Еще раньше, в 1972 году, мне пришлось заниматься строительством актюбинского аэровокзала.

Наш аэропорт стоит на сплетении оживленных воздушных трасс, связывавших города Сибири с курортами Кавказа и Черноморского побережья. Через него проходили рейсы из столиц республик Средней Азии и стран Юго-Восточной Азии на Москву, Ленинград и в города Восточной Европы. Пассажиропоток здесь был большой — ежедневно садилось свыше двадцати лайнеровов. Плюс к этому самолеты местных линий.

Немало пришлось попотеть, решая вопросы, связанные с возведением аэровокзала начальнику Казахского управления аэрофлота дважды Герою Социалистического Труда Н.А. Кузнецову и командиру Актюбинского авиаотряда Герою Социалистического Труда П.Н. Николаеву.

Несколько отвлекусь и скажу: Павел Николаевич — это человек избыточной деловитости и активности. Удивлялся, когда он спит! Дневал и ночевал на взлетном поле, в штабе, в отделах. Прекрасный командир-авиатор. Как руководитель был строг и объективен, требователен и критичен в оценках. Прекрасно обустроил авиагородок.

Аэровокзал получился удобным и просторным. Среди прочих здесь устроили специальную комнату для приема высокопоставленных гостей, в том числе и иностранных. Дело в том, что самолеты, следовавшие в Афганистан, Индию, Вьетнам, Камбоджу, Иран и другие страны, садились у нас для дозаправки. Обратно они тоже летели через наш аэропорт.

По существовавшему порядку мы с председателем облисполкома обязаны были встречать и провожать иностранных руководителей. Конечно, это отнимало немало времени. К примеру, только правительственные делегации из Афганистана во главе с Бабраком Кармалем в течение года пролетали через Актюбинск в Москву и обратно по 3-4 раза!

Строек было много. В числе прочих продолжалось начатое по инициативе моего предшественника Н.И. Журина сооружение спортивного комплекса. Футбольный стадион сдали уже к началу чемпионата 1973 года. Это был первый в СССР чисто футбольный стадион. Без беговых дорожек, — да еще и крытый для зрителей. А вот с финансированием других объектов спорткомплекса возникли проблемы. Мне даже позвонил как-то председатель Совмина Б.А.Ашимов и поинтересовался: «Как ты смотришь, если объекты недостроенного комплекса мы передадим торговым организациям? Они их достроят и сделают там магазины».

Я возразил против этого. Уговорил выделить деньги для спорткомплекса из республиканского бюджета. Строительство продолжили.

Комплекс, кроме стадиона на 15 тысяч мест, включал в себя еще и Дворец спорта, рассчитанный на 3 тысячи мест, плавательный бассейн, тренировочный спортзал, стрелковый тир, кафе — столовую, здание спортшколы, Все они располагались весьма компактно. Футбольный стадион по углам обрамляют 4 трехэтажных вставки, в которых разместили гостиницу, физкультурный диспансер, спортлото и административные службы. Футбольная команда «Актюбинец» получила прекрасную игровую базу. Правда, пришлось из-за нехватки финансирования отложить устройство тренировочного стадиона, теннисных кортов и волейбольных площадок.

Актюбинцы радостно восприняли ввод спорткомплекса. Здесь развернули многопрофильную спортивно-массовую работу: устраивались наиболее важные общегородские праздники, проводились спартакиады, театрализованные представления. Открыли детские спортивные школы: фигурного катания, олимпийского резерва, юношескую футбольную команду.

Сразу по приезду в Актюбинск я взял за правило один раз в месяц приглашать журналистов для обстоятельного разговора. Обычно подробно рассказывал им о положении дел, о наших планах, отвечал на их вопросы. На одной из таких пресс-конференций редакторы двух областных газет заявили, что старое здание местной типографии держится буквально на «подпорках». Съездил туда и убедился: действительно, надо принимать кардинальные меры — одним ремонтом здесь не обойдешься.

Рассказав о ситуации секретарю ЦК С.Н. Имашеву, попросил его поддержать нашу просьбу о выделении средств для строительства новой типографии. А он ответил: «Дорогой Василий Андреевич! Когда ты работал секретарем

Чимкентского обкома и просил деньги для тамошней типографии, знаешь, каким образом мы их нашли? Мы исключили из плана строительство актюбинской типографии! Актюбинцы сами виноваты: им вовремя давались средства, но они слишком долго «раскачивались». Не получится ли в очередной раз так, что стройка снова будет сорвана?» Я пообещал: «Ничего подобного больше не случится». Вскоре строительство типографии снова включили в план. Этому немало способствовал сам Имашев, который сказал, что работая в свое время в Актюбинском обкоме партии, видел в каком убогом состоянии находится здешняя полиграфическая база.

Строительство типографии, начатое в новой части города, держал под личным контролем. Бывая в Москве, «выбивал» в отделе пропаганды ЦК партии и министерствах наряды на поставку современного полиграфического оборудования. Активно и целеустремленно занимался строительством, техническим оснащением, пуском и наладкой новой типографии начальник облполиграфиздата Рамазан Нуржанов. Его настойчивость и хватка в этом деле мне нравились.

В новой типографии стали печатать не только наши областные газеты, но и некоторые «районки», многотиражки, а также республиканские издания, передаваемые по фототелеграфу и предназначенные для подписчиков всего Западного Казахстана.

Как-то мой сосед председатель облсовпрофа Н.П. Петров сказал, что давно просит Центральный Совет профсоюзов предусмотреть у нас строительство туристической гостиницы. Но ему вроде бы и не отказывают, а с другой стороны не включают в план и не выделяют финансирование. На одном из заседаний комиссии Верховного Совета СССР мы познакомились с заместителем председателя Центрального совета профсоюзов Романовым. Разговорились на эту тему. В итоге он сказал: «Пусть Петров направит мне соответствующие бумаги. Я гарантирую финансирование».

Но получилось так, что деньги по моей просьбе действительно

выделили, в то время как проекта самой гостиницы еще и в помине не существовало. Странно, однако, но Петров толком даже не представлял себе, что такое проект! В одном из журналов он увидел красивое здание гостиничного типа с чертежами и решил, что это и есть искомый проект. Принес мне и показал эту картинку. Пришлось проектировщикам в срочном порядке изготовить документацию. Стройку начали и через пару лет ввели гостиницу «Космос» в самом центре города.

В Актюбинске планировалось и строительство Дома политического просвещения. Уже подготовили площадку, заказали проект. Оказалось, что за основу взяли Дом политпроса, построенный в Акмолинске. Здание это я знал, поскольку когда-то здесь работал вторым секретарем обкома партии. Оно мне не нравилось: приземистое и неудобное, мы даже пленумы обкома там не проводили. В Чимкенте строили более приемлемое здание. Туда мы и командировали своих специалистов. Они привезли проект, который действительно оказался гораздо удачнее.

По моему предложению новое здание «привязали» к торцу будущего бульвара, названного потом «Октябрьский», аккурат напротив Дома Советов в центре города. Решение о замене проекта согласовали с ЦК партии. Одновременно с этим при активном участии горожан занялись застройкой Октябрьского бульвара, его благоустройством и озеленением.

Еще работая в Чимкенте, мы вместе с Имашевым побывали на приеме у министра здравоохранения СССР академика Б.В. Петровского. Мы хотели убедить его открыть мединститут в Чимкенте. Но он отказал, заявив, что однажды уже совершил ошибку, дав согласие на создание аналогичного вуза в Актюбинске. По его словам, там не оказывали институту никакой помощи. Студентов учили плохо: выпускники только и могли, что таскать носилки с больными, а лечить людей им невмоготу.

И вот, оказавшись по воле судьбы в Актюбинске, и

встретившись с ректором мединститута Ажмагием Смагуловым, вспомнил сказанное академиком Петровским. Ректор посетовал на массу проблем, особо подчеркнув острую нехватку учебных площадей и квартир для преподавателей института. Мы с председателем облисполкома С. Кубашевым прикинули, чем можно помочь вузу. Выделили десятка два квартир, средства на строительство из местного бюджета. Кое-чем помог и Совет Министров республики. Начали строительство первого учебного пятиэтажного корпуса. Большую помощь оказал институту замминистра здравоохранения Казахской ССР Я.А. Клебанов - в прошлом заведующий Чимкентским облздравотделом, приехавший по нашей просьбе.

После завершения строительства 2-х учебных корпусов ректор принес мне проект 8-и этажного лабораторно-административного корпуса, «вмонтированного» между двумя уже имевшимися новыми зданиями. Получался неплохой архитектурный ансамбль. В один из приездов Кунаева в Актюбинск, уловив хорошее настроение руководителя республики, показал ему проект и убедительно попросил помочь достроить комплекс мединститута. Димаш Ахмедович захотел посмотреть все на местности. Пояснения давал ректор. От нас Кунаев позвонил в Госплан и поручил изыскать средства на строительство вставки. К сожалению, в связи с ослаблением внимания и начавшейся перестройкой жизни общества возведение ее растянулось на многие годы. Сдали лабораторный корпус только в 1997 году. Солидно прирасла учебная площадь. На одного студента она составила 7,2 кв. метра, а обеспеченность студентов общежитиями — 83%. Прилично получилось!

Академик Петровский, которому подробно рассказал о нашем институте, о завершении строительства комплекса учебных зданий, общежитий для студентов,о выделении жилья преподавателям воспринял это сообщение с радостью. Благодарил нас за помощь. Параллельно создавалась база для

учебной практики студентов. В облбольнице, рядом с комплексом АкГМИ, построили терапевтический и кардиологический корпуса в 3 и 5 этажей, вскоре подоспел терапевтический корпус городской и комплекс железнодорожной больниц с учебными комнатами, онкологический диспансер и ряд других.

Здесь уместно будет сказать доброе слово о ректоре профессоре Ажмагие Смагулове. Почти четверть века он возглавлял наш медвуз. Человек емкий душевно и интеллектуально. Привлекали в нем внешняя неброскость, скромность и человеческая порядочность. Отрадно, что многие научные работы он посвятил методике диагностики лечения и профилактики хромовой интоксикации, «построенные» на местном материале и местной экологии.

Каждый раз при встречах ориентировал его на решение триединой задачи: всемерное повышение научного уровня профессорско-преподавательского коллектива,обеспечение солидного престижа и авторитета своего вуза. Советовал настойчиво добиваться высокого качества обучения и подготовки будущих врачей. Многие его питомцы, разъехавшиеся по многим городам и весям огромной страны, хорошо котировались. Приятно сознавать, что наш мединститут «заработал» статус вуза первой категории. И, наконец, обращал внимание на качественный честный и принципиальный отбор студентов.

Не ошибусь, если скажу, что эти советы легли на благодатную почву его души и деяний. Уже в 70-е годы сложился солидный костяк ученых — педагогов. Уважением студентов и общественности пользовались заведующие кафедрами, профессора: К.В. Мельникова, В.В. Морозова, А.Т. Стародубова, Ю.В. Бирючков, М.А. Дудченко, В.И. Савицкий, Э.И.Шаиро, Д.С. Ковалев, Э.Д. Иванова, П.И. Поляков; доценты: Н.Д. Растопчин, С.Г. Козбагаров, Л.Н. Фарафонова, Н.Ф. Иванова, А.А. Утепбергенов,

А.Я. Фелькер, И.К. Миралеев, Н.И. Губанов.

Последующее обновление и омоложение коллектива шло главным образом за счет своей молодой поросли своих питомцев. Многие из них стали именитыми учеными и клиницистами. Это профессора Н.И. Изимбергенов, Р.С. Кузденбаева, К.А. Жаманкулов, К.К. Кудайбергенов, О.Н. Туребаев, Н.А. Яковлев, К.Д. Дуйсенов, К.У. Касенов, Б.С. Мамбеталин, Ж.К. Ордабаев, Т.Ж. Умбетов,-А.Е. Тулеуов. Уже в 1985 году из 460 преподавателей около 40 имели ученую степень доктора наук и более 170 — кандидата наук. Как тогда говорили, приличная «остепененность»!

Хорошие «крепежные» узы коллективу давали секретари парткома Т.А. Бондарева, К.У. Биекенов, В.Г. Сельский, В.С. Щербаков, М.Т. Оспанов, П.С. Синекоп. Кстати, Марата Турдыбековича Оспанова в начале 90-х избрали депутатом Верховного Совета Казахской ССР. После провозглашения суверенитета Республики Казахстан он был избран депутатом и председателем мажилиса (парламента).

Завершался 1974 год. Промышленные предприятия области в целом перевыполнили планы производства продукции. Заметно поднялись темпы и возросли объемы капитального строительства. За 4 года (1971-1974 г.г.) мы ввели более 840 тыс. кв. метров жилья.

За достижение высоких результатов во Всесоюзном соревновании и досрочное выполнение народнохозяйственного плана 1974 года нашу область наградили переходящим Красным Знаменем страны. По итогам года город Актюбинск, 6 районов, 12 совхозов и колхозов, 5 предприятий и облпотребсоюз были удостоены союзных и республиканских Красных Знамен. За 1971-1974 г.г. 4697 тружеников области награждены орденами и медалями Советского Союза.

А Федору Емельяновичу Майорову, бригадиру совхоза 40 лет Казахстана, Бекишу Галымову, старшему чабану совхоза имени Курманова, Максату Мамытову, старшему чабану совхоза

«Джурунский», Анатолию Архиповичу Явдошину, бригадиру тракторной бригады совхоза «Ярославский» присвоены звания Героя Социалистического Труда.

В марте 1975 года на пленуме обкома мы подвели итоги обмена партийных документов. Билеты нового образца получили 30220 коммунистов области. Пленум освободил С. Кубашева от обязанностей члена бюро обкома партии, поскольку его назначили заместителем председателя Совмина Казахстана. Вместо Кубашева ввели в состав бюро нового председателя облисполкома Оразалы Абиловича Козыбаева.

Выдвижение Сагидоллы Кубашевича на высокий пост в правительстве республики вполне логично. Он, прекрасный специалист животноводства. Лично знал многих чабанов, скотников, табунщиков, для них он был наставником и авторитетом. Он никогда не замыкался в рамках сельскохозяйственной отрасли, великолепно ориентировался и в политической жизни. Он, как камертон, улавливал настроения людей. Никакая неожиданная ситуация не могла застать его врасплох. Его выступления на заседаниях пленумов и бюро обкома всегда были немногословны, но логичны, конкретны и принципиальны, и в то же время - тактичны. Простой и общительный с людьми, Кубашев сделал много полезного для Актюбинской области.

В конце 60-х и особенно в 70-х годах в Актюбинске резко обострилась проблема транспортного обслуживания населения. Опоздания людей на работу приняли массовый и хронический характер: автобусный парк не справлялся с пассажиропотоком. В утренние часы сотни людей скапливались на остановках, «митинговали», поминали не добрым словом «отцов» города и области. Уехать невозможно, а дойти пешком тем более: ведь к этому времени город растянулся в длину на 15-16 километров! Подумалось: «А почему бы, как в Чимкенте, не устроить здесь троллейбусное движение?». На одном из совещаний поставил перед городскими властями и руководителями актюбинских

предприятий задачу: потрясти свои бюджеты, не жалничать и найти средства для строительства троллейбусных линий. Многие из них положительно отнеслись к моему предложению. Заручившись их поддержкой, официально попросил у министра коммунального хозяйства республики А.И. Чернышова подготовить соответствующую проектную документацию. Ее разработали в течение года. Дальше пошли финансовые «страдания».

У себя в Актюбинске мы так и не смогли найти достаточное количество средств для этой цели. Пришлось обращаться выше. Во время посещения области Кунаевым в 1974 году, я рассказал ему о серьезных трудностях в работе внутригородского транспорта и попросил поручить министерству коммунального хозяйства включить в план на 1975 год строительство троллейбусных линий. Прямо из моего кабинета Димаш Ахмедович позвонил Чернышову и дал необходимое указание. Потом, когда он уже уехал из Актюбинска, мне позвонил Чернышов и по-дружески отругал, напомнив: «Ты же обещал построить троллейбусные линии за счет области!»

Споро включились в новое дело горком партии — П.Т. Турмагамбетов и горисполком — В.И. Финютин. В старой части города по намеченной трассе кое-что убрали, спрямили и расширили проезжую часть улиц. Начали строить депо и силовые подстанции, устанавливали железобетонные опоры для контрактных линий.

Всеобщая заинтересованность помогала успеху. Электротранспорт «поехал» в Актюбинске на год раньше, чем в Целиограде и Кустанае, хотя прокладывать линии там начали одновременно с нами. Безусловно, положительную роль сыграл мой аналогичный чимкентский опыт. Открытие троллейбусного движения мы приурочили к приезду Кунаева: в августе 1982 года Димаш Ахмедович лично разрезал ленточку, пустив первый троллейбус.

Хочу поведать об истории появления еще одного важного

объекта. О строительстве Актюбинского элеватора. Рост объемов производства зерна и отставание развития базы хранения вынуждали хозяйства засыпать его в бунты на открытых площадках. В иные годы таким способом мы «хранили» до 200 тыс. тонн!

Зимой 1973 года, находясь на отдыхе в Барвихе, встретился с министром заготовок СССР Григорием Сергеевичем Золотухиным. Как-то разговорились о хлебозаготовках. Рассказал ему о наших горемычных делах с хранением зерна. Он с пониманием отнесся к нашим проблемам и дал «добро» на открытие в Комсомольском, Уилском и Исатайском районах хлебоприемных пунктов (один из «золотухинских» замов категорически возражал против этого). Обрисовав также бедственное положение с элеваторными емкостями, вручил министру официальное письмо с просьбой о включении в план на 1975 год строительства у нас элеватора. Золотухин знал о дефиците элеваторных и складских емкостей в области, но в плане пятилетки их развитие у нас не предусматривалось. Переговорив с Госпланом и получив его принципиальное согласие, министр сделал «рокировку». В одной из областей России, где многие годы срывалось начало сооружения элеватора, его сняли из плана и передали Актюбинску. А на нашем письме наложил резолюцию: «Построить в Актюбинске элеватор, комбикормовый завод и мельницу». И в начале 80-х годов все три объекта отстроили и ввели в эксплуатацию.

Многие годы не решался вопрос о строительстве овцехладобойни в Челкарском районе, удаленном от областного центра на 300-400 километров. Здесь в совхозах имелось без малого 500 тыс. голов скота. Государству ежегодно сдавалось около 120 тыс. овец. При перегоне на большие расстояния животные теряли упитанность, а перевозки их вагонами были слишком дорогой и трудоемкой операцией. Для этого требовались 2000 вагонов! Наконец, после неоднократных просьб правительство выделило деньги на возведение

овцехладобойни. Вскоре ее построили.

Из плановых объектов в Актюбинске завершили сооружение крупной фабрики первичной обработки шерсти.

К сожалению, приятные «сюжеты» жизни были омрачались катастрофической засухой 1975 года. За все лето не выпало ни одного дождя! Землю иссушило начисто, вся она была иссечена трещинами. Местные жители заметили устойчивое чередование: сильные засухи, как правило, приходятся на годы, оканчивающиеся цифрой «5» (1955, 1965, 1975 г.г. и т.д.).

Вот и в 1975 году в области погибли посевы на больших площадях. Лишь местами собирали по 1,1 центнера с га. Хлеб государству не сдавали: урожая не хватило даже на семена. Сено не запасли из-за слабого травостоя. Скот вошел в зимовку неупитанным. Пришлось вести заготовку соломы за три-девять земель, в Восточно-Казахстанской области. Засуха тяжело ударила по экономике хозяйств. Сложно и напряженно проходила зимовка скота. Радовало только то, что практически все поголовье разместили в теплых помещениях.

В ноябре на пленуме обкома партии мы держали большой совет о том, как найти выход из критической ситуации. Актюбинские предприятия изготовили измельчители соломы, тысячи сельчан и горожан занимались ручной заготовкой чилиги и веток тальника. Немного комбикормов выделила республика. Южные районы области весь ноябрь и декабрь содержали скот на выпасах. В итоге зимовку все же удалось провести без особых потерь.

В декабре 1975 года на XXII областной партконференции я доложил делегатам о наиболее значимых итогах девятой пятилетки. Промышленность 2 декабря, т.е. на 29 дней раньше срока, выполнила пятилетний план! Строители освоили около миллиарда рублей капитальных вложений и ввели без малого один миллион квадратных метров жилых домов. В совхозах и колхозах построили 8490 квартир, 1560 овчарен, 365 коровников и свинарников, 100 кормоцехов и зерносклады на 312 тыс. тонн.

Объемы производства сельхозпродукции увеличились на 14%. Больше плана пятилетки поставили государству животноводческой продукции, картофеля, овощей, бахчевых культур. Опечалила всех жестокая засуха: план пятилетки по хлебосдаче реализовать не удалось. Меня избрали первым секретарем обкома, делегатом XXV съезда КПСС и делегатом XIV съезда Компартии Казахстана.

Вторым секретарем обкома был избран Т. Бекенов, секретарями —В.Д.Горшенин, К.Н.Нокин, М.П.Слинченко. Утвердили заведующих отделами обкома партии, редакторов областных газет. Председателем ревизионной комиссии избрали Е. Мусина (отец нынешнего акима области А.Е. Мусина).

Незадолго до конференции «отпустили» первого секретаря горкома М.К. Гизатуллина — в связи с избранием его секретарем Западно-Казахстанского обкома партии. Мансур Каримович оставил добрый след в жизни города и в памяти актюбинцев. Его ценили как энергичного партийного вожака и толкового руководителя. Человек он добросовестный с развитым чувством долга и ответственности.

Первым секретарем горкома партии избрали Петра Туменбаевича Турмагамбетова. Его характеризовали как опытного работника, хорошо знавшего экономику города, его инфраструктуру, кадры и проблемы.

До моего приезда в область южный Байганинский район, находящийся в полупустынной зоне, не производил ни одного центнера своего зерна. Хотя в прежние годы здесь сеяли.

Побывав в районе, обговорил эту проблему с секретарем райкома С.М. Беркимбаевым и председателем райисполкома М.К. Тажгуловым. Обсудили с директорами совхозов и специалистами областного и районного управлений сельского хозяйства. Договорились пахать и сеять. Довели здешним хозяйствам задание: подобрать по 2-3 тысячи гектаров лучших из имеющихся земель, вспахать их и засеять фуражным ячменем. Так и сделали. Через два года после выращивания

ячменя эти площади должны засеиваться житняком, а под зерновые распахивались новые земли. Получилось неплохо: совхозы стали производить свои концкорма, не полагаясь все - цело на давальческие.

Более того руководители района Беркимбаев и Тажгулов, директора некоторых совхозов так разохотились, что решили (правда, осторожно) заводить поливные участки. В совхозе имени Абая стали сеять люцерну на поливе в пойме реки Эмба. А совхоз «Диярский» организовал полив бахчей из артезианских колодцев. Какие вкусные экологически чистые арбузы выращивали! Отдельные экземпляры достигали 12-16 кг. Был даже случай, когда район поддержал область в выполнении соцобязательств по сдаче зерна государству! Оказывается и такое возможно! Опыт удался и себя оправдал — и не только в Байганинском районе.

Вот, к примеру, Уилский. Еще будучи студентом сельхозинститута, узнал о знаменитом здешнем звеньевом Чаганаке Берсиеве, собиравшем на поливных участках по сто с лишним центнеров проса с гектара. Потом его опыт почему-то забыли. Решил разобраться: в чем же тут дело? Приехал в район. Посмотрел участки, на которых работал Берсиев. Встретился с его родственниками, с руководителями хозяйств. Но никто толком не смог объяснить, — почему вдруг здесь перестали заниматься возделыванием высокоурожайного проса. Чаганак, кстати, создал прекрасный семенной фонд.

Я попросил сельчан: «Не найдете ли вы хоть немного берсиевского белого проса?» Обратился также во Всесоюзный институт растениеводства.

Через некоторое время секретарь райкома партии С.С. Сагинтаев позвонил мне и сообщил, что у одного из родственников Чаганака на чердаке нашли около мешка «берсиевского» проса. Мы его взяли и посеяли на трех орошаемых гектарах из расчета пять килограммов на гектар. Предварительно удобрили землю. Затем в течение нескольких

лет наши специалисты тщательно занимались этим просом, но более 50 центнеров с гектара получить не смогли. Феномен Берсиева так и остался загадкой.

В марте 1976 года возвратился с XXV съезда партии. Конец апреля и весь май прошли в разъездах, встречах с населением и коммунистами. Сельчане хорошо провели весенний сев зерновых на площади 2061 тыс. га, что на 128 тыс. га больше плана. Вплотную занимались заготовкой кормов, ремонтом уборочной техники.

В конце июля, как обычно, область навестил Д.А. Кунаев. Он осмотрел состояние хлебов, ознакомился с ходом уборки. Побывал на некоторых промпредприятиях. Одобрил настойчивость с какой мы развивали поливное земледелие.

В завершение Димаш Ахмедович встретился с руководящим активом. Обсудили плюсы и минусы в уборке урожая. Мы дали слово: область выполнит свои обязательства и продаст не менее 50 млн. пудов зерна.

Вдруг в разгар уборки нас с председателем облисполкома пригласили в Алма-Ату. Судили-рядили и подумали, видимо, речь пойдет о новом казахстанском миллиарде. В ЦК мы подтвердили: область сдаст государству не менее 50 млн. пудов зерна.

2 сентября в аэропорту тепло встретили Л.И. Брежнева. Он поздоровался с встречавшими его руководителями республики и первыми секретарями обкомов. Подойдя ко мне, улыбнулся и спросил: «Как дела с уборкой?» Обнял и расцеловал меня. Фотокорреспонденты запечатлели этот момент и потом вручили мне снимок.

На совещании партийно-хозяйственного «генералитета» пришли к единому мнению: Казахстан сдаст государству новый миллиард пудов хлеба, да еще с «довеском». В своем выступлении Леонид Ильич поблагодарил казахстанцев за обещанный миллиард с добавкой в 100 млн. пудов. Наш вклад определили в 51 млн. пудов.

Как всегда, после совещания состоялась встреча Леонида Ильича с первыми секретарями обкомов партии. По его просьбе мы высказывались свободно и откровенно. О чем-то просили, что-то предлагали. Я, в частности, рассказал об актюбинской нефти и попросил поручить министерству нефтяной промышленности ускорить разведку и увеличить добычу углеводородов. Брежнев поинтересовался: «А сколько у вас нефти добывается сегодня?» «Один миллион тонн», - ответил я. «Ну, это не то количество, чтобы данным вопросом занимался Генеральный секретарь», - пожал он плечами. Тогда я ему доложил, что по данным геологоразведки в Актюбинской, Гурьевской и Уральской областях совокупные запасы нефти исчисляются миллиардами тонн! Услышав это, сразу же поручил своим помощникам взять предложение на контроль, чтобы вернуться к нему уже в Москве.

При всем этом наши помыслы были прикованы к борьбе за большой хлеб. В 1976 году область продала государству 872 тысячи тонн зерна или 52.4 млн. пудов. Только пшеницы хозяйства поставили 532 тысячи тонн. С этим успехом трудящихся области поздравили Брежнев и Кунаев; пришли приветствия от Совета Министров Казахстана, руководителей других областей.

29 сентября во Дворце спорта состоялся массовый митинг, посвященный трудовой победе хлеборобов области.

В декабре 1976 года на пленуме обкома партии мы обсудили одну из острых проблем — обеспечение сельского хозяйства кадрами массовых профессий. В связи с расширением посевных площадей наши совхозы и колхозы закупили большое количество техники. Замечу, что для ее обслуживания требовалось около 30 тысяч механизаторов разных профилей, а имелось всего 18 тысяч. Не хватало и животноводов, в частности, скотников, табунщиков, чабанов, доярок. Их числилось около 18 тысяч вместо необходимых 26 тысяч. В общей сложности для работы в сельском хозяйстве предстояло

В зале заседаний 24 съезда КПСС. В 1-м ряду слева В.Ливенцов. Москва, Кремль. 1971 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорный вручает орден В.Ливенцову. Москва, Кремль. 1971 г.

24-й съезд КПСС. Руководители партии и государства среди делегатов съезда. Слева направо: 1-й - Д.А.Кунаев, 2-й - В.В.Подгорный, 3-й В.Гивенцов, 6-й - Генсек ЦК КПСС Л.И.Брежнев, 8-й - Н.А.Косыгин - председатель Правительства СССР 9-й -М.А.Суслов - секретарь ЦК КПСС. Москва, Кремль. 1971 г.

Встреча с Л.И.Брежневым. Алма-Ата. 17 сентября. 1973 г.

Вручение орденов и медалей передовикам Ленинского района. В первом ряду в центре В.Ливенцов. Чимкент. 1974 г.

Обмен договорами о соревновании Актюбинской и Тургайской областей. Слева В.Ливенцов, справа представитель тургайцев М.Р.Сагдиев. Актюбинск. 1973 г.

С.Б.Ниязбеков, председатель Президиума Верховного Совета выступает с речью после вручения области переходящего Красного Знамени страны по итогам 1973 года. Актюбинск. 1974 г.

Встреча Л.И.Брежнева в Алма-Атинском аэропорту, прибывшего на торжества, посвященные 20-летию целины. 1974г.

Собрание общественности Актюбинска, посвященное встрече с видными писателями СССР. Слева направо: 2-я Л.А.Кузнецова, Б.Кербабаев - патриарх туркменской литературы, А.Кешоков, В.Ливенцов, С.Кубашев, В.Карпов и др. 1974 г.

Встреча в аэропорту Актюбинска секретаря ЦК Компартии Болгарии Лилова (второй справа). 1975г.

В.Ливеицов с супругой и сыновьями Юрием и Валерием, снохой Элей и внуком Димой в Москве. 1975 г.

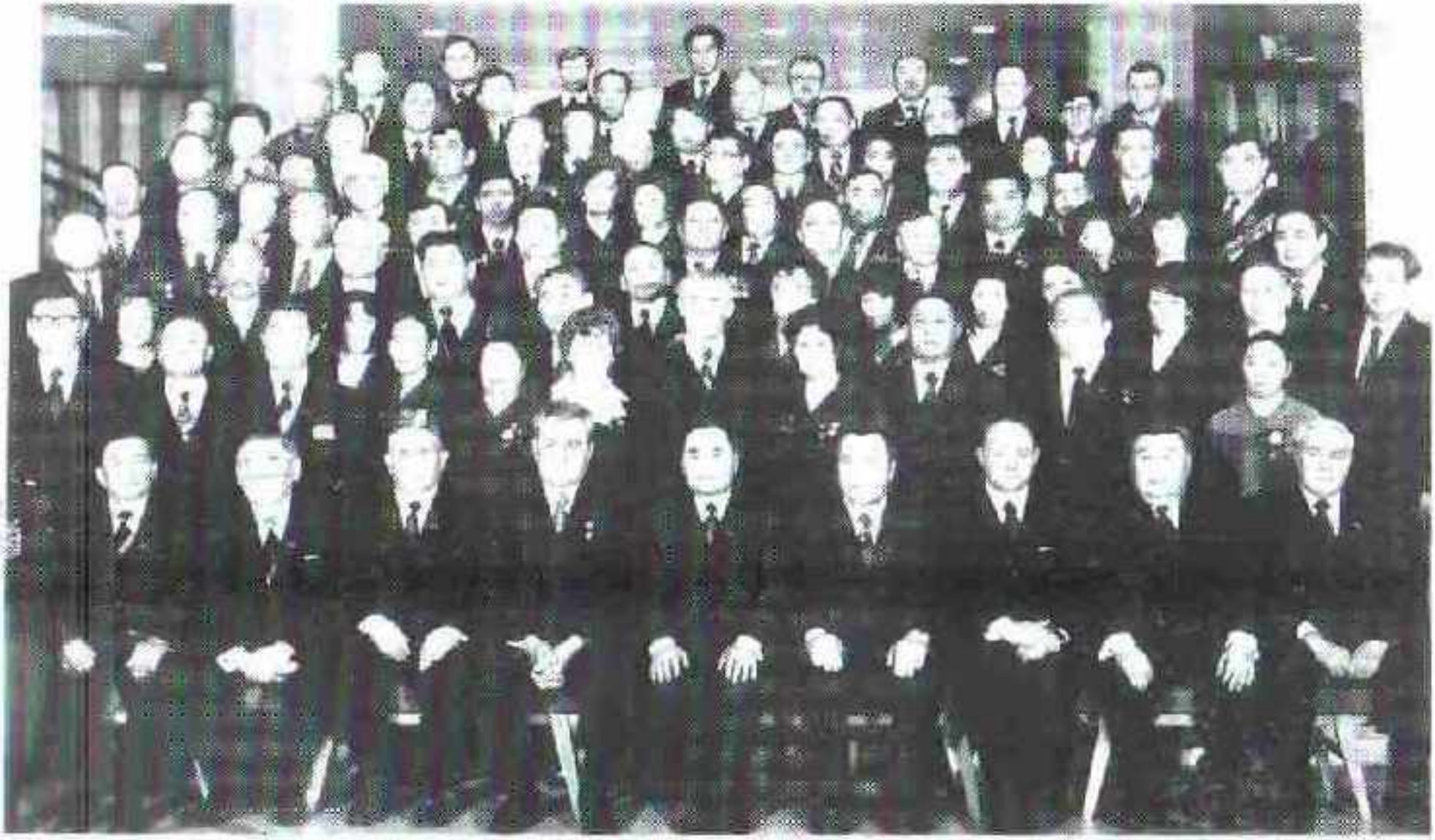
Партработники Социалистической Единой партии Германии — слушатели ВПШ при ЦК КПСС. Актюбинск. 1975 г.

Открытие футбольного стадиона в Актюбинске. Ленту разрезает В.Ливенцов. Во 2-м ряду секретари обкома: В.Горшенин, Т.Бекенов, К.Нокин, левее - М.Слинченко. У микрофона председатель горисполкома В.Финютин. 30 августа 1976г.

Встреча в Актюбинске с трижды Героем Советского Союза А.И.Покрышкиным. Знакомился с постановкой оборонно-массовой работы. 1976 г.

В.А.Ливенцов выступает на областном съезде чабанов на казахском языке. Актюбинск. Июнь 1976 г.

Д.А.Кунаев осматривает Каргалинское водохранилище. Поясняют В.Ливенцов и О.Козыбаев. Июль 1976 г.



Делегаты 14 съезда Компартии Казахстана. Сидят слева направо: Ш.Коспанов - 1-й секретарь Уральского обкома, С. Б. Ниязбеков, В.Ливенцов, Д.А.Кунаев, Б.Ашимов, В.К.Месяц - 2-й секретарь ЦК, Мищенко - инспектор орготдела ЦК КПСС, С.Н.Имашев, И.Г.Слажнев - зам. председателя Совмина республики. Алма-Ата. 1976 г.

Рауль Кастро (1-й справа) с супругой в Актюбинском аэропорту. 1976 г.

Памятник летчику-космонавту В.И.Пацаеву в Актюбинске.

Открытие памятника В.И.Пацаеву. Слева направо: космонавты А.Губарев, В.Лебедев, Н.Рукавишников, Г.Гречко. 2-ая слева супруга Пацаева Вера Александровна и 3-й - В.Ливенцов.
6 Июня 1976 г.

В.Ливенцов в рабочем кабинете. Актюбинск. 1977 г.

Министры СССР Б.В.Бакин (1-й слева), Н.В.Голдин (в центре, минтяжстрой) знакомятся со строительством химзавода в г.Алге. Сопровождают В.Ливенцов и В.Клейнгольд (1-й справа). 1977 г.

Работники аппарата Актюбинского обкома партии. В первом ряду слева направо: И.Беляков, Т.Кунбаев, Л.Винокуров - заведующие отделами, М.Слинченко - секретарь, В.Ливенцов - 1-й секретарь, Т.Бекенов - 2-й секретарь обкома, Д.Кулынаров - зав.отделом и др. 1977г.

Министр гражданской авиации СССР Б.П.Бугаев в центре. Решено создать в Актюбинске высшее летное училище. 1977 г.

Встреча министра Б.П.Бугаева с актюбинскими авиаторами. Сидят слева направо: Николаев П.Н. — командир авиаотряда, Б.П.Бугаев, В.А.Ливенцов. Во 2-м ряду 6-й слева М.И.Митяпин — начальник АВЛУГА. Февраль 1977 г.

Премьер-министр Лаоса Кейсон Фомвихан (1-й справа) и члены его правительства. Актюбинск. 1977 г.

Обед. Высокому гостю К.Фомвихану по казахскому обычаю преподносится баранья голова. Слева О.А.Козыбаев. Май 1977 г.

Д.А.Кунаев, Б.Ашимов и М.Г.Моторико - министр сельского хозяйства беседуют с механизаторами колхоза «Красный Колос» Алгинского района. 1978г.

Встреча делегации Социалистической Единой партии Германии во главе с членом политбюро Х.Зиндерманом. Актюбинск. 1978 г.

Делегация Актюбинской области на торжествах, посвященных 25-летию освоения целины. Алма-Ата. Март 1979 г.

Участники пленума Актюбинского обкома партии. В первом ряду сидят слева направо: С. Кубашев - председатель облисполкома; Н.И.Журин - бывший первый секретарь обкома; В.К.Месяц - секретарь ЦК Компартии Казахстана; В.А.Ливенцов - вновь избранный 1-й секретарь обкома; И.К.Дженалаев - 2-й секретарь обкома партии. Во 2-м и 3-м рядах первые секретари горкома и райкомов партии. 1972 г.

молодежи, участвовал в добровольных дружинах по охране правопорядка, в развитии художественного творчества и создании содержательного досуга и отдыха молодежи. Незабываемы студенческие строительные отряды, походы по местам боевой и трудовой славы, участие в многочисленных вокально-инструментальных ансамблях, молодежных театрах, народных оркестрах, различных лекториях, диспутах, встречах с интересными людьми. Все не перескажешь. Одно верно: молодежное творчество отличалось многообразием форм и методов, рожденных в толще жизни, в коллективизме действий юношей и девушек.

О нашем опыте подготовки рабочих кадров рассказал в брошюре «Дело решают люди», опубликованной в 1974 году издательством «Казахстан».

Занимаясь развитием отраслей материального производства, мы не ослабляли заботы о социальной сфере. Мне нравилась советская система народного образования. Ценил в ней: государственность, всеобщность, обязательность и бесплатность, а значит абсолютную доступность. Она давала емкие и глубокие знания. Помнится наш областной съезд учителей 1978 года. Я его открывал. Внимательно слушал доклад заведующей облОНО С.И. Еламановой и развернувшуюся затем дисскусию. Обсуждалась стержневая проблема — ход реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Всеобщее одобрение и чувство исполненного долга вызывало утверждение всеобщего, обязательного среднего образования. Оно стало реальностью. Это — большая победа! Средние школы, как основное звено получения среднего образования, заняли ведущее (у нас 81%) положение.

Речь на съезде велась главным образом об обновлении содержания образования, повышении его качества и улучшении методики обучения.

Меня заинтересовал блок проблем, связанных с трудовым

воспитанием и профессиональной ориентацией старшеклассников. Делегаты поддерживали тенденцию сближения трудового обучения непосредственно с производством, создание на предприятиях, в совхозах и колхозах учебных рабочих мест, учебных участков и цехов, ученических производственных бригад. В ряде школ учащиеся обучались работе на тракторах, комбайнах и других сельхозмашинах. Действовало 137 ученических производственных бригад. Важную роль играл межшкольный учебно-производственный комбинат Фрунзенского района города Актюбинска во главе с Мухачевым. Здесь рабочими профессиями овладевали более 1100 учащихся 9-11 классов.

Делегатов съезда заинтересовал опыт школы № 17 города Актюбинска по трудовому обучению и повышению эффективности учебно-воспитательного процесса. Важную роль в этом играла научная лаборатория Академии педагогических наук СССР, возглавляемая академиком Ю.К. Бабанским. Педколлектив во главе с заслуженным учителем Казахской ССР Адильханом Алгиевым добился значительной оптимизации учебного процесса и воспитания школьников. Опыт школы одобрили Союзное министерство просвещения и Академия педнаук. Они рекомендовали его для распространения в школах республики. На базе школы проводились республиканские и областные конференции по проблемам применения достижений педагогической науки в школьной практике.

На съезде 11 школам мы вручили благодарственные письма обкома партии и облисполкома. Делегатам — директору средней школы № 19 А.А. Проскуриной и учительнице СШ № 6 С.К. Тлеуовой исполком горсовета присвоил звание «Почетный гражданин Актюбинска».

Деловито и педогогически грамотно действовал Максут Кусаинов —директор средней школы № 20, затем областной школы — интерната. Свой незаурядный потенциал педагога,

методиста, воспитателя щедро отдавал воспитанникам и учителям. Обновил и осовременил учебно-материальную базу, подтянул общий порядок, дисциплину и культуру быта.

Содержательно и эффективно вели обучение и воспитание детей педколлективы средних школ города Актюбинска: № 3 — директор И.В. Сакаев, № 6 — Ж. Мамбетов, № 13 — И.Е. Моисеенко, № 19 — М.Г. Курмангалиева, № 20 — А.Ф. Пастухов; Батамшинской СШ — Л.Ф. Кулибаба, Хромтауской № 1 — И.С. Слинченко, Мартукской — М.М. Горох, Караулкельдинской — Н. Корбин, Челкарской — А.Д. Калаганова. Вдумчиво направляла учебно-воспитальный процесс в учебных заведениях секретарь горкома Т.И.Борадулина.

В мое время областным отделом образования заведовали Н. Бериков и С.И. Еламанова. Ниетжан Берикович — «долгожитель» на ниве просвещения. Опытный учитель и методист, знаток системы народного образования. Он достойно прошел все ее ступени. Вдумчиво оценивал ее общее состояние и видел тенденции развития. С учетом этого определял приоритетные направления и тактику действий. В 1975 году мы его двинули «вверх» ответственным секретарем облисполкома.

Сара Иманбаевна — руководитель несколько иного стиля. Несколько лет учительствовала. Потом стала заместителем председателя райисполкома в Карабутаке. В 1978 году ей доверили заведовать облОНО. Начинала робко, но быстро вошла в новую роль. Грамотно решала непростые дела школьной реформы. Работала, как ныне говорят, враздрай. Критически оценивала состояние обучения и воспитания в школах. Поддерживала деловитость, творческие подходы и все интересные наработки в учебном процессе. Открыто осуждала безынициативность и попытки идеализации фактов творческой инфантильности. Мне нравилась сказанная ею фраза: «Неспокойствие укрепляет меня...» В этом вся ее суть. Перефразируя слова поэта можно со всей определенностью

сказать: покой ей только снился.

В школах трудилось более 12 тыс. учителей. Две трети из них имели высшее образование, 59 учителей удостоены почетного звания «Заслуженный учитель Казахской ССР», 1015 отмечены знаком «Отличник народного образования Казахской ССР», 465 учителей награждены орденами и медалями СССР.

Главным источником пополнения учительского корпуса являлись Актюбинский педогогический институт и педагогическое училище. Затем появилось музыкальное училище.

Наш пединститут поначалу размещался в школьных зданиях. Его ректор Павел Степанович Щетинин каждый раз в беседах затрагивал болячки институтской жизни. И сводил все к тому, что негативные явления — порождение тесноты. Мы и сами это видели. После моих настоятельных просьб нам разрешили строительство современного вузовского комплекса. У нас уже в те годы вынашивалась идея создания университета на Западе Казахстана. Стройка пошла. В 1984 году первый 8-этажный учебный корпус сдали. В июле Д.А. Кунаев вместе с председателем Совмина республики Н.А. Назарбаевым разрезали красную ленту. Студенты ликовали: они получили прекрасные условия для занятий!

Павел Степанович — «чистый» вузовец, обладал хорошей профессиональной подготовкой в языкознании и ораторскими навыками. Много сделал для становления пединститута. Исполнительный и дотошный. Семейная трагедия прервала его ректорство. Подал заявление и выехал.

Удачной оказалась замена. Ректором обком партии утвердил Мухтара Галиевича Арынова. Специалист по немецкому языку, профессор. Работал преподавателем, заведовал кафедрой, проректорствовал в КазПИ имени Абая. Глубоко компетентен в делах высшей школы. Его уважали в вузовской среде. К нам он пришел с должности начальника управления педвузов минпроса. Вдумчиво и требовательно руководил коллективом.

Сосредоточился на качественной стороне преподавания и подготовки учительских кадров. Часто обращался в обком партии, облисполком за помощью в укреплении учебно-материальной базы. И многого достиг в этом. Мухтар Галиевич — автор многих научных статей и учебных пособий. Руководил советом ректоров вузов Западного Казахстана. Позже я узнал о его скоропостижной смерти. Искренне сожалел.

Должен здесь заметить: мы настоятельно занимались развитием сети и укреплением базы внешкольных учреждений. Популярностью у молодежи и школьников пользовались борцовская школа олимпийского резерва, которой руководил мастер спорта СССР Б.А. Семкин и школа юных летчиков, много лет возглавляемая прекрасным энтузиастом Почетным гражданином Актюбинска А.К. Курбановым.

В сентябре 1973 года мы преподнесли детям города прекрасный подарок — Дворец пионеров: замечательное здание, вместительное и красивое. При большом стечении детей и молодежи я разрезал красную ленту и сказал: «Поздравляю всех пионеров и школьников с этим большим подарком! Пусть дает он вам радость познания, добра и счастья! Хош келдініз!» «Добро пожаловать!» И колесо детского творчества завертелось. Дворцу повезло с директором, которым стал Павел Федорович Карпенко. В 216 кружках 45-ти наименований занимается более 3 тысяч учащихся. На международных выставках в странах Дальнего Зарубежья творчество актюбинских ребят отмечено 5 медалями, 34 дипломами. Авторитетом и уважением у горожан пользуется кукольный театр «Колокольчик«, ансамбль песни и пляски «Искорка», изостудия, Академия детского творчества, туристический клуб «Гермес». Активисты Дворца совершили 18 экспедиций в Долину смерти.

Не могу не сказать о школьном строительстве. С председателями облисполкома С. Кубашевым, а затем с О.А. Казыбаевым мы твердо договорились построить на центральных усадьбах всех совхозов и колхозов типовые здания

средних школ. Плюс к этому — в областном и районных центрах за счет новых разгрузить действовавшие школы от многосменности и детской перенаселенности. И получилось, что за три пятилетки (1971-1985 г.г.) ввели школ на 56 тыс. ученических мест.

За этот же период построили детсадов и яслей на 20.4 тыс. мест. А это столько, сколько их имелось в области за все время к 1970 году. В 1985-м у нас действовало 400 детсадов на 46.7 тыс. мест. Обеспеченность детей постоянными дошкольными учреждениями составила 53 процента к числу дошкольников в возрасте 1-6 лет.

Построили типовые учебные здания и общежития железнодорожного, сельскохозяйственного (на Опытной сельхозстанции), строительного техникумов и полный комплекс техникума электросвязи. Педагогическое, медицинское и культурно-просветительное училища получили 5-этажные корпуса общежитий, где оборудовали учебные комнаты и кабинеты. Всего же у нас действовало 12 средних специальных учебных заведений. Ежегодно они выпускали около 3-х с половиной тыс. специалистов.

Помнится, в 1977 году директором медицинского училища выдвинули опытного врача Аллу Валентиновну Миронову. Горячо взялась за новое для нее дело. Создала прекрасный педколлектив, избавив его от многочисленных совместителей. Открыли отделения стоматологическое и лабораторной диагностики. С 1985 года ввели обучение на казахском языке. Наше медучилище, назначалось базовым для аналогичных учебных заведений Запада Казахстана. Ему присвоили первую категорию, а директору почетное звание «Заслуженный работник народного образования Казахской ССР».

Творчески и деятельно трудились В.М. Чуев — директор индустриально-педагогического техникума, Ю.П. Голубев — директор строительного техникума, М. Курмангалиева — директор педучилища.

В Актюбинске мы часто принимали высоких гостей. Почти каждый год, а иногда даже дважды у нас бывали министры СССР: строительства предприятий тяжелой индустрии — Н.В. Голдин, химической промышленности — Л.А. Костандов, монтажных и специальных строительных работ - Б.В. Бакин, черной металлургии - И.П. Казанец, завотделом химической промышленности ЦК КПСС Листов. Голдин и Костандов, как-то шутя, мне выговорили: «Пока тебя не было в Актюбинске мы мало что о нем знали. А теперь все чаще посещаем вас, причем не с пустым «карманом!».

Хорошо помогали нам республиканские министры: А.Г. Коркин, (впоследствии второй секретарь ЦК партии Казахстана), монтажных работ — И.Н.Хохлов, сельского строительства — Мусин. Ну и, конечно, неоценима заслуга Д.А. Кунаева. Он внимательно и критически рассматривал наши дела и предложения, часто поправлял нас, но всегда поддерживал нашу инициативу и оказывал необходимую помощь. За 13 лет, которые я проработал в Актюбинской области, Димаш Ахмедович почти каждый год разрезал у нас красную ленточку на каком-либо важном вводимом объекте.

Внимательно относился к нашим проблемам председатель Совета Министров Казахской ССР Б.А. Ашимов. Так было, когда мы начинали строительство комплекса городской больницы и когда попросили средства на восстановление сгоревшего здания драматического театра. Фактически его отстроили заново. Получился приличный театр на 520 мест с набором артистических и административных комнат и многочисленных подсобок.

В мае 1977 года я участвовал в работе пленума ЦК КПСС. На нем в основном одобрили проект новой Конституции СССР и направили его на всенародное обсуждение. Пленум счел целесообразным совмещение должности Генерального секретаря ЦК КПСС с обязанностями Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Одобрили также текст

и музыкальную редакцию Государственного Гимна СССР.

Большой резонанс у нас в области вызвало постановление Союзного правительства о создании Западно-Казахстанской железной дороги с центром в Актюбинске. Ее начальником назначили Кудайбергена Дуйсеновича Копжасарова. Мы хорошо знали друг друга еще во время моей работы в Чимкентской области. Уже тогда он произвел хорошее впечатление.

Теперь нам предстояло совместно решить много сложных вопросов, связанных с размещением Управления и его служб, обеспечением жильем сотрудников. Вместе с председателем облисполкома Козыбаевым, первым секретарем горкома Турмагамбетовым и председателем горисполкома Финютиным мы договорились, что постараемся максимально помочь железнодорожникам. На первых порах решили выделить им около двухсот квартир.

Аппарат Управления дороги временно разместили в 14 местах города. Конечно, это создавало массу неудобств, но лучшего варианта не находили. Ну, а на будущее мы договорились с Копжасаровым, что он подберет хороший проект главного корпуса Управления, и область поможет возвести здание. Начали также строительство новой грузовой станции Актюбинск-2. Надо было проложить туда ветку длиной 5 километров от станции Актюбинск-1, а уже там уложить семнадцать путей, построить горку и склады.

На объекте трудились около 250 рабочих, а также сотрудники аппарата дороги. Они вручную разгружали щебенку с платформ, а грунт для насыпи подвозили два малотоннажных грузовика. Дело шло вяло. Поинтересовался у Копжасарова: чем надо помочь, чтобы закончить эту стройку за один год? Он ответил: «40 самосвалов, несколько экскаваторов и бульдозеров». Оперативно откликнулись на эту просьбу горком партии и горисполком. Через пару дней вся эта техника уже работала на стройке, а щебенку с платформ начали разгружать

с помощью специальных механизмов, выделенных облуправлением хлебопродуктов.

И действительно быстро построили новую грузовую станцию Актюбинск-2 с полугоркой. Она кардинально «расшила» все узкие места. На ней сосредоточились практически все грузовые операции.

С руководством дороги изначально установились деловые взаимоотношения. В мае 1978 года я участвовал на собрании руководящего актива Дороги и выступил на нем. Приняли обращение ко всем работникам магистрали с призывом — обеспечить четкость и безопасность движения, поднять культуру обслуживания, наладить быт железнодорожников на многочисленных разъездах, станциях и других раздельных пунктах. Толковых и деятельных помощников подобрал себе начальник управления дороги. Со знанием дела, профессионально грамотно действовали 1-й замначальника Ж.Х.Хамидов, главный инженер Б.И.Радионов, заместители: — Г.Г.Сатаров, К.У.Усимбеков, А.Ф.Захаров.

Западно-Казахстанская железная дорога обслуживала 5 областей: Актюбинскую, Гурьевскую, Кзыл-Ордынскую, Мангышлакскую и Уральскую. В нашем городе действовал крупный аэропорт. Через Актюбинск проходило несколько внутрисоюзных и международных авиарейсов. Работали высшее летное училище, филиал Алма-Атинского железнодорожного института, техникум и ГПТУ железнодорожников.Так у нас сложился крупный центр средоточия транспортных служб. Вполне правомерно Актюбинск нередко называли «Западными воротами Казахстана».

Для координации их деятельности со временем мы создали в обкоме партии отдел транспорта. Заведующим утвердили Сержана Боранкуловича Жаманкулова. Начинал он помощником мастера, затем вырос до начальника локомотивного депо Актюбинск. Руководил локомотивной службой Западно-Казахстанской железной дороги. Я приметил

его еще когда он работал начальником депо. Обратил внимание на его профессиональные знания, умение наладить дружную работу коллектива. В нем мы ценили инициативность, принципиальность и сметку находить верные управленческие решения.

Потом его выдвинули первым секретарем Актюбинского горкома партии. В перестроечный период его назначили главой администрации города Актюбинска.

1977 год для зерновых оказался неудачным. Жаркое лето и отсутствие нормальных дождей основательно подсушили во многих местах хлебную ниву. Урожайность оказалась ниже плановой. Всего хозяйства намолотили 917 тысяч тонн и смогли из них продать государству только 390 тысяч, что в два раза меньше предыдущего года. Семенами совхозы и колхозы обеспечили себя полностью, но вот план сдачи государству не выполнили. Зато по продаже картофеля, овощей и бахчевых большинство хозяйств оказались, как говорят, «на коне»: выручило развивавшееся поливное земледелие. Выполнили и поставки государству, и удовлетворили потребности населения области. Более того: часть урожая овощей и бахчевых вывозили для реализации в Гурьевскую область. На первый взгляд факт сам по себе малоприметный. Тем не менее он значим. Уже тем, что потребности населения области в картофеле, овощах и бахчевых в основном удовлетворялись за счет собственного производства. Как говорят, мал золотник, да — дорог. Положительные подвижки происходили в животноводстве. С планами успешно справилась промышленность.

Зимовка 1977-1978 г.г. прошла в основном нормально. Под урожай 1978 года посеяли 2250 тыс. га, из них — 2044 тыс. гектаров зерновых. На орошаемых землях разместили все плантации картофеля, овощей, бахчевых и кормовых культур. Причем, с некоторым превышением плановых наметок. Погода в большинстве районов в основном благоприятствовала развитию хлебов. Урожай в 1978 году получился отменным.

Уборочный конвейер комбайн-ток-элеватор действовал бесперебойно. Совхозы и колхозы сдали государству 877 тысяч тонн зерна, или 53.5 млн. пудов. Хозяйства полностью обеспечили себя семенами, продовольственными и фуражными фондами. А всего сельские труженики вырастили 1 миллион 527 тыс. тонн зерна. За всю свою историю только в 1970 году область собрала больше — на 28 тысяч тонн. Первым позвонил и поздравил нас с победой Димаш Ахмедович. Он просил передать его поздравления всем трудящимся.

Другие показатели тоже радовали. Были сданы в эксплуатацию новый комплекс по производству серной кислоты на Актюбинском химзаводе, мощности по добыче 600 тыс. тонн руды на Донском горно-обогатительном комбинате, крупный хлебозавод в Актюбинске, обогатительная фабрика на Чилисайском фосфоритном руднике. Заметно прибавили производственные мощности на заводах «Актюбрентген», «Актюбинсксельмаш», хромовых соединений, силикатных стеновых материалов.

Наибольшие сдвиги произошли в сельском строительстве. За 1971-1978 г.г. совхозы и колхозы построили 12600 квартир, две тысячи овчарен, более четырехсот коровников, 25 ремонтных мастерских, школ на 12500 мест, ряд детских дошкольных учреждений. Все совхозы и колхозы были подключены к государственной энергосистеме. Более 85% населения области получили возможность смотреть передачи центрального, республиканского и местного телевещания.

Главная помеха — рассредоточенность населения на огромной в 298 тыс. кв. километров территории в сотнях мелких аулов и поселений. Помню энтузиазм и хватку руководителей наших районов и хозяйств, взявшихся за «продвижение» телевещания в сельскую глубинку. Настойчивость и заинтересованность проявили начальник облуправления связи Михаил Васильевич Ендовицкий и председатель облкомитета по телевидению и радиовещанию Михаил Николаевич Козин. Их техническая

поддержка и инициатива содействовали успеху. Во многих совхозах и колхозах установили микроретрансляторы. С их помощью удалось зажечь голубые экраны в самых отдаленных местах, помочь людям приобщиться к жизни страны, республики, области.

На базе Каргалинского водохранилища начали строительство прудового хозяйства, для выращивания и ежегодного производства 400-500 тонн товарной рыбы. Реализуя Продовольственную программу, мы ускоренно вели сооружение производственных цехов Алгинской бройлерной фабрики и Актюбинской птицефабрики. Заводы «Актюбрентген», «Актюбинсксельмаш», ферросплавный, хромовых соединений, «Геотехника», строительные тресты получили задания на строительство конкретных объектов. Облуправление хлебопродуктов возводило кормоцех. Координацию работ осуществлял трест «Актюбинсксельстрой» во главе с управляющим И.В. Похилом.

Каждую неделю я лично бывал на стройке. Шефы показывали в натуре ход строймонтажных работ. Конечно, эти «смотрины», не обходились без крепких «разъяснений» отдельным руководителям. За полтора гада все запроектированные объекты птицефабрики построили. Отблагодарили коллективы шефствующих предприятий. Результат оказался благоприятным. Население стало регулярно и в достатке обеспечиваться мясом птицы и яйцами. И опять замечу, что часть этой продукции потом отправлялась в Мангышлакскую и Гурьевскую области.

Уже в 1978 году площади орошаемых земель довели до 25 тыс. гектаров и эта работа набирала темп. Ежегодно получали 30-40 «фрегатов» и других поливочных машин. В области создали специальные курсы, готовившие машинистов по орошению. На полях пришлось строить магистральные и оросительные каналы для подачи воды, насосные установки — ничего этого раньше в области не было. Орошение давалось трудно: сельское

население не имело соответствующего опыта.

Помню, как-то приехал в колхоз «Красное поле» Ленинского района. Сельчане здесь начинали посадку картофеля на участке в 10-12 гектаров. Непосредственно на плантации встретились с колхозниками и специалистами. Председатель колхоза В.Г. Жук, опытный и прекрасный руководитель, одним из первых в районе организовал орошение. Вместе с ними осмотрел будущее картофельное поле. И убедился, что в этом хозяйстве толком никто не знает как готовить земельный участок для орошения и как ухаживать за ним. Они хорошо вспахали и «подкормили» почву удобрениями. А о планировке забыли, не сделали «поправку» - на имевшиеся неровности, низины и уклоны. Здесь же — на поле я практически показал в чем их главная ошибка и в чем недоработки. Колхозники приняли мои советы. Остановили посадку и занялись планировкой участка.

В ирригационное строительство мы вкладывали значительные средства. Д.А. Кунаев поддерживал наши устремления в этом важном деле. В один из приездов он мне говорил: «Ты здорово раскручиваешь орошение в Актюбинске. У тебя здесь получается не хуже, чем в южных областях, где оно традиционно развито. Одобряю твои настойчивые действия в этом направлении».

Нам удалось убедить руководящие кадры в решающей роли ирригации. Как-то в беседе с секретарем Мартукского райкома партии А.Т. Маркевичем об экономике района уловил «тупиковые» нотки. Суть их сводилась к тому, что район сельскохозяйственный, здесь все распахано, пастбищ не хватает, в летне-осенний период скот содержится на землях госфонда. Виделась какая-то безысходность: все, что заложено в земле исчерпано —резервов роста вроде бы уже и нет.

Я ему посоветовал глубже изучить возможности развития орошения в районе. Только оно может дать новый импульс. Договорились вернуться к этой теме позже. Через некоторое

время мне позвонил Алексей Трофимович и доложил, что у них созрел план построить водохранилище на реке Танаберген при впадении ее в Илек. Я ему ответил, что на днях к нам приезжает Кунаев и мы с ним посетим ваш район. Вот тогда говорю ему, и раскроишь свои карты первому секретарю ЦК.

Уже в районе Маркевич изложил Кунаеву свои соображения о строительстве водохранилища. Заодно попросил помочь в строительстве райбольницы. Димаш Ахмедович ему ответил так: «... без расчетов в этом серьезном деле я тебе не советчик. Вода, как говорят в народе, горы рушит. Мне не одну трагедию, связанную с водной стихией, с грозной ее силой пришлось пережить. Нужно все продумать. Пришлю к вам нашего министра ирригации. Я ему все подскажу. Он специалист опытный. Решает подобные дела толково. А райбольница у вас будет».

Министр водного хозяйства А.А. Тыныбаев не заставил долго ждать. В район он приехал с группой специалистов. Выслушав соображения районного руководства, они внимательно осмотрели место предполагаемого водохранилища. И вынесли свой вердикт: «Водохранилища на реке Танаберген не будет поскольку емкость небольшая, а зеркало окажется мелководным, да и затраты — огромные. Надо смело идти на использование больших возможностей Каргалинского водохранилища. Мой совет: немедля начинать проектирование насосных станций, водозаборов и укладывать трубы для подачи воды в оросительные каналы из реки Илек.

Возникла новая проблема. Нужны трубы большого диаметра. А где их взять? Ведь строительство внеплановое, фонды на трубы выколотить дело сложное и затяжное. Я вплотную подключился к этому. И как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Выручили газовики магистрали Бухара-Урал (ее протяженность по территории области составляет несколько сот киллометров). Они как раз заменяли трубы, отслужившие эксплуатационный срок и охотно согласились

передать их району. Попросили об одном — сдать за них металлом. Дело — за доставкой.

По моему поручению в районе создали специальный отряд из мощных тракторов К-700. Самовывоз оказался делом весьма трудным. Расстояния 600-700 км, дороги зимние, степные и буранные. На один оборотный рейс уходило 6-7 суток. Но трактористы (двое в одной машине) превозмогли казалось бы невозможное. За зиму 1973-1974 г.г. они доставили 8 километров труб большого диаметра.

Построили насосную станцию на реке Илек, подпитывавшуюся из Каргалинского водохранилища. А когда ее запустили и вода пошла в магистральный канал Нагорненского массива орошения, мы с Кунаевым вновь приехали в район. Димаш Ахмедович остался доволен. И сказал: «Прекрасное дело вы сотворили! Давайте раскручивайте дальше. Ваш областной центр растет и все больше нуждается и будет нуждаться в картофеле, овощах, животноводческой продукции. В наших условиях поднять отдачу земли возможно только с помощью орошения. Правильное направление взяли. Земля — матушка за труд ваш сторицией воздаст».

Напутствие Кунаева восприняли по-деловому. Если в 1972 году в районе орошалось около 400 гектаров, то через 10 лет, в 1982 году поливное поле увеличили до 2500 гектаров. Создали себе зеленый конвейер, увеличили производство молока, наладили откорм скота. Уже в 1985 году хозяйства района поставляли государству свыше 21.5 тыс. тонн молока, почти 6 тыс. тонн мяса, много картофеля и овощей.

Во всем особую настойчивость проявлял А.Т. Маркевич — руководитель принципиальный, настырный, с крестьянской сметкой, к тому же толковый партийный вожак.

5 июня 1978 года в Актюбинске состоялась выездная сессия Академии наук Казахской ССР. Перед ее участниками я выступил с докладом о проблемах развития производительных сил нашей области. Рассказал ученым о состоянии экономики

и прогнозах ее развития на ближайшие годы. В частности, подробно остановился на перспективах развития химической промышленности, Чилисайского месторождения фосфоритов, освоения новых видов продукции на заводе хромовых соединений. Подробно доложил о реконструкции ферросплавного производства, развитии Донского горно-обогатительного комбината, намечаемых приростах добычи хромовой руды за счет строительства второй обогатительной фабрики, двух шахт и других объектов.

Поведал также о планах Кимперсайского никелевого рудоуправления, разработке месторождений медно-цинковых и золотосодержащих руд, калийных солей, кислотоупорного асбеста. И, конечно, посвятил ученых в дела нефтегазового комплекса. В 1978 году в области уже добывалась более 400 тыс. тонн нефти.

Значительный рост производства продукции требовал усиленного наращивания транспортных перевозок. В первую очередь увеличения пропускной способности Западно-Казахстанской железной дороги. Ее протяженность составляла более 4-х тысяч километров. Здесь сходились грузовые потоки для западных и южных областей Казахстана, а также четырех среднеазиатских республик — Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении. Грузооборот быстро нарастал. Между тем, участок железной дороги от ст. Соль-Илецк до ст. Арысь протяженностью около тысячи километров оставался однопутным, что резко ограничивало его пропускную способность.

Мы у себя решили силами своих предприятий, организаций, совхозов и колхозов помочь железнодорожникам в устройстве насыпи для вторых путей. Ученые поддержали нашу инициативу. Конечно, проведение этих работ потребовало больших усилий, в том числе и моих лично. Железнодорожникам соседних Уральской и Кзыл-Ординской областей тоже пришлась по душе идея о строительстве вторых

путей. И они на своих станциях и перегонах по примеру актюбинцев начали отсыпку земляного полотна.

Министерство путей сообщения СССР, вняв нашей просьбе, выделило средства на строительство административного здания для Управления дороги. Быстро развернули работы. Но случилось непредвиденное. Когда завершалась кладка второго этажа, обнародовали постановление Правительства страны, запрещавшее возведение административных зданий. В Москве сказали: разрешение будет дано только в том случае, если готовность сооружения составляет не менее 70%. Решили действовать быстро и «накручивать» проценты. Собрали всех строителей, субподрядчиков и договорились перейти на двухсменную работу. В месячный срок закончили кладку здания и вслед с нижних этажей вели отделочные работы. Словом, к приезду комиссии МПС объем выполненных работ подогнали под 70%, т.е. под разрешительный параграф постановления Правительства. К концу следующего года сдали здание в эксплуатацию. Кстати, Д.А. Кунаеву оно понравилось.

Вслед за этим приняли решение провести отсыпку земляного полотна для прокладки вторых железнодорожных путей от Актюбинска до станции Кандагач. Установили срок — 20 дней. Вели ее буквально всем миром. В ней участвовали коллективы промышленных предприятий, строительных организаций, совхозов и колхозов. Каждому из них отвели определенный участок для отсыпки. Напряженно и грамотно действовали коллективы и службы Актюбинского отделения железной дороги во главе с его начальником П.П. Синицей.

Учитывая, что в деле участвовало много непрофессионалов, через каждый километр расставили специалистов — железнодорожников, которые консультировали строителей — энтузиастов. Лично бывал на стройке буквально через каждые два — три дня. Размах работ впечатлял. По словам Копжасарова, он за свою жизнь еще не видел, чтобы местное население так активно помогало железнодорожникам!

Через 20 дней на участке протяженностью около ста километров земляные работы завершили. Приехавший к нам вскоре заместитель министра путей сообщения СССР Морозов со своими специалистами, проверил качество отсыпки полотна. Потом, уже в кабинете, он мне говорил: «Никогда не думал, что столь быстро и столь хорошо можно выполнить такой огромный объем работ! От имени руководства министерства выражаю вам, Василий Андреевич, искреннюю благодарность и обещаю вне всякой очереди выделить все необходимое для ускоренной укладки верхнего строения пути. Сделаем все, как вы просили нашего министра. Сегодня же вылетаем в Москву вместе с Копжасаровым для доклада на коллегии». В ответ на его благодарность попросил оказать помощь Западно-Казахстанской дороге в оснащении экскаваторами, бульдозерами, кранами, самосвалами, тягачами, строительной техникой. Высказал также свои соображения о необходимости строительства вторых путей от Соль-Илецка до Арыси.

Через некоторое время К.Д. Копжасарова назначили зампредом Совета Министров Казахстана. Его преемником стал Рымбек Тургамбаев. И это было большой ошибкой. Прямо скажу — не чета своему предшественнику, если не сказать больше. Тургамбаев не имел для выдвижения на такую ответственную работу таких же ответственных качеств. Человек безынициативный, он не умел вычленить главное в работе и сосредоточиться на нем. К тому же это был болезненно самолюбивый приспособленец. Перспективы развития Дороги не видел и не решал. Попросту говоря, губил живое дело. И кадры выдвигал под стать себе.

С приходом Тургамбаева показатели Западно-Казахстанской дороги ухудшились.

Партийные и советские органы области оказывали помощь Дороге и в последующие годы. Правда, энтузиазма поубавилось в связи с уходом К.Д. Копжасарова. При встрече в Алма-Ате он признался мне, что лично рекомендовал вместо себя

начальником Тургамбаева и теперь видит, какую серьезную допустил ошибку.

Создание Западно-Казахстанской железной дороги и размещение ее Управления в Актюбинске потребовали новых подходов к подготовке кадров. Изучив все возможности, мы остановились на варианте создания в Актюбинске филиала Алма-Атинского института инженеров железнодорожного транспорта. Инициатором этого был Копжасаров.

Поспособствовала благоприятная ситуация. В это время все ведомства Актюбинского сельского района размещались в областном центре. Но уже завершалось строительство зданий для райкома партии, райисполкома и других организаций в селе Каргалинском, куда они и должны переехать. В городе освобождалось занимаемое ими здание. Вместе с Копжасаровым его осмотрел секретарь обкома партии М.П. Слинченко. Здание оказалось подходящим. Его и передали под филиал института. Потом сделали к нему солидную пристройку и филиал устроился неплохо. На конкурсной основе провели прием студентов, оснастили необходимым оборудованием институтские лаборатории. Укомплектовали преподавательский состав. А Управление дороги тем временем приступило к проектированию нового учебного корпуса института с «прицелом», чтобы в будущем реорганизовать филиал в самостоятельный вуз. К сожалению, с отъездом Копжасарова строительство этого здания застопорилось на несколько лет. Потом, правда, его все же возвели.

Между тем продолжалась укладка вторых путей. Благодаря поддержке Министерства путей сообщения сформировали воинские строительные подразделения, которые дислоцировались вдоль магистрали от Актюбинска до Кзыл-Орды. Их участие дало возможность вести строительство вторых путей довольно быстро.

Осенью 1978 года в Актюбинск прибыл министр путей сообщения СССР Иван Григорьевич Павловский. Вместе с ним,

в его вагоне, мы проехали по новым вторым путям от Актюбинска до Кандагача. Министр остался доволен сделанным. На станции Кандагач нас встретила большая группа железнодорожников. У Павловского с ними завязался продолжительный и откровенный разговор. Воспользовавшись хорошим настроением министра, я попросил его запланировать и выделить финансирование на строительство здесь нового вокзала. Железнодорожники дружно поддержали мою просьбу. Старый и тесный вокзал уже не справлялся с большим пассажирским и грузовым потоками: Кандагач к тому времени уже стал крупной узловой станцией. К тому же рядом с ним строился важный промышленный комплекс. Министр положительно отнесся к нашей просьбе.

Под конец разговора он приоткрыл тайну и сказал, что министерство внесло предложение в ЦК партии о присвоении мне звания «Почетный железнодорожник СССР». Оказывается, министерство не имело полномочий присваивать это звание первому секретарю обкома партии без согласия Центрального Комитета. Железнодорожникам — могло, а секретарям обкомов — нет. Прошло некоторое время, и мне позвонил заведующий отделом транспорта ЦК Кирилл Степанович Симонов и сообщил, что отдел и руководство ЦК одобрили инициативу Актюбинского обкома партии об оказании большой помощи в развитии железнодорожного транспорта. А потому согласились с предложением о присвоении вам почетного звания.

В декабре 1978 года мы провели XXIII областную партконференцию. В отчетном докладе рассказал о плюсах и минусах в развитии экономики, социальной сферы, культуры. Постарался не окрашивать все в светлые тона. Больше говорил об упущенных возможностях, просчетах и просто о фактах безответственности. Обсуждение получилось острым и принципиальным. Конференция дала хороший заряд инициативы и ускорения.

Подтверждением этому стало награждение области по итогам

Всесоюзного соревнования за 1978 год переходящим Красным Знаменем ЦК партии, Совета Министров СССР, Центрального Совета профсоюзов и ЦК комсомола: это одна из высших в то время форм поощрения отличившихся регионов. На областном собрании Красное Знамя нам вручил председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР С.Б. Ниязбеков. Не расслабляясь, трудящиеся области включились в борьбу за реализацию планов 1979 года — четвертого года десятой пятилетки. Разбег взяли неплохой. Дела пошли споро.

В марте 1979 года я был вновь избран депутатом Верховного Совета СССР. На сессии меня включили в состав комиссии по здравоохранению и соцобеспечению. Ее председателем утвердили академика Ирину Николаевну Блохину, а меня — ее заместителем. Членами нашей комиссии являлись известные светила медицины — академики Е.И. Чазов, Н.М. Амосов, А.П. Ромоданов. В общей сложности членом этой комиссии я избирался 14 лет, причем десять из них заместителем председателя. Заседания вел строго. Во время одного из них академик Андрей Петрович Ромоданов, избранный депутатом от Украины, откуда-то узнал, что у меня сельскохозяйственное образование. И возмутился: «Как это так, почему агроном руководит комиссией по здравоохранению?» Но через несколько дней за совместным обедом он сказал: «Сознаюсь, я ошибся. Вы хорошо готовите и ведете заседания комиссии. Пожалуй, никто из других ее членов так бы не смог».

Наша комиссия регулярно рассматривала вопросы обеспечения населения страны — лекарствами, инвалидов — автотранспортом, проблемы отечественной фармацевтики. На заседаниях комиссии докладывали академик Б.В. Петровский — министр здравоохранения страны, его заместители, академик Н.Н. Блохин — президент Академии медицинских наук и другие. Приглашались также руководители других министерств и ведомств. Обсуждение вопросов зачастую проходило остро. Ведь только на производство автомашин с ручным управлением

для инвалидов требовалось значительно увеличить государственные расходы. К решению этой застарелой проблемы подключили Госплан, Минавтопром, Минсобес России, Минфин. С трудом, но дело удалось сдвинуть с мертвой точки.

Или такой факт. Помню, решался вопрос об увеличении производства рентгенаппаратов на всех пяти предприятиях страны (одно из них в Актюбинске). Рентгензаводам не хватало цейсовских комплектующих деталей и трубок. Пригласили на заседание представителей оборонной промышленности. Они нам заявили, что их не хватает даже на подводные лодки. Попросили министра разобраться и оказать возможную помощь. На другой день представители министерства доложили, что нашли возможность дополнительно выделить 300 цейсовских комплектов деталей для рентгензаводов: это более чем наполовину обеспечивало потребность этих предприятий.

Не использовались все возможности по обеспечению населения страны инсулином, которого явно недоставало. Основной поставщик сырья для его производства - министерство мясо-молочной промышленности Союза. После длительной подготовки мы рассмотрели «инсулинную проблему» на заседании комиссии. В своем докладе заместитель министра доложил, что министерство изыскало и намерено использовать все меры, чтобы увеличить поставки сырья для производства инсулина в требуемых объемах. Через год мы поинтересовались как минмясомолпром выполняет свое обещание. Поставка сырья для производства инсулина действительно выросла, но не в тех объемах, которые требовались. Пришлось какую-то часть его импортировать из-за рубежа.

Наша комиссия подготовила и направила в Верховный Совет Союза специальную записку о состоянии обеспеченности населения лекарствами. В ней мы изложили свои предложения. Особенно слабо удовлетворялись потребности в препаратах для

лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Многие из них завозились извне. В то же время в стране ежегодно не осваивались средства на строительство предприятий для производства дефицитных лекарств и медицинской аппаратуры.

Вскрылся и еще один немаловажный факт. Многие министерства, преследуя свои узкоотраслевые интересы, наладили на предприятиях производство сложных медицинских приборов, которые затем продавали за рубежом, получая хороший «навар». В то же время Минздрав большую часть аналогичной аппаратуры закупал по импорту! В итоге нерационально расходовалась валюта. Наша комиссия предложила Госплану изучить ситуацию и наладить отечественное производство медицинской аппаратуры в необходимых объемах. Мы имели ввиду, что часть этой продукции должна обязательно поступать в распоряжение Минздрава СССР для обеспечения наших лечучреждений. К сожалению, данный вопрос так и остался до конца нерешенным.

Многолетнее участие в работе комиссии по здравоохранению Верховного Совета страны помогло мне глубже понять недуги местной медицины. Подтолкнуло к этому и постановление ЦК партии и Союзного правительства «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранениями» принятое в 1977 году.

Наши «болячки» во многом походили на общесоюзные. Отличались разве что меньшей масштабностью. Материальная база выглядела бедно, если не сказать хуже. Лечебные учреждения испытывали нехватку кадров. Естественно, хромало качество медицинской помощи. В апреле 1978 года провели областное собрание актива работников здравоохранения. Открывал его я, а с докладом о задачах по улучшению народного здравоохранения выступал председатель облисполкома О.А. Козыбаев. Решили основательно взяться за укрепление материально-технической базы здравоохранения и развитие

сети лечебно-профилактических учреждений, особенно на селе. Занялись реконструкцией и укрупнением имевшихся больниц.

Помнится активная позиция главного врача областной клинической больницы И.Н. Аймагамбетова. В ее комплексе возвели поликлинику со стационаром и кардиологический корпус. У главного хорошо сочетались качества медика и хозяйственника. Прежде всего он добился слаженной работы большого коллектива. А это —более 1200 врачей и среднего медперсонала!

Из 165 врачей больницы половина имела 1 и 2 категории, каждый третий награжден знаком «Отличник здравоохранения СССР». А три врача — З.Б. Бралов, М.П. Тараненко, М.А. Ячменев были удостоены почетного звания «Заслуженный врач Казахской ССР».

Бывая у меня на приемах, он каждый раз твердил о новшествах в медицинской практике и в медтехнике. Понял, что нужно подставить плечо и серьезно помочь. Помнится такой случай. На одном из заседаний комиссии Верховного Совета я «поплакался» министру здравоохранения о скудости технической оснащенности нашей периферийной медицины. Б.В. Петровский доброжелательно меня выслушал и говорит: «Помогу, шлите человека!».

С моим письмом в Москву отправился Избаскан Нуратдинович. Уже в приемной минздрава его ждал сюрприз. Там он увидел светил нашей медицины академиков — Н.М. Амосова и Е.Н. Макашова. Вероятно, они ожидали приема у министра. Я, рассказывал Аймагамбетов, поначалу опешил, чуточку растерялся. Не знал, как себя вести. Выручила секретарь приемной. Она подошла ко мне и спросила, откуда я и по какому вопросу. Ответил: «Из Казахстана, с письмом от депутата Верховного Совета, первого секретаря обкома партии В.А. Ливенцова. Вот письмо». Пробежав глазами текст, она сказала: «Немного подождите, Борис Васильевич вот-вот появится».

Решил, что ждать в приемной нескромно. Выйдя в коридор, внутренне сосредоточился, «причесал» мысли. Вот появился министр. «Ну думаю, сейчас затянется разговор министра с академиками. А потом уж моя очередь». Но все произошло иначе. Секретарь спрашивает: «Кто из Казахстана, пожалуйста, заходите». Опять испытал неловкость. Извинительно взглянув на академиков, я вошел в кабинет. Борис Васильевич доброжелательно ответил на мое приветствие. Прочитал бумаги и тут же поручил выписать в основном все, что просили. Так мы заимели барокамеры, искусственную почку, лазерные установки и прочее. Больница выдвинулась на передовые позиции по качеству лечения. Внедрили микрохирургию в лечении глазных заболеваний, периферических нервов, лазерные методы в хирургии, метод Елизарова».

Областная больница стала основной учебной базой нашего медицинского института, консультативным центром всего Западного Казахстана. В ней ежегодно пролечивалось 22-24 тысячи человек. Смертность снизилась с 1,9 (1978 г.) до 0,8 (1984 г.). Зримая и приятная подвижка!

Потом Избаскан Нуратдинович избрался депутатом Верховного Совета Казахской ССР, стал заместителем главы областной администрации. Он удостоен звания «Заслуженный врач Республики Казахстан».

Неподалеку от областного центра построили типовую противотуберкулезную больницу на 300 коек. С дореволюционных времен на территории ж.д. станции Берчогур действовал сезонный тубсанаторий. Здесь сама природа создала противотуберкулезные бальнеологические условия. Абсолютная чистота атмосферного воздуха. Реконструировали старые и построили новые корпуса, преобразовали его в круглогодичный. Отстроили спальный корпус загородного детского противотуберкулезного санатория «Чайка».

Профессионально грамотно, с каким-то вдохновением и

жертвенностью укрепляли и добивались повышения эффективности всех звеньев противотуберкулезной службы главный врач облтубдиспансера Клара Хасановна Баймуханова и главврач «Чайки» Роза Григорьевна Зозуля. Они действовали активно и многое делали сверх своих возможностей. Усиление борьбы против туберкулеза приносило положительные сдвиги. За 1971-1985 г.г. заболеваемость на 100 тыс. населения снизилась на 20 процентов, болезненность почти в 2 раза. Уменьшилась и смертность.

Известно, что Западный Казахстан неблагополучен в онкологическом отношении. Причины — экологически неблагоприятный фон нашей местности. И — социальный фактор. Это — условия жизни семьи, ее обычаи и питание, особенно в отдаленных районах. Из заболеваний преобладали рак легкого, пищевода, лимфатических тканей. Смертность от раковых заболеваний уступала лишь сердечно-сосудистым. Диагностика, лечение и диспансеризация онкобольных серьезно отставали. В 1970 году учтенных онкобольных значилось без малого три тысячи человек, или 531 на 100 тысяч жителей.

Решил лично взяться и подтянуть онкологическую службу. Убедил руководство республики в необходимости строительства на Западе Казахстана регионального диспансера с современной технической начинкой.

За три года отстроили 9-ти этажный онкодиспансер на 450 коек с пансионатом на 120 мест. В июне 1984 года сдали в эксплуатацию. Пригласили врачей-онкологов из России и из других регионов страны. Установили современное оборудование. Значительно расширили хирургическое лечение, лучевую и химиотерапию, радиологию. Новый диспансер взял под свой патронаж Всесоюзный онкоцентр. Старательно исполнял свой долг главный врач Ибрагим Сейтмагамбетович Кальпенов. Практически всю свою трудовую деятельность он посвятил онкологии.

«Подтянули» также дела неврологической и психиатрической служб. Реконструировали старые корпуса барачного типа в бывшем шахтерском поселке Курашасай, в 14 км. от Актюбинска. Укрупнили областную психоневрологическую больницу до 520 коек. В городе построили типовую поликлинику психдиспансера.

Со знанием дела занималась этой «отраслью» здравоохранения главный врач Лидия Никитична Ермачкова. Возглавила больницу после десятилетнего заведования облздравотделом. Участница Великой Отечественной войны. По-боевому и умело наводила порядок в лечебно-профилактических учреждениях.

Хочу назвать также заслуженного врача республики А.С.Извозчикова, более двадцати лет возглавлявшего областной кожно-венерологический диспансер. Он хорошо наладил лечебную работу. Как человек обязательный и дотошный, сумел приковать к борьбе с венерическими заболеваниями органы правопорядка, широкую общественность, пропаганду здорового быта.

На заседаниях комиссии Верховного Совета мы нередко и с обеспокоенностью касались состояния сельского здравоохранения. Его отставание по всем параметрам было очевидным. Первое, что сделали у себя — это упорядочили систему лечебной работы на селе. Укрепили сельские участковые больницы и врачебные амбулатории. И материально, и в кадровом отношении подняли роль первичного звена медпомощи — фельдшерско-акушерских пунктов. В 1981 году их у нас действовало 313.

Взялись за строительство районных больниц — как центров специализированной медпомощи на селе. Одной из первых возвели райбольницу в самом отдаленном Иргизском районе. Затем, за счет средств Всесоюзного коммунистического субботника построили больничный комплекс в Хобдинском районе. В городе Алге ввели типовую больницу с роддомом и

станцией переливания крови. В городе Хромтау Донской горно-обогатительный комбинат слал крупную медсанчасть, ставшую потом райбольницей. Аналогично поступили нефтяники в городе Октябрьске, где ввели больничный комплекс с полным набором отделений и служб. Обзавелись многопрофильными больницами Мартукский и целинный Комсомольский районы.

В городе Челкаре, рабочих поселках Шубаркудуке, Кенкияке, Батамшинском, поселках Каргалинском и Акрабе существовавшие больницы расширили за счет строительства типовых больничных корпусов на 100-120 коек каждый. В итоге сразу 8 сельских районов из 16 заимели современные многопрофильные больницы. В остальных основательно подновили имевшиеся и добавили новые больничные корпуса. В итоге создали условия для резкого улучшения качества лечения сельских жителей.

Особо заботились об охране здоровья женщин и детей. Во всех ЦРБ имелись детские отделения. Развернули широкую сеть женских и детских консультаций. В 1981году их количество перевалило за 180. В нашем мединституте открыли педиатрический факультет. Постепенно насытили сеть лечебных учреждений врачами-педиатрами. Хорошие отзывы мы получали о главных акушерах-гинекологах Копа Кудайбергенове и Раисе Порфирьевне Алексеевой, главных педиатрах области Лидии Вячеславовне Гавриловой и Галине Алексеевне Мамыченко, главном враче детской больницы Евгении Георгиевне Финютиной и заведующей горздравотделом Нине Андреевне Кузьминой.

Уважением трудящихся и медицинской общественности пользовались главный терапевт — В.А.Гольдберг, главный хирург облздравотдела А.Л.Лепик. Несколько десятков лет актюбинскую санитарную авиацию, по праву считавшейся лучшей в республике, возглавляла отличник здравоохранения Тамара Ивановна Ковалева — первоцелинница, кавалер нескольких высших государственных наград.

И, конечно, не забыли тыловые службы здравоохранения. Построили типовую станцию переливания крови. Ее главный врач Т.Ф. Пожиткова совместно с областным обществом Красного Креста К.В. Пикинер добивались обеспечения лечучреждений кровью. Их заслуга - широкое развитие донорского движения среди населения.

Развили базу областной фармации, которой многие годы руководил Асылбек Темирович Санатов. В 1982 году у нас действовало без малого 90 аптек. Население неплохо обеспечивалось медикаментами. Напряженно действовали областная и многие районные санитарно-эпидемиологические станции. По много лет руководили этой службой Л.В. Комиссаров и Е.Ж. Унайбаев. Знатоки своего дела, требовательные и бескомпромиссные.

В оздоровительной работе важную роль играли областной физкультурный диспансер во главе с бессменным Я.Н. Липириди и Дом санитарного просвещения, руководимый обаятельной и трудолюбивой кандидатом медицинских наук Ж.А. Тулкибаевой.

Горлость моя —строительство санаториев-профилакториев. Опираясь на свой опыт, затеял об этом обстоятельный разговор с руководителями крупных предприятий. Идею все одобряли, но не все сразу согласились приступить к ее реализации, ссылаясь на неплановость объектов и отсутствие финансирования. Затем постарался убедить союзных министров. У некоторых из них побывал лично. И дело мало-помалу сдвинули, появился интерес. Первым ввели санаторий-профилакторий на заводе хромовых соединений, потом на химзаводе в Алге, затем — на ферросплавном. Завод «Актюбинсксельмаш» в пригородной зоне построил прекрасный санаторий с полным комплексом лечебно-профилактических процедур, а в подхозе на ферме вырабатывали шубат и кумыс. Тресты «Актюбстрой», объединение «Запказгеология», «Облавтотрест» возвели

прекрасные санатории за городом в пойме рек Каргала и Илек. Управление железной дороги построило профилакторий в городе, на территории своей больницы, а руководство Донского ГОКа у себя — в Хромтау.

В итоге к 1984 году в области действовало 9 санаториев — профилакториев. После, насколько мне известно, число их не прибавилось. Скорее — откат. Трудовой народ благодарно оценивал свое «домашнее» лечение и отдых в профилакториях.

Безусловно, вытаскивать службу здоровья из ветхих и изношенных помещений легко не давалось. Но упорство и решительность помогли обновить базу здравоохранения, поднять качество лечебно-оздоровительной помощи. Построить за три пятилетки 8 типовых многопрофильных райбольниц, ряд специализированных диспансеров областного уровня, плюс отдельные корпуса к существующим — дело, скажу без излишней скромности, достойное признания. И народ на себе чувствовал заботу, по достоинству оценивал ее.

Трудно приходилось действовать облздравотделу и его заведующему Исламче Калпакуловичу Миралееву. До этого он заведовал кафедрой в мединституте, «Отличник здравоохранения СССР». Молодой ученый, активный, с хорошими навыками организации и практики лечебной работы. Грамотно анализировал деятельность лечебно-профилактических учреждений, хорошо улавливал брак и формализм в их деятельности. Единственное, чего ему не хватало, так это взыскательности к фактам врачебной нерадивости и «порчи».

Упомяну еще об одном человеке — рядовом борт-фельдшере Актюбинской санавиации Т.Г.Колодяжной, делегате одного из съездов Компартии Казахстана. Она приняла тысячи родов! В отдаленном Байганинском районе многие матери-казашки назвали в ее честь Тамарами своих дочерей. Просто удивительный факт!

Не оставляли без внимания заботу о ветеранах войны и труда.

Укрепили все звенья службы социального обеспечения. В Актюбинске построили выплатной центр и интернат для психохроников на 3000 мест. Реконструировали дом-интернат для престарелых. Расширили и укрепили подсобное хозяйство. Пенсии и пособия выплачивались аккуратно, без задержки. Деятельность всех служб социальной защиты населения хорошо направлял А.Г.Поскребетьев.

В апреле 1979 года, после возвращения из Москвы, где участвовал в работе пленума ЦК партии, выехал в земледельческие районы. Непосредственно в хозяйствах знакомился с ходом весеннего сева. Из-за непогоды и холодов полевые работы запаздывали в южных районах на две недели, но готовность была высокая, почва увлажнилась хорошо. Изучал обстановку в животноводстве. Удовлетворительно шли расплодные дела. Неплохим обещал быть травострой. Вот почему уже 30 мая на собрании партийно-хозяйственного актива мы обсудили и определили меры по увеличению производства кормов для скота.

А чтобы улучшить качество силоса и сенажа, наметили построить в хозяйствах специальные траншеи — в общей сложности на 400 тысяч тонн. Материал для облицовки нашелся свой, местный: на новом актюбинском заводе выпустили большое количество железобетонных шпал, часть которых оказалась с браком. Их-то и отдали хозяйствам, причем бесплатно. Они хорошо пригодились для «облицовки» силосных траншей.

В июле в области побывали Д.А. Кунаев и Б.А. Ашимов. По пути в Ленинский район они обратили внимание на десятки работающих поливальных машин в пригородных хозяйствах. Вид впечатлял. Они неоднократно просили остановить машину, осматривали поля, разговаривали с рабочими.

Много внимания уделили областной опытной сельскохозяйственной станции, где возделывались кормовые культуры и «уилское белое просо» на поливе. Заехали на

построенное Каргалинское водохранилище которое набрало проектную мощность и выпускало 15-18 кубометров в секунду для орошения полей в Актюбинском и Мартукском районах. Здесь же показали строившиеся пруды для выращивания товарной рыбы. Увиденное вызвало удовлетворение.

Пользуясь благоприятным расположением духа руководителей республики. я высказал им наше желание построить Актюбинское водохранилище на реке Илек. Объекта, важного и для города Актюбинска, и для области. Они положительно отнеслись к этой идее.

В Ленинском районе, обычно получавшем более высокие урожаи, они осмотрели зреющие хлеба на полях. Неожиданностью для них стали три работающих «фрегата» в колхозе «Передовик». Водохранилище здесь построил сам колхоз по инициативе его председателя Г. И. Каструбина.

Димаш Ахмедович, обращаясь ко мне сказал: «Григорий Григорьевич — потомственный сельхозник, наш воспитанник. Кабинет в ЦК ему показался тесным, попросился на простор хлебной нивы. Вижу у него получается». И далее спросил у секретаря райкома Г. Г. Карюка: «А в других хозяйствах есть работающие поливалки?». Тот ответил, что еще в двух хозяйствах они уже действуют, а в других строятся водохранилища. Состоянием посевов и положением дел в районе они остались довольны.

Потом побывали они на заводах «Актюбрентген», «Актюбинсксельмаш». В заключение визита приняли участие на собрании областных и районных руководителей. Здесь мы твердо заявили, что область выполнит свои обязательства и продаст государству не менее 50 млн. пудов хлеба.

Возвращаясь из района, я специально подсказал своему шоферу Борису Запорожскому, чтобы он на обратном пути проехал по улице, где располагалась городская больница. Возле нее мы и остановились. Размещалась она в нескольких отдельно стоящих деревянных домиках старинной постройки. Выглядела

удручающе. Я Кунаеву и Ашимову говорю: «Ведь это же не лечебное заведение, а ад кромешный. Город быстро растет, а нормально лечиться негде. Мы многократно просили выделить средства на строительство современной больницы, без которой очень сложно жить. Однако нам их не дают». Димаш Ахмедович, обращаясь к Ашимову, заметил: «Действительно, надо что-то решать».

Днем позже, на собрании областного партийно-хозяйственного актива я принародно заявил: «Мы должны сказать большое спасибо Димашу Ахмедовичу и Байкену Ашимовичу за то, что они решили выделить средства на строительство новой городской больницы». Эти слова зал встретил аплодисментами. А сидевший рядом со мной Кунаев проворчал: «Ну и купил же ты нас с Байкеном!»

Больничный комплекс спроектировали оперативно и в 1982 году ввели в эксплуатацию. Димаш Ахмедович лично разрезал ленту, на открытии первого объекта комплекса – терапевтического корпуса. Без раскачки, как говорится, сходу переключились на возведение хирургического корпуса на 250 коек.

Удачным оказался ее старт в жизнь. Для больницы подобрали толкового главного врача. А произошло это не совсем обычно. Начальнику Управления железной дороги Тургамбаеву почему-то не пришелся по душе своей самостоятельностью главный врач дорожной больницы В.Г. Мочалов. Хотя она котировалась высоко. Он решил его сместить. Ему советовали не делать этого. Но амбиция взяла верх над здравым смыслом. Виктора Григорьевича освободили от должности.

Но всем известно, что хорошие кадры на дороге не валяются. Горком партии давно присматривался к Мочалову и решил вверить ему новую больницу. И не ошибся. Доверие окрылило человека, дало ему второе дыхание. Новый «главный» прекрасно наладил лечебный процесс, эффективно задействовал хозяйственные службы, продолжал строить, строить ... В народе

городскую клиническую и поныне называют то «ливенцовской», то «мочаловской». И этим все сказано!

В начале сентября 1979 года мне позвонил первый секретарь Оренбургского обкома партии Коваленко и предложил традиционно, «по -соседски» встретиться в приграничье: либо в Комсомольском районе нашей области, либо в Домбаровском или Светлинском Оренбургской или в Камышинском — Кустанайской. В Комсомольском районе в совхозе «Псковский» (сюда первоцелинники прибыли из Пскова), славилась бригада механизатора М.Рюмшина, выращивавшая хлеба на 8000 гектаров. По сравнению с другими здесь всегда получали более высокие урожаи. Жили и работали они дружно по принципу «один за всех-все за одного».

Руководство совхоза нередко отправляло Рюмшину на перевоспитание нерадивых работников. Здесь они обретали трудовые навыки и постепенно добивались завидных показателей. Бригада собственноручно построила хорошее общежитие, столовую, душевую. Рядом перепрудили большую балку и в образовавшемся водохранилище развели рыбу, из него же брали воду для поливов посаженного своими силами отличного огорода. Во дворе радовал взор прекрасный цветник.

Мы с Коваленко побывали в нескольких актюбинских совхозах. Посмотрели центральные усадьбы, механизированные тока, откормочные хозяйства и хлебные поля. Наши были ни чуть не хуже оренбургских.

Ситуации на уборке урожая случались разные. Бывали и трагедии. Солдаты из автобата без разрешения командования поехали как-то в совхоз на танцы. По дороге выпили, произошла авария. Два солдата погибли. Начальника автобазы в этот момент в батальоне не было: он находился в служебной командировке. Командующий Забайкальским военным округом Салманов, откуда прибыли солдаты, намеревался в связи с ЧП уволить комбата из армии. Но я попросил генерала не наказывать офицера так строго, — поскольку это был

хороший командир и авария произошла не по его вине. В конце концов, командующего удалось уговорить.

В 1979 году в области валовый сбор зерновых составил 1513 тысяч тонн. Хозяйства вырастили хороший урожай картофеля и овоще-бахчевых культур. В целом же в том году Казахстан впервые за свою историю сдал государству 20,7 миллиона тонн зерна. За это выдающееся достижение республику наградили орденом Ленина.

Вставала на ноги и животноводческая отрасль. Я уже говорил о том, что мы в два года раз проводили у себя областные слеты чабанов. Делегатов на них избирали сами животноводы: от трех чабанов — один делегат. Попасть на слет стремились многие — особенно если учесть, что уезжали отсюда не с пустыми руками. На съезде участвовали около 1000 чабанов, 150 заведующих ферм, 140 директоров совхозов и председателей колхозов, все главные зоотехники или зооветврачи хозяйств. А всего около 2-х тысяч человек. Чабаны, как правило, приезжали на слет семьями.

На каждого участника мы в течение года накапливали дефицитные товары из расчета: один ковер, 5 кг. индийского чая, 4-6 комплектов детской одежды и обуви, один телевизор, два полушубка, музыкальные инструменты, много одежды, обуви и других вещей для взрослых. Сегодня перечисление этого ассортимента выглядит, возможно, несколько странным. Но ведь надо учесть, что тогда в стране нехватало многих товаров. Хотя деньги у людей были. Помимо этого для продажи участникам слета каждый раз выделялось 50 легковых машин: кому они достанутся, определяла специальная комиссия.

Надо было видеть с какой радостью участники съезда воспринимали внимание и заботу о них. Они бойко покупали ковры, телевизоры, одежду, индийский чай и многое другое. Некоторые приобретали по две стиральных машины. Одну из них они как правило, использовали для выработки сливочного масла. Особенно ликовали те кто завоевал право приобрести

легковую машину и уехать на ней домой.

Такие съезды являлись настоящими праздниками труда и обмена опытом. Многие чабаны предлагали проводить ежегодно. Но это слишком уж обременительное и дорогое дело. Съезды чабанов проводились на казахском языке Перед чабанами я выступал на казахском языке. Рассказывал о делах в овцеводстве, негативных явлениях и путях подъема отрасли.

О трудовых итогах области в целом лучше всего говорят цифры. За десятую пятилетку (1976 — 1980 г.г.) сданы в эксплуатацию 47 предприятий и цехов. В их числе завод железобетонных шпал, второй сернокислотный комплекс, птицефабрика, овцехладобойня в Челкаре, ряд ремонтных мастерских.

Всем миром отсыпали около 250 км земляного полотна под вторые главные железнодорожные пути и дополнительные станционные. Причем по 100 - километровому участку вторых путей уже пошли поезда.

Наши хозяйства резко увеличили производство и сдачу зерна. Кстати, в 1980-м году область впервые за свою историю провела уборку урожая собственными силами, не привлекая никого со стороны. Доходы населения за пятилетку увеличились на 22%. Были построены 36 клубов и библиотек, 48 кинотеатров, школ на 18.5 тыс. ученических мест, детсадов на 5900 мест, больниц на 810 коек, жилых домов общей площадью 1300 тыс. кв. метров.

В том же году, 5 ноября мы встречали в Актюбинском аэропорту правительственную делегацию Эфиопии во главе с руководителем этой страны Менгисту Хайле Мариамом. Его сопровождали министры и другие высокие эфиопские чины, в общей сложности человек 15-17. Они направлялись из Алма-Аты в Москву и по пути сделали у нас остановку для дозаправки. По протоколу нам палагалось дать в их честь официальный прием. Мы с председателем облисполкома Козыбаевым и секретарем обкома партии Нокиным встретили гостей по казахскому обычаю. Менгисту Хайле Мариаму подарили

красный чапан и шапку. Ему и его свите очень понравились беспармак, горячие казахские лепешки и баурсаки. Менгисту удивился, когда ему, как почетному гостю, преподнесли сваренную баранью голову. Но, узнав о казахском обычае, он с благодарностью ее принял и начал угошаться. Сопровождавшим высокого гостя членам делегации особенно понравились горячие лепешки. Тогда мы передали им в самолет целый мешок таких лепешек и баурсаков. Свой прощальный тост Менгисту Хайле Мариам произнес за здоровье и процветание гостеприимного казахстанского народа.

Новый, 1981 год, мы с моей дорогой супругой Марийкой встречали вдвоем. Налепили пельменей и душевно подняли фужеры шампанского, пожелав здоровья и благополучия нашим детям, родным и друг другу. Каждый год я отправлял друзьям по 50-60 открыток с новогодними поздравлениями. Еще — к 1 Мая, Дню Победы, годовщине нашей революции.

В феврале 1981 года я участвовал в работе XXVI съезда КПСС. Еще до отъезда в Москву наметил министерства для личного посещения, чтобы решить возникшие проблемы, связанные с развитием экономики области. Перечень получался длинным. Чаще всего обращался в министерства сельского хозяйства, мелиорации, нефтяной и химической промышленности, путей сообщения, черной и цветной металлургии,строительные ведомства, союзсельхозтехнику, заодно посещал и другие отраслевые отделы ЦК партии. Для каждого из них готовил соответствующее письмо с изложением наших просьб. Личные контакты, как правило, позволяли значительно быстрее и плодотворнее решать многие вопросы.

В Москве мне позвонил помощник Кунаева Д. Бекежанов и попросил заехать в Представительство Казахстана, чтобы переговорить, как он сказал, «по лично важному для меня вопросу». Ну, думаю, опять кто-нибудь накатал анонимку. Настроение сразу испортилось. Но все оказалось совсем иначе. Дуйсебай обнял меня со словами: «Поздравляю тебя, Василий

Андреевич!» «С чем?» — спрашиваю. «Сейчас узнаешь». Он открыл сейф и достал бумагу: «Это решение Политбюро ЦК КПСС о награждении по итогам десятой пятилетки передовиков сельского хозяйства. Тебе присвоено звание Героя Социалистического Труда. У меня перехватило дыхание. В первую минуту я даже не мог ничего сказать. Потом расцеловал его за потрясающую новость. Моим первым желанием было немедля зайти к Кунаеву, который жил тут же, в гостинице, и поблагодарить его: ведь без инициативы и поддержки первого секретаря ЦК такие вопросы не решаются. Но Димаш Ахмедович находился в этот момент на заседании Политбюро ЦК КПСС.

Когда я вернулся в гостиницу и сообщил новость моей дорогой Марийке, у нее на глазах появились слезы. Она обняла меня и стала крепко целовать со словами: «Ты это заработал, поздравляю!» В тот день никому больше я об этом не говорил: мало ли что — а вдруг в последний момент отменят решение?

На другой день я встретился с Димашем Ахмедовичем на Красной площади, где казахстанские делегаты собирались для фотографирования с руководителями республики. Он обнял и поздравил меня с присвоением звания Героя. В свою очередь я поблагодарил его за награду. Он рассмеялся и пошутил: «Придется вам раскошелиться на хороший банкет». Кунаев имел в виду меня и первого секретаря Кокчетавского обкома партии Оразбека Куанышева, которому также присвоили это высокое звание. Мы с Оразбеком попросили свих председателей облисполкомов Козыбаева и Моисеенко договориться с казахским Представительством об устройстве банкета в их столовой. Ее зал вмещал примерно 75 человек. На такое количество гостей мы и должны были рассчитывать.

На прием по случаю присвоения нам званий пригласили членов бюро ЦК КП Казахстана, участвоваших в работе съезда зампредов правительства и министров республики, первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов всех

19-ти областей Казахстана. А кроме того, писателей и народных артистов, избранных делегатами съезда. Стоимость банкета обошлась нам в 800 рублей. Прошел он организованно и интересно, благодаря содействию Постпреда Казахстана при правительстве СССР С. Жаданова. В роли тамады приема выступал сам Кунаев. В числе гостей присутствовал и Н.А. Назарбаев. Указ о награждении опубликовали в газетах.

На другой день в Кремлевском Дворце съездов, у стола регистрации мне вручили большую пачку телеграмм на красивых съездовских бланках — с поздравлениями, в основном из Казахстана. После обеденного перерыва мне опять вручили такую же пачку поздравлений. Через день повторилось то же самое.

Урожай в том году область вырастила отменный. Как и обещали, мы сдали государству 100 миллионов пудов хлеба (1664тысячи тонн). Победа, которой в истории области еще не бывало!

Воскрешая в памяти напряжение и героизм людей в периоды сельскохозяйственных кампаний, с благодарностью вспоминаю своих областных «министров» - аграрников. Их уникальность, порядочность и безмерную работоспособность. Яков Гершкович Юрман — образованный агроном-экономист. Возглавлял областное управление сельского хозяйства. Любое дело, любой поворот в производстве отчетливо и глубоко просчитывал. В развитии сельской экономики предпочтение всегда отдавал экономическому стимулированию. Я поддерживал его усилия, направленные на специализацию и концентрацию сельского хозяйства.

В 70-х годах из 145 хозяйств одна треть специализировалась на зерновом направлении, 60 совхозов занимались овцеводством, и свыше 30 было мясо - молочных и свиноводческих. Специализация давала прирост продукции при одновременном снижении ее себестоимости, повышала рентабельность и товарность сельского хозяйства.

Отличался предприимчивостью и Алексей Яковлевич Попадько. Он много сделал по упорядочению и повышению качества технического обслуживания огромного парка сельхозмашин. Областное объединение «Казсельхозтехники» под его началом действовало слажено. Оперативную помощь оказывали передвижные мастерские техобслуживания. Давали эффект наработанные связи с заводами — поставщиками и ремонтными предприятиями России. Как-то Попадько в разговоре со мной обронил фразу: «У работников облсельхозтехники в деловом словаре термин «невозможность» отсутствует». Он жил и действовал в этом ключе.

С хорошим расположением духа и уважением к селу, к его труженикам относился Михаил Иванович Хвостов. Вел он управление хлебопродуктов. Воистину — крестьянская душа! При любой нескадице находил возможность помочь хлеборобам — даже если что-то и не входило в его прямые обязанности. В его нравственном облике четко выделялись две добродетели: деятельность и ум. В его бытность возведены Каратогайский, Ащелисайский, Донской, Союзный, Актюбинский элеваторы; в 6 районах отстроены хлебоприемные пункты. В целом в 80-х годах элеваторные и складские емкости были доведены до полутора миллионо тонн, сдана в эксплуатацию крупная мельница и комбикормовый завод. И еще многие другие объекты.

Умело направлял сельскую торговлю и производственную деятельность потребительской кооперации Галихан Алиханович Альмамбетов. В райцентрах построили просторные универмаги, рестораны, хозмаги. На всех центральных усадьбах хозяйств имели добротные магазины, рабочие столовые, пункты заготовки сельхозсырья. Десятки автолавок обслуживали селян — особенно активно в периоды весеннего сева и окотных компаний, в уборочную страду и во время зимовки скота. Автолавки — всегда желанные гости в отдаленных и мелких населенных пунктах, а их насчитывалось более полутора тысяч.

После тяжелой болезни он, к сожалению, рано ушел из жизни, а его дело хорошо продолжил Аркалык Рамазанов.

Определенный динамизм отличал облуправление бытового обслуживания, возглавляемое Сейфуллой Хайрулиным. Райбыткомбинаты, мастерские службы быта в совхозах и колхозах, сеть передвижных мастерских — все они были ориентированы удовлетворить запросы селян, особенно тех, кто жил и трудился на фермах, зимовках, оттонах, бригадах, как говорили в народе, у «черта на куличках».

Я всегда считал, что сельская экономика это живой организм с крупным производством, высокой степенью механизации. Для нормального ее функционирования требовалось постоянно иметь в достатке горюче-смазочные материалы. Много лет исправно занимался этим Бостанай Макуов. Делу отдавал всего себя. Решал все методично, без суеты и показухи, но с учетом всех изменений конъюктуры в производстве и на рынке ГСМ.

Деятельность всех аграрных ведомств дирижировал сельхозотдел обкома партии, который возглавлял Виктор Иванович Пилипенко и его опытная заместительница Ида Дмитриевна Порфирьева. Они добросовестно и грамотно помогали мне вести аграрный сектор.

Помнится такой случай. Группа наших специалистов сельского хозяйства во главе с В.И. Пилипенко участвовала в республиканском семинаре по проблемам животноводства, проводившемся в Целинограде. Возвратился Виктор Иванович полон приятных впечатлений об услышанном и увиденном. На семинаре обсуждалась гвоздевая проблема - пути и методы концентрации производства в животноводстве. Вкратце он проинформировал меня об опыте целиноградцев. Когда я начал выспрашивать о существе некоторых новинок, Пилипенко сказал: «Василий Андреевич, вашу любознательность к новациям целиноградцев я в полной мере удовлетворить не смогу. У них много интересного. Лучше всего будет, если вы лично все посмотрите».

Не откладывая важное дело на потом, заказал самолет, взял с собой группу специалистов, договорился с Н.Е. Кручиной (1-й секретарь Целиноградского обкома Компартии Казахстана) и отправился туда, где в свое время сам секретарствовал. Внимательно ознакомился с работой свинарников-автоматов, молочных комплексов, откормочных площадок.

По возвращении начали активно действовать. Построили свинокомплексы в совхозах «Хлебодаровский», «Тамдинский», «Первомайский». В ряде хозяйств пригородной зоны создали молочные комплексы, где производилась первичная переработка молока. Наладили планомерный откорм скота. И дело успешно пошло на индустриальной основе. Один только Актюбинский район вскоре начал поставлять 25-26 тыс. тонн молока в год. А совхоз «Кудуксайский» средний вес одной головы на откорме довел до 480-500 кг, а среднегодовое производство говядины — до 773 тонн. Первые плоды специализации и концентрации в животноводстве окрыляли.

Но в октябре у меня возникли проблемы со здоровьем. Сильно болела печень. Первым меня осмотрел наш врач М.П. Тараненко: «У вас серьезное заболевание — камни в желчном пузыре». Ответил ему: «Не может такого быть!» — Нет, упорствует Михаил Павлович, — диагноз мой точный. Нужно срочно Вас госпитализировать и удалять камни.

«Отправили меня в Москву и уложили в Мичуринскую больницу. Сделали анализ. Меня осмотрел известный хирург академик Николай Никодимович Малиновский. В заключение сказал: «Надо удалять желчный пузырь и очистить желчные проходы: там камни. Операцию буду делать я сам». Кстати, в московскую больницу меня уложили по настоянию Кунаева.

Операция прошла успешно. На третий день ко мне в палату вошел Малиновский. И, улыбаясь, протянул газету «Правда» за 21 октября 1981 года. Там было опубликовано приветствие Брежнева Актюбинскому обкому партии и облисполкому — за успешное выполнение повышенных социалистических

обязательств по сдаче хлеба государству. Академик поздравил меня с большой победой. На этом номере газеты «Правда» расписались он сам, мой лечащий врач Якубовский и еще несколько медиков. Газета с их автографами у меня хранится до сих пор.

В больнице, кроме супруги и младшего сына, меня навещали управделами ЦК КПСС, мой близкий знакомый Кручина, заместитель министра мясомолочной промышленности СССР Кроха, работники казахского Постпредства и многие другие. Практически непрерывно звонил телефон. Одни поздравляли с большим урожаем, другие просили по содействовать в решении каких-то вопросов.

В больнице я пробыл две недели. Почти ежедневно ко мне приходил академик Малиновский. Он посоветовал в течение полугода избегать больших физических нагрузок и рекомендовал делать только легкую зарядку. Я ему не сказал, что каждый день дома поднимаю двухпудовую гирю: эта привычка сохранилась с юношеских лет.

Выписавшись из больницы, в тот же день прилетел в Актюбинск. Сразу позвонил Димашу Ахмедовичу и доложил о своем прибытии. Кунаев поздравил меня с выздоровлением и большим хлебом. Валовой сбор зерновых достиг рекордного показателя — 2268 тысяч тонн: это около двух с половиной годовых планов. Область выполнила также задания по производству и поставкам государству картофеля, овощей и бахчевых культур. За 1972-1981 годы наши хозяйства освоили 1 млн. 706 тыс. гектаров новых земель. В результате зерновое поле выросло на 800 тысяч га. и на полмиллиона гектаров прибавили площади кормовых культур.

Кроме того мы сдали государству 18,5 тыс. тонн картофеля, 18,4 тыс. тонн овощей и около 8 тыс. тонн бахчевых, часть которых пришлось отправлять в соседнюю Гурьевскую область: на наших рынках для такого количества не нашлось потребителей.

Хорошо поработали и строители. Они сдали в эксплуатацию бройлерную фабрику, тепличный комбинат, холодильник в городе Хромтау, новый автовокзал, около 200 тыс. кв. метров жилья, ряд школ, профтехучилищ и детских учреждений. На селе построили 1700 жилых домов.

Тем не менее, отдельные промышленные предприятия допускали отставание в производстве продукции. Медленно росли добыча нефти и газа. Не все ладилось с торговым, медицинским и бытовым обслуживанием сельского населения, особенно в отдаленных Байганинском, Иргизском, Карабутакском, Челкарском и Уилском районах. Слабо решались многие проблемы капитального строительства.

В 1981-м исполнилось 10 лет моей работы в Актюбинской области. За это время заметно обновилась промышленность. Она пополнилась новыми предприятиями. На предприятиях смелее внедрялись новинки технического прогресса. Активно велась борьба за эффективность и качество работы. В начале 80-х годов мы превзошли миллиардный рубеж по выпуску валовой промышленной продукции.

Сельское хозяйство обретало второе дыхание. Посевные площади превысили 3 млн. га за счет освоения новых земель. В том числе имелось 2267 тыс. га зерновых культур. Валовый сбор зерна составил 2229 тыс. тонн. Орошаемые земли «перевалили» за 30 тыс. га.

Благоприятные перемены произошли в культурном строительстве. В расстановке кадров утвердились доверие и принципиальность. Обновление руководящего эшелона шло за счет опытных профессионалов. Домыслы злопыхателей о массовой чистке кадров вскоре развеялись. На ключевые посты выдвигались, как правило, местные работники. Ведь чужие — они и есть чужие: им обычно не хватало энтузиазма и «местного» патриотизма.

Культура — мощный пласт нашей жизни. Она по сути своей- квинтэссенция всего, что достигнуто людьми в труде, в

общественной и духовной жизни. В ней — деятельность учреждений культуры, кинофикации, телерадиовещания, физкультуры и спорта, нашей печати, книжной торговли.

Профессионально грамотно действовал Далелхан Ускембаев, более 13 лет возглавлявший облуправление культуры. Выпускник Московского института культуры. С его приходом наметилась определенная системность и упорядоченность в культурном обслуживании населения. В клубах и Домах культуры заметно прибавилось число кружков, объединений, самодеятельных ансамблей, оркестров народных инструментов.

Мне импонировал своей активностью Аблай Сапаров — руководитель нашей облкинофикации. Его позиция — донести искусство кино до многочисленных отдаленных населенных пунктов находила у меня решительную поддержку. Он заботился, чтобы жители маленьких аулов и производственных точек регулярно встречались с киноэкраном. Число стационарных киноустановок он довел без малого до 800. И еще один немаловажный факт: в большинстве райцентров построили приличные кинотеатры.

Мы заботились о повышении роли учреждений культуры и искусства в воспитательном процессе. Укрепляли их материальную базу. Стремились наполнить досуг людей интересными формами. Многое сделал в этом направлении начальник управления культуры Утемис Акимов. В отличие от своего предшественника, держал линию на повышение массовости и качества художественной самодеятельности и проводимых мероприятий; на использование таких популярных в народе форм как айтысы акынов, фестивали и смотры самодеятельности, театрализованные праздники, народные университеты. Люди с интересом воспринимали концерты народных самодеятельных оркестров, вокально-инструментальных ансамблей. С удовлетворением воспринимались спектакли Иргизского, Оймаутского и Уилского народных театров.

Известностью пользовались образцовый духовой оркестр Актюбинска — руководитель В.Н. Фоменко Почетный гражданин города и хор ветеранов «Наставник» — руководитель заслуженный деятель искусств республики А.Я. Гольдштейн, духовой оркестр Мартукского районного Дома культуры, оркестры казахских народных инструментов Челкарского, Байганинского, Карабутакского РДК, завоевавшие звания «народных». Впечатлял и радовол своим исполнением народный ансамбль песни и танца «Алия гули», руководимый М. К. Баубековым и К. Кожанбаевым.

В мае 1976 года открыли памятник Герою Советского Союза, летчику-космонавту СССР В.И. Пацаеву. В церемонии открытия приняли участие его мать Мария Сергеевна, супруга Вера Александровна, космонавты: Н.Н. Рукавишников, В.В. Лебедев, А.А. Губарев.

Много посетителей принимали: планетарий, возглавляемый более четверти века Н.П. Зафирисом, мемориальный музей Героя Советского Союза А. Молдагуловой. Общественное признание получил областной историко-краеведческий музей, руководителем которого многие годы является Рысжан Ильясова, в хорошем смысле слова—заслуженный работник культуры республики. Это —фанатик музейного дела! Методично и упорно занималась собиранием и экспонированием реликвий и предметов, представляющих исторический интерес. Фонд Актюбинского музея — один из лучших в республике: славятся его коллекции ювелирных украшений, нумизматики, редких книг по археологии и этнографии, прикладному искусству.

В Актюбинске открыли областной театр кукол, Выставочный зал произведений искусства, в г. Эмбе в 1980 году создали мемориальный музей Ахмета Жубанова. В областном драмтеатре ежегодно ставилось 5-6 новых спектаклей. В эти годы нас радовали своим творчеством республиканские академические театры: оперы и балета им. Абая и драмы им.

М. Ауэзова, народные артисты Бибигуль Тулегенова, Алибек Днишев, Ермек Серкебаев, Роза Жаманова, Асанали Ашимов, Тунгушбай Жаманкулов, Идрис Ногайбаев, Сабира Майканова, Фарида Шарипова, Кадиша Букеева, Газиза Жубанова. У нас бывали и участвовали в спектаклях нашего театра звезды московских театров и кино: В. Лановой, Б. Андреев, О. Аросева, Б.Брунов, В. Леонов, В. Шукшин, В. Золотухин, С. Садальский. С нашими постановками знакомились жители Ленинграда, Иркутска, Новосибирска, Алма-Аты.

Радовала своим творчеством областная филармония, руководимая заслуженным артистом Казахской ССР Турдыбеком Оспановым. Ее эстрадные коллективы «Арайлы Актобе», «Актобе ауендери», «Конил ашар» работали прибыльно. Популярностью у актюбинцев пользовались артисты Ерсаин Елеубаев, Геннадий Шульга, Султангали Дарибаев, Хайдар Утегалиев, Канбиби Уршебаева.

Важную роль в организации массового отдыха, культурном обслуживании населения играл областной совет профсоюзов. Руководил им Алтынбек Акимжанов, Герой Социалистического Труда. Более 18 лет проработал первым секретарем Хобдинского и Исатайского райкомов партии. В 1977 году его для решительного укрепления утвердили председателем облсовпрофа. Трудился толково и добросовестно. Верно оценивал запросы сельской жизни, ее специфику и все недуги.

Профсоюзные организации нацеливались на развитие трудовой активности людей, повышение эффективности соревнования коллективов за высокое качество работы.

Не стоял в стороне и наш комсомол во главе с И.Ж. Медеубаевым. Он много сделал полезного среди молодежи. Хорошо знал комсомольскую жизнь, нацеливал устремления юношей и девушек на трудовую активность, на сознательное отношение к учебе, на высокую нравственность и творчество.

После него комсомольскую организацию возглавил С.Н. Лапшин. Мы его избрали кандидатом в члены бюро обкома партии. Он многое сделал для приобщения юношей и девушек к производственному труду. Хорошо занимался созданием на предприятиях, в совхозах и колхозах комсомольско-молодежных коллективов. В 1982 году у нас действовало 817 молодежных бригад. В них парни и девчата проходили свои первые рабочие университеты. Этому содействовало благородное движение наставничества, опиравшееся на опыт старших поколений. Лучшим из них мы присваивали звание «Почетный наставник». Сергей Николаевич с усердием занимался формированием студенческих стройотрядов, комсомольских дружин по охране правопорядка.

Средства массовой информации — составная часть культуры. Наши газеты «Коммунизм жолы» и «Путь к коммунизму», 19 «районок», ряд многотиражек всесторонне освещали экономику, труд и быт людей. Остро критиковали факты неорганизованности и бесхозяйственности. Я всегда поддерживал критические выступления печати деловое и уважительное отношение к сигналам прессы и умение правильно реагировать на них. На многолетнем опыте общения со средствами массовой информации убедился, что лицо газеты, ее авторитет определяет редактор. Именно он «задает» тон. Всегда находил возможность пообщаться со своими редакторами областных изданий. Григорий Романович Гаркуша, Федор Лукич Колий — много лет подряд «делали» газету «Путь к коммунизму». Оба опытные журналисты. Их всегда заботило правдивое освещение жизни области. Чтобы газета была объективным, принципиальным, читабельным изданием. Уже в 1985 году тираж «Пути к коммунизму» приблизился к 90 тысячам экземпляров. Газета стала бездотационной. У нас в те годы приходилось 1185 газет и журналов на каждую тысячу жителей. Пресс-конференции проводил обычно каждый месяц. Подробно информировал

40-летие первого выпуска Алма-Атинского сельхозинститута. 1974 г.

Встреча в аэропорту Актюбинска секретаря ЦК КПСС М.В.Зимянина и 1-го заместителя председателя Правительства СССР И.В.Архипова. Слева В.Ливенцов. Апрель, 1980 г.

Всесоюзное экономическое совещание. В.Ливенцов, К.Нокин, В.Пилипенко. Москва, Кремль. 26 марта 1984 г.

Мои дяди Александр и Григорий Щербинины. Актюбинск. Август 1983 г.

Д.А.Кунаев. Б.Ашимов знакомится с хлебоуборкой на полях Алгинского района. 7 августа 1979г.

Академик А.И.Бараев в гостях у актюбинских аграриков. 1972 г.

Актюбинцы на 60-летии Казахской ССР. Алма-Ата. 1980 г.

Встреча делегации Белоруссии во главе с первым секретарем ЦК партии, Героем Советского Союза и Героем Социалистического Труда П.М.Машеровым. Слева Т.Бекенов. Приветствует В.Ливенцов. Актюбинск. 1980 г.

Встреча делегации Украины во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, 1-м секретарем ЦК КП Украины В.В.Щербицким, возвращавшейся из Алма-Аты после торжеств в связи с 60-летием Казахской ССР. Актюбинск. 1980 г.

Глава Эфиопии Менгисту Хайле Мариам и В.Ливенцов в аэропорту Актюбинска. 1980 г.

Путь на восток открыт. 1980 г.

В.Ливенцов разрезает ленту и объявляет об открытии движения по новому мосту через реку Каргала. 22 ноября 1980 года.

работников СМИ о делах и обстановке в экономике и социальной сфере. Отвечал на вопросы. На них участвовали и собкоры центральных газет: «Правды» - Д.С. Гутенев, «Социалистик Казахстан» - Т. Искаков, «Казахстанской правды» - А.П. Гуркин, молодежных газет союзных и республиканских «Комсомольская правда», «Ленинская смена» — Г.К. Лория и другие.

Прочный тыл для своевременного и качественного выпуска газет создавал облполиграфиздат во главе с опытным и деятельным Д.К.Альсеитовым. Скрупулезно и ответственно сотрудничала с редакционными коллективами по, охране тайн в печати Э.А.Канафина.

Целенаправленно и активно действовали правоохранительные органы. С благодарностью вспоминаю начальника управления внутренних дел генерала И.Е. Леляка, участника Великой Отечественной. Хорошо взаимодействовал с трудовыми коллективами и общественностью в укреплении правопорядка. Умело и принципально координировал деятельность отделов милиции, народных судов, юридических служб областной прокурор Х. Акимжанов. Честно и преданно трудился начальник областного управления КГБ Б. Байжигитов.

Помогали очищать нашу жизнь, сферу хозяйствования и обслуживания органы народного контроля. Более двадцати лет посвятил их деятельности У.С. Байжомартов. Половину из них он возглавлял областной комитет народного контроля. Грамотный экономист. Человек принципиальный и энергичный, с комсомольским задором. В работе не разменивался на мелочи, как говорят, не стрелял из пушки по воробьям.

Помнится осень 1972 года. В районах набирало размах строительство животноводческих помещений. Побывал в Карабутакском и Иргизском районах. Столкнулся с фактами безответственности и бесхозяйственности. Пришлось серьезно поправить руководителей. Затем отправился в Челкар — самый

крупный животноводческий район области.

На его границе меня встретил секретарь Челкарского райкома партии Т. Алдияров. По пути следования мы подъехали к строящейся овчарне. Бросился в глаза царивший там беспорядок. Подойдя поближе, удивился: кошару урезали в трех пространственных измерениях: и по длине, и по ширине, и по высоте. Прямо душегубка какая-то! Рогатой скотине сюда просто не войти! Пришлось сделать Тулеу Алдияровичу и районному руководству серьезное внушение. Подумал: а ведь такое явление может быть не единичным.

Возвратившись из поездки, решил подключить народных контролеров и других работников к проверке качества строительства животноводческих помещений. Поручил Укитаю Серикбаевичу «раскрутить» тотальную проверку. И он со своими «дозорными» добросовестно и принципиально справился с задачей. Итоги мы обсудили на совместном заседании бюро обкома и исполкома. Нажим сделали на усиление ответственности хозяйственных руководителей, повышение качества и темпов строительства. Потом по моему предложению мы представили Байжомартова к награждению орденом Трудового Красного Знамени.

Наша область соревновалась с Уральской. Информирование населения велось по различным каналам. В областных газетах публиковали итоговые статьи первых секретарей о результатах трудового соперничества областей. Мои — в их газетах, секретаря Уральского обкома — в наших.

Все годы работы секретарем обкома партии добивался тесного общения руководящих работников с рядовыми тружениками. В этом плане давали эффект регулярные отчеты руководителей о делах на производстве. Хорошо воспринимались трудящимися общественно-политические чтения, единые политдни, лектории, вечера вопросов и ответов. Помнится, я открывал чтения в честь 60 — летия Октябрьской революции лекцией на тему: «Октябрьская революция — главное событие XX века».

Потом выступили председатель облисполкома О.А. Козыбаев, секретари обкома партии Т. Бекенов, К. Нокин, М.П. Слинченко, В.Я. Клейнгольд. В заключение состоялась теоретическая конференция. Подобные встречи воспринимались как своеобразные отчеты и экзамен, помогали руководителям утверждать единство слова и дела, чутче реагировать на запросы и предложения людей.

Мы добились четкой системы работы с письмами и устными обращениями трудящихся, личного приема граждан секретарями обкома и руководителями облисполкома. Делалось это заинтересованно в строго установленные дни. Работу с письмами и заявлениями обсуждали на пленуме обкома. В этом мы видели одну из граней демократизма, укрепления связи с населением. Все это укрепляло доверие и уважение к органам власти.

В мае 1982 года я участвовал в работе Пленума ЦК КПСС, который одобрил Продовольственную программу СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации.

В 1982 году в обком партии поступило несколько анонимных заявлений на секретаря горкома П.Т. Турмагамбетова. В них сообщалось о его злоупотреблениях служебным положением: выделении квартир своим родственникам, которые переехали из сельской местности в Актюбинск и сразу же, в обход закона, получили жилье. Аналогичные сигналы поступили и в вышестоящие партийные инстанции. Приехавший к нам инспектор орготдела ЦК партии В. А. Кожевников вместе с нашими работниками тщательно проверили факты, указанные в письмах без подписи. Все они в основном подтвердились.

Итоги проверки мы обсудили на бюро обкома. Турмагамбетов согласился с нашими выводами о том, что допустил злоупотребления. Перед заседанием бюро я беседовал с ним с глазу на глаз. Петр Туменбаевич заявил, что действительно пять или шесть квартир незаконно выделил своим родственникам и помог им переселиться в Актюбинск. Он глубоко раскаивался

в совершенном поступке. Уходя от меня, сказал, что кроме него об этих квартирах знал еще только один человек, которого он считал близким товарищем. И, что анонимки — дело его рук.

Учитывая, что Турмагамбетов являлся членом бюро обкома и горкома, мы пригласили на заседание и членов бюро городского комитета партии. Необходимость проведения «сдвоенного» бюро обусловило щепетильность и скандальность рассматриваемого вопроса. Решение было однозначным: освободить Турмаганбетова от занимаемой должности. Никто из членов его «родного» бюро горкома не высказался в поддержку своего секретаря. Хотя до этого «события» считалось, что он чист и на своем месте.

Первым секретарем горкома партии рекомендовали З.К. Джанжаркенова. Но с самого начала на этом посту он почему-то не нашел взаимопонимания с активом города. На него жаловались в ЦК КП Казахстана и обком партии. Кунаев, приехав к нам в очередной раз, посоветовал мне освободить Заира Косаевича от секретарства в горкоме. Вскоре его освободили и направили на работу по специальности. По правде говоря, инженер — строитель и организатор строительного производства он прекрасный. А вот характер у него неуживчивый, излишне придирчивый. Хотя партийную работу Джанжаркенов знал, а человек он трудолюбивый и чистоплотный в делах.

В ходе уборки урожая, в августе, мне дважды звонил Брежнев. Судя по всему — из Крыма, где он отдыхал. Леонид Ильич интересовался состоянием хлебов, положением дел в области. Во второй раз, уже в конце месяца, он поинтересовался: «Сможет ли Актюбинская область сдать государству миллион тонн хлеба?» «Думаю, что - да. Хотя сделать это будет сложно, ибо у нас почти не останется фуража», - ответил я.

В конце октября 1982 года мы в основном завершили сельскохозяйственные дела. Нормально работала промышленность. Можно было чуток передохнуть, и я

попросил Кунаева разрешить мне уйти в отпуск. Он согласился и подписал соответствующее решение . Мы с Марией уехали отдыхать в Барвиху. Там меня осмотрел хирург Якубовский — мой лечащий врач в Мичуринской больнице. Выяснилось, что у меня разошлись швы.

Вскоре в Барвиху приехал академик Малиновский. Увидев швы, он сразу спросил: «Василий Андреевич, вы что таскали тяжести?» «Николай Никодимович, вы же сами мне говорили, что мышцы живота нельзя напрягать полгода, а затем можно входить в обычный режим. Вот я и начал заниматься своей традиционной зарядкой» ответил я. «Какой именно зарядкой?» -спросил Малиновский. Я ответил, что с детства каждый день работаю с двухпудовой гирей. Интеллигентнейший академик не сдержался и крепко по-русски меня «отмотивировал».

А потом сказал: «Вам ведь скоро уже семьдесят, - какие в таком возрасте гири?! Короче, как только закончите свой отдых, немедленно ложитесь в больницу! Я снова зашью вашу рану, потому что так оставлять ее нельзя».

Перед окончанием отдыха мне, помимо всего прочего, следовало побывать в ЦК КПСС. И когда я уже садился в машину, медсестра сказала: «Сейчас передали сообщение - умер Леонид Ильич Брежнев». Я не поверил. Но по дороге в Москву радио повторило эту печальную новость. Самое удивительное — когда я стал выяснять, то оказалось, что даже сотрудники аппарата ЦК впервые услышали об этом из передачи радио! Мне удалось попасть в Колонный зал Дома союзов и попрощаться с Леонидом Ильичем. Когда везли гроб с его телом на Красную площадь, то во всех номерах расположенной рядом гостиницы «Москва» находились «компетентные товарищи», которые следили, чтобы не произошло какое-нибудь ЧП.

Через пару дней меня положили в больницу. Малиновский зашил мне рану и предупредил, чтобы никогда больше не занимался с двухпудовой гирей. На сей раз подчинился окончательно и бесповоротно. С тех пор прошло уже много

лет, но до сих пор, когда увижу «двухпудовку», меня к ней так и тянет! Как заядлого курильщика — к сигарете.

Кончину Брежнева я переживал очень тяжело, — поскольку хорошо и близко знал его по совместной работе в ЦК Компартии Казахстана. Здесь мы общались с ним практически каждый день. В книге Леонида Ильича «Целина» есть упоминание и обо мне. Вот что он пишет: «С первых дней в ЦК партии Республики как бы сама собой образовалась оперативная рабочая группа по целине». Потом ее называли по-разному: кто «рабочей», кто «оперативной», кто «республиканским штабом целины». И действительно, ее деятельность напоминала фронтовой штаб. Мне это дело пришлось возглавить. Группа эта не создавалась официально, в ее составе не было специально выделенных людей, все они занимали свои должности и были непосредственно связаны с сельским хозяйством. В эту группу входили: секретарь ЦК по сельскому хозяйству Ф.К. Карибжанов, заведующие сельскохозяйственным и совхозным отделами ЦК А.К. Морозов и В.А. Ливенцов, министр сельского хозяйства Г.А. Мельник, министр совхозов М.Д. Власенко и другие ответственные работники. Конечно, по делам целины в ЦК бывали сотни и сотни людей, но перечисленные товарищи составляли устойчивую группу, именно штаб, направлявший целинную линию в аграрном деле.

Мне часто приходилось сопровождать Брежнева во время его поездок в Москву и в различные области республики. Я завидовал его работоспособности.

Трудился Леонид Ильич на высшем пределе своих сил и деловитости. Он очень много сделал для Казахстана, для процветания нашей Республики. Был всегда требователен в работе, внутренне собран, выдержан. Он никогда не вел себя высокомерно, чурался оскорбительных выпадов. К людям относился внимательно и уважительно, но в то же время строго спрашивал за исполнение служебного долга. Мы знали, что он

любил поохотиться, побывать на футбольном матче. И нас нередко приглашал на стадион. Когда представлялась возможность, посещал выставки и музеи.

С особым уважением Леонид Ильич относился к Кунаеву: в разговорах со мной он отзывался о Димаше Ахмедовиче с большой любовью. К Леониду Ильичу я питал исключительно чистые и добрые чувства. С удовлетворением вспоминаю годы работы под его непосредственным руководством. Рад, что жизнь дала мне такую возможность.

Кончина Брежнева-потрясла меня. Конечно, в последние годы жизни он серезьно подорвал здоровье, часто болел и уже не мог работать как в свои лучшие годы. Видимо, ему лучше было бы уйти на заслуженный отдых несколькими годами раньше. Мне известно, что он подавал заявление об отставке. Но великовозрастной состав политбюро против этого возражал.

12 ноября 1982 года внеочередной пленум ЦК КПСС избрал Генеральным секретарем ЦК Юрия Владимировича Андропова.

18 апреля 1983 года в Кремле состоялось совещание по сельскому хозяйству. В нем участвовали первые секретари ЦК, крайкомов и обкомов партии. Основной доклад делал М.С Горбачев, а с заключительным словом выступил сам Генсек.

Чувствовалось, что Андропов недостаточно разбирается в сельском хозяйстве. Виделось и другое: это руководитель жесткий, требовательный, круто решающий кадровые дела. А по большому счету, такая требовательность, если, конечно, она объективна, мне нравится.

В конце апреля 1983 года на центральной площади Актюбинска состоялось открытие памятника Ленину. Расположенные рядом с ним трибуны, а также сам пьедестал отделали красным алмаатинским гранитом. С гранитом, кстати, едва не вышла загвоздка. Дело в том, что в Москве в то время, как раз заканчивалось строительство гостиницы «Октябрьская»

(ныне переименованной в Президент - Отель) и весь красивейший алмаатинский гранит отправлялся для ее отделки. Мне пришлось несколько раз обращаться к Кунаеву, чтобы часть этого дефицитного материала «перераспределили» в Актюбинск.

Постоянное внимание к подбору руководящих кадров положительно сказалось на их составе. У нас сложилась сильная плеяда толковых руководителей предприятий.

Областной совет директоров промпредприятий возглавлял Игорь Порфирьевич Шкуренко, директор завода «Актюбрентген». Это — квалифицированный инженер, крупный организатор промышленного производства, создавший прекрасный коллектив. В короткие сроки он сумел построить новый крупный филиал завода. Его дважды избирали депутатом Верховного Совета Казахстана.

Приведу еще несколько имен. Герман Алексеевич Сорокин двадцать лет возглавлял Актюбинский завод хромовых соединений. Профессионал высокого класса, прекрасный знаток химического производства. Продукция завода успешно конкурировала на внешнем рынке. Человек скромный в жизни и смелый в делах. Избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

Владимир Анатольевич Фетисов, директор Донского горно-обогатительного комбината. Опытнейший инженер-горняк. При нем комбинат получил второе дыхание. По завершению открытого способа добычи хромовой руды, организовал строительство первых шахт. Владимир Анатольевич особо заботился о развитии города Хромтау, его социальной инфраструктуры, благоустройстве, налаживании культурного досуга и отдыха трудящихся. В городе на ряду с жильем возвели больничный комплекс, санаторий-профилакторий, кинотеатр, комплекс профтехучилища горняков, загородный пионерлагерь с зоной отдыха и водохранилищем, магазины, свинокомплекс, колбасный цех. Созданы и действовали сопутствующие

производства: завод по выпуску керамической облицовочной плитки, гранитный цех. Фетисов избирался депутатом Верховного Совета Республики.

Лев Николаевич Алимпиев, директор завода «Актюбинск-сельмаш». Он организовал строительство многих цехов, в том числе крупного цеха точного стального литья. Завод стал монополистом по выпуску стригальной техники для овцеводства. На реке Каргале возвели замечательный санаторний-профилакторий, подсобное хозяйство, создали жилой поселок.

Геннадий Андреевич Кошкин —директор Актюбинского ферросплавного завода. Делегат XXVI съезда КПСС. Опытный хозяйственник, знающий металлург.

Генриг Иванович Холодзинский, директор геолого-ремонтного завода. Человек он активный, деловой и предприимчивый. Хороший специалист. Постоянно оказывал большую помощь сельскому хозяйству. Потом его рекомендовали и избрали председателем исполкома горсовета, затем — секретарем областного комитета партии.

Любовь Георгиевна Ткачева — руководила крупным коллективом Актюбинского трикотажного производственного объединения. Избиралась депутатом Верховного Совета Республики. Борис Ефимович Милецкий — начальник объединения«Запказгеология». Инициативный руководитель, прекрасный хозяйственник и опытный геологоразведчик. Доброжелательный и общительный человек. По его инициативе в Актюбинске создали постоянную выставку — музей о подземных богатствах нашей области.

Георгий Иванович Слесаревский, директор авиаремонтного завода, которым руководил много лет. Коллектив действовал слаженно, завоевывал призовые места в областном и республиканском соревновании. Он добивался высокой эффективности и качества работы, активно внедрял новинки технического прогресса и передовой практики.

Значительных успехов область добилась в увеличении производства зерна. Посевная площадь зерновых за 12 лет увеличилась более чем на 800 тыс. гектаров. В 1972-1983 годах на селе построили около 20 тысяч квартир, много школ, клубов и домов культуры, детских учреждений, магазинов. Улучшилось благосостояние людей, выросли их доходы, заметно повысилась культура быта. Все больше и больше приобреталось автомобилей и других предметов длительного пользования. Вклады населения в сбербанки непрерывно увеличивались. Народ стал лучше одеваться, питаться. Из 700 тысяч жителей области около 180 тысяч обучались в школах, средних и высших учебных заведениях.

В январе 1984 года меня выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР от Донского горно-обогатительного комбината и Комсомольского райспецхозобъединения. В том же месяце, 16 января, мне исполнилось 70 лет. В этот день был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении меня орденом Трудового Красного Знамени. По данному случаю в гостевом коттедже мы с супругой Марией Семеновной устроили прием, на который пригласили (вместе с женами) членов бюро обкома партии, заместителей председателя облисполкома. Несмотря на солидный возраст, мое состояние здоровья позволяло в полной мере выполнять обязанности первого секретаря.

В феврале 1984 года мы получили печальное известие о кончине Ю.В. Андропова. Это была тяжелая и невосполнимая утрата!

13 февраля на внеочередном пленуме ЦК Генеральным секретарем ЦК КПСС избрали Константина Устиновича Черненко. Выслушали его программную речь. В ней улавливалась приемственность в политике партии. С огорчением удивился: неужели члены ЦК не видели, что не на того деятеля делают ставку? Ведь Константин Устинович не имел опыта руководства экономикой, самостоятельно не

руководил областью или республикой, не обладал необходимыми организаторскими качествами государственного деятеля великой страны. К тому же это был пожилой и тяжело больной человек.

Почему же члены политбюро рекомендовали его Генсеком ЦК? Ведь они заведомо знали о его несостоятельности руководить великой державой! Еще раз повторюсь и выражу свою мысль - одна из причин таилась в великовозрастном составе членов политбюро. Держать ставку на молодых и перспективных они, видимо, не решались.

Кунаев, беседуя со мной наедине, еще в 1983 году сказал, что самым опасным и ненадежным человеком там, «наверху», является Горбачев. Он не заслуживает доверия, но упорно рвется к власти. Жизнь, подтвердила правоту Димаша Ахмедовича: он «раскусил» этого потенциального разрушителя огромного государства. По существу он предал Партию и Родину.

В марте меня снова избрали депутатом Верховного Совета СССР. Это было 5-го числа. А 17-го в Алма-Ате состоялось торжественное собрание, посвященное 30-летию целины. В нем я тоже участвовал. За тридцать лет совхозы и колхозы Казахстана произвели 600 млн. тонн зерна, в 5 раз возросли заготовки мяса и молока. На юге республики начали развивать рисоводство.

В апреле опять пришлось лететь в Алма-Ату, теперь уже на пленум ЦК. В своем выступлении на нем я довольно резко и объективно обрисовал бедственное положение жителей отдаленных районов,в большинстве своем, животноводческих. Они испытывали всеобщий дефицит: в культуре, торговле, медицине, телевидении и условиях быта. По окончании пленума зашел к Кунаеву. Он спросил: «Почему ты так резко говорил о житейских невзгодах в отдаленных районах?» «Димаш Ахмедович, ведь там, в основном, живет казахское население — ответил я. Семьи у них многодетные. Они плохо

обеспечиваются природным газом, не имеют телевидения, телефонной связи, а в некоторых аулах отсутствует даже электроосвещение.

Многие выпускники средних школ не видели не только телевизора, но даже поезда и телефона. Учительские кадры слабые, учебников не хватает. Торговля нищая: мало завозится одежды и обуви, особенно детской. Медицинское обслуживание на допотопном уровне. На наши неоднократные обращения министерства республики и Союза отмалчиваются. Надо, чтобы министры и работники Госплана чаще и более длительное время лично бывали в этих районах, и изучали нужды и настроения людей».

Димаш Ахмедович в ответ согласно покачал головой: «Все, о чем ты говорил, нам в основном известно. Действительно, проблема острая и неотложная, требующая к себе глобального и пристального внимания». В конце встречи я спросил: «Как вы намерены решать вопрос о моей работе? Ведь мне пошел уже 71-й год». В свою очередь он поинтересовался моим самочувствием, спросил, — не мешает ли мне возраст исполнять обязанности первого секретаря обкома? Я сказал, что годы пока не помеха, расслабляться себе не позволяю. Кунаев признался: «В ЦК КПСС у меня состоялся разговор о тебе. И я настоял, чтобы ты еще поработал. Поэтому тебя и рекомендовали избрать в очередной раз депутатом Верховного Совета. Так что давай работай до конца этого года, а дальше видно будет».

Девиз «Кадры-решают все! » – важнейший в нашей работе. Меня нередко возмущают теперешние иронические оговорки над ним в СМИ: сейчас, мол, каждый в ответе лишь за себя. Власть на местах размывается. Многие действуют по принципу, что хочу, то и ворочу. И наворотили, да так, что диву даешься!

Кадровые дела никогда, ни при каких условиях не пускал на самотек. Я всегда стремился изучать и знать личностные качества работников, их профессиональный потенциал, нравственные устои, общественно-политическую активность.

Всегда старался понять: способен ли человек самостоятельно мыслить и проявлять инициативу. Изучение достоинств и слабых сторон людей помогало объективно оценивать работников, избегать застоя и поспешной сменяемости, искоренять протекционизм. Все это не катилось само по себе, по прямой, а утверждалось подчас противоречиво. Но главная тенденция — изучать, воспитывать и правильно расставлять — оставалась ведущей. У нас промышленные предприятия, строительные тресты возглавляли замечательные специалисты и организаторы. Некоторых я уже называл. Сожалею, что не могу «выписать» портрет каждого из них. А они заслуживают добрых слов и похвал.

Нам удалось воспитать прекрасных руководителей сельскохозяйственного производства. Людей, преданных земле — матушке, хлеборобскому делу, переустройству села, труда и быта крестьян на коллективистских началах.

Вот они — наши уважаемые директора совхозов: «Уркачевский» -Аглен Ермагамбетова, «Тогузский» - Нагим Кобландин, «Илекский» -Альберт Гофман, «Тамдинский» - Иван Стадник, «Жетыкульский» - Отар Клипанов, «Пригородный» - Юрий Кувакин, им. Димитрова — Атлаш Жумагалиев, имени «40 лет Казахстана» - Иван Классен, имени«50 лет Октября» -Жарылгап Избасканов, «Первомайский» - Владимир Тучин, «Октябрьский» - Сейткерей Амангосов, «Коктюбинский» - Сагнай Альжанов, «Комсомольский» - Иван Гриненко, «Красноярский» - Аблай Балманов, племсовхоз имени 15-летия Казахской ССР- Мугалжар Бримбетов, имени Шевченко — Алиби Койлыбаев, имени 18 партсъезда — Иван Ширяев, «Ярославский» — Владимир Добровольский, «Баскудукский» — Орынтай Байбосынов, «Псковский» — Николай Чебанюк, «Пролетарский» — Болат Мулюков, «Караулкельдинский» — Нурлан Тасин, «Оймаутский» — Естлеу Кульшимбаев, «Талдыкский» — Тасболат Туякбаев, имени Дзержинского —

Ибрагим Калимулин, «Темирский» — Нуралы Каниев, имени 40-летия целины —Антон Штайн, имени Курманова — Камил Сариев, «Комсомольский» — Борис Кургашов, «Байганинский» — Турикпенбай Айжарыков, «Джиренькопинский» — Нукен Мусаев, «Жанаконысский» — Рахимжан Сакенов, имени Берсиева — Даулетжан Доспамбетов, имени XXIV съезд партии — Лаик Шокпаров, «Актюбинский» — Жаунбай Калимов, «Жарыкский» — Есимкан Есенбаев. В этом же ряду директор областной сельскохозяйственной станции, создатель одной из пород лошадей, мастер спорта СССР Александр Иванович Беляев и, сменивший его потом Александр Михайлов.

Чувство исполненного долга и удовлетворения вызывает выпестованный нами корпус председателей колхозов. Это поистине самоотверженные люди, беспокойные сердца. Сделать сельскую жизнь притягательной, наполнить ее духовно, облагородить и обустроить — главная их цель и забота.

Назову наиболее именитых колхозных вожаков. Это — Петр Шерстюк —председатель ордена Трудового Красного Знамени колхоза «Красный колос», Кенес Мурзагалиев — имени Ильича, Василий Жук — «Красное поле», Иван Демешов — имени Ленина Ленинского района, Молдагали Имантаев — имени 22 партсъезда, Апраим Айпеисов — «Искра», Ерсаин Ажибаев — имени Жданова, Григорий Каструбин — «Передовик», Валентин Фоменко — имени Парижской коммуны, Владимир Иваницкий — «Заветы Ильича», Камаш Балгазин — имени Ленина, Роман Неб — «Победа» Мартукского района, Фридрих Миллер — «Земледелец», Отто Шмидт — имени Калинина, Иван Стройнов — «Серп и молот», Василий Вивтоненко — имени 30-летия Казахской ССР, Константин Ищенко — имени Ленина, Михаил Бойлюк — имени 40-летия Октября, последние шесть — все Хобдинского района.

Активно действовали штабы аграрного сектора — райсельхозуправления. Слово «активно» я употребляю только потому, что в наших условиях — зоны рискованного земледелия

— надо глубоко мыслить и уметь вертеться, улавливать в погодных условиях «окна» благоприятные для агротехмероприятий. А природа здесь редко дарит их людям. К сожалению, человеческой воле они не подвластны. Как говорится, у природы нет плохой погоды. Предвидеть невзгоды и уметь превращать их во благо — это искусство, требовавшее профессиональных знаний и преданности хлеборобской чести.

Большинство руководителей и специалистов отличились крестьянской сметкой, богатым опытом в агротехнике, преданностью и любовью к земле. В этой роли особенно усердствовали Петр Гусев, Дмитрий Бурлуцкий, Шора Атантаев, Тулебай Курманалин, Онгар Конысбаев, Игорь Дунаев, Александр Михайлов, Василий Пчела, Пиеш Хусаинов, Кузьма Музенко, Задигерей Мустафин, Даулетжан Елеусизов, Павел Клименко, Давид Краус, Николай Сидоров, Мухан Рахметов, Абдуалий Жолдыбаев, Кенес Абдуллин.

Их самоотверженностью сельскохозяйственное производство крепло из года в год — организационно, экономически и социально.

А теперь слово о нефти. В 1983 году в области было добыто 416 тыс. тонн нефти. В октябре ввели Жанажолское место - рождение. Объем добычи в следующем 1984 году, превысил один миллион тонн, а в 1985 году выдали 1 млн. 523 тыс. тонн. По существу за два года утроили добычу нефти. Ее по трубопроводу перекачивали в Орск на нефтеперерабатывающий завод. Объемы ежегодно прирастали. Осваивались и вводились в эксплуатацию новые нефтеносные площади. Строились и обустраивались объекты Жанажолского месторождения. Уже в 1999 году, как мне потом сказали, добыча составила 2 млн. 300 тыс. тонн.

Рядом с Жанажолом в 12 местах геологи определили перспективные зоны, где, по их расчетам, присутствовала нефть. К сожалению, располагались они на территории Эмбенского военного полигона, куда доступ геологоразведчикам не

разрешался. Я обратился к министру обороны СССР Дмитрию Федоровичу Устинову. В телефонном разговоре с ним попросил отодвинуть границу полигона примерно на 15-20 км. вглубь с севера на юг. Пообещал маршалу компенсировать полигону равнозначную площадь с другой, западной стороны. Через пару дней Дмитрий Федорович сам позвонил мне и сообщил: «На той части полигона, которую вы, Василий Андреевич, просили уступить, размещено оборудование стоимостью в несколько миллиардов рублей. И поэтому я не могу удовлетворить вашу просьбу». Пришлось геологам искать нефть и газ на территории Темирского, Байганинского и других районов, тоже считавшихся перспективными по запасам «черного золота».

Наши предположения оказались пророческими. Разведочное бурение подтверждало наличие запасов нефти в так называемых подсолевых отложениях. Помню как сейчас 17 января 1983 года, когда из скважины № 163 ударил первый фонтан нефти. Мы с председателем облисполкома Козыбаевым срочно вылетели туда. И увидели волнующее событие: фонтан мощный и дебитный. Уже в октябре того же года новое месторождение нефти ввели в эксплуатацию.

Прошло около года и мы пригласили к нам высокое начальство, от которого зависела судьба актюбинской нефти. Быть ей большой или, как говорится, в час по чайной ложке. К нам прибыли председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, министр нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцев, министр геологии СССР Е.А. Козловский.

Они внимательно ознакомились с новым нефтепромыслом. Побывали на строившемся газоперерабатывающем заводе. Встретились с разведчиками и добытчиками. На совещании специалистов-нефтяников и руководителей областных организаций убедились и договорились: большой актюбинской нефти-быть! В завершение совещания Байбаков заявил: «Уезжаю с миллионом тонн нефти в кармане, рассчитываю на активное ускорение нефтедобычи. Ждите теперь

Делегаты от Актюбинской парторгапизации на 15-м съезде компартии Казахстана. Алма-Ата. 1981 г.

Первые секретари обкомов партии Казахстана — делегаты 26-го съезда КПСС во Дворце съездов. Москва, Кремль. 1981 г.

Д.А.Кунаев вручает В.Ливенцову Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Алма-Ата. 18 марта 1981 г.

Д.А.Кунаев (третий справа) осматривает хлебную ниву совхоза «Магалжановский». Слева направо: Ю.Н.Трофимов — секретарь ЦК, О.А.Козыбаев, В.А.Ливенцов, Попов — директор совхоза и 1-й секретарь райкома партии И.Е.Дуля. 1981 г.

Д.А.Кунаев осматривает посевы проса на полях опытной сельскохозяйственной станции. Поясняет научный сотрудник Е.Мазанко. Август 1981 г.

Д.А.Кунаев беседует с председателем колхоза им. Жданова Е.Ажибаевым в новом цехе — «боксе» по ремонту комбайнов. Август 1981 г.

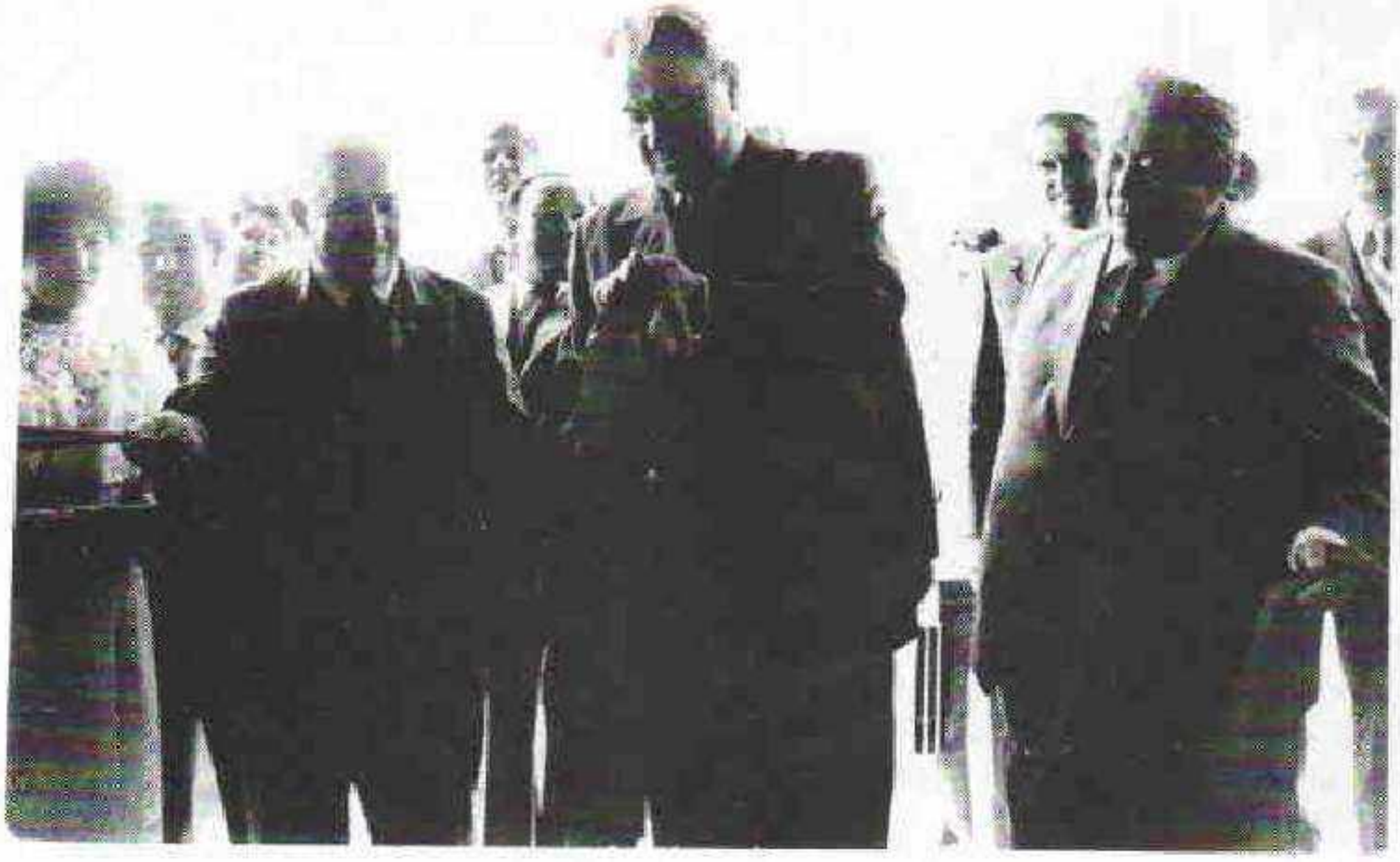
Встреча 70-летия Д.А.Кунаева. Алма-Ата. Январь 1982 г.

Открытие новой городской больницы в Актюбинске. Ленту разрезал Д.А.Кунаев. Август 1983 г.

Д.А.Кунаев в совхозе «Илекский» — одном из главных поставщиков овощей и молока. Слева направо: О.А.Козыбаев, И.А.Новиков — секретарь парткома совхоза, Д.А.Кунаев, В.А.Ливенцов, директор совхоза А.Гофман. Август 1983 г.

В.Ливенцов и Н.Н.Головацкий — председатель колхоза «40 лет Октября», дважды Герой Социалистического Труда. Москва, Кремль. 1983 г.

Встреча Д.А.Кунаева в аэропорту Актюбинска. Август 1983 г.



Открытие автовокзала. Д.А.Кунаев разрезал ленту. 31 августа 1981 г.

Павловский И.Г. — министр путей сообщения СССР. (3-й слева). Слева направо: А.Н.Лунин, О.А.Козыбаев, В.А.Ливенцов, Р.Тургамбаев, П.Т.Турмагамбетов. Актюбинск. Июнь 1981 г.

Руководители делегаций, участвовавших на похоронах Ю.В.Андропова. От Кампучии — Хенг Самрин, Вьетнама — Чыонг Тинь, Лаоса — Суфанувонг. Крайний справа В.А.Ливенцов. 1984 г.

Махмуд Эсамбаев, народный артист СССР на гастролях в Актюбинске. Январь 1983 г.

Д.А.Кунаев на полях Мартукского района. Слева направо: А.Алипов — председатель райисполкома, А.Т.Маркевич — 1-й секретарь райкома партии, Д.А.Кунаев, В.А.Ливенцов, О.А.Козыбаев. Август 1984 г.

Е.П.Славский — министр среднего машиностроения СССР и А.П. Александров — президент Академии наук СССР в Актюбинске. 1984 г.

Бабрак Кармаль (в центре), Нур Ахмед Нур, Шах Мухамед Дост и др. члены руководства Афганистана в Актюбинске. 18 мая 1982 г.

Д.А.Кунаев среди участников собрания партийно-хозяйственного актива области. Актюбинск. 1984 год

Ветераны — казахстанцы на приеме у посла Республики Казахстан Мансурова Т.А. (1-й ряд, 4-й справа). В.Ливенцов (3-й справа). Москва. 1994 г.

Встреча с акимом города Актюбинска Е.Н.Сагиндыковым. Деловой разговор. В.Ливенцов, Е.Сагиндыков, М.Слинченко. Январь 1999 г.

Аким Актюбинской области А.Е.Мусин одевает казахский чапан В.А.Ливенцову в связи с 85-летием со дня рождения. Слева направо: К.Алишев, А.Н.Марченко, К.Нокин, В.А.Ливенцов, В.В.Супрун — 1-й заместитель акима. Актюбинск. 16 января 1999 г.

соответствующее постановление Правительства».

Значительный вклад в изучение и освоение подсолевых месторождений нефти и газа Западного Казахстана внес коллектив Актюбинского отделения Казахского научно — исследовательского геологоразведочного нефтяного института во главе с Максутом Абылгалиевичем Танкибаевым. Им глубоко обоснованы и даны научные оценки и прогнозы пластовых давлений в условиях соляного тектогенеза. Он лауреат Госпремии Казахской ССР, автор многих научных работ и изобретений.

11 декабря 1984 года я провёл последний в своей 23-х летней работе первого секретаря пленум обкома партии. Мы обсудили состояние сельскохозяйственного производства, положение дел в промышленности и строительстве.

На этом пленуме избрали членом бюро обкома Сапара Сагинтаева, утвержденного председателем облисполкома. Должен заметить, что подбор кандидатуры председателя проходил сложно. Вначале на эту должность я рекомендовал первого секретаря Челкарского райкома партии Ахмеджана Туребаева — человека энергичного и пользовавшегося авторитетом у населения. Свое предложение мы направили в ЦК Компартии Казахстана, о нем доложили Кунаеву.

И тут на Туребаева посыпались анонимки! При проверке почти все оказалось грязной клеветой. Почти — но не все. Как выяснилось, при сдаче в эксплуатацию нового двухэтажного дома для работников райкома, по указанию Туребаева для его семьи вопреки проекту переделали квартиру. Излишков площади не оказалось, но саму перепланировку не согласовали с обкомом. В принципе - мелочь, которую согласовывать по большому счету и не стоило. Но у нас в обкоме, как мне потом сказали, нашлись люди, которые хотели, чтобы их самих усадили в председательское кресло. А поэтому они и «раздували» каверзы и подвохи.

Димаш Ахмедович в это время отсутствовал. Второй же

секретарь ЦК Мирошхин поверил наветам на Туребаева, звонкам его «конкурента», способного лишь копаться в чужом грязном белье, но не умеющего толком работать. По его, Мирошхина, указанию Туребаева вызвали в ЦК и решением секретариата сняли с работы.

Тогда, посоветовавшись с членами бюро обкома, я внес другую кандидатуру — Куандыка Зинешевича Алишева. Работал он первым секретарем Муголжарского райкома партии, являлся членом ЦК КП Казахстана. Ученый зоотехник, кандидат сельскохозяйственных наук, до этого возглавлял крупный совхоз. Проявил себя способным руководителем. Человек он — творчески смелый и трудолюбивый. Хорошо разбирался в экономике, производстве, особенно животноводстве. Он мог бы стать хорошим председателем облисполкома. Но и на Алишева пошли анонимки в ЦК! Сценарий знакомый, ибо организатором этой закулисной интриги являлся тот же человек, что и в случае с Туребаевым. Однако тогда мне было невдомек, что автором компромата является член бюро обкома, мечтавший сам занять пост председателя.

После намеревался выдвинуть руководителем облисполкома Кенеса Нокина — секретаря обкома партии, ведавшего сельским хозяйством. Посоветовался с работниками орготдела ЦК КПСС. Мне сказали, что возраст у него почтенный. И тогда мы предложили кандидатуру Сапара Сагинтаева, первого секретаря Октябрьского райкома партии, имевшего опыт организаторской работы и теоретическую подготовку. Наше предложение одобрили и в Алма-Ате, и в Москве. Это единственный случай в моей практике, когда так трудно проходили наши предложения о подборе кадров, Сапар Сагинтаевич быстро вошел в курс дела, умело направлял деятельность Советов народных депутатов на практическую реализацию социально-экономических задач. Его отличали государственность и гражданственность. Он чист и честен,

правдив и доступен.

Я часто вспоминаю многих из тех, с кем работал в Актюбинском обкоме бок о бок. Длительное время должность второго секретаря обкома партии занимал Темиргали Бекенов. Хороший специалист и организатор. Курировал промышленное производство, оперативно и грамотно решал возникавшие проблемы. Отличался скромностью и честностью. Перешел на работу в Совет министров республики в связи с тяжелой болезнью своих сыновей.

Кенес Нокинович Нокин родился и все годы безвыездно работал в Актюбинской области. Прошел путь от колхозника, агронома, директора совхоза до секретаря областного комитета партии, и в этой должности проработал более двадцати лет. Хорошо знал все совхозы и колхозы, сельскохозяйственные кадры, пользовался авторитетом среди населения. Выдержанный, скромный, образованный и читающий человек. Большую часть своего рабочего времени проводил в хозяйствах. Внес значительный вклад в развитие сельского хозяйства. Все годы мы с ним работали во взаимном доверии и уважении.

Михаил Прокофьевич Слинченко — тоже родился и всю жизнь проработал в Актюбинской области. Участник Великой Отечественной войны. Идеолог. Секретарь обкома партии по политико-воспитательной работе. Теоретически подготовленный, думающий, трудолюбивый, скромный. Достаточно владел научными основами и практикой воспитательной деятельности. Умело использовал ее принципы и многообразные формы в работе по формированию лучших нравственных качеств у людей, развитию у них осознанных действий, трудовой и общественной активности. Пользовался уважением и авторитетом.

Володар Яковлевич Клейнгольд — инженер, курировал капитальное строительство. Хороший организатор, трудолюбивый, опытный строитель. Активно и плодотворно поработал у нас. Впоследствии вернулся в свою область на

горно-добывающий комбинат.

Владимир Васильевич Милов. Его ЦК прислал из Алма-Аты на замену Клейнгольду. Прямо скажу, оказанного доверия Милов не оправдал. Он оказался неподготовленным для роли секретаря обкома партии. Хотя организацию строительного производства знал, - надо отдать ему должное.

Айсагали Абылкасымович Мухамбетов — до назначения вторым секретарем Актюбинского обкома работал заведующим орготделом ЦК партии Казахстана. Его, по существу, навязали нам, несмотря на мои возражения. Кстати, из аппарата ЦК Мухамбетова выпроводили отнюдь не за добрые дела! У нас он особо не вникал в работу партийных комитетов. Зато мог облить грязью, несправедливо обвинить кого угодно. Создавал нездоровую обстановку в бюро и аппарате обкома партии, устраивал «охоту на ведьм», грязный мелочник. Руководители районов просили меня не присылать его к ним в командировку. Считаю, направление Мухамбетова в область ошибкой руководства республики. Во время приезда к нам Кунаева и Назарбаева — они, между делом сказали, что вынужденно убрали его из аппарата ЦК и обещали вскоре отозвать его из Актюбинска.

Оразалы Абилович Козыбаев. Агроном, участник Великой Отечественной войны. Прожил большую и содержательную жизнь: рядовой колхозник - начальник районного управления сельского хозяйства - руководитель района - второй секретарь Кустанайского обкома партии и в завершение - председатель Актюбинского облисполкома. Ему присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. У партийно-хозяйственного актива быстро завоевал признание и уважение. Часто бывал в районах, совхозах и колхозах. Хорошо разбирался в делах. Активно действовал в разрешении конкретных проблем развития народного хозяйства области. Общителен с людьми, тактичен, выдержан. Мы имели с ним полное взаимопонимание.

Виктор Иванович Пилипенко. Прошел путь от инженера

колхоза до заведующего сельхозотделом обкома партии, первого заместителя председателя облисполкома. Со знанием дела занимался развитием сельскохозяйственного производства, внедрением интенсивных методов и специализации. Хорошо знал сельские кадры. Трудолюбив, обладал завидной работоспособностью, скромен и честен.

Дееспособность аппарата обкома, его влияние на экономическую и общественно-политическую жизнь области во многом определялись деловитостью заведующих отделами. Подбор их велся строго во всех «измерениях». Хорошо помнятся заведующие: А.Ш.Шинбаев, М.П. Скоробогатов, Х.С. Иманалин, И.И. Беляков, С.Б. Жаманкулов, М.И. Березан, В.С. Щербаков, В.Я.Балакирев, Г.Г.Сатаров, И.М.Чилиняк, Н.П. Федорян, А.П. Неверов, Т.К. Кунбаев, Л.В. Винокуров, В.М. Кувшинов, В.Г. Сельский, Г.Б.Химчук. Моим помощником работал Кенес Баймуханович Бирманов. Он имел хорошую профессиональную подготовку, практический опыт. Человек скромный и добросовестный. Неплохо знал руководящих работников-аграрников. Потом мы его выдвинули заведующим орготделом областного комитета. Здесь он проявил свою зрелость и честность в кадровой работе. Впоследствии возглавлял парторганизацию Октябрьского района.

Нурхожа Урунбасарович Урунбасаров, инвалид Великой Отечественной войны. Более четырех лет трудился первым секретарем обкома комсомола. После окончания Высшей партийной школы его утвердили заведующим отделом пропаганды и агитации обкома. В связи с освоением целинных земель добровольно возглавил отстающий колхоз. Большой вклад он внес, будучи около 20 лет первым секретарем Темирского и Октябрьского райкомов партии. За эти годы сумел преобразить экономический и культурный облик районов. Значительный импульс получила нефтедобывающая отрасль. Нуреке — общепризнанный почтенный аксакал и большой авторитет в области. Общительный. Ему присущ

критический настрой к процессам, происходящим в жизни. Хорошо разбирается в кадрах. Его выступления на собраниях и конференциях будоражили застойные явления. Кавалер многих высоких орденов и медалей. Избирался депутатом Верховного Совета Казахстана.

Иван Михайлович Мишин — инвалид Великой Отечественной войны. Без малого четверть века возглавлял Темирский, Новороссийский и Актюбинский райкомы партии. Смелый, прямой, целеустремленный руководитель. Никогда не кривил душой, выражал свои взгляды и оценки без обиняков, открыто и прямо. Районы под его руководством имели высокие показатели. Избирался депутатом Верховного Совета республики.

Алтынбек Акимжанович Акимжанов — более 18 лет работал первым секретарем Хобдинского и Исатайского райкомов партии. Много сделал для переустройства жизни людей этих районов, за что удостоен звания Героя Социалистического Труда. В порядке укрепления выдвинут председателем облсовпрофа и добился значительной активности в его работе. Выдержанный, скромный, тактичный человек, пользовался уважением в партийной среде и у трудящихся.

Сматулла Молдашевич Беркимбаев — после окончания Московской сельскохозяйственной академии имени Темирязева начинал свою трудовую биографию зоотехником, затем вырос от директора совхоза до первого секретаря Байганинского и Темирского райкомов партии. За 18 лет им сделано многое для обновления жизни населения этих отдаленных районов. Награжден орденами высокой степени и медалями Союза. Уважал его за трудолюбие, скромность и порядочность.

Алексей Трофимович Маркевич — активный партийный вожак, близко прикипевший к крестьянству, к его труду и образу жизни. Начинал трудовой путь трактористом. На всю жизнь сохранил уважение к механизаторской профессии как

«заглавной» ценности сельской жизни. Знал поименно многих механизаторов, комбайнеров, животноводов. После окончания Высшей партийной школы более 20 лет трудился первым секретарем Карабутакского, Комсомольского и Мартукского райкомов партии. Оставил глубокий след в жизни этих районов. По натуре человек прямой и откровенный, в делах ценил порядок, в отношениях с людьми — честность и доброжелательность.

Салим Шинтасович Шинтасов — много полезного сделал в качестве первого секретаря Мартукской и Октябрьской районных партийных организаций. Тоже уважаемый аксакал. К его советам и пожеланиям прислушиваются со вниманием. Не терпел разлада между словом и делом. Доверие умело сочетал с требовательностью и принципиальностью. Обладал высокой мерой ответственности. Глубоко вникал в житейские явления и разумно разрешал конфликты. Имеет высокие правительственные награды.

Иван Емельянович Дуля — от инженера-механика колхоза взошел до председателя Хобдинского райисполкома и первого секретаря Новороссийского райкома партии. Человек трудолюбивый, с хорошей хозяйственной жилкой. Внес заметный вклад в развитие и благоустройство города Хромтау. Квалифицированно направлял развитие экономики колхозов и совхозов.

Ануар Кереевич Бекмухамбетов — начинал зоотехником совхоза, затем главный зоотехник района, заместитель начальника областного управления сельского хозяйства, начальник треста «Овцепром». Много лет руководил Уилской районной парторганизацией. Прекрасно знал быт и нужды чабанов и скотников, всегда заботился о том, чтобы облегчить их труд, сделать его содержательным и привлекательным. Человек он — скромный, выдержанный, знающий экономику. Заботился о развитии земледелия в районе.

Ахметжан Наурызгалиевич Туребаев прошел путь от рядового

специалиста районного производственного управления до директора Темирского совхоза- техникума. Оттуда его выдвинули первым секретарем Челкарского райкома партии, где работал с 1973 по 1985 годы. За 12 лет этот животноводческий район стал передовым по всем основным показателям. Почти ежегодно он награждался переходящими Красными Знаменами Союзного и Республиканского значения. Избирался депутатом Верховного Совета Республики. Скромный, тактичный, трудолюбивый.

Федор Евгеньевич Чемоданов — человек активного действия. Его восхождение к высотам служебного олимпа не было простым: председатель колхоза - начальник районного управления сельского хозяйства — председатель Карабутакского и Комсомольского райисполкомов — первый секретарь Комсомольского райкома партии. Участник Великой Отечественной войны, избирался депутатом Верховного Совета Казахстана. Профессионал сельскохозяйственного производства, отличался завидным умением организовать людей и хозяйствовать на земле. Пользовался уважением среди населения.

Куандык Зинешевич Алишев — крупный специалист сельскохозяйственного производства. Девять лет руководил совхозом, восемь лет работал первым секретарем Мугоджарского райкома партии. Доктор сельскохозяйственных наук, академик. Избирался в состав ЦК КП Казахстана, депутатом Верховного Совета республики. Имеет правительственные награды. Под его руководтсвом совхоз «Пролетарский» стал одним из передовых хозяйств, а Мугоджарский район добился заметного подъема экономики и улучшения условий жизни населения. Заведовал отделением овцеводства НИИ по Западному Казахстану. Прекрасный организатор, сильный хозяйственник, глубоко разбирается в экономике, настойчив и требователен в делах, в отношениях с людьми уважителен и принципиален. Умеет подбирать кадры

и видеть перспективу общественного развития.

Мажит Култанович Тажгулов, как ученый агроном, он прошел все ступени районного звена руководства. Начинал колхозным агрономом, затем агроном совхоза, главный агроном Октябрьского райсельхозуправления, директор совхоза имени Димитрова, поднявшегося до уровня передовых хозяйств области. А потом его рекомендовали председателем исполкома Байганинского райсовета народных депутатов. В 1982 году Мажита Култановича коммунисты избрали первым секретарем райкома партии. Трудился с большим энтузиазмом. Своими энергичными действиями вдохновлял трудящихся на добрые дела. Неплохо занимался развитием в районе земледелия. Общительный, справедливый и настойчивый в делах человек. Удостоен высоких государственных наград. Избирался делегатом Всесоюзного и республиканского съездов Компартии, депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

Петр Терентьевич Олешко — активный участник освоения целинных земель. Много лет руководил Комсомольским райкомом партии. В его бытность целинный район стал главным производителем зерна в области. Он много занимался организационным укреплением целинных совхозов, развитием их экономического потенциала. Строго спрашивал с хозяйственников за благоустройство совхозных поселков, налаживание труда и быта покорителей целины. Петр Терентьевич удостоин звания Героя Социалистического Труда.

Можно и дальше называть наших партийных вожаков, заслуживших признания и уважения. Они сочитали в себе житейскую мудрость с глубокой компетентностью, дисциплину с инициативой и творческим подходом к делу, чуткость к людям с заботой об их нуждах. У нас сложилась активная и дееспособная плеяда руководителей-районщиков, внесших большой вклад в развитие экономики и культуры области. Это — первые секретари райкомов: Рамазан Нуржанов, Виктор Тренин, Байсалбай Жолмурзаев, Григорий Карюк, Тулеу

Алдияров, Николай Солдатенко, Закретдин Байдосов, Иван Луценко, Кемейдулла Тулеубаев, Борис Бышай, Николай Резников, Сандыгали Хусаинов, Александр Лунин. Они делами своими олицетворяли и утверждали организованность, стойкость и убежденность.

В единой связке с партийными руководителями плодотворно трудились председатели исполкомов Советов народных депутатов: Владимир Финютин, Генриг Холодзинский, Гарифулла Мухамеджанов, Мурат Джусупов, Максим Почтаренко, Амантай Алипов, Пана Уралбаев, Валентина Мыслина, Вальтер Леммле, Тулебай Курманалин, Усен Жаманшалов, Иван Ананьев, Николай Погуляй, Шудабай Каласов, Иван Гриненко, Николай Дуля, Тельман Давлеталин, Изберген Кушимов, Ислям Медеубаев, Анатолий Сукач, Бекежан Мухамбетов, Жаксылык Мусин, Утемис Акимов.

Я назвал многих партийных и советских руководителей, ряд хозяйственников. Думаю, что не всех. Их больше. Ярко смотрится Б.В. Петухов. Начинал он в Западно-Казахстанском совнархозе. Возглавлял партком треста «Актюбстрой». Трудился главным механиком «Главзападстроя». С начала 70-х годов связал свою судьбу со снабженческо-сбытовой системой. Возглавляя «Западупрснаб», обслуживал большой регион — весь Запад республики: Актюбинскую, Гурьевскую, Западно-Казахстанскую и Мангышлакскую области. Поток сырья, деталей, материалов, проходивший через службы управления, огромен. Только номенклатура поставок и отгрузки превышала 30 тыс. наименований. Основными были лес, металл, цемент. Товарооборот превышал 4 млн. долларов в сутки. Борис Васильевич великолепно ориентировался в этой товарно-денежной «круговерти». Прямо скажу: его высокие личностные качества способствовали нормальному функционированию большой хозяйственной системы.

Колоритной и своеобразной фигурой предстает Капас Дарипович Тлеубаев. Главные составляющие его биографии

тому подтверждение: детдомовец—учеба в техникуме—военное училище — офицер на фронтах Великой Отечественной... - тяжелое ранение и инвалидность 1-й группы. Послевоенные годы все без остатка посвятил планово-экономической системе. Двадцать лет (1965-1985 г.г.) возглавлял областную плановую комиссию Актюбинского облисполкома. Имеет почетное звание «Заслуженный экономист Казахской ССР». Отмечен высокими правительственными наградами. Человек творческого мышления и глубоких профессиональных знаний. Скромный и принципиальный в деловых отношениях. На него всегда можно было положиться!

Сменил его человек нового поколения — Ян Тампаев, инженер —экономист. Первый зампредгорисполкома, заведующий облкомхозом, первый секретарь Фрунзенского райкома партии города Актюбинска. В 1985 году он стал заместителем председателя облисполкома — председателем облплана. Руководитель компетентный, творческого поиска. Под его началом разработаны областные комплексные программы «Итенсификация», «Жилье - 91», «Переустройство села», «Товары народного потребления и услуги». Их реализация нацеливалась на улучшение жизни населения области.

Завершался 1984 год. Мне вот-вот должен был стукнуть 71 год. Усталости большой пока не испытывал. Но осенью, когда пришлось много дней подряд ездить по районам, почувствовал какую-то тяжесть. Возвратившись домой сказал Марии: «Видимо, пришло время уходить на пенсию».

Позвонил Димашу Ахмедовичу. Выслушав меня, он сказал: «Работаешь ты хорошо. Доверие ЦК партии оправдываешь. Но возраст у тебя действительно солидный. И раз ты сам почувствовал, что пора уходить, давай будем думать. Хотя, честно говоря, я рассчитывал, что ты доработаешь эту пятилетку. Ведь до ее завершения остался всего один год. К тому же ты моложе меня».

16 января дома мы отметили мой день рождения. А 18-го позвонил второй секретарь ЦК Компартии Казахстана Мирошхин и попросил на 22 января созвать пленум обкома партии для рассмотрения организационного вопроса. Об этом я немедля сообщил нашим членам бюро.

22 января 1985 года пленум состоялся. Меня освободили от обязанностей первого секретаря и члена бюро обкома в связи с уходом на пенсию. В тот же день позвонили из Москвы и сообщили, что распоряжением Совета Министров СССР мне пожизненно утверждена персональная пенсия союзного значения в размере 400 рублей.

Члены бюро обкома и руководители облисполкома устроили скромный вечер в честь моих проводов. На нем звучало много теплых слов в мой адрес. А я, в свою очередь, высказал моим товарищам сердечную признательность за совместную дружную работу и доверие. Вновь избранный первый секретарь обкома Ю.Н. Трофимов, кстати, дал мне понять, что он недоволен той высокой оценкой моей работы, которую дали присутствовавшие на вечере. Так закончилась моя трудовая деятельность в Актюбинской области, продолжавшаяся 13 лет и 4 дня.

В декабре 1984 года, после разговора с Кунаевым о моем уходе на пенсию, я встретился на сессии Верховного Совета в Москве с управляющим делами ЦК Кручиной. Он уже знал о моем уходе и спросил «Куда ты собираешься откочевать в Москву или в Алма-Ату?» И сразу же посоветовал перебраться в Москву, пообещал оперативно выделить приличную квартиру. На мой вопрос о прописке ответил: «С этим никаких проблем не будет».

Посоветовался с сыном Валерием, который к тому времени уже жил и работал в Москве, в институте имени Курчатова. Он настоятельно советовал переезжать только в Москву. Но и после этого мы с супругой еще долго раздумывали — куда все-таки ехать. Ведь — в Алма-Ате у нас имелась готовая, обжитая

квартира. Там же, в Алма-Ате, жили старший сын Юра с семьей, сестры Марии, родственники. Это прекрасный город нашей юности, где у нас многочисленные друзья. А в соседней Чимкентской области — большинство моих родственников.

И в то же время Алма-Ата расположена на высокогорье, где сердечникам жить тяжко. Это мы с Марией ощущали на себе каждый раз, когда прилетали туда из Актюбинска. Супруга все больше стала склоняться к тому, чтобы переехать все-таки в Москву.

И решение было принято. Кручина посоветовал мне всю подходящую мебель забрать с собой. Он, по опыту своего переезда из Целинограда, знал: мебель в Москве стоит дороже. В чем я потом и сам убедился. Говорят, что два переезда, равны одному пожару. За годы работы нам пришлось переезжать 14 раз!

Так закончилась моя многолетняя трудовая деятельность, которую я начал в 1929 году в колхозе «Белые Воды» Южно-Казахстанской области рядовым колхозником.

В Москве

Мы, наконец, перекочевали в Москву. Оборудование квартиры, расстановка мебели, приведение в желаемый порядок моей большой библиотеки, оформление прописки и другие дела потребовали больше месяца. Мы с Марией много трудились, помогал и сын Валерий.

Обустройство домашних дел подходило к концу. Я остро стал чувствовать пустоту. Предо мной возник вопрос: что делать дальше, чем занять время? За долгие годы я привык напряженно трудиться. А теперь?

Когда мы рассчитывали ехать на жительство в Алма-Ату, у меня было твердое намерение пойти работать агрономом в одно из пригородных хозяйств. К примеру, в совхоз имени Томаровского или в колхоз «Горный гигант». Об этом предварительно советовался с министром сельского хозяйства республики М. Г. Моторико. Там рассчитывал купить дом с хорошим садом, за 5-7 лет работы оплатить его стоимость. Это было бы что-то вроде дачи для нас с Марией, для семьи, для сына Юрия.

А здесь, в Москве, все было ново, незнакомо. Пошел посоветоваться к моему старому знакомому Кручине. Николай Ефимович мне сказал: «Никакой дачи приобретать не надо, да у тебя и денег на это не хватит. Ежегодно Управление делами ЦК за небольшую плату будет выделять вам с женой в своих дачных пансионатах по паре комнат с кухней на 4-5 месяцев. Там имеются столовая, водный бассейн, лодки, оказываются различные культурно-бытовые услуги». И действительно, в мае 1985 года мы с Марией поехали в пансионат, в красивые подмосковные места. У нас часто бывали Валерий с женой и внуком Саней, а потом более двух месяцев ежегодно гостили Юра, сноха Эля, внук Дмитрий, которые приезжали из Алма-Аты. И все-таки, когда мы возвращались из пансионата, меня угнетало отсутствие какого-то конкретного дела.

При Институте марксизма-ленинизма действовало общество старых большевиков. Оно объединяло пенсионеров выходцев из всех союзных республик СССР и состояло из нескольких секций. Секцию Казахстана возглавлял хорошо знавший меня Нуртас Ундасынов, бывший председатель Совета Министров республики. Он посоветовал мне вступить в секцию ветеранов Казахстана, что я и сделал. Меня избрали заместителем председателя этой малочисленной секции. В короткое время я вовлек сюда дополнительно человек 15 из числа бывших казахстанцев. В их числе Гребенюк, Атамбаев, Дыхнов, Морозов, Акулинцев, Протозанов, Степанов, Демиденко, Ерпилов, Макаров, Евдокименко. Члены нашей секции писали мемуары, статьи, которые мы обсуждали на заседаниях и высказывали свои мнения. Именно здесь у меня созрело решение написать свои воспоминания. Благо есть о чем поведать!

На ряду с этим я принимал участие в работе Совета ветеранов Советского Союза. На общественных началах трудился в организационно-уставной секции. Она объединяла много интересных личностей — бывших первых секретарей обкомов партии, армейских политработников, отставных генералов. Плодотворно работал союзный Совет ветеранов, когда его возглавляли Кирил Трофимович Мазуров, бывший первый секретарь ЦК КП Белорусии и первый заместитель председателя Совета Министров СССР, а потом — Николай Васильевич Огарков — бывший заместитель министра обороны страны.

После распада СССР наш бывший Союзный Совет ветеранов преобразовали в Координационный Совет ветеранов при СНГ.

В связи с кончиной Ундасынова, председателем секции ветеранов Казахстана избрали меня. После ликвидации Института марксизма — ленинизма, мы на собрании нашей секции решили не распускать ее, а преобразовать в Совет ветеранов-казахстанцев, проживающих в Москве. И состоять

при посольстве Казахстана. Это предложение поддержал тогдашний Постпред нашей республики в Москве Серикболсын Абдильдин, который активно нам помогал. Большое содействие сейчас оказывает посол Республики Казахстан в России и по совместительству в Финляндии Таир Аймухаметович Мансуров. Каждый раз накануне Нового года, в День победы, в праздник Наурыза в другие дни мы собираемся в посольстве. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев всегда нам присылает поздравления, которые зачитывает посол. Подобные встречи вызывают у ветеранов большое удовлетворение. Мы чувствуем большую заботу о нас, ветеранах, которая проявляется под покровительством президента Республики Нурсултана Абишевича. Ветераны регулярно отправляют президенту телеграммы с пожеланиями здоровья и процветания родному Казахстану.

В дни, когда нашу семью постигло страшное горе, связанное с кончиной моей горячо любимой жены Марии Семеновны (с ней мы вместе прожили почти 61 год) актюбинцы и южноказахстанцы выразили искренние чувства соболезнования. Их делегации приехали в Москву и делали все возможное, чтобы облегчить наши физические и душевные страдания.

Посольство Казахстана в Москве и лично посол Таир Мансуров также выразили свое сочувствие, позаботились о том, чтобы облегчить наши переживания. Я глубоко благодарен всем казахстанцам, москвичам, моим друзьям за их поддержку. Они в какой-то мере облегчили страдания нашей семьи. Искренние чувства друзей незабываемы. И верно говорят, что истинные друзья познаются в беде. Особенно друзья, воспитанные нашей эпохой.

Мы с моей прекрасной женой Марией Семеновной вырастили двух сыновей Юрия и Валерия. Они закончили Московский (Юрий) и Ленинградский (Валерий) университеты. Оба хорошо знают советскую и мировую литературу. Не курят, не

употребляют алкогольные напитки. Растут три хороших внука: Дима, Андрей, Саня.

Вся наша долгая супружеская жизнь с Марией - это годы полного доверия, уважения и взаимопонимания. Никаких недомолвок, тем более ссор в семье у нас не бывало. Мария - умная, уравновешенная, строгая, хорошо образованная и милая женщина — усердно вела домашние дела и архив. Хорошо знала литературу, много читала и приучила к этому детей. Во время поездок в Москву, Алма-Ату и другие города всегда старалась посещать театры.

Она была трудолюбивой и рачительной хозяйкой. В доме распоряжалась всеми нашими средствами, расходовала их разумно и экономно. Сама шила одежду для детей. Приучала их к труду. Всегда вкусно готовила еду. В доме и семье царил порядок, выращивались цветы, всегда жили кошка или собака. Когда подросли дети, Мария Семеновна продолжала трудиться в плановых органах. В летнее время мы сажали огород. Она всегда старалась помогать мне в практической работе. Уход из жизни моей дорогой Марийки - это особо тяжелая, невосполнимая утрата для меня и всей нашей семьи.

Мы, ветераны — казахстанцы, проживающие в Москве, поддерживаем постоянную связь друг с другом, регулярно встречаемся, созваниваемся. В особых случаях, оказываем возможную помощь нуждающимся товарищам. Часто бываем в посольстве Казахстана в России, ставшим для нас родным домом, общаемся с его работниками и чувствуем их внимание. В частности, по указанию президента Республики Нурсултана Абишевича мы получаем газету «Казахстанская правда». Читаем ее, обмениваемся мнениями о положении дел, о фактах и событиях в районах и областях, где мы жили и трудились, тенденциях экономического и социального развития Казахстана.

Вместо заключения

Я с какой-то настороженностью воспринял курс на перестройку, озвученный тогдашним Генсеком М.С. Горбачевым. Действительно, созданный колоссальный материально-технический потенциал страны, настоятельная необходимость повышения эффективности производства и жизненного уровня народа требовали провести какое-то разумное обновление. Прежде всего, управления народным хозяйством, экономического механизма, демократических основ жизни общества. Да и сама Компартия нуждалась в серьезной переналадке внутрипартийной деятельности. Словом, экономические и социальные устои нашего общества объективно требовали перестройки. Как говорится, «свежая кровь» была необходима и политике, и экономике. Это сомнения не вызывало.

А вот в каком направлении и как вести переустройство жизни мало кто ведал. И сами тогдашние руководители страны этого толком не представляли. Отделывались общими рассуждениями и призывами. Размытость позиции, нерешительность, упоение властью дали возможность экстремистски настроенным «деятелям» в одночасье развалить великую державу — Союз Советских Социалистических Республик.

Возник какой-то трагизм души. Наши предки и наш народ, защитили свою многонациональную Великую Родину от многих нашествий. До глубины души обидно за то, что всего лишь три «человека» росчерком пера в Беловежской пуще повергли народы в страшный разрушительный катаклизм. К сожалению, и Генсек, и Правительство впали в политическую импотенцию и не воспротивились развалу страны. В итоге рухнуло политическое устройство, оборвались экономические связи, остановилось производство. Миллионы людей оказались безработными, резко упал жизненный уровень трудового народа. Вместо Родины единой — 15 разных государств!

Известно, что у разрушения нет будущего — только одни руины.

Вспоминаю как в обстановке начинавшегося распада и хаоса звучал голос президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева: перестроить Союзное государство на новых основах, создать прочный экономический союз, таможенное и торговое пространства, упорядочить межгосударственные отношения, обеспечить мир и согласие в Содружестве Независимых Государств. Хочется верить в то, что его разумные предложения по укреплению СНГ восторжествуют!

Не приемлю денационализацию государственной собственности, так называемую приватизацию. Народ метко окрестил ее «прихватизацией». Стоявшие у власти и ближе к ней обогатились и составили «новый класс» собственников. Многие предприятия раздробили на части, как теперь говорят, сегментировали. Заводы, фабрики погубили, рабочих в безработные отправили. Экономика «залегла». Товарооборот переключился на импорт. Бюджет пополняется с огромными усилиями. Задержки выплат пенсий, пособий, зарплаты в бюджетной сфере. В обществе идет активный процесс размывания коллективизма, взаимопомощи и уважения. Верх берет индивидуализм, отчужденность в отношениях между людьми. Бичем стали нарушения правопорядка и преступность.

Радости мало. Но не все окутано мраком. Меня, к примеру, радуют активно работающие статьи Конституций о политических и экономических правах и свободах, о гарантии этих прав и свобод граждан. Реально действует в политической жизни государств оппозиция, как противовес застою.

Все это только часть из того, что мы видим, чем возмущаемся и чему радуемся. Ростки нового обнадеживающего видятся. Печали и надежды людей в странах СНГ примерно однотипны. И в России, где я теперь живу, и в Казахстане — на моей родине, куда я наведываюсь и по велению сердца, и по приглашениям.

Памятным для меня стало участие в празднике по случаю 40-летия целины в апреле 1994 года. Основные торжества

состоялись в столице актюбинской целины — селе Комсомольском Богеткольского района. Около пятисот целинников — руководителей и специалистов хозяйств, механизаторов съехались на это торжество. За два дня мы непринужденно пообщались и от души наговорились. Приятное впечатление оставили встречи с бывшим начальником райсельхозуправления П.И. Клименко, директорами совхозов М. Валиулиным и С. Казыгуловым, именитым бригадиром М. Рюмшиным, главным агрономом райсельхозуправления Г. Топольским и другими. Выступая перед целинниками, я рассказал о их героическом подвиге, о том как начиналась, как крепла, как отблагодарила целина людей за их труд. Она укрепила у них идеалы добра, патриотизма, убежденности в правоте нашего общего дела. Она научила их подвигу, дружбе, моральному совершенствованию.

Гостей приветствовал глава администрации района Е.К. Есенбаев. Целинникам вручили подарки и приветственные адреса. Отблагодарили большим концертом. Звучали песни и музыка. А в гостевых юртах ветеранов целинной эпопеи угощали ароматным чаем, баурсаками, кумысом, бесбармаком.

Случались и другие поводы для встреч. В декабре 1997 года меня пригласил на 70-летие бывший секретарь обкома К. Нокин. Вместе с ним мы проработали более 13 лет. Знали друг друга. Его многолетний опыт производственника, руководителя — партократа, достойного гражданина Республики Казахстан вложен в развитие аграрного сектора экономики области.

В июне 1998 года участвовал на семейном торжестве по случаю 60-летия бывшего первого секретаря Мугоджарского райкома партии К.З. Алишева. Я в предыдущих главах уже говорил о нем. Добавлю лишь некоторые штрихи. Во время работы директором совхоза и 1-м секретарем нам приходилось «сдерживать» его от излишней предприимчивости. Чувствовалось, что ему тесно в корсете плановых заданий и

цифр.

В переходное время он обрел свободу действий. Стал предпринимателем. Заимел свое дело, создал совместное предприятие. Закрепил союз с наукой. Опубликовал 40 научных работ, в их числе монография «Актюбинские полугрубошерстные овцы». Защитил докторскую диссертацию. Является автором новой казахской полугрубошерстной породы овец. Все это достигнуто огромным напряжением мысли и духа.

Довольно колоритный портрет. Его расхожая фраза: теперь видно — кто есть кто. Сказано в пику неудачникам, не нашедшим своего места на крутом изломе общественного развития независимого Казахстана. А вся его жизнь тесно сплетена из горечи и радости, которые как чаши весов попеременно колеблются вверх и вниз.

Каждый раз, приезжая в Актюбинск, бываю в областном совете ветеранов. С интересом встречался с членами совета, ветеранами войны и труда. Обменивались мнениями, выражали свое видение злободневных проблем развития общества. Приятно беседовали и предавались воспоминаниям с председателем совета Михаилом Емельяновичем Миловым. Он много лет руководил Алгинским райкомом. Завершал трудовую жизнь первым заместителем председателя облисполкома. Никогда не кривил душой, покорял своей открытостью, принципиальностью и объективной самокритичностью. Курировал торговлю, службу быта — отрасли, прямо влиявшие на настроения людей, добивался сопряженности их с житейскими заботами и нуждами людей. Ушел из жизни скоропостижно. Помню и чту его!

После него совет возглавил Асангали Шинбаев, бывший завотделом пропаганды обкома и ответсекретарь облисполкома, добряк по натуре. Инвалид войны. Его отличали личная скромность, развитое чувство ответственности. Демократический склад характера. В разговоре с ним всегда чувствовалась озабоченность и сопереживание к

неустроенности быта ветеранов. Многим помог найти свою нишу в послетрудовой жизни, «загружал» посильными общественными поручениями.

В последние приезды делами в совете заправлял Амантай Алипов. В прошлом прекрасный хозяйственник, много лет руководил Новороссийским и Мартукским райисполкомами. Человек энергичный, знаток сельской жизни. Нетерпим к порче и порухе в производственных делах и обслуживании населения. И от всех требовал того же. Умел поддать «жару» нерадивым. Оптимист по натуре, предан ветеранскому товариществу. Могу сказать, что названные мною руководители ветеранской организации — люди трудной судьбы. Они добросовестно отстаивали интересы бывших воинов и участников трудового фронта.

Памятны встречи с главами администраций, акимами области и города (аким в переводе с казахского - глава). Интересны и откровенны были встречи с акимом области Асланом Есбулаевичем Мусиным. Руководит областью с сентября 1995 года. Настойчиво и с глубоким пониманием направляет ее развитие в переходный период на основе рыночной системы и демократизации общественно-политической жизни. Глубоко и творчески владеет сложившейся обстановкой. Хорошо обозначил стратегические цели и направления движения, знает экономику и повседневные проблемы, с которыми сталкиваются люди в будни и праздники.

В своей ориентации сосредоточился на кардинальных задачах: улучшении жизни людей во всех ее спектрах; обретении энергетической независимости области; обеспечении нормального функционирования всех отраслей экономики; разумном использовании природных ресурсов.

Многое получается. Правда, с большим напряжением. В областном центре построили газотурбинную электростанцию «Актурбо». На нефтепромысле «Жанажол» ввели такую же электростанцию, работающую на попутном газе.

Реконструировали Актюбинскую ТЭЦ. В итоге обеспеченность собственной электроэнергией подняли до двух третей от потребности.

В ноябре 1998 года при огромном стечении людей состоялось торжественное событие — ввод в строй газопровода Жанажол-Актобе, протяженностью 232 километра. На митинге выступил президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев. Поздравил всех с большой трудовой победой. Наградил орденами и медалями отличившихся. Потребности по газу закрыты на 63 процента. Более 400 тысяч жителей или более половины обеспечиваются своим газом. Это и надежнее, и дешевле, и выгоднее во всех отношениях.

Набирает темпы малое и среднее предпринимательство. Имеет тенденцию к росту и внешнеэкономический оборот. Завоевано доверие зарубежных инвесторов. Растут вложения в развитие экономики.

Преодолеваются социальные проблемы. Безработица пусть медленно, но все-таки рассасывается. В основном своевременно выплачиваются пенсии и заработная плата бюджетникам. Можно назвать и другие события и подвижки, вызванные к жизни на экономическом интересе.

Аслан Есбулаевич патриотично заботится об актюбинцах. По моему видению у него это получается. Судьба одарила его умом, настойчивым и целеустремленным характером, обостренным чувством долга и усердием. Все свои силы и способности отдает процветанию родной области. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, знакомясь со строительством газопровода Жанажол-Актобе сказал: «Нелегко, но мы строим свою новую экономику. И чем больше в государстве будет таких умных, энергичных людей, как аким области Аслан Мусин, тем скорее достигнем поставленной цели!»

В команде акима области завоевал хорошее впечатление его Первый заместитель В.В. Супрун. В 1984 году по нашей просьбе союзное министерство как классного специалиста направило

его в область на Чилисайский фосфоритный рудник. Будучи главным технологом, ведущим горным инженером, внес большую лепту в освоение производства фосфоросодержащих удобрений. Затем Виктор Васильевич стал первым замом главы администрации Октябрьского района. После возглавил Алгинский район в качестве акима. Обрел богатый опыт производственника и руководителя. В областной администрации курирует основу жизни — экономику. Ему «отданы» транспорт, энергетика, малое и среднее предпринимательство, где уже трудится более 52 тыс. человек (около 30% всех рабочих). Успешно «тянет» это во многом неизведанное бремя. В целом человек основательный, дееспособный и надежный.

Обращает на себя внимание своей активной позицией аким областного центра - города Актобе Е.Н. Сагиндыков. Помню его еще по обкому партии. Курировал он профтехобразование. Энергичный, думающий, оперативный и деловой. Затем возглавлял облуправление профтехобразования. Именно с ПТУ он начал свою трудовую биографию. Руководил отделом пропаганды обкома. Выдвинули заместителем министра образования Республики. После — возврат на родную землю в качестве заместителя главы обладминистрации.

Обогатившись министерским опытом, столичной духовностью с ее взглядами, хабарами и пересудами, Елеусин Наурызбаевич начал с «чистого листа» акимство в городе. Педагог и инженер по образованию, крепкий администратор и хозяйственник. Его отличает компетентность и гражданская позиция. Мыслит на перспективу. Занят целиком облагораживанием облика города, созданием необходимых условий для жизни людей. Взят верный акцент на улучшение архитектурно-эстетического оформления в духе современного градостроительства, обустройство площадей, парков и скверов. В значительной мере упорядочены коммунальная служба и транспортное обслуживание. Приятно было услышать, что

горожане обеспечиваются теплом, водой, электроэнергией, газом и другими жизненными благами.

Тем не менее, руководители сетуют на трудности, вызванные финансово-экономическим кризисом. Отсюда велики сложности по собираемости налогов и исполнению доходной части бюджета. Беспокоит задолженность населения по коммуникальным платежам. Решается все это в больших трудностях. И тем не менее, в области не наблюдалось каких-либо потрясений, сохраняется стабильная обстановка.

Видимо, трудности экономического характера не позволяют руководству заняться устройством системы полива зеленых насаждений в областном центре. Ведь строительство Актюбинского водохранилища предусматривало эту цель. Тогда Актобе стал бы еще краше и уютнее.

Я искренне благодарен руководителям области и города за их приглашение в связи с моим 85-летием. Побывал на некоторых предприятиях и в организациях. Приятно был удивлен, когда 16 января 1999 года они меня пригласили съездить в «одно место». Едем. Смотрю, подъезжаем к дому, в котором я жил все годы. Вижу группу своих товарищей и жильцов дома. Люди заговорили, последовали выступления. И когда сняли покрывало, перед моим взором предстала памятная доска с надписью: «Улица им. В.А. Ливенцова». Переименовали улицу Перова в мою честь. За такое внимание я искренне благодарен акимам области и города.

Завершили день моего рождения теплой доброжелательной встречей с секретарями райкомов, председателями райисполкомов, руководителями областных организаций и ведомств, с которыми много лет трудился. В разговорах переплелось прошлое с настоящим: одобрение с неприязнью, пожелания здоровья мне юбиляру и моим соратникам по партии, по совместной деятельности. Меня одели в казахский чапан, расшитый национальным орнаментом. Несколько раньше мне присвоили звание «Почетный гражданин города

Актюбинска». Подобные встречи волнительны и незабываемы.

Под конец еще об одном важнейшем событии. В августе 1993 года скоропостижно скончался Динмухамед Ахмедович Кунаев — крупный государственный и политический деятель, выдающийся организатор, ученый. Просто — великий Человек казахского народа, достойный Гражданин своего Отечества, подлинный интернационалист и истинный поборник дружбы народов. Эту трагическую весть я воспринял с болью душевной. Ушел из жизни мой Кумир, мой Идеал человека, которого ценил и любил за его порядочность, гуманность, энциклопедические знания, эрудицию, обаяние и уважение народных традиций. Динмухамед Ахмедович — сын своего времени, нашей советской эпохи. Он оставался преданным ее идеалам и после выхода на пенсию. Ей он посвятил всего себя без остатка. Он нашел в себе мужество признать промахи и недостатки в развитии прежней системы и высказаться в поддержку демократизации общества.

Я об этом говорю к тому, что находятся «деятели», которые пытаясь нажить политический капитал, стремятся огульно очернить этого славного сына казахского народа. Как- то в марте 1987 года в Москве прочитал в «Актюбинском вестнике» отчет о пленуме обкома партии, обсуждавшем проблемы и задачи кадровой работы.

Вызвали удивление оценки роли Д.А. Кунаева, которые изложил в докладе тогдашний 1-й секретарь Ю.Н. Трофимов. Ссылаясь на выступление первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Г.В. Колбина на пленуме ЦК, он попытался обосновать причины выступлений учащейся молодежи в Алма-Ате в декабре 1986 года. Цитирую: «... Это стало возможным в результате грубых извращений ленинской кадровой политики, насаждения родовых отношений, проявления вседозволенности, откровенного попирательства норм партийной жизни, неприкрытого самолюбования со стороны бывшего 1-го секретаря ЦК КП Казахстана Кунаева Д.А.».

И далее: «... со стороны бюро ЦК, членом которого был и я, лично Кунаева Д.А. проявлялось потворство и бесконтрольность, повлекшие за собой большой и экономический, и социальный, и моральный урон».

Позволительно спросить, в чем конкретно выразился этот «всеохватывающий урон»? Где факты и их доказательность? Их нет! А общие конъюктурные рассуждения звучат фальшиво, пакостно.

А ведь Трофимов лебезил перед Кунаевым, будучи членом бюро и секретарем ЦК КП Казахстана, восхвалял его. А на другой день, когда избрали другого первого секретаря ЦК, стал обливать его грязью. Спрашивается, когда он говорил правду? Как его после этого называть! Это похоже на «флюгер» с неурядицей в мыслях и взглядах. Все это выглядит кощунственно и оскорбительно по отношению к Человеку, которого народ глубоко чтит и уважает!

Поддавшись оценкам докладчика и не устояв под напором поручений, эту мелодию повели и некоторые члены обкома. Редактор областной газеты «Коммунизм жолы» Н. Телеуов, предоблсовпрофа Д.К. Кульшаров, 1-й секретарь Карабутакского райкома И.С. Исбулатов, 1-й секретарь Фрунзенского райкома г. Актюбинска Ж.С. Тунгатаров обвиняли ЦК за ослабление борьбы с бесхозяйственностью, развал кадровой работы, насаждение местничества, угодничества и подхалимства. По их мнению, Д.А.Кунаев нанес республике серьезный не только экономический, но и нравственный урон, сколотив вокруг себя карьеристов, протекционистов. Это же оскорбительная неправда!

И тут же бросали камни в адрес прежнего руководства обкома партии. Новому руководству хотелось нокаутировать прежнее, хоть чем-то высветлить себя. У нас как-то сложилось так: если хвалят, то взахлеб, если критикуют, то вдребезги.

Моя позиция: критиковать нужно и должно. Но в этом наилучшее — мера. Это — правдивость, конкретность,

открытость и убедительность. Разве справедливо взять все множество политических терминов и оценок, нанизать их в одну связку и обвинить одного человека во всех грехах. У этих критиков как у плохой мельницы — грохота много, а муки мало.

Для меня Кунаев всегда человечен, великий и мудрый. Его жизнеописание ждет своего часа, ждет своего исследователя. История поставит все на свои места. Не следует учить историю, а вот учиться у истории надо всегда. Динмухамед Ахмедович — честь и совесть Советского Казахстана. В него верили, им гордились. Этот великий Казах заслужил, чтобы его легендарное имя было записано золотыми буквами в бессмертную книгу истории Казахстана.

Свою книгу «От Сталина до Горбачева» Кунаев закончил добрыми пожеланиями своим соотечественникам и друзьям:

«.. Сплоченности. Дружбы. Реалистичности. Миролюбия. Бескорыстия. Вдумчивой, энергичной, а главное — результативной работы.

... Счастья Вам, родные мои люди, казахстанцы! »

Присоединяю свой голос к этим душевным и замечательным пожеланиям.

В заключение хочу сказать, мы — поколение своей героической эпохи. Мы создали Союз Советских Социалистических Республик! Мы преодолели экономическую и культурную отсталость и превратили свою Родину в Мировую Державу, оседлавшую космос и ядерную энергию. Мы создали условия для жизни людей. Советские люди одержали величайшую Победу над германским фашизмом в самой кровавой и жестокой мировой войне. Все это досталось ценой героических усилий, небывалых трудностей и лишений.

Единство, великая дружба, патриотизм народов нашей многонациональной страны — главные слагаемые всех наших всемирно - исторических Побед!

Теперь все это позади. Пришло время ломки старого, то есть нашего героического советского прошлого. Режут по живому.

Говорят: ломать не строить, сердце - не болит. Неправда: болит и сильно. Сейчас большинство людей бедствует. Главное теперь помочь им преодолеть нужду, вселить в них надежду и уверенность в завтрашнем дне, в верности избранного пути. Надо беречь и решительно укреплять нашу Родину, поднять экономику и жизненный уровень народа. Важно усилить патриотическое воспитание молодежи. Искоренить преступность, коррупцию, навести порядок везде и во всем. Забота о народе, о каждом человеке - это главное. Во имя этого должны трудиться все. Во имя этого надо жить и активно действовать!

СОДЕРЖАНИЕ

Родословная. Детство и юность 5

Годы студенческие 23

Молодой агроном на полях... Облземотдел 33

Шла Война народная... 51

Переход на в партаппарат — поворот в судьбе 56

Здравствуй, Яик-река! Приуралье 84

Заря целинный эпопеи.
П.К. Пономаренко и Л.И Брежнев 92

Освоение целины — подвиг всенародный 122

В столице целины - Акмолинске 129

И снова Алма-Ата 140

На родине великого акына 150

Край хлопка, садов и винограда 157

Опять на Запад... Актюбинск 233

В Москве 366

Вместо заключения 370

В своих воспоминаниях автор Герой Социалистического Труда, бывший депутат Верховного Совета СССР ряда созывов, рассказывает о трудовом и ратном созидании нашего народа. Освещает наиболее значимые события в развитии экономики и культуры Советского Казахстана. Размышляет об истоках мужества и героизма советских людей. Раскрывает роль партийного руководства, дружбы народов, советского патриотизма как основных факторов прогресса социалистического общества. Называет многих работников, с которыми трудился в свое время.

Сдано в набор 1.09.1999 г. Подписано в печать 24.12.1999 г.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. 27,5 усл. печ. листов.
Тираж 1000

г. Актобе ОАО «Полиграфия»
ул. Рыскулова, 190